

КЕЙТ ЛАУМЕР

КЕЙТ ЛАУМЕР

БИБЛИОТЕКА
ПОПУЛЯРНОЙ
ЗАРУБЕЖНОЙ
ФАНТАСТИКИ

1

БИБЛИОТЕКА
ПОПУЛЯРНОЙ
ЗАРУБЕЖНОЙ
ФАНТАСТИКИ

КЕЙТ ЛАУМЕР

1

ЖИЛ-БЫЛ ВЕЛИКАН

■
ДЬЯВОЛ, КОТОРОГО
ВЫ НЕ ЗНАЛИ

■
ПОХИТИТЕЛИ
ВО ВРЕМЕНИ

■
ЧУЖОЕ НЕБО

■
РАЗУМ ВНЕ ВРЕМЕНИ

■
БЕРЕГ ДИНОЗАВРОВ

— Дом
Фирми —
5

Москва 1991

Лаумер Кейт.
Л 28 Избранное. Библиотека популярной зарубежной фантастики. Том первый, СП «Дом Бируни», 1991, 307с.
ISBN 5-87712-001-8

Издание подготовлено при участии МП «Антиква».

В первый том «Библиотеки популярной зарубежной фантастики» включены произведения известного американского фантаста К. Лаумера: романтическая повесть «Жил-был великан», сборник рассказов «Следы во времени» и, пожалуй, лучший его роман «Берег динозавров».

Настоящий том является первым на русском языке собранием произведений этого автора.

Для творческой манеры писателя характерны мягкий юмор и внимание к нравственным аспектам человеческого падения.

Л $\frac{4701000000-001}{Г36(03)-91}$ Без объявления

84.7

ISBN 5-87712-001-8

© СП «Дом Бируни»
1991

ЖИЛ-БЫЛ ВЕЛИКАН

На расстоянии в полмиллиона миль Вэнгард был похож на шар из серого чугуна, желтовато-белый на освещенной половине, угольно-черный — на противоположной. Вдоль терминатора тянулась ржаво-красная полоса. Горные хребты напоминали спутанные космы черных волос, веером расходясь с белых мгlistых полюсов и покрывая почти всю поверхность планеты.

Я следил за тем, как изображение на эркане становилось все более четким, до тех пор пока не появилась возможность сравнить его с изображением на навигационной карте.

Только после этого я сорвал пломбу и послал в эфир свой «Мэйдэй» — сигнал бедствия.

— Дядюшка-король 629! Всем, всем, всем! Я в опасности! По аварийной траектории приближаюсь к Р-7985-23-Д, но шансов очень мало. Координаты: 093 плюс 15 при 19-0-8 стандартного! Жду указаний, и, если можно, побыстрее! Все станции, прием!

Я включил автоматический маяк, который тут же принялся выплевывать в пространство мой призыв по тысяче раз в миллисекунду, а сам тем временем переключился на прием и выждал сорок пять секунд. Это как раз столько, сколько нужно гиперсигналу, чтобы достигнуть излучательной станции возле Кольца-8 и привести его в действие.

Все произошло точно, как по расписанию. Прошло еще с полминуты, и моей спины как будто коснулся чей-то холодный палец. Затем голос, который, казалось, был недоволен тем, что его разбудили, произнес:

— Дядюшка-король 629, с вами говорит Мониторная станция Зет-448, качество приема три на три. Вам запрещается, повторяю, запрещается посадка на планету. Доложите подробно о том, что произошло.

— Перестаньте городить чепуху! — довольно-таки резко отозвался я. — Я скоро поцелуюсь с этим булыжником, и только от вас зависит, насколько крепок будет этот поцелуй. Сначала посадите меня, а уж делами мы займемся потом!

— Вы находитесь в территориальной зоне карантинированного мира пятого класса. Существует официальный навигационный запрет приближаться...

— Довольно умничать, 448! — отрезал я. — Семьсот часов назад я вылетел с Доби со спецгрузом на борту! Может быть, вы думаете, что я нарочно выбрал эту дыру для посадки? Мне нужны технические указания по посадке, и нужны немедленно!

Теперь снова небольшое ожидание. Мой собеседник, казалось, уже говорил сквозь зубы:

— Дядюшка-король, передайте данные бортовых систем.

— Непременно, непременно. Но только шевелитесь там побыстрее, — я постарался придать голосу выражение взволнованности и нажал несколько кнопок, в результате чего он получил в свое распоряжение данные приборов, которые будут неопровержимо свидетельствовать, что положение мое еще хуже, чем я его себе представляю. И в этих данных подделки не было ни на грош. Я постарался на совесть, чтобы эта посудина поднялась в космос последний раз.

— Все в порядке, Дядюшка-король. Вы слишком поздно подали сигнал бедствия. Теперь вам придется катапультировать груз и действовать в следующей навигационной последовательности...

— Я же, кажется, ясно сказал — у меня на борту специальный груз! — заорал я в ответ. — Категория десять! По контракту с медицинской службой Доби! Я везу десять анабиозных камер!

— Послушайте, Дядюшка-король, — отозвалась станция. Теперь голос стал, вроде, менее уверенным. — Я так понимаю, что у вас на борту десять живых людей, видимо, пострадавших, и они находятся в анабиозе. Подождите, — снова пауза. — Да, нелегкую задачку вы мне подкинули, 629, — добавил голос, став окончательно похожим на человеческий.

— Да, — ответил я, — но все равно, нужно поспешить. Булыжник-то все ближе и ближе.

Я сел и принялся слушать, как перешептываются звезды. А в полутора световых годах от меня привели в действие станционный компьютер, который тут же принялся пережевывать посланные мною данные и вот-вот выплюнет ответ. А между тем сообразительный парнишка-дежурный заодно проверит и мою версию. Это хорошо. Мне только того и надо. Моя легенда непробиваемая. Пассажиры, лежащие в грузовом отсеке, были шахтерами, получившими тяжелейшие ожоги при взрыве на Доби три месяца назад. Доби был суровым небольшим мирком, на котором почти не было никаких возможностей для лечения.

Если я доставлю их в сносном состоянии в медицинский центр на Республике, то получу сорок тысяч. Предстартовые инспекционные данные, равно как и маршрут полета, были представлены на рассмотрение станции, а из них следовало, что самой экономичной траекторией была та, что проходила мимо Вэнгарда, и любой мало-мальски смыслящий оператор проложил бы ее именно так. Все это следовало из моих данных. Я был абсолютно чист — просто жертва стечения обстоятельств. Теперь их очередь ходить. И если мои расчеты хоть чего-то стоили, то сходить они смогут только так, как нужно мне.

— Дядюшка-король, ваше положение более серьезно, — наконец возвестил мой невидимый консультант. — Но я могу предложить вам приемлемый вариант спасения. Можно ли отделить ваш грузовой отсек? — он сделал паузу, а потом продолжил:

— Вам нужно снизиться, затем ввести грузовой отсек в атмосферу на крыльях. После этого у вас останется всего несколько секунд для того, чтобы оторваться и уйти. Понятно? А сейчас я передам вам необходимые данные.

И в память моего корабля полился поток чисел, которые тут же автоматически записывались и вводились в систему управления.

— 448, вас понял, — ответил я, когда поток информации иссяк. — Но, посудите сами, ведь внизу совершенно дикая местность. А если холодильное устройство при падении будет повреждено? Может, мне лучше все-таки остаться и попробовать сесть вместе с грузом?

— Это невозможно, Дядюшка-король! — голос потеплел на несколько градусов. Ведь как-никак я все же был отважным, хотя и мелким торговцем, твердо решившим исполнить свой долг до конца, даже если это может плохо кончиться. — Честно говоря, даже то, что вам предложено — крайность. И ваш единственный шанс, и вашего груза тоже, кстати, — неукоснительное соблюдение моих инструкций!

Добавлять, что неподчинение навигационным распоряжениям мониторинговой станции является настоящим криминалом, он не стал. Да и ни к чему было. Я знал это и рассчитывал на это.

— Что ж, полагаюсь на вас. На грузовом контейнере имеется навигационное устройство, — я позволил себе небольшую паузу, без которой бедному, но честному космическому торговцу с его умственной медлительностью было просто невозможно прийти к простейшему умозаключению, а затем выпалил: — Но послушайте! Сколько времени понадобится вашим парням, чтобы добраться сюда на вспомогательном судне?

— Оно уже отправлено. Полет займет... что-то около трех часов.

— Но ведь это больше двенадцати стандартных дней! А если морозильная установка разобьется, изоляция не удержит концентрацию кислорода на нужном уровне! А... — еще одна пауза, необходимая для того, чтобы сформулировать следующее самоочевидное соображение. — А что же будет со мной? Как же я сам продержусь там, внизу?

— Давайте сначала окажемся там, внизу, капитан.

Из голоса улетучилась часть симпатии ко мне, правда, небольшая. Даже герою позволительно проявить небольшую заботу о себе, после того как он позаботился о благополучии отходящих войск.

Разговор продолжался еще некоторое время, но в принципе, все главное было уже сказано. Я следовал указаниям, делал то, что мне было сказано, не более и не менее. Примерно через час все, кто смотрит трехмерные программы в Секторе, будут знать, что беспомощный госпитальный корабль находится на поверхности Вэнгарда и жизнь десяти или одиннадцати, если считать меня, человек висит на волоске. После этого я окончательно проникну сквозь оборонительные линии своего подопечного, готовый приступить к фазе номер два.

На высоте десяти тысяч миль появился звук: печальный вой одиноких молекул воздуха, расщепляемых тысячетонной тушей престарелого бродяги-торговца, входящего в атмосферу на слишком большой скорости, под неправильным углом и без тормозных двигателей. Я принялся наигрывать мелодию на том, что осталось от рулей высоты, разворачивая корабль хвостом вперед, приберегая остатки топлива до того момента, когда они мне больше всего пригодятся. И когда я и мой корабль достигли точки, которая мне была нужна, мне оставалось осилить всего-навсего восемь тысяч миль гравитации. Я еще раз сверился с пультом управления, прикидывая будущий район посадки, а тем временем корабль двигался и бился подо мной, издавая стоны и рычание, как дикий зверь, которого ранили в брюхо.

На высоте в двести миль включились главные двигатели, и вся кабина осветилась мерцающим красным светом, появившимся у меня в глазах.

Я почувствовал себя жабой, угодившей под сапог.

Это продолжалось достаточно долго, так что я успел отключиться и вновь прийти в себя не менее шести раз. Затем внезапно корабль перешел в свободное падение, и у меня в запасе остались уже считанные минуты, вернее, даже секунды.

Положить руку на рычаг катапультирования грузового отсека оказалось ничуть не труднее, чем, скажем, поднять накопальню по веревочной лестнице. Я почувствовал толчок, воз-

вестивший, что грузовой отсек отделился от корабля. После этого я занял соответствующее положение, опустил противоударное устройство и набрал полную грудь затхлого корабельного воздуха. Палец мой коснулся кнопки катапультирования пилота. Тотчас же прямо по голове меня ударил десятитонный пыльный мешок, и я провалился в мир иной.

* * *

Я медленно всплыл на поверхность бескрайнего черного океана, где дурные сны стали медленно отступать, и им на смену пришли чуть приукрашенные светом размытые картины полубессознательности, так что я успел заметить похожие на акульки зубы горы, окружавшие меня со всех сторон.

Вершины их были укрыты вечными снегами и бесконечные ряды гор исчезали за далеким горизонтом.

Потом я, должно быть, снова отключился, потому что в следующий момент я увидел перед собой только один пик, несущийся мне навстречу, как взбесившаяся волна. Когда я очнулся в третий раз, я уже стремительно спускался на парашюте, несясь к чему-то, что было похоже на широкое поле застывшей лавы. Потом я разобрал, что это листва, темно-зеленая, густая, стремительно надвигающаяся. Времени у меня на этот раз хватило только на то, чтобы заметить, как засветился зеленым светом сигнал пеленгатора грузового отсека, возвещая, что груз приземлился целым и невредимым. И тут в глазах у меня снова померкло.

Когда я очнулся, мне было холодно. Это было первое мое сознательное ощущение. Вторым была головная боль. А вообще-то болело все тело. Некоторое время я составлял в уме завешание, по которому единственным моим наследником становилось общество эвтаназии, потом выпутался из креплений, раскрыл капсулу и вполз в то, что любитель прогулок назвал бы живительным горным воздухом. Я сверил все мои боли и неприятные ощущения и понял, что кости и суставы целы.

Тогда я включил термостат своего скафандра на обогрев и почувствовал, что тепло мало-помалу просачивается в тело.

Я стоял на сосновых иглах, если только бывают сосновые иглы трех футов в длину и толщиной с палочку для помешивания коктейлей, которые образовывали упругий ковер, сплошь покрывавший землю у подножия деревьев, толстенных, как дорические колонны, и уходящих вершинами в темно-зеленые сумерки крон. В отдалении между стволами я заметил белые

ответы островков снега. Было тихо, совершенно тихо, ни малейшего движения ветвей над моей головой.

Приборы скафандра сообщили мне, что давление воздуха составляет шестнадцать фунтов на один квадратный дюйм, содержание кислорода — 51%, температура воздуха — 10 градусов по Цельсию, как мне и обещали.

Из данных локатора следовало, что мой груз опустился милях в ста на северо-запад от того места, где я стоял сейчас. И, насколько я мог судить по показаниям разных штук, имеющих в пряжке моих хитроумных доспехов, все приборы там работали нормально. И если информация, которую я получил, была столь же добротна, сколько за нее уплачено, я находился в десяти милях от того места, куда собирался попасть, примерно в полудневном переходе от пристанища Джонни Грома. Я включил энергопривод своего скафандра, сверился с компасом и отправился в путь.

Слабое притяжение делало ходьбу неутомительной даже для человека, буквально измочаленного несколькими тысячами миль атмосферы. Да и скафандр, сидевший на мне, тоже был хорошим подспорьем. Хотя по нему этого никогда не скажешь, но он обошелся мне примерно во столько же, во сколько обошелся бы роскошный отпуск на одном из этих родиевостеклянных миров с управляемым климатом и великолепными оргиями, проходящими при резкой перемене температур. Кроме стандартных устройств, регулирующих состав воздуха и температуру, а также сервоустройства, позволяющего мне сейчас идти без неприятных ощущений при ходьбе, скафандр был еще оборудован всеми рефлексными цепями и усилителями реакций, какие только были известны черному рынку. Среди этих хитрых штучек было несколько и таких, на которые ребята из отдела безопасности Лиги были бы непрочь наложить лапы. Один метаболический монитор чего стоил!

Идя по компасу, я постепенно поднимался по склону и примерно через час добрался до линии вечных снегов. Деревья тянулись еще на несколько тысяч футов, и край леса был как раз там, где начинался совершенно морской голубизны ледник.

Здесь я впервые увидел небеса Вэнгарда: они были темно-голубые, а над снежными пиками принимали фиолетовый оттенок, как бы оттеняя величественных владык этого мира.

После часа ходьбы я сделал привал, дал себе питательный раствор и несколько глотков воды. Потом немного послушал, как мимо меня, шелестя секундами, уносились в небеса Вечность.

Я представил себе, как корабль с колонистами, странствовавший девять долгих лет в безбрежном пространстве, о ко-

тором знали тогда, на заре космической эры, меньше, чем в свое время знал Колумб об Америке, полурухнул — полуопустился на поверхность этой планеты. Я представил, как они впервые выходят из корабля и попадают в величественное молчание этого холодного мира — мужчины, женщины и, возможно, дети — зная, что для них никогда не будет возврата. Я представил себе их, оказавшихся лицом к лицу с безысходностью своего положения, и все же продолжавших жить. Да, это были мужественные люди, в наше время подобного мужества уже не встретишь. Люди теперь стали совсем иными — такими, как я. Те принадлежали к мужественному племени пионеров, покорителей границ, были полны несбыточных надежд, целеустремленны и питали большое доверие к будущему.

Во мне же были только качества городского хищника, расчетливость, крысиная отвага, и жил я только сегодняшним днем.

— Это все тишина, — вслух сказал я. — Она действует мне на нервы.

Но собственный голос показался мне маленьким и ничтожным на фоне этой величественной тишины. Я поднялся на ноги и направился к следующему хребту.

* * *

Часа через три солнце все еще пребывало на прежнем месте, там, где сходились кроны, то и дело просачиваясь своими холодными лучами сквозь чашу леса и освещая ржаво-красные иглы. Я легко, как птица, покрыл уже сорок километров. Нужно мне место было теперь недалеко. Несмотря на слабое притяжение, я уже начал испытывать чувство легкой усталости, хотя сложные устройства моего скафандра вдвое облегчали мои усилия, а автомед регулярно впрыскивал мне в руку стимулятор. Зато хоть в этом мире мне повезло. Дома, после подобного приключения, мне бы пришлось провести на больничной койке недели две как минимум. Я утешал себя этой мыслью, прислонившись к дереву и вдыхая обогащенную воздушную смесь, прописанную мне скафандром. Приятные мысли вообще были прекрасным средством от начинающих понемногу появляться у меня перед глазами искорки. Я все еще блаженствовал, когда вдруг услышал звук...

До чего же, однако, несколько часов, проведенных в абсолютной тишине, могут изменить отношение человека к звукам. А ведь услышал я всего-навсего смутный, далекий зов, похожий на призывный крик какой-нибудь птицы, ищущей

свою подругу. Но он заставил меня отшатнуться от дерева так, словно оно в мгновение ока раскалилось докрасна, и встать, пригнувшись, напряженно пытаюсь определить возможную природу этого звука. А он тем временем стал громче, значит, и ближе, причем скорость его приближения ко мне свидетельствовала о бесплодности каких-либо попыток ретироваться. Я огляделся в надежде найти подходящее для укрытия дерево, но все они, похоже, уже с самого рождения были старыми — самые нижние ветви находились на высоте не менее пятидесяти футов от земли. Единственным укрытием для меня могли бы послужить несколько тысяч стволов. Но какое-то чувство подсказало мне, что опасность, какова бы она ни была, лучше встретить лицом к лицу на открытом месте. Во всяком случае, мы увидим друг друга одновременно. Я чувствовал, что это что-то живое и что оно питается мясом — это подсказывал мне еле слышный безапелляционный голос моего древнего предка. Я сделал кистью руки движение, которое бросило мне в ладонь рукоятку запрещенного законом небольшого кратерного пистолета и стал ждать, а зов все приближался и приближался, становясь все громче и мучительнее, как зов овцы, страдающей от неразделенной любви, как рев отвергнутого подругой быка, как стон гибнущего лося. Теперь до меня доносился и топот огромных лап, переставляемых с такой скоростью, что и при местном притяжении можно было составить представление о габаритах их обладателя. И наконец оно появилось из-за деревьев, полностью подтвердив все худшие опасения моего пра-пра... Это была не собака, не гиена даже, а то, чем была бы гиена, если бы рост ее в холке достигал семи футов, если бы лапы у нее были толщиной с мое бедро в самом узком месте, голова — величиной с кабину одноместного геликопта, а челюсти такие, что она могла бы в них спокойно нести человека, как ученый пес несет домой вечернюю газету. И, возможно, эта последняя мысль только и удержала меня от того, чтобы нажать на спуск. Чудовищный пес резко замедлил свой бег, подняв в воздух тучу хвои, взвыл последний раз и предъявил мне почти ярд красного языка. У него была гладкая коричневая с черным шерсть, большие зубы — но никак не больше шести дюймов от основания до верха — и ярко-черные, небольшие, величиной со слоновьи глаза с красными полукружьями внизу. Он медленно приблизился, как бы желая разглядеть то, что сейчас будет есть. Я слышал, как при движении хрустят его суставы. При каждом шаге его футовой толщины лапы глубоко утопали в покрытой хвоей земле. Я ощутил, что колени мои мелко дрожат, а волосы стоят дыбом. Теперь чудовище было от меня всего в десяти футах, и я видел, как от его дыхания колеблются края его

ноздрей, в каждую из которых свободно вошел бы мой кулак. Я твердо знал, что если он приблизится еще хоть на шаг, я нажму спуск.

— Лежать, малыш! — выдавил я из себя, как мне показалось, решительным тоном приказа.

Он остановился, убрал, а затем снова вывалил язык, потом бережно опустил на землю свою задницу, как старая дева, сажающаяся в любимую машину. И вот теперь он сидел и смотрел на меня, а я смотрел на него. А пока мы были заняты этим, появился сам великан.

Он приблизился почти бесшумно, появившись среди деревьев. Я заметил его, только когда он был не дальше пятидесяти футов — ведь ростом он был в два раза выше обычного человека, и ничего больше. Просто очень высокий человек с невероятным размером обуви.

Но при этом забываешь, что при двойном росте он заслоняет в четыре раза больше неба, наклонившись над тобой, что на себе он носит в семь раз больше мяса и костей. При земном притяжении он весил бы верных тысячу шестьсот фунтов. Здесь, на этой планете, он весил не более полутонны, но даже при этом каждая из его ног несла на себе по пятьсот фунтов. У него были толстые, увитые мышцами ноги, которые были под стать рукам, груди и шее, похожей на кусок дубового ствола, поддерживающей голову. Но, несмотря на всю его массивность, в фигуре его не было никакой диспропорции. Если бы его сфотографировать так, чтобы на снимке невозможно было представить масштаб, он выглядел бы как обычный мистер — Покоритель Вселенной, стройный, сильный, с хорошо развитой мускулатурой и больше ничем особенным не выделяющийся. У него были черные, курчавые волосы, подстриженные неровно, но довольно сносно для человека, живущего вдали от парикмахеров. Он носил бородку. Под густыми, черными бровями прятались светло-голубые глаза. Кожа его была выдублена непогодой. У него были правильные черты лица, и если вам нравятся лица в стиле «Зевс-Посейдон», то вы могли бы назвать его даже симпатичным. Все это я рассмотрел, пока он приближался ко мне, двигаясь настолько же легко, насколько тяжело передвигался его пес. Он остановился рядом с ним и беззаботно потрепал его по голове ладонью размером с добрую лопату, разглядывая меня. Тут я на какой-то миг вновь почувствовал себя ребенком, снизу вверх глядящим на мир взрослых, словно Гулливер в стране великанов. Мысли теснились в моей голове, приобретая призрачные образы миров, полных тепла и любви, — смутные воспоминания детства, теперь уже давно забытые. Я отогнал их и напомнил себе, что я — Бэйрд Улрик, профес-

сионал, выполняющий задание в мире, где просто не может быть места фантазиям.

— Ты человек, которого зовут Джонни Гром, — сказал я.

Он ничего не ответил. Кажется, он чуть-чуть улыбнулся.

— Я Паттон, Карл Паттон. Свалился сюда на корабле, — я указал рукой на небо.

Он кивнул.

— Я знаю, — голос у него был глубоким и звучным, как орган, недаром у него была такая широченная грудь. — Я слышал, как падал твой корабль, — он окинул меня взглядом и, не заметив никаких внешних повреждений, продолжал: — Я рад, что ты приземлился благополучно. Надеюсь, Вула не испугала тебя?

Его язык звучал немного старомодно и чуть-чуть высокопарно, с каким-то легким, незнакомым мне акцентом.

Лицо мое, закаленное в бесчисленных партиях в покер, должно быть, все-таки вытянулось при этих словах, потому что он улыбнулся. Зубы у него оказались ровными и белыми, как мрамор.

— С чего бы это? — ответил я, стараясь не пищать. — Даже моя трехлетняя племянница потрепала бы по ноге датского дога. Выше ей просто не дотянуться.

— Пойдем со мной, к моему дому. У меня есть пища и огонь. Я немного опомнился и начал входить в роль.

— Мне необходимо добраться до грузового отсека. В нем... в общем, там есть пассажиры.

На его лице отразился безмолвный вопрос.

— Они живы... пока, — ответил я. — У меня есть прибор, который сообщил мне, что отсек приземлился благополучно. Ячейки оборудованы противоударными устройствами, так что если уцелел пеленгатор, то и они тоже целы. Но все остальное оборудование может быть повреждено. Если это так, то люди могут погибнуть.

— Все это очень странно, Карл Паттон, — сказал он после того, как я закончил объяснения. — Как можно заморозить живых людей?

— Они долго не протянули бы, если бы не низкое содержание кислорода, — ответил я. — Они сплошь покрыты ожогами третьей степени. И вполне возможно, что внутри тоже ожоги. В медицинском центре их поместят в восстановительные камеры, и нарастят им новые шкуры. Когда они проснутся, то опять будут как новенькие, — я многозначительно посмотрел на него. Выражение моего лица должно было убедить его в том, что я собираюсь исполнить свой долг до конца. — Если я доберусь туда вовремя, все будет в порядке. Если нет, то... — я не

договорил, давая этим понять, какой ужасный конец ждет несчастных. Затем я демонстративно взглянул на указатель пеленгатора на своем запястье. — Отсек приземлился где-то в той стороне, — я указал на север рукой. — Только вот не знаю, насколько далеко отсюда.

Я исподлобья взглянул на него, пытаюсь определить, какой эффект возымели мои слова и действия. Чем меньше я ухитрился выдавать себя, тем лучше. Тем более что он не показался мне таким простачком, как пытались представить его те, кто готовил меня к заданию. Малейший промах может все испортить. Я произнес:

— Может, миль сто, а может, и больше.

Он немного подумал, глядя на меня сверху. Глаза его были достаточно дружелюбными, но, казалось, смотрели куда-то сквозь меня. Они напоминали свечу, горящую на окне незнакомого дома.

— Там, куда они упали, нехорошие места, — наконец сказал он. — Башни Нанди очень круты.

Я знал это. И место выбирал очень тщательно. Я бросил на него мужественный, исполненный беззаветной решимости взгляд.

— Там находятся десять человек, и я отвечаю за их жизни. Я обязан сделать все, что в моих силах.

Его взгляд встретился с моим. И в первый раз с момента нашей встречи в его взгляде промелькнул какой-то теплый огонек.

— Сначала ты должен поесть и отдохнуть.

Я хотел сказать что-нибудь, чтобы он поглубже заглотил наживку, но как раз в этот момент мир медленно начал кружиться вокруг меня. Я сделал шаг, чтобы восстановить равновесие, но тут пространство вокруг меня заполнили какие-то светящиеся хлопья, затем окружающее стало ускользать от меня, и я скользнул туда, где меня терпливо все это время поджидала тьма...

* * *

Я проснулся и увидел, как над моей головой на гладком потолке, сделанном из какого-то дерева, пляшут оранжевые отблески света. Потолок находился на высоте футов двадцати. Свет исходил от очага, в котором запросто можно было зажарить целого быка. Очаг был сложен из глыб, вполне годящихся на надгробие. Я возлежал на постели, не намного более обширной, чем теннисный корт, а воздух был напоен ароматами супа.

Я подполз к краю постели и рискнул прыгнуть с высоты в четыре фута. Ощущение было такое, что у меня не ноги, а переваренные макароны. Ребра ныли, возможно, оттого что я долго лежал на плече великана.

Он взглянул на меня из-за высокого стола, за которым сидел.

— Ты был измотан, — проговорил он, — и у тебя было много ушибов.

Я оглядел себя. На мне не было ничего, кроме нижнего белья.

— Где мой скафандр?! — рявкнул я.

И моя грубость была вызвана не просто слабостью. Я представил себе свое снаряжение стоимостью в шестьдесят тысяч кредитов и сделку стоимостью в миллион неизбежно брошенными в утилизатор или в огонь и ожидающий меня вместо них комплект теплой одежды.

— Вот он, — мой хозяин указал на край постели.

Я схватил скафандр, проверил его. Как будто все было о'кей. Но все это было не по мне. Мне не нравилось то, что человек, с которым позже мне придется иметь дело, ухаживает за мной, совершенно беспомощным.

— Ты отдохнул, — сказал великан, — теперь поешь.

Я уселся за стол, подложив под себя стопку сложенных одеял, и принялся за настоящий котел густого варева из каких-то очень вкусных зеленых и красных овощей и кусков нежного белого мяса.

Был и хлеб, твердый, но вкусный, с привкусом орехов. Было вино, самодельное, красное вино, которое, однако, показалось мне гораздо более вкусным, чем любое коллекционное из погребов Арондо на Плезире-4. После трапезы великан разложил на столе карту и указал местность, представляющую собой горный массив, изрезанный вершинами и пропастями.

— Если отсек здесь, — сказал он, — будет трудно. Но, возможно, он упал вот сюда, — он указал на сравнительно более ровную местность к юго-востоку от непроходимых гор.

Я сверился с индикатором, определяя азимут. Направление, которое я указал ему ранее, отклонялось от истинного всего градуса на три. При расстоянии в 113,8 миль — а именно такое расстояние указывали приборы — мы промахнулись всего миль на десять.

Великан стал прокладывать линию нашего маршрута на карте. Она прошла вдоль края того, что он называл Башнями Нанди.

— Возможно, — произнес он. Он явно относился к людям, которые не любят сорить словами.

— Сколько еще будет длиться день? — спросил я.

— Часов пятьдесят или около того.

Это означало, что я провел в забытьи почти шесть часов. Это мне тоже не понравилось. Время — деньги, да и к тому же мой график был довольно напряженным.

— Ты связался с кем-нибудь?

Я бросил взгляд на большой старомодный экран у стены. Это была стандартная модель, работающая в У-диапазоне с радиусом охвата в полмиллиона световых лет. Значит, контакт со станцией Кольцо-8 занимает примерно четыре часа.

— Я сообщил мониторинговой станции, что ты благополучно приземлился, — ответил он.

— А что еще ты им сообщил?

— Больше сообщать было нечего.

Я поднялся.

— Тогда можешь снова связаться с ними, — заявил я. — И скажи им, что я нахожусь на пути к грузовому отсеку.

На лице я старался сохранять выражение беззаветности героя-скромняги, который не нуждается в проповедях со слезами. Уголком глаза я заметил, как он кивнул, и тогда я на какое-то время даже усомнился в своей способности к анализу характеров, если это воплощение мужественности намерено было побереечь свою задницу и предоставить маленькому бедняжке одному проделать весь путь.

— Дорога будет нелегкой, — заметил он. — На перевалах сильные ветры. А на вершинах Куклэйна лежит снег.

— Ничего страшного. Надеюсь, что обогреватель скафандра справится со всем этим. Вот если бы ты одолжил мне немного воды и пищи...

Он подошел к полкам и снял мешок, размерами напоминающий климатическую установку для пятикомнатного полевого купола. Теперь я наверняка знал, что жертва попала в мою западню.

Он сказал:

— Если ты ничего не имеешь против, Карл Паттон, я пойду с тобой.

Я немного поотнекивался, как и положено в таких случаях, но в конце концов позволил ему убедить себя.

Через полчаса мы отправились в путь, после того как известили станцию Кольцо-8, что выходим к отсеку.

* * *

Джонни Гром шел впереди легкой походкой, покрывая расстояние с вполне приличной скоростью.

Создавалось впечатление, что мешок за плечами ничуть его не тяготит.

Одет он был в те же шкуры, которые были на нем, когда он нашел меня. Единственным его оружием был окованный сталью посох.

Его чудовищный приятель трусил сбоку от нас, не отрывая носа от земли.

Я просто шел следом за Джонни. Моя поклажа была легка: гигант заметил, что чем меньше я буду нести за плечами, тем лучшее время мы покажем. Я ухитрился не отставать, плетясь в то же время немного позади, чтобы все это выглядело натуральнее.

Кости мои все еще немного ныли, но в общем-то я чувствовал себя почти как жеребенок при такой малой гравитации.

Целый час мы шли молча, поднимались по длинному склону между огромными деревьями. Когда мы достигли вершины, здоровяга остановился и подождал, пока я не подойду к нему, немного запыхавшись, но, в принципе, выдержав испытание.

Он сказал:

— Здесь мы отдохнем.

— Черта с два, — ответил я. — Для тех бедняг, может быть, все дело решают как раз минуты.

— Человек должен отдыхать, — резонно заметил он и уселся, положив обнаженные руки на колени.

Сев, он оказался на одном уровне со мной, стоящим. Мне это пришлось не по душе, и я тоже сел.

Чтобы продолжить разговор, ему понадобилось еще минут десять.

Вообще, как я заметил, Джонни Гром был человеком, который не любил заводить. Он умел выбирать оптимальный темп. Видимо, мне придется попотеть, чтобы загнать его до смерти на его собственном поле.

* * *

Мы пересекли широкую долину и опять оказались на возвышенности.

Было холодно, деревья здесь росли гораздо более редко, да и размерами они были значительно меньше из-за морозов. Стволы их были искривлены ветрами и походили на скрюченные руки, вцепившиеся в утесы.

На прогалинах кое-где лежал снег, и по некоторым признакам можно было судить, что весьма скоро выпадет еще снег.

Не то чтобы я мог ощущать резкие порывы ветра, свирепо бросающиеся на нас с вершин гор, но ведь великан-то воспринимал холод и ветер обнаженными руками! В отличие от меня, имевшего такой замечательный скафандр.

Я решил при первой же предоставившейся мне возможности разговорить великана, попытаться поподробнее узнать о его жизни, прошупать его слабые места и болевые точки.

* * *

— Разве у тебя нет куртки? — начал я разговор на нашем следующем привале.

Мы расположились на скальном уступе, со всех сторон обдуваемом ветром, скорость которого, по моим подсчетам, приближалась к сорокамильному галопу.

— Здесь у меня плащ, — он похлопал по мешку. — Я надену его позже.

— Ты сам шьешь себе одежду? — спросил я, глядя на его шкуру, вывернутую мехом внутрь и скрепленную крупными парусными застежками.

Он внезапно помрачнел и замолчал.

— Одежду мне изготавливала женщина, — наконец ответил он. — Это было очень давно.

— Что верно, то верно, — отозвался я.

Я попытался представить его с женщиной, представить себе его подругу, как она движется, как выглядит. Женщина десяти футов ростом...

— У тебя есть ее портрет?

— Нет. Ее образ хранится в моем сердце.

Он сказал это как само собой разумеющееся, будто это была какая-то ритуальная фраза. «Интересно, — подумал я, — какво это — быть последним представителем своего народа?» Но спрашивать его об этом не стал. Вместо этого я спросил:

— Но зачем тебе это нужно? Жить здесь в одиночестве?

Он уставился на ледяные скалы.

— Здесь мой дом, — наконец сказал он.

Еще один машинальный ответ, за которым не скрывалось никакой мысли. До него просто никогда бы не дошло. Ему бы даже и в голову не могло прийти, что он мог бы расколоть на несколько миллиардов голодных до сенсаций обывателей.

Самая настоящая невыдуманная мыльная опера. Конец пути. Тупик. Бедняжка Джонни Гром, такой отважный и такой одинокий...

— А зачем тебе это нужно... то, что ты делаешь? — вдруг спросил он.

Я почувствовал, что внутренности мои как будто сжала невидимая рука.

— Что ты имеешь в виду? — выдавил я сквозь зубы, а в это время моя рука сжимала кратерный пистолет, мгновенно выскочивший из рукава.

— Ведь ты тоже живешь один, Карл Паттон. Ты правишь кораблями космоса. Ты постоянно в одиночестве и постоянно испытываешь трудности. Вот хотя бы сейчас — ты готов отдать жизнь за своих товарищей.

— Никакие они мне не товарищи, — огрызнулся я. — Они — просто оплаченный груз, и только. Не доставишь — ничего не получишь. И я вовсе не собираюсь отдавать жизнь. Я просто совершаю прогулку для моциона.

Некоторое время он испытующе глядел на меня.

— Мало кто решился бы подняться на Куклэйн в это время года. Тем более, не имея на то веских причин.

— У меня причина достаточно веская. Целых сорок тысяч причин.

Он слегка улыбнулся.

— Ты многолик, Карл Паттон, так мне кажется. Но ты отнюдь не глуп.

Я сказал:

— Давай-ка трогаться. Прежде чем я получу свои законные, нам еще ходить и ходить.

* * *

Теперь Джонни Гром шел легким шагом, который казался ему приемлемым для меня.

Собака, казалось, начала нервничать, то и дело задирая нос к небу и принюхиваясь, а затем снова уносилась вперед. Я легко следовал за ним, сопя и отдуваясь на подъемах и довольно естественно стараясь отдышаться на привалах.

Все это я делал очень осторожно, чтобы не показать, как мне на самом деле легко, и в то же время стараясь не наводить великана на мысль, что мне такой темп не под силу.

Мало-помалу я начал прибавлять шаг, и наконец мы уже двигались со скоростью более четырех миль в час. Такая скорость хороша для небольших прогулок при земном притяжении и по ровной дороге. Здесь, чтобы выдержать такой темп в течение даже недолгого времени, нужно было быть настоящим атлетом. В то же время для меня с моими пьезоэлектрическими

мускулами, принимающими на себя основную долю нагрузки, такая скорость была нипочем.

Мы остановились перекусить. Здоровяк извлек из мешка хлеб, сыр и бурдюк с вином и отвалил мне порцию, которой вполне хватило бы на двоих. Я съел большую часть, а остальное отправил в специальный карман для отходов, расположенный на плече скафандра, когда мой сотрапезник отвернулся. Когда он расправился со своей порцией, не на много большей чем моя, я поднялся на ноги, давая понять, что того же жду и от него. Он даже не пошевелился.

— Теперь мы должны отдохнуть часок, — заявил он.

— О'кей, — отозвался я. — Только отдыхать тебе придется в одиночестве. Меня ждет дело.

Я пошел прочь, шагая по пятнистому снегу, и отошел уже шагов на десять, когда мимо меня галопом промчалась гигантская шавка, развернулась и преградила мне дорогу. Я попытался обойти ее справа, но пес снова встал на моем пути. То же самое произошло и при левом повороте.

— Отдохни, Карл Паттон, — произнес позади меня Голиаф. Он улегся на спину и, заложив руки за голову, закрыл глаза.

Что ж, ладно, если я не могу заставить его продолжить путь, я могу не давать ему заснуть. Я вернулся и сел рядом с ним.

— Глухомань здесь, — сказал я. Он ничего не ответил.

— Такое впечатление, что здесь отродясь никто не бывал, — добавил я. — Даже мятой жестянки из-под пива не видно, — это тоже не возымело успеха.

— Чем, интересно, ты кормишься здесь? — спросил я. — Из чего делаешь сыр и хлеб?

Он открыл глаза.

— Из сердцевины дерева-друга. Ее или размалывают в муку, или делают массу и сквашивают.

— Неплохо, — заметил я, — но уж вино-то наверняка привозное.

— Вино нам дают плоды того же самого дерева, — он произнес это «нам», словно его дома ждала жена, шестеро ребятишек и недочитанная книга.

— Сначала, наверное, было очень тяжело? — сказал я. — Если вся планета такова, то трудно даже представить себе, как твои предки ухитрились выжить.

— Они боролись, — ответил великан так, будто это объясняло все.

— Но ведь больше незачем бороться, — возразил я. — Ты преспокойно можешь покинуть эти скалы и жить где-нибудь беззаботно под не очень жарким солнцем.

Великан задумчиво смотрел в небо.

— У нас есть легенда о месте, где воздух мягок, а прямо из земли растут сочные фрукты. Я думаю, мне бы там не понравилось.

— Почему же? Тебе, наверное, кажется, что это особый шик — жить, преодолевая трудности.

Он повернул голову и взглянул на меня.

— А ведь на самом деле это ты испытываешь трудности, Карл Паттон. Я-то у себя дома, в то время как ты страдаешь от холода и усталости в месте, чуждом для тебя.

Я что-то проворчал себе под нос. Джонни Гром так выворачивал все, что чего бы я ни сказал, мои слова рикошетом попадали в меня же.

— Я слышал, здесь существует весьма кровавая разнообразность животных, — сказал я. — Но я до сих пор ни одного не встречал.

— Скоро встретишь.

— Тебе интуиция подсказывает или...

— Нас уже несколько часов преследует стая снежных скорпионов. Когда мы выйдем на открытое место, ты их увидишь.

— Откуда ты знаешь?

— Так говорит мне Вула.

Я взглянул на огромную гончую, улегшуюся на земле и положившую голову на лапы. Она выглядела усталой.

— А откуда у вас появились собаки?

— У нас всегда были собаки.

— Наверное, в первом корабле была одна пара, — предположил я. — Или, может быть, замороженные эмбрионы. Скорее всего, так оно и было. Переселенцы наверняка везли с собой зародышей самых различных животных.

— Вула происходит из породы военных псов. Ее предком был могучий Стэндфаст, который одолел псов короля Руна на Поле Сломанного Клинка.

— Вы что же, воевали?

Он ничего не ответил. Я фыркнул.

— Я-то думал, что при тех колоссальных усилиях, которые вам приходилось прикладывать, чтобы выжить, вы неслишком дорого ценили свои жизни.

— Чего стоит жизнь без правды? Король Рун сражался за свои убеждения. Принц Дал сражался за свои.

— И кто же победил?

— Они бились двадцать часов, и один раз принц Дал упал, и тогда король Рун отступил назад и убедил его подняться. Но в конце концов Дал сломал королю спину.

— Ну, так значит... разве это послужило доказательством его правоты?

— Какое значение имеет, во что верит человек, Карл Паттон, раз он верит в это всем сердцем и душой?

— Чушь. Фактам безразлично, кто убежден в них.

Тут великан сел и указал рукой на белые вершины, мерцающие вдаль.

— Правы горы, — произнес он. Затем взглянул на небо, где в вышине темно-пурпурные облака громоздились, подобно крепостным укреплениям. — Небо право. И эта правота означает больше, чем факты скал и газа.

— Я никак не могу вникнуть в твои поэтические доводы, — сказал я. — Я знаю одно — что хорошо вкусно есть, спать в мягкой постели и иметь в своем распоряжении все самое лучшее. И тот, кто утверждает обратное, либо несчастный, либо дурак.

— А что такое «самое лучшее», Карл Паттон? Разве может быть лучшее ложе, чем усталость? Лучшая приправа, чем аппетит?

— Ты, видно, вычитал это в книге.

— Если ты преклоняешься перед легкой роскошью, о которой ты говорил, то почему ты здесь?

— О, это проще некуда. Чтобы заработать денег на все остальное.

— И потом... если ты не погибнешь на этом пути, неужели ты отправишься туда, в свой прелестный мирок, и будешь поесть сочные плоды, выращенные кем-то другим?

— Еще бы, — ответил я. — А почему бы и нет?

Тут я почувствовал, что слова мои — это слова безумца, и не понял почему.

Это окончательно вывело меня из равновесия. Но спорить я не стал и сделал вид, что уснул.

* * *

Через четыре часа мы добрались до вершины длинного склона, и перед нами предстала целая тысяча миль леса и ледника — пространство, достойно соответствующее масштабам мира под названием Вэнгард.

Мы уже девять часов были в пути, и, несмотря на все свои хитроумные приспособления, я начал отставать и уставать, Верзила же был как новенький. Он поднес к глазам ладонь, защищаясь от солнца, которое было каким-то особенно маленьким и пронзительно ярким, как перед бурей, и указал на пик, который отделяла от нас долина. До него, наверное, с милю или две было.

— Там мы будем ночевать, — сказал он.

— Он лежит в стороне от нашего пути, — сказал я. — Почему бы нам не заночевать прямо здесь?

— Нам необходима крыша над головой и очаг. Холгримм не будет иметь ничего против.

— Какой еще Холгримм?

— Там находится его дом.

Я почувствовал, как по спине у меня поползли мурашки. Так бывает, когда в ваш разговор вдруг вмешивается привидение. И не то чтобы я боялся привидений, просто так считается среди людей.

Остаток пути мы проделали в молчании. Вула подолгу прихивалась и все чаще фыркала по мере того, как мы приближались к хижине. Она была сложена из бревен, когда-то обтесанных, а теперь почерневших. Высокая крыша была покрыта черепицей, а в окна были вставлены разноцветные стекла в свинцовых переплетах. Когда мы оказались на открытом месте, великан некоторое время стоял, опираясь на свой посох и прислушиваясь. Дом как будто хорошо сохранился. Но ведь и сложен он был из тех же скал и деревьев, что стояли вокруг, потому что иное не выдержало бы схватки с непогодой.

— Послушай, Карл Паттон, — сказал великан. — Кажется, будто вот-вот послышится голос Холгримма, и он гостеприимно распахнет двери, приглашая нас войти.

— Да, если бы он был жив, — отозвался я.

Я прошел мимо него и подошел ко входу, который прикрывала деревянная дверь из темно-пурпурного дерева величиной с ворота Собора Парижской Богоматери. Я обеими руками потянул на себя огромную железную дверную ручку, но без малейшего успеха. Джонни Гром открыл ее буквально мизинцем.

В большой комнате было холодно. Изморозь, покрывающая пол, хрустела у нас под ногами. В полумраке я заметил шкуры, развешанные по стенам и отливающие зеленым, красным и золотым мехом, словно это были не шкуры, а хвосты павлинов. Были здесь и другие трофеи: огромный череп с длинным, фута в три: клювом и ветвистыми рогами, похожими на крылья из слоновой кости, острые кончики которых были выгнуты вперед и остры, как кинжалы. Была обтянутая кожей голова, которая состояла из одних челюстей и зубов, и потемневший от времени боевой топор с рукояткой длиной футов десяти и затейливым лезвием. Посреди комнаты стоял длинный стол, до которого, наверное, в свое время доходило тепло очага, огромного, как городская квартира.

Я заметил отблеск дневного света на стоящих на столе кубках, тарелках, приборах. Вокруг стола были расставлены крес-

ла с высокими спинками, и в кресле, стоявшем у дальнего конца стола, лицом ко мне с мечом в руке восседал седобородый гигант. Пес завыл, что вполне соответствовало охватившему меня чувству.

— Холгримм ждет нас, — мягко произнес позади меня Джонни. Он двинулся вперед, я за ним, переборов наконец оцепенение. Приблизившись, я различил мелкие кристаллики инея, сплошь покрывавшие тело сидящего гиганта. Они поблескивали в его бороде, на тыльных сторонах ладоней, на веках.

Кристаллики льда покрывали и стол, и тарелки, и гладкое дерево кресел. Когти Вулы, когда она следовала за своим хозяином, громко стучали по огромным доскам пола.

— Разве вы не хороните своих мертвых? — выдавил я из себя, слегка заикаясь.

— Его женщина сделала это, согласно его собственной воле. Он так желал, когда понял, что смерть неминуема.

— Но почему?

— Это тайна, которую знает только один Холгримм.

— Может, нам лучше выйти наружу? — спросил я. — А то это место напоминает мне морг.

— Огонь поправит дело.

— Но тогда растает и наш приятель. Лично я предпочел бы, чтобы он оставался, как есть.

— Мы разведем небольшой огонь, чтобы только разогреть пищу и чтобы были угли, возле которых можно провести ночь.

В ящике возле входной двери нашлись дрова, темно-красные, твердые, как камень, и уже наколотые до нужной толщины. Нужной, естественно, моему компаньону. Он орудовал восьмифутовыми поленьями толщиной не менее восемнадцати дюймов так, словно это были хлебные палочки. Должно быть, они были насыщены летучими маслами, так как запылали от первой же спички и начали гореть с ревом, распространяя по комнате запахи мяты и камфары. Большой Джонни сварганил какое-то пойло из горячего вина и тягучего сиропа, который обнаружил в кувшине на столе — он вмерз в лед, и его пришлось выламывать. Когда напиток был готов, он протянул мне с полгаллона. Штука эта оказалась крепкой, но приятной на вкус, сначала отдающей скипидаром, но затем оказывающейся сушей амброзией. Еще у нас был хлеб, сыр и суп, который он разогрел в большом котле над очагом. Я наелся до отвала и еще кое-что отправил в наплечный карман. Мой высокий друг ограничился совершенно спартанской порцией и перед тем, как выпить, обернулся к нашему хозяину и поднял кубок в его честь.

— Сколько же времени он вот так сидит? — спросил я.

Он задумался, производя в уме какие-то подсчеты.

— Десять местных лет. — Он помолчал и добавил: — Это более ста стандартных лет Лиги.

— Наверное, он был твоим другом?

— Мы сражались, но потом снова вместе пили вино. Да, пожалуй, он был мне другом.

— Так сколько лет ты живешь здесь один?

— Девять лет. Дом Холгримма был, пожалуй, самым последним местом, куда проникла чума.

— А почему же она не убила и тебя?

Он покачал головой.

— Вселенная тоже умеет шутить.

— Каково же это было, когда все кругом начали умирать...

Великан обеими руками обхватил свою чашу и уставился мимо меня в огонь.

— Сначала никто ничего не понимал. Ведь мы здесь вообще не знали болезней. Нашими единственными врагами были ледяные волки, лавины и стремительный холод. А это было что-то совершенно новое — враг, которого мы не видели. Некоторые так и умерли, удивляясь, другие очертя головы бросились в леса, но и там в конце концов их настиг тот же удел. Оксандр убил своих сыновей и дочерей, прежде чем их успела прикончить удушливая смерть. Йошал стоял на снегу, вращая над головой свой боевой топор, и выкрикивал небу угрозы, пока не упал и уже больше не поднялся.

— А что же стало с твоей семьей?

— Сам видишь.

— Что?

— Холгримм был моим отцом.

* * *

Мы спали, закутавшись в шкуры, которые Джонни Гром снял со стен и размягчил над огнем. Насчет тепла он оказался прав. Огромное пламя растопило иней только внутри правильного десятифутового полукруга, но даже не коснулось остальной комнаты. За порогом все еще стоял ранний полдень, когда мы снова двинулись в путь. Я шел так быстро, как только мог. После восьми часов ходьбы по сильно пересеченной местности, непрерывно поднимавшейся вверх, великан предложил отдохнуть.

— Я, конечно, поменьше тебя, но все же это не причина, чтобы я раньше выбивался из сил, — ответил я ему. — К тому же я привык к более сильному тяготению. А в чем дело? Ты

устал? — этот вопрос я задал как бы между прочим, но ответа ждал с волнением. До сих пор он казался мне свеженьким, как огурчик.

— Нет, со мной все в порядке. Пока дорога еще не трудна.

— Судя по карте, отсюда дорога будет все тяжелее и тяжелее.

— Да, на высоте я начну выдыхаться, — согласился он. — Но все же как-нибудь выдержу. Вот только Вула измоталась, бедняга.

Собака растянулась на боку. Она была похожа на павшую лошадь, вот только ни у одной павшей лошади не дрогнул бы хвост при упоминании ее клички да не ходили бы ходуном ребра от усилий набрать в грудь побольше разреженного горного воздуха. Разреженного, конечно, по меркам Вэнгарда. По сравнению с земным воздухом содержание кислорода по-прежнему оставалось высоким.

— Почему бы не послать ее обратно?

— Не уйдет. И потом, мы еще будем рады ее присутствию, когда появятся снежные скорпионы.

— Опять ты об этих скорпионах. Ты уверен, что они не плод твоего воображения? Эти места выглядят пустынными, как заброшенное кладбище.

— Они выжидают, — сказал он. — Они знают меня и Вулу. Много раз они пытались проверить нашу бдительность — и каждый раз оставляли на снегу трупы. Поэтому они просто следят за нами и выжидают.

— Моя пушка справится с ними, — я показал ему официально разрешенное огнестрельное оружие, которое было у меня на виду. Он вежливо осмотрел его.

— Снежный скорпион умирает нелегко, — заметил он.

— Эта штука бьет, как пушка, — уверил я его и продемонстрировал эффективность пистолета, отстрелив верхушку скалы ярдах в двадцати от нас. Между деревьями заметалось мощное эхо: «Кар-ронг! Кар-ронг!» Он чуть улыбнулся.

— Все может быть, Карл Паттон.

Эту ночь мы провели в лесу.

На следующий день ходьба наша стала иной с самого начала. На открытом месте намело снега, он замерз и покрылся коркой, выдерживающей мой вес, но ломающейся под ногами великана и его собаки. Теперь я уже не плелся сзади. Я возглавлял процессию, а Большому Джонни приходилось тяжело, когда он вынужден был последовать за мной. Он не жаловался и, казалось, не задыхался слишком сильно. Он просто продвигался вперед, то и дело останавливаясь подождать, пока его милый песик догонит его, и каждый час устраивал привал.

По мере подъема местность становилась все более и более открытой. Пока мы шли по лесу, вокруг были деревья, но все же вокруг была жизнь и притом почти земного типа. Можно было обманывать себя, представляя, что где-то вон за тем перевалом увидишь дом или дорогу. Но только не здесь. Перед нами расстиралось теперь совершенно голое снежное поле, чужое, как поверхность Юпитера, украшенное только тенями окружающих горных вершин. А впереди над ним нависал ледник, выделяясь на фоне темного неба, сахарно-белый в лучах заходящего солнца, пестрящий зеленовато-голубыми тенями.

Часа через три великан вдруг указал мне на что-то позади нас. Это было похоже на россыпь черного перца на белой скатерти.

— Стая скорпионов.

— Если будем стоять и смотреть на них, нам никогда их не обогнать, — проворчал я.

После этого мы непрерывно шли на протяжении десяти часов, поднялись и перевалили через один хребет, потом через второй, еще более высокий, и только тогда он попросил сделать привал. Уже надвигались сумерки, когда мы устроили свой лагерь в снежном сугробе, если только можно назвать лагерь парой нор, вырытых в снегу. Великан разжег небольшой костер и разогрел суп. Мне он, как всегда, налил солидную порцию, а себе и собаке оставил, на мой взгляд, даже меньше, чем нужно было.

— Как у нас с припасами? — спросил я.

— Все в порядке, — только и ответил он.

Температура понизилась до минус девяти градусов по Цельсию. Он вытащил свой плащ — шкуру какого-то свербарана, расцвеченную черными и оранжевыми полосами, — и закутался в него. Пес и он спали вместе, тесно прижавшись друг к другу, чтобы было теплее. Я отклонил приглашение присоединиться к ним.

— С моей циркуляцией все в порядке, — сказал я. — Обо мне можно не беспокоиться.

Но, несмотря на свой скафандр, проснулся я дрожа и был вынужден переключить свой термостат на усиленный обогрев. Верзиле же, кажется, холод был нипочем. Впрочем, благодаря своим габаритам он имел одно преимущество. На единицу его веса у него приходилось меньшая площадь излучающей тепло поверхности. То есть мороз его не проймет, если только не случится ничего непредвиденного.

Когда он разбудил меня, стояли глубокие сумерки. Солнце уже почти скрылось за вершинами гор на западе. Нам предстояло подниматься по склону, покрытому снегом, под углом граду-

сов тридцать. Хотя по пути нам должно было попасться немало скальных выступов и обледеневших участков склона, которые делали продвижение вполне возможным, шли мы довольно медленно. Стая, идущая по нашим следам, стала нас догонять. Пока мы спали, они, по моим подсчетам, сократили разрыв между нами до десяти миль, рассыпавшись широким полукругом. Мне это не понравилось. Подобные действия предполагали в наших возможных противниках больше разума, чем хотелось бы от них ожидать, учитывая те изображения снежных скорпионов, которые мне приходилось видеть. Вула, обернувшись, вытаращила глаза, оскалила зубы и завывала, глядя на наших преследователей. Великан же продолжал идти медленно, но упорно.

— Так как же насчет этих самых?.. — спросил я на следующем привале. — Будем ждать, пока они нас нагонят? Или засядем где-нибудь в таком месте, где хоть спина у нас будет прикрыта?

— Они еще должны добраться до нас.

Я посмотрел назад вдоль склона, по которому мы поднимались, кажется, уже целую вечность, и попытался прикинуть на глаз разделяющее нас расстояние.

— Никак не далее пяти миль, — заметил я. — И они уже давно могли бы быть гораздо ближе. Чего они еще ждут?

Он посмотрел вперед и вверх на высокий хребет, возвышающийся в двух милях от нас.

— И они правы. Но они там тоже сдадут, Карл Паттон, хотя, возможно, и не так сильно, как мы.

Он произнес это совершенно равнодушно, как будто рассуждая о том, стоит ли завтра устраивать пикник.

— Разве это тебя не волнует? — спросил я. — Разве ты предпочитаешь, чтобы стая голодных пожирателей мяса прижала тебя на открытом месте?

— Это у них в крови, — просто ответил он.

— Не терять мужества хорошо, пока не рискуешь потерять все остальное. А как ты насчет того, чтобы организовать засаду? Вон там, — я указал на россыпь скал ярдах в ста впереди.

— Они не полезут туда.

— О'кей, — сказал я. — Будем считать, что ты опытный проводник-абориген, а я просто — турист. Сыграем по предложенным тобой правилам. Но скажи, пожалуйста, что нам делать, когда настанет ночь?

— Скоро взойдет луна.

В течение следующих двух часов мы покрыли всего около трех четвертей мили. Теперь подъем был уже градусов сорок пять. Сыпучий снег при каждом шаге струйками сыпался из-

под ног. Если бы не мой скафандр, не знаю, как бы я вынес все это, даже при сравнительно небольшом тяготении. Здоровяшка Джонни теперь все чаще и чаще прибегал к помощи рук, а пыхтение пса прямо-таки надрывало сердце.

— Сколько лет псу? — спросил я, когда мы лежали на спине во время следующего привала. Мои попутчики с трудом пытались надышаться тем, что для них было очень разреженным высокогорным воздухом, а я же старался как можно более правдоподобно имитировать те же усилия, хотя на самом деле дышал обогащенной смесью, исправно поставляемой коллектором скафандра.

— Три года.

— Это около тридцати пяти стандартных. А сколько же... — я спохватился и тяжело задышал, — сколько же они обычно живут?

— Никто... не знает.

— Что ты имеешь в виду?

— Псы из этого рода... погибают в бою.

— Похоже, что и ей этого не миновать.

— Она будет... только благодарна за это.

— Такое впечатление, что она до смерти перепугана, — сказал я. — И до смерти измотана.

— Она устала, это верно. Но страха... она просто не может знать.

До того, как стая решила, что настало подходящее время для нападения, мы успели пройти еще три мили.

* * *

Пес первым почувствовал опасность. Собака завывала, как раненый в брюхо слон, бросилась футов на двадцать вниз по склону и встала между нами и ими. Трудно было представить себе более невыгодную для обороны позицию. Единственным нашим преимуществом было то, что мы располагались выше. Мы стояли на участке замерзшего снега, очень покатом, похожем на скат крыши. Великан своими гигантскими ножищами стал вытаптывать площадку, придавая ей форму круга.

— Кретин чертов, лучше бы ты насыпал снег кучей! — заорал я. — А ты вместо этого роешь нам ледяную могилу!

— Делай, как я... Карл Паттон, — задыхаясь, ответил он, — если тебе дорога жизнь.

— Нет уж, спасибо, я лучше останусь наверху.

Я выбрал местечко слева от него и собрал несколько кусков льда, сделав нечто вроде бруствера. Потом я долго и демон-

стративно проверял свой пистолет (разрешенный законом) и в то же время незаметно настроил незаконный кратерный пистолет на максимальную дальность боя самым узким лучом. Сам не знаю, почему я скрывал его так тщательно. Верзила наверняка не имел ни малейшего представления о разнице между легальным и контрабандным оружием. Может быть, я руководствовался инстинктом, подсказывающим мне, что туза лучше всего придержать в рукаве.

К тому времени, когда я закончил приготовления, стая была уже в четверти мили от нас и быстро приближалась, причем они не то чтобы передвигались скачками, нет, они почти летели на своих пучках лап, словно выкованных из стальных стержней, пожирая расстояние, как огонь пожирает сухую траву.

— Карл Паттон, лучше бы тебе все же встать за моей спиной, — окликнул меня великан.

— Я не нуждаюсь в твоей защите! — рявкнул я в ответ.

— Слушай меня! — сказал он тогда, и тут я впервые не заметил в его голосе обычной беззаботности и спокойствия. — Они не могут напасть на всем ходу. Сначала они останавливаются, чтобы занести шип для удара. Только в этот момент они и уязвимы. Старайся попасть в глаз, но остерегайся клешней.

— Я предпочитаю действовать на большой дистанции, — сказал я и послал пулю в одного, который немного вырвался вперед, но все же еще был в двухстах ярдах от нас. На льду полыхнула яркая вспышка — небольшой промах. Следующий заряд попал в яблочко — точное попадание в самый центр листовидной пластины брони, совершенно черной, которая прикрывала грудь. Он даже не покачнулся.

— Бей в глаз, Карл Паттон!

— Какой еще глаз! — возопил я. — Все, что я вижу — это листовая броня да ходули! — я выстрелил, стараясь попасть по ногам, промахнулся, снова промахнулся, потом увидел, как куски конечностей полетели в разные стороны. Их обладатель замешкался всего на какую-то пару микросекунд, а, может быть, я просто моргнул. Я даже не смог бы теперь с уверенностью сказать, в какого из них я попал.

Они продолжали приближаться, смыкая ряды, и теперь казались намного больше, гораздо смертоноснее, стали похожи на какой-то вал легкого вооружения, усеянного шипами и остриями, совершенно неуязвимого, которому никто не противостоял, если не считать человека с палкой, замученного старого пса и меня с моей дурацкой хлопушкой.

Я почувствовал, что пистолет дергается у меня в руке, и понял, что стреляю не переставая. Я отступил на шаг, отшвырнул пистолет с его бесполезными пулями и сжал в ладони

руковать кратерного пистолета. К этому времени линия нападающих достигла как раз того места, где скорчилась без движения Вула.

Но вместо того чтобы с ходу налететь на гигантского пса, пара, которая двигалась прямо на Вулу, вдруг затормозила и замерла на месте, очень быстро и совершенно непонятным образом перегруппировав свои конечности, опустила передние части туловищ к земле, а зады задрала вверх. И тогда вперед протянулись два футовой длины жала, которые раскачивались, готовые вонзиться в ничем незащищенное тело пса...

Никогда бы я не поверил, если бы мне сказали, что такая огромная туша может настолько молниеносно двигаться. Она метнулась прямо с места, как крокетный шар, пролетела по воздуху разделяющее их расстояние, в прыжке изогнувшись, чтобы впиться челюстями, огромными, как медвежий капкан, в того, что был слева. Приземлилась, распростершись, извернулась и цапнула второго. После этого она замерла на месте, рыча, в то время как оба ее противника безуспешно били лед в том месте, где она находилась раньше, своими жалами.

Все произошло в какие-то доли секунды, пока я поднимал свой кратерный пистолет, чтобы выпустить мультимегаваттный заряд в чудовище, выросшее прямо передо мной. Удар луча проделал в панцире дыру примерно в ярд диаметром, но совершенно не замедлил его движения. Жало взвилось вверх и вонзилось в лед у меня между ногами.

— Глаз! — голос великана перекрыл рычание Вулы и сердитое жужжание атакующих. — Глаз, Карл Паттон!

И тогда я увидел его: трехдюймовый кружочек, похожий на кусочек сетчатого стекла темно-красного цвета, выглядывающий из-под края брони над крючковатым клювом. Я выстрелил в него, и глаз как будто взорвался. Я метнулся налево и снова выстрелил, краем глаза заметив, что великан размахивает своей дубиной. Я спрыгнул со своего возвышения и принялся прокладывать дорогу к нему, стреляя в тех, что были ближе всего. Скорпионы просто-таки кишели вокруг нас, но одновременно у края вытоптанной великаном ямы могли оказаться только шестеро. Один скорпион соскользнул в яму, сорвавшись с края, попытался подняться на ноги, но умер, разможенный ударом опустившейся на него дубинки. Я прикончил еще одного и спрыгнул к великану.

— Спиной к спине, Карл Паттон! — крикнул он.

Пара скорпионов одновременно забралась на баррикаду из мертвых тел чудовищ, но пока они изготавливались к нападению, я перестрелял их, а затем прикончил еще одного, который старался забраться на еще корчащиеся трупы.

Затем внезапно наступила передышка и стало слышно только тяжелое дыхание великана, похожее на звуки парового котла, и сдавленное рычание пса.

Тут я почувствовал боль в бедре и ощутил, что дыхание обжигает мне глотку. Футах в десяти от нас один из скорпионов приплясывал еще на своих ногах, но ближе не подходил. Остальные откатывались назад, жужжа и щелкая.

Я стал вылезать наверх, но огромная рука остановила меня.

— Пусть они сами подойдут... — голос великана прервался. Лицо его покраснело, и он с трудом хватал воздух широко открытым ртом. Но на лице его сияла улыбка.

— Тебе виднее, — сказал я.

— Твое маленькое оружие бьет не хуже настоящего мужчины, — заметил он вместо того, чтобы пройти насчет моей глупости.

— Из чего они? У меня было такое впечатление, что я стреляю в легированную сталь двухдюймовой толщины.

— С ними нелегко справиться, — сказал он. — И все-таки мы прикончили девятих, — он взглянул на собаку, которая, тяжело дыша, стояла мордой к противникам. — Вула прикончила шестерых. Впредь они будут осторожнее... — он запнулся, посмотрев на меня, на мою ногу.

Потом он опустил на колено и дотронулся до прорехи на моем скафандре, которой я не заметил.

Вид разорванного материала скафандра просто потряс меня. Его невозможно было пробить даже из игольного ружья — но одно из жал легко справилось с ним.

— До кожи не дошло, — сказал он. — Счастье сопровождало тебе сегодня, Карл Паттон. Укол жала смертелен.

Что-то шевельнулось позади него. Я вскрикнул и выстрелил, и в тот же миг на место, где он только что стоял, прыгнул скорпион.

Я упал, перекатился и выстрелил ему в глаз, куда тотчас же угодила и дубина Джонни Грома. Я поднялся на ноги и увидел, что остальные уходят, спускаясь вниз по склону.

— Дурень чертов! — заорал я на великана. От ярости мой голос прервался. — Ты что, сам за собой проследить не можешь?

— Я в долгу перед тобой, Карл Паттон, — только и нашелся он, что сказать.

— К черту долги! Никто мне ничего не должен... и, соответственно, наоборот!

На это он ничего не ответил, только взглянул на меня с высоты своего роста и слегка улыбнулся, как улыбнулся бы взрослый расшалившемуся ребенку.

Я сделал пару глотков подогретого и обогащенного воздуха из баллона и почувствовал небольшое облегчение, но... очень небольшое.

— Может быть, ты назовешь мне свое настоящее имя, маленький воин? — спросил великан.

Я ощутил холодок в груди.

— Что ты имеешь в виду? — растерянно спросил я.

— Мы сражались бок о бок. И теперь нам следовало бы обменяться тайными именами, которые при рождении дали нам матери.

— Ах, магия, да? Джуджу? Тайнственные и могущественные заклинания? Брось, здоровяк, с меня хватит и одного имени — Джонни Грома.

— Как хочешь... Карл Паттон.

И он отправился осматривать пса, а я стал осматривать поврежденный скафандр.

Сервомоторы ног лишились части мощности, и пострадал обогреватель. Это было плохо. Мне еще предстояло гнать великана довольно долго, прежде чем я смогу записать на свой счет выполнение миссии.

Когда через полчаса мы снова тронулись в путь, я все еще удивлялся, почему я так поторопился спасти жизнь человеку, которого должен убить?

* * *

Три часа спустя мы расположились на ночлег. Когда мы устроились в вытопанных в снегу ямах, было уже темно.

Джонни Гром сказал, что скорпионы больше не вернуться, но я все еще никак не мог успокоиться в своих поврежденных доспехах. У меня было ощущение, что я заживо похоронен в темной глубокой безвестной могиле. Потом я, должно быть, уснул, потому что когда я проснулся, в лицо мне лился бело-голубой свет.

Над вершинами хребта взошла внутренняя луна — Корнус, изрытый кратерами диск, почти полный и висящий так низко, что, казалось, до него можно допрыгнуть и со звоном стукнуться об него головой.

При лунном свете мы двигались достаточно хорошо, особенно если учесть, что подниматься нам приходилось по склону ледника.

На высоте в сорок пять тысяч футов мы достигли перевала и некоторое время смотрели на расстилающуюся внизу долину и возвышающийся за ней хребет. Он отстоял от нас миль на двадцать и при ночном освещении казался серебристо-белым.

— Может быть, за ним мы обнаружим их, — сказал великан.

Голос его стал каким-то бесцветным, как будто потерял тембр. Лицо у него, похоже, было обморожено и онемело от ледяного ветра. Вула скорчилась за его спиной, выглядя подавленной и старой.

— Вполне, — сказал я. — А может, за следующим, а может, за тем, что позади него.

— За этими хребтами лежат Башни Нанди. Если твои друзья оказались там, то их сон будет долг — да и наш с тобой тоже.

До следующего хребта было два перехода. К тому времени, как мы достигли его, луна достаточно высоко уже поднялась и освещала окрестности призрачным светом. Но вокруг не было видно ничего, кроме бесконечного льда.

Мы сделали на льду привал, затем тронулись дальше. Скафандр из-за повреждения разрегулировался и теперь причинял мне неудобства; у меня начали мерзнуть пальцы на правой ноге. И, несмотря на то что по дороге я то и дело принимал горячие концентраты, а в вену мне через определенные промежутки впрыскивались стимулирующие средства, я начал испытывать усталость. Конечно, не такую сильную, как Большой Джонни. У него был измученный и голодный вид, и он передвигал ноги так тяжело, словно к ним было привязано по накопальне.

Он по-прежнему позволял себе и собаке съедать более скромные порции пищи, а мне выделял даже больше, чем себе.

А я по-прежнему совал то, что не мог съесть, в кармашек в рукаве и смотрел, как он мучается от голода. Но он был очень вынослив: он слабел от голода медленно, нехотя уступая пядь за пядью.

В ту ночь, когда мы лежали за построенной им из снега загородкой, защищавшей нас от ветра, он задал мне вопрос:

— Карл Паттон, интересно, каково это — путешествовать в пространстве между мирами?

— Как в одиночном заключении, — ответил я.

— Тебе по душе одиночество?

— Какая разница? Это моя работа.

— А что тебе нравится, Карл Паттон?

— Вино, женщины и песни, — ответил я. — Но если что, то и без песен можно обойтись.

— Тебя ждет женщина?

— Женщины, — поправил я. — Но они не ждут меня.

— Кажется, ты немного любишь, Карл Паттон. Тогда что же ты ненавидишь?

— Дураков, — сказал я.

— Так значит, это дураки послали тебя сюда?

— Меня? Меня никто никуда не посылал. Я всегда отправляюсь туда, куда сам пожелаю.

— Тогда, значит, тебя привлекает свобода. Нашел ли ты ее здесь, в моем мире, Карл Паттон? — лицо его было похоже на скорбную маску или на выветренную скалу, но голос, казалось, насмеялся надо мной.

— Ты понимаешь, что погибнешь здесь, или нет? — я не собирался говорить этого, но слова вырвались у меня сами собой. И тон их показался мне безжалостным.

Он взглянул на меня так же, как делал это всегда, прежде чем заговорить, как будто старался прочесть что-то написанное у меня на лице.

— Человек должен когда-нибудь погибнуть, — сказал он.

— Тебе нечего делать здесь. Брось все это, возвращайся и забудь обо всем.

— Но ведь и ты мог бы сделать то же самое, Карл Паттон.

— Я?! Вернуться?! — воскликнул я. — Ну уж нет, благодарю. Я еще не закончил своих дел.

Он кивнул.

— Человек должен всегда доводить свои дела до конца. Иначе он ничем не будет отличаться от снежинки, гонимой ветром.

— Так ты, значит, думаешь, что это игра?! — рявкнул я. — Состязание?! Исполни или погибни, или, может быть, и то и другое вместе, и пусть победит сильнейший?

— А с кем мне еще состязаться, Карл Паттон? Разве мы с тобой не товарищи, идущие бок о бок?

— Мы чужие друг другу, — ответил я. — Ты не знаешь меня, а я не знаю тебя. И перестань доискиваться причины, побуждающей меня делать то, что я делаю.

— Ты отправился в путь, чтобы спасти жизнь беспомощных потому, что это твой долг.

— Да, мой, но не твой! Ведь ты-то не обязан сворачивать себе шею в этих горах! Ты спокойно можешь покинуть пределы этой фабрики льда и до конца дней своих дожить героем человечества, имея в своем распоряжении все, чего душа пожелает...

— То, чего бы я пожелал, никто не в силах мне дать.

— Должно быть, ты ненавидишь нас, — заметил я. — Ведь мы — чужаки, которые явились сюда и погубили твой мир.

— Разве можно ненавидеть силу природы?

— Хорошо, тогда что же ты ненавидишь?

На какое-то время мне показалось, что он не станет отвечать на этот вопрос. Но он произнес:

— Я ненавижу труса в своей душе. Голос, который нашептывает спасительные советы. Но если бы я бежал и тем самым спас свою плоть, каким бы духом она потом жила и освещалась?

— Если хочешь бежать, беги! — почти закричал я. — Ты проиграешь эти гонки, великан! Отступи, пока не поздно!

— Нет, я пойду дальше, пока смогу. Если мне повезет, то плоть моя погибнет раньше духа.

— Дух, дух, черт побери! У тебя же просто мания самоубийства!

— Что ж, тогда я в неплохой компании, Карл Паттон.

Отвечать ему я не стал.

Во время следующего перехода мы преодолели стомильный рубеж. Мы перевалили еще через один хребет, который был гораздо выше предыдущего. Холод стоял по-настоящему арктический, а ветер был подобен летающему лезвию. Луна зашла, и начало светать. Когда мы проходили милях в десяти от грузового отсека, локаатор сообщил мне об этом. Все системы жизнеобеспечения работали нормально. Источников питания хватило бы еще на сотню лет. Если бы даже в конце концов я заглохнул по дороге, шахтеры все равно проснулись бы, через сто лет, но проснулись.

Джонни Гром являл собой теперь уже совсем печальную картину. Руки его потрескались и кровоточили, впалые щеки и растрескавшиеся бескровные губы были обморожены, кожа плотно обтянула кости. Двигался он теперь очень медленно, тяжело закутавшись в свой мех. Но он все же двигался. Я шел впереди, поддерживая темп. Пес был еще в более прискорбном состоянии, чем хозяин. Он тащился позади нас, и наши привалы обычно уходили у него на то, чтобы нагнать нас. Мало-помалу, несмотря на все мои усилия, привалы становились все длиннее и длиннее, а переходы — все короче и короче. И когда мы достигли высокогорного перевала, который, по словам верзилы, вел в пагубные места, называемые Башнями Нанди, снова был полдень. Я дошел до конца перевала, по обеим сторонам которого возвышались стены из шероховатого льда, и принялся разглядывать панораму ледяных вершин, острых, как битые бутылки, и возвышавшихся тесными рядами, как акульи зубы. Они то повышались, то понижались, и плотные их ряды тянулись до самого горизонта.

Я повернулся к великану, чтобы немного подстегнуть его и заставить сократить расстояние между нами, но он опередил меня. Он указывал на что-то и кричал, но что именно, я никак не мог разобрать из-за низкого грохота, который слышался наверху. Я взглянул вверх и увидел, что ледяная стена рушится прямо на меня.

Пол был холодным. Это был кафельный пол школьной раздевалки, а мне тогда было десять лет от роду, и я лежал лицом вниз, прижатый к плиткам весом мальчишки, прозванного Суп и обладавшего физическими данными гориллы и соответствующим интеллектом.

Когда он сначала толкнул меня к стене, сделал мне подсечку и опрокинул на пол, я заплакал и воззвал о помощи к кольцу зрителей с горящими глазами, большинство которых сами не раз испытали на себе тяжесть огромных костлявых кулаков Супа. Никто из них даже не пошевелился, чтобы прийти мне на помощь, когда он пригнул мою голову к полу и потребовал назвать его дядюшкой. Я уже раскрыл было рот, чтобы сказать то, что мне было велено, но вместо этого плюнул прямо в его ненавистную рожу. После этого Суп окончательно вышел из себя. И теперь его рука обхватила мое горло, отжимая голову назад, а колено уперлось мне в копчик, и я знал, без малейшей тени сомнения знал, что Суп был мальчишкой, который не мог рассчитать собственные силы, и что он напряжет все свои растущие мышцы со всей силой, на которую они были способны, охваченный и несомый удивительной, только что открывшейся ему силой его собственных мускулов. И он будет выгибать мне спину до тех пор, пока позвоночник не сломается, и тогда я умру, умру, умру, буду мертвым всегда, погибнув от руки идиота.

Если я только не ухитрюсь спастись. Ведь я значительно умнее, чем Суп... да и умнее всех остальных. Человек подчинил себе животных силой ума, а ведь Суп был самым настоящим животным. Он не сможет убить меня, если я воспользуюсь своей головой, вместо того, чтобы безуспешно сопротивляться нажиму тела, которое в два раза больше моего собственного.

Я мысленно отступил в сторону и со стороны взглянул на самого себя. Я увидел, как он стоит на коленях надо мной, ухватившись за свое собственное запястье, балансируя на одной отставленной ноге, я увидел, как, перекатившись вправо, я смогу выскользнуть из-под придавившего мою спину колена, а затем внезапным движением...

Его колено соскользнуло у меня со спины, как только я рванулся из-под него. Я рванулся изо всех сил вверх, сгибаясь пополам. Он, все еще не восстановив равновесия, стал клониться вправо, еще держа меня. Я снова рванулся из-под

него, в результате чего голова моя оказалась у него под подбородком. Я протянул руки и вцепился в его жесткие рыжие волосы, а потом дернул что было сил.

Он закричал, и захвата как не бывало. Я извернулся, как уж, когда он ухватился за мои руки, все еще погруженные в его шевелюру, и вцепился зубами в его толстое ухо. Он взвыл и попытался вырваться, и тут я почувствовал, как рвется хрящ, и ощутил на губах вкус соленой крови. Он, наконец, оторвал мои руки от своей головы, потеряв при этом не только часть своих волос, но и приличные куски скальпа вместе с ними. Я увидел его лицо, искаженное, как маска какого-то демона. Он отшатнулся от меня, все еще держа меня за запястья. Тогда я двинул ему коленом в пах и увидел, как его лицо стало серым, как глина. Я вскочил на ноги. Он скорчился, согнувшись почти пополам и издавая какие-то сдавленные звуки. Я прицелился и сильно ударил его ногой прямо в рот. И пока у аудитории не проснулись зачаточные понятия о справедливости и меня не оттащили от него, я успел еще дважды, тщательно прицелившись, отвесить ему полноценные пинки в лицо.

Около меня что-то пошевелилось. Я услышал, как что-то твердое трется обо что-то такое же твердое. Пробился свет. Я глубоко вздохнул и увидел белобородое лицо древнего человека, издалека глядящее на меня — как будто я лежу на дне глубокого колодца...

— Ты все еще живешь, Карл Паттон, — голос великана словно эхо доносился откуда-то издалека. Я увидел, как его огромные руки тянутся ко мне, охватывают глыбу льда, очень медленно отваливают ее в сторону. Волосы его покрыты снегом, в бороде сверкают льдинки. Из рта у него валит пар.

— Уходи отсюда, — выдавил я из себя, преодолевая боль, как от битого стекла, у себя в груди. — Пока не обрушилось все остальное.

Он ничего не ответил. Он откинул еще одну льдину, и руки мои освободились. Я попытался помочь ему, но от этого меня только еще сильнее засыпало снегом. Он обхватил меня за плечи и начал поднимать, и вытянул меня в конце концов из ледяной глыбы. Я лежал на спине, а он нагнулся надо мной. Вула подползла к нему, издавая тревожное поскуливание. Сверху то и дело сыпался снег, небольшие струйки снега, которые тут же подхватывал и уносил ветер. Масса льда размером с корму авианосца нависала над нами на высоте нескольких сотен футов.

— Беги отсюда, идиот несчастный! — заорал я, но в ответ послышался лишь слабый шепот. Он медленно опустился на

колени, поднял меня на руки, поднялся. Сверху сыпались ку-
сочки льда. Он сделал шаг вперед, по направлению к Башням
Нанди.

— Назад, — с усилием выдавил я. — Ты там погибнешь.

Он остановился, так как перед ним начал сыпаться лед.

— А если бы ты был один, Карл Паттон... ты повернул бы
назад?

— Нет, — ответил я. — Нотебе... теперь нет причин умирать...

— Тогда мы пойдем вверх. — Он сделал еще один шаг и
покачнулся. Кусок льда величиной с баскетбольный мяч уда-
рил его в плечо, скатился к ногам. Пес залаял. Теперь льдины
падали вокруг нас, как рис во время свадебной церемонии. Он
продолжал идти вперед, пошатываясь, как пьяный, и уже на-
чал перебираться через последний подъем. Позади нас послы-
шался грохот, словно там выстрелила пушка. Воздух со сви-
стом вылетел мимо нас из узкой расщелины, вырвался на сво-
боду. Великан сделал еще три шага и не удержался на ногах.
Он выронил меня, потом встал возле меня на колени, при-
крывая меня наподобие какого-то странного навеса. Я слышал,
как он застонал, когда несколько кусков льда попали в него.
Где-то позади нас раздался грохот и шум, как будто вода прор-
вала плотину. Воздух наполнился снегом, ослепляющим, вы-
зывающим кашель. Свет померк...

* * *

Мертвые плакали. Это был звук, исполненный печали,
очень одинокий и как будто выражающий искреннее удивле-
ние тому, что жизнь так коротка и полна ошибок. Я понял, что
за чувства они испытывают. А почему бы и нет? Ведь я был
одним из них.

Но у трупа не может болеть голова, по крайней мере, на-
сколько я знаю. У них не должны мерзнуть ноги, они не должны
испытывать боли. Если только легенды о том, куда после
смерти попадают нехорошие люди, не оказались правдивыми.
Я открыл глаза, чтобы получше рассмотреть преисподнюю, и
увидел пса. Он снова завыл, и тогда я повернул голову и увидел
рядом с собой руку, большую, чем моя нога. Тяжесть, которая
давила на меня, была тем, что осталось от Джонни Грома,
распростершегося на мне под покровом ледяных глыб.

Чтобы выбраться из-под него, мне потребовалось около по-
лучаса. Спас меня скафандр, конечно, с его автоматически
срабатывающим защитным устройством, которое превращает
материал в броню. Я, конечно, был покрыт синяками и, воз-

можно, у меня были сломаны одно-два ребра, но со мной не произошло ничего такого, что могло бы помешать мне живым добраться до базы и своего миллиона кредитов.

Потому что я выполнил свою миссию. Великан не пошевелился за все то время, которое я выбирался из-под него, и не дрогнул, когда я приподнял его веко. Правда, слабенький пульс я у него нашупал, но это не могло продолжаться долго. Он истекал кровью от ран, нанесенных льдинами. Ими сплошь были покрыты его лицо и руки, но кровь уже смерзлась, и то, чего не могла довести до конца ледяная бомбежка, за нее доделает холод. Но, даже если он и оклемается, ледяная стена не позволит ему выбраться из этой западни. И когда скорбящие родственники придут сюда, чтобы взглянуть на своего любимца — переростка, они найдут его здесь именно так, как я его опишу: благородная жертва несчастья и неудачи, которая заставила нас отклониться от цели на десяток миль, да еще после такого долгого и утомительного путешествия. И тогда они закатят по нему замечательный плач, вроде того, какой он был хороший и на все готовый благородный человек, а потом закроют еще одну страницу истории. И не то чтобы я очень возгордился от того, что еще раз доказал недюжинность своего ума. Все это не было ничем из ряда вон выходящим — просто нужно как следует анализировать имеющиеся данные, а затем правильно использовать результаты анализа.

— Ну, прощай, Джонни Гром, — сказал я. — Ты был отличным парнем.

Пес поднял голову и завыл. Я включил вспомогательные механизмы своего скафандра на максимальную мощность и отправился к грузу, который находился в пятнадцати милях от меня.

* * *

Грузовой отсек, длиной в двадцать футов, покоился на участке слежавшегося снега в небольшой ложбинке между оголенными скалами. На нем не было ни царапинки. Это ничуть не удивило меня: автоматическое устройство, которое я поместил в него, могло посадить целый магазин фарфора, не разбив ни единой чашечки. Я обязался доставить груз в целости и сохранности, и выполнить условия договора в точности было делом моей профессиональной гордости.

Я так увлекся, поздравляя себя, что только приблизившись к грузу на пятнадцать футов, заметил, что снег вокруг него истоптан, а потом сверху его заровняли, чтобы скрыть следы.

Но к тому времени уже поздно было пытаться прятаться. Если кто-то там был, то меня уже заметили. Я остановился футах в десяти от входного люка и разыграл жалостливую сцену падения от усталости и превращения в маленькую кучку на снегу, а тем временем внимательно оглядел пространство вокруг отсека и под ним. Но ничего не обнаружил.

Пролежав достаточно долго, чтобы тот, кто мог находиться здесь, имел возможность появиться, я не увидел ничего. Желających не нашлось. Значит, и дальше мне предстояло играть самому. Я старательно исполнил номер по вытягиванию ног, поднятию их и, пошатываясь, добрался до входа. Царапины на люке доказали мне остальное. Запирающий механизм был не тронут. По моей команде он сработал, и я заполз в шлюз. Внутри все выглядело как всегда. Изоляция холодильной камеры была по-прежнему прочна, приборы сообщили мне, что охлаждающие установки функционируют нормально. Я почти уверился в этом, но не совсем. Не знаю, почему. Может быть, мой жизненный опыт, преподавший мне немало болезненных уроков, научил меня не принимать ничего как должное...

Мне потребовалось полчаса на то, чтобы снять кожу с риферного пульта. Когда я снял его, все сразу стало ясно: соленоид висел полуоткрытым. Это была сравнительно небольшая неисправность, которую можно было бы отнести на счет сложного приземления... но только если бы я не знал того, что прекрасно знал. Это было сделано искусственно, подставка была слегка изогнута на какую-то долю миллиметра — как раз настолько, чтобы аппаратура перестала функционировать как следует и чтобы включился цикл нагрева, который примерно через десять часов неминуемо убьет десятерых, что находятся в холодильниках. Я поправил его, услышал, как газ снова зашипел в трубах, и на этот раз более тщательно проверил показания приборов. Внутренний термометр показывал плюс три градуса по абсолютной шкале. Температура еще просто не успела начать подниматься. Десять длинных контейнеров и их содержимое пока были в целости. Это означало, что вмешательство произошло совсем недавно.

Я все еще размышлял над возможными последствиями такого вывода, когда услышал шаги на льду, приближающиеся к входному люку.

* * *

Иллини теперь выглядел совсем иначе, чем в последнюю нашу встречу в затянутом плюшем кабинете Централы Лиги.

Его обезьянье лицо, прикрытое маской, выглядело съежившимся и бескровным, длинный нос посинел от холода, а на скулах виднелась синева от пробивающейся щетины. Казалось, он ничуть не удивился, увидев меня.

Он вошел внутрь, а за ним появился другой человек. Они огляделись, приняли к сведению отметины на покрытом ином кожей рифтера, обратили внимание на открытую панель.

— Все в порядке? — спросил меня коротышка.

Он задал этот вопрос как бы невзначай, словно мы с ним случайно встретились на улице.

— Почти, — ответил я. — Если не считать небольшого происшествия с соленоидом. Впрочем, ничего серьезного.

Иллини кивнул, словно именно такого ответа он и ожидал. Его глаза быстро бежали меня.

— Снаружи ты, кажется, испытывал кое-какие затруднения, — заметил он. — Но я не вижу, чтоб ты сильно сдал. Ты довольно быстро оправился.

— Наверное, это было что-то психосоматическое, — ответил я. — Забравшись сюда, я просто отвлекся.

— Полагаю, что наш объект мертв? —

— Конечно же, нет, черт возьми! Он жив и здоров и сейчас пребывает в городе Феникс, штат Аризона. Как вы обнаружили отсек, Иллини?

— Мне очень повезло, я уговорил одного торговца подпольным товаром, который снабдил тебя пеленгационным оборудованием, продать мне его точную копию, да еще настроенную на тот же самый код, — видно было, что это доставляет ему удовольствие. — Но ты не очень-то расстраивайся, Улрик. При неограниченном бюджете почти не может быть секретов.

— Ясно, — сказал я. — Все сделано правильно. Но вы так и не сказали мне, зачем сделали это.

— План, разработанный тобой, довольно умен, — сказал он. — Может быть, немного переусложнен, ... но тем не менее умен. До какой-то степени. Благодаря специальному оборудованию, которое ты вмонтировал в отсек, стало ясно, что ты вознамерился сохранить свой груз нетронутым.

— Ну и что?

— Ты хотел предоставить публике возможность восхищаться чистеньким символом, Улрик. Отлично, прекрасно. Но гибель этого переростка в слепой попытке спасти людей, которым никогда ничего не угрожало, слегка испортит картину. Люди могут разочароваться. Они могут начать расследование обстоятельств, при которых их любимчик так бездарно ухитрился погубить себя. Но зато если окажется, что НА САМОМ ДЕЛЕ он мог спасти людей — вот тогда публика примет его жертву.

— И ради подобной теории вы собираетесь лишить жизни десятих?

— Нет ничего необычного в том, чтобы такой ценой оплачивались дополнительные гарантии.

— И, значит, вы явились сюда, чтобы исправить мои ошибки. А как же вы предполагаете уладить дело с Мониторной Службой? Они всегда косо смотрят на самовольные поездки туда, куда не следует.

Выражение лица Иллини стало таким, каким оно бывает у кошки, только что съевшей канарейку.

— Я нахожусь здесь на совершенно законных основаниях. Благодаря счастливому стечению обстоятельств, моя яхта находилась неподалеку от этой планеты и перехватила сигнал твоего передатчика. Станция Кольцо-8 приняла мое предложение оказать помощь.

— Понятно. А что вы припасли для меня?

— О, конечно же, только то, о чем мы договорились. У меня нет никакого желания усложнять дело еще и в этом отношении. Мы будем и дальше в точности следовать твоим предложениям — за одним исключением, о котором я уже говорил. По ясным нам обоим причинам я надеюсь, что могу положиться на твое благоразумие. Твоя плата уже переведена на Депозит в Центральный Кредитный Банк.

— Значит, вы уже все продумали, да? Но вы не приняли в расчет одного: я очень честолобив. И я терпеть не могу, когда кто-то вносит изменения в мои планы.

Иллини приподнял верхнюю губу.

— Мне известно, что ты обычно стараешься искупить угрызения совести профессионального убийцы крайней чистоплотностью во всех других отношениях. Но, боюсь, что в этом случае решающее слово останется за мной.

Рука второго человека ненавязчиво потянулась к оружию на бедре. До сих пор он не проронил ни одного слова. Да ему это было и ни к чему. Он до конца будет играть роль молчаливого помощника. Иллини наверняка взял с собой самого лучшего. Возможно, скоро мне придется проверить это.

— Дела здесь отнимут у нас всего несколько часов, — заявил Иллини. — А после этого, — он сделал рукой широкий жест, — мы сможем заняться совсем другими делами, — он улыбнулся, словно это решало сразу все проблемы. — Кстати, где же тело? Я хотел бы взглянуть на него. Просто так принято.

Я сложил руки на груди и прислонился к переборке. Я сделал это очень осторожно на всякий случай, а то вдруг я что-нибудь неправильно рассчитал.

— А что, если я не намерен вам сообщать, где оно?

— В таком случае я вынужден настаивать, — в глазах Иллини появилась тревога.

Оруженосец насторожился.

— Ой-ой! — сказал я. — Какая деликатная ситуация. Обугленный труп вовсе не улучшит общей картины.

— Подиаку дано указание только обезвредить, а не убивать.

— Для слуги общества, исполняющего свой долг, вы, Иллини, по-моему, слишком близко принимаете это дело к сердцу. Даже не верится, что вами движет только стремление устранить незначительную помеху, задерживающую приход прогресса на Вэнгард. А ведь Комиссионер объяснял все именно так. Нет ли у вас, случайно, какой-нибудь личной заинтересованности?

Иллини пожал плечами.

— Не стану скрывать, я действительно являюсь участником концессии по эксплуатации планетных ресурсов. Но ведь кто-то же должен иметь с нее прибыль. Так почему бы ее не иметь человеку, который организовал все это?

— Опять я свалю дурака, — сказал я. — Мне следовало потребовать процент с дохода.

— Ну ладно, довольно болтовни, — сказал вдруг Иллини резко. — Не нужно водить меня за нос, Улрик. Или высказывайтесь прямо, или не обессудьте за последствия.

Я покачал головой.

— Плевал я на ваш блеф, Иллини. Все это дело висит на волоске. Малейший признак, не укладывающийся в рамки происшествия, например, жирное пятно на полу — и все лопнет, как мыльный пузырь.

Подиак сделал быстрое движение, и оружие оказалось в его руке. Я усмехнулся.

— Видимо, это должно настолько испугать меня, что я позволю вывести себя наружу и там предоставить вам возможность обработать меня как следует, да?

— Предупреждаю тебя, Улрик...

— Бросьте. Никуда я не пойду. Зато вам придется уйти, Иллини. Ваша яхта наверняка спрятана где-то неподалеку отсюда. Так вот, садитесь в нее и убирайтесь. А я отсюда послежу за вами.

— Да вы просто идиот! Вы подвергаете риску всю операцию из-за каких-то слюнявых сантиментов!

— Это моя операция, Иллини. И я либо доведу дело до конца так, как было задумано сначала, либо вообще ничего делать не буду. Вот такой уж я... Но, если помните, потому меня и наняли?

Он набрал полную грудь воздуха, как человек, собирающийся глубоко нырнуть, и с шумом выпустил его.

— У вас нет ни одного шанса, Улрик! Вы лишаете себя всего. Ради чего?

— Вовсе не всего. Вы все равно заплатите мне за проделанную работу. Это-то уж вы сделаете. Вы вернетесь и доложите, что обнаружили отсек в полном порядке. Только попробуйте заявить что-либо другое. Ваша затея тут же провалится.

— Нас здесь двое. Мы можем взять тебя голыми руками.

— Только после того, как у меня в руке не станет пистолета.

Коротышка, казалось, готов был съесть меня глазами. Он явно хотел бы сказать мне еще кое-что, но вместо этого соорудил гримасу человека, жующего стекло, и кивнул своему помощнику. Они боком-боком добрались до люка и спрыгнули на снег. Я смотрел, как они удаляются.

— Ну, ты у меня еще схлопочешь за это! — крикнул мне Иллини. — Обещаю тебе!

— Ничего вы мне не сделаете, — ответил я. — Вы будете сидеть, считать свои миллионы и держать языки за зубами. Комиссионеру это наверняка понравится.

Они обернулись, я насторожился и опустил руки. Тут Подиак метнулся в сторону и выстрелил. Разряд отшвырнул меня к противоположной стене кабины.

Окружающее наполнилось светом и грохотом, а грохот слепил. Я с трудом уцепился за тонкую ниточку сознания, сплел из нее канат и выбрался по нему. Я сделал это потому, что должен был сделать это. И как раз вовремя. Подиак уже лез обратно в кабину. Снаружи слышался голос Иллини, приказывающего что-то. Я прицелился в Подиака, нажал на спуск, и его как будто ветром сдуло.

* * *

Я весь онемел, как палец, по которому стукнули молотком. Я чувствовал, что под скафандром по мне течет теплая жидкость и, кажется, ощущал сломанные кости. Я попытался пошевелиться и снова потерял сознание. И тогда я понял: на сей раз мне уже не выкарабкаться. Я получил свое. Иллини победил.

Его голос вывел меня из полубытья.

— Он стрелял вопреки моему приказу, Улрик! Ты же сам слышал, как я сказал ему! Я не виноват!

Я несколько раз моргнул, и тогда смог рассмотреть коротышку через запахнутый люк. Съежившись, он стоял на том же самом месте, где я последний раз видел его, и со страхом ждал вспышки из темного отверстия люка, которая прикончит его. Все козыри были у него на руках, но он, бедняга, не знал

об этом. Он понятия не имел о том, как тяжело я был ранен — настолько тяжело, что он мог бы попросту войти в отсеk и завершить задуманное, не встретив никакого сопротивления... А он-то думал, что сильный и умный Вэйрд Улрик остался цел и невредим и сейчас держит его на мушке, хладнокровный и смертоносный, как всегда, и, как всегда, полностью владеющий ситуацией.

О'кей. Постараюсь и дальше держать его в неведении. Пусть со мной покончено, но и с ним тоже, если бы мне только удалось заставить его улететь. Когда ребята с Мониторной Станции прибудут сюда и обнаружат мой труп и записку, которую я постараюсь написать до того, как окончательно стемнеет, с Иллини и К^о будет покончено. Им никогда больше не удастся участвовать в бизнесе с похищением планет, и остаток своих дней они проведут на каторге. Причем, все это произойдет так быстро, что никто и глазом моргнуть не успеет. Я поискал собственный голос, немного подул на него и крикнул:

— Ладно, Иллини, этот выстрел не в счет. Забирай своего парня и убирайся с планеты. Я буду следить за тобой. И лока-торы Мониторной Станции — тоже. Если ты вновь попытаешься приземлиться, тебе придется им кое-что объяснить.

— Я все сделаю, как ты сказал, Улрик. Ты в своем праве. Мне... мне придется привязать что-нибудь в Подиаку, чтобы тащить его до яхты.

На это я ничего не ответил. Не мог. Это обеспокоило Иллини.

— Улрик! Я доложу, что обнаружил все в полном порядке. Только, пожалуйста, не делай глупостей. Помни о миллионе кредитов, ожидающих тебя.

— Топай, топай, — выдавил я.

Я смотрел, как он отошел на несколько шагов, повернулся и стал карабкаться по склону. Огни у меня перед глазами то вспыхивали, то гасли.

Вдруг Иллини снова оказался здесь, таща в какой-то упряжи бесчувственное тело своего протезе, безвольно волочившееся по снегу. Когда я снова поднял глаза, их уже не было видно. И только тогда я отпустил то, на чем висел, и провалился навсегда в бездонную пропасть.

Когда я вновь пришел в себя, возле меня сидел Джонни Гром.

Он дал мне воды. Я выпил ее и сказал:

— Ты, здоровенный идиот! Что ты здесь делаешь? — мне показалось, что я произнес эти слова вслух, но изо рта у меня вырвалось только легкое шипение, как из проколотого мяча. Я лежал, прислоненный головой к стене, как он положил меня, и смотрел в его широкое, изможденное лицо, на потрескавшиеся

и кровоточащие губы, спутанные волосы, перемешавшиеся со снегом. Взгляд его ярких голубых глаз встретился с моим.

— Я пришел в себя и увидел, что тебя нет, Карл Паттон, — голос его совершенно потерял звучность. Он говорил, как древний старик. — Вула привела меня сюда.

Я попытался обдумать ситуацию... и вдруг понял, что вытекает из всего этого. Я чуть не заулыбался. Конечно, записка, написанная кровью, может пробить дыру в планах Иллини, но ведь живой великан утопит их окончательно.

Я сделал еще одну попытку и ухитрился на сей раз издать довольно разборчивый шепот:

— Слушай меня, Джонни. Слушай внимательно, потому что второй раз объяснять все это у меня не хватит сил. Вся эта история — подделка, уловка, которая должна была погубить тебя. Потому что пока ты жив, они не могут заграбастать твой мир. Понимаешь меня? Люди, которые находятся здесь, — в полной безопасности. По крайней мере так должно быть. Но в первоначальный план внесли изменения. Конечно, только после того как позаботились бы о тебе. А раз ты жив... — я почувствовал, что мои объяснения становятся слишком сложными.

— Вобщем, все это чепуха, — продолжал я. — Ты перехитрил их. Перехитрил всех нас. Ведь, несмотря ни на что, ты остался жив. Теперь твоя задача и дальше оставаться в живых. Поэтому ты должен затаиться. Здесь есть отопление и аварийные запасы пищи — всего этого тебе вполне хватит до прибытия спасательного отряда. И тогда твое дело в шляпе. Ты заметил, что поврежден соленоид, понимаешь? Ты ведь знаешь, как выглядит соленоид, да? И поправил его. Ты спас людей. Ты будешь героем. После этого они не осмелятся тебя и пальцем тронуть.

— Ты тяжело ранен, Карл Паттон.

— Меня зовут вовсе не Карл Паттон, черт тебя подери! Меня зовут Улрик! Я наемный убийца, понимаешь? И явился сюда я, чтобы прикончить тебя...

— Ты потерял очень много крови, Улрик. Здесь есть какие-нибудь медикаменты?

Я быстро развеял все его надежды на мое спасение:

— По крайней мере ничего такого, что могло бы спасти меня, здесь нет. Мне прямо в бедро угодили из электрического разрядника. Моя левая нога теперь — просто месиво из кусочков кости и окорока. Скафандр немного помог мне, но не очень. Можешь забыть об этом. Важно то, что они знают, что ты жив! Если они попытаются сесть сюда еще раз, на всякий случай, и обнаружат тебя до того, как прибудет спасательный отряд, —

они выиграли. А они ни в коем случае не должны выиграть, понимаешь? Я им не позволю!

— В моем доме есть медицинская машина. Ее туда привезли доктора. После Болезни. Она сможет вылечить тебя.

— Конечно! А в Медицинском Центре я бы начал танцевать самали уже через тридцать шесть часов. А если бы я не совался в это дело, я вообще не попал бы в такую переделку. Забудь об этом и постарайся сосредоточиться на том, чтобы остаться в живых...

После этого я, должно быть, отключился, потому что следующим моим ощущением было то, что мне в бок кто-то втыкает тупые ножи. Я приподнял веки и увидел, что мой скафандр растянут, и еще увидел много-много крови. Большой Джонни что-то делал с моей ногой. Я велел ему оставить меня в покое, но он продолжал пилить меня раскаленной добела пилой и лить мне на раны кипящую кислоту.

А потом, через некоторое время, я как будто поднялся откуда-то из глубин и снова увидел свою ногу, забинтованную до бедра бинтом из аптечки первой помощи.

— В тебе еще много сил, Улрик, — сказал Джонни. — Ты боролся со мной, как морозный демон.

Я хотел сказать ему, чтобы он бросил это бесполезное занятие и дал мне возможность спокойно умереть, но не смог издать ни звука. Великан поднялся на ноги, завернутый в пурпурно-зеленый мех. Он нагнулся, поднял меня и направился к люку. Я снова попытался закричать, объяснить ему, что спасти ему нужно только самого себя, ради того чтобы взять реванш. Что он уже сыграл свою роль сенбернара, спасающего терпящих бедствие в горах, и что еще одна бессмысленная прогулка в снегах будет означать победу Домбека и Иллини, что все мои труды пошли насмарку. Но это было бесполезно. Я почувствовал, как он покачнулся, оказавшись во власти ветра, как щелкнул выключившийся термостат в моем скафандре. И затем меня с головой накрыло огромное одеяло.

* * *

Об обратном пути у меня почти не осталось воспоминаний. Прибор, контролировавший процессы метаболизма, постоянно держал меня под наркозом — это и естественные механизмы защиты боролись с ощущениями, сопровождавшими путешествие на плече великана через ледяную пустыню, да еще когда осколки костей стараются выйти наружу через разможенные ткани бедра. Один раз я заглянул в огромное обмороженное лицо и встретил взгляд замутненных огромных глаз.

— Оставь меня здесь, — произнес я. — Я не нуждаюсь в помощи. Ни от тебя, ни от кого другого. Я выигрываю или проигрываю только самостоятельно.

Он покачал головой.

— Но почему? — спросил я. — Зачем тебе это?

— Человек... — сказал он. — Человек всегда... должен... доводить свои дела до конца.

И он продолжал идти вперед. Он был трупом, но никак не хотел лечь и умереть.

Я инстинктивно пил и ел из трубок, подведенных ко рту. Если бы я находился в сознании, то, наверное, постарался бы уморить себя голодом, чтобы не продлевать агонию. Иногда я приходил в себя, но не больше, чем на полчаса. И тогда я понимал, каково приходится куску мяса на крюке мясника.

Остальное время я спал и мне снилось, что я уже сдал вступительные экзамены в Ад. Несколько раз я чувствовал, что падаю и лежу на снегу, потом огромные руки, причиняя мне боль, поднимали меня с ворчанием, и я вновь ощущал себя возле огромного измученного тела, продолжающего брести куда-то.

А потом было еще одно падение, но только какое-то более окончательное, что ли, чем все остальные. Долгое время я лежал на месте, дожидаясь смерти. И только немного спустя мне пришло в голову, что скафандр не позволит мне так легко умереть. Питание и лекарства, которые помогли бы здоровому человеку продержаться с год, заставят помучиться умирающего ненамного меньше. Так что я остаюсь по эту сторону подземной реки, нравится мне это или нет.

Я открыл глаза, чтобы сказать об этом великану, и увидел его дом, возвышающийся под сенью огромных деревьев в сотне ярдов от меня. Чтобы добраться до него, мне понадобилось никак не меньше дня. Я проползал за раз по сотне миль, усыпанных битыми бутылками. Дверь некоторое время сопротивлялась, но в конце концов я навалился на нее всем телом, тогда она отворилась и я ввалился внутрь, на дощатый пол. После этого мне потребовалась еще одна вечность, чтобы добраться до огромного медицинского кабинета, открыть его и вползти туда.

Я успел услышать, как включился диагностический прибор, и ощутить, как сенсоры задвигались по моему телу. Потом я долго, очень долго не чувствовал ничего.

* * *

На этот раз я очнулся с ясной головой, не испытывая боли, с шиной на ноге, которая позволила мне ходить. Я огляделся в

поисках хозяина, но оказалось, что я один в доме. В очаге не было огня, но, несмотря на это, в доме было тепло. Видимо, когда-то какие-то доброхоты установили здесь автоматическое отопление на тот случай, если очаг потухнет и великану станет холодно. На полках я нашел кое-какую снедь и впервые за много дней опробовал свои челюсти. Жевать было еще больно, но вполне терпимо.

Я включил коммуникатор и уже собирался поведать Вселенной свою историю. Но потом вспомнил, что нужно выяснить еще кое-какие подробности. Я подошел к двери, смутно надеясь увидеть Джонни, разминающегося колкой дров.

Но все, что я увидел, это раскачивающиеся под ветром деревья и серое небо, низко нависшее над землей, подобно мокрому холсту. А потом я увидел и еще кое-что: продолговатый сугроб на полпути между домом и опушкой леса.

Хруст снега у меня под ногами почти оглушал в полуденной тишине. Я шел к продолговатому сугробу. Да, он был там. Он лежал на спине, глаза его были открыты и смотрели в небо сквозь припорошивающий их снег. Руки его были согнуты в локтях, а ладони открыты так, как будто он держал на руках ребенка.

Снег, как одеяло, покрыл его, будто для того, чтобы согреть во сне. Собака лежала подле него, замерзнув на своем последнем посту.

Я долго, очень долго смотрел на него, и слова так и кипели во мне. Я очень многое хотел бы сказать ему, но для этого требовался голос, который перенес бы их через пропасть, разделявшую нас.

Поэтому все, что я сказал, было только:

— Ты победил, Джонни. Мы считали себя умниками, но именно ты оказался человеком, который довел свое дело до конца.

* * *

Я нажал на кнопку «ПЕРЕДАЧА», готовый дать залп, который потопит Домбека и его команду, как консервную банку, потом тихий и мудрый голос благоразумия начал нашептывать мне в ухо. Прищучить их для меня будет равносильно самоубийству, причем и после смерти на моем замерзшем лице будет торжествующая улыбка, а нос будет воинственно выглядывать из могилы. Может быть, еще имело смысл поднимать их на воздух для того, чтобы сохранить для Джонни Грома его замерзший рай, особенно если учесть, что они собирались провести меня.

Но я-то был жив, а Джонни был мертв. А тот миллион по-прежнему дожидался меня. Там, в грузовом отсеке, не осталось ничего такого, чего нельзя было бы объяснить огромным нехорошим скорпионом, который слегка пожевал мою ногу.

Джонни будет героем, и ему поставят памятник замечательнейший памятник где-нибудь в таком месте, куда не дотянутся козни землеройных машин. Я сам прослежу за этим.

И в конце концов я поступил умно и очень умно. Я сообщил им то, что они хотели бы услышать от меня: что люди живы и что великан погиб геройски, как и подобает великану. После этого я стал ждать прибытия спасательной шлюпки.

* * *

Я получил свои деньги. С тех пор я наполовину ушел в отставку. Я решил больше никогда не браться ни за какие поручения. До самого последнего времени я проводил жизнь путешествуя, любуясь видами, отдыхая на роскошных курортах, тратя часть дохода, причитающегося мне с той кучи денег, которая мне досталась.

Я ел и пил, путался с девками и испробовал, кажется, все на свете, начиная с воздушных лыж и кончая пешими прогулками по дну морскому. Но у меня такое ощущение, что то, что я так тщательно пытаюсь найти, я никогда не найду, как и все остальные бездельники и любители острых ощущений.

Вселенная ведь бесконечна и равнодушна, а маленький человечек все же не оставляет попыток совершить подвиг, который позволит ему сравняться со звездами.

Но в мире, где когда-то жил-был великан, все мы навсегда останемся пигмеями.

ДЬЯВОЛ, КОТОРОГО ВЫ НЕ ЗНАЛИ

1

Карлин Димплеби была в ванной, когда зазвонил звонок входной двери.

— Проклятье! — выругалась Карлин.

Она еще раз медленно повернулась под душем, запрокинув лицо навстречу струям воды, потом закрутила большие хромированные рукоятки кранов и вышла на белый нейлоновый ковер, занимавший всю площадь ванной и положенный ровно неделю назад. Слегка запотевшее зеркало, высотой в рост человека, отразило мягкие, округлые линии ее стройного молодого тела. Она вытерла полотенцем спину, пересекла ванную, набросила на себя банный халат и, босая, прошла через облицованный изразцами холл. Звонок зазвонил снова, и она открыла дверь.

Перед ней стоял высокий, стройный молодой человек, одетый в безупречно сшитый белый фланелевый костюм и голубую спортивную фланелевую куртку с отделкой и несколько захватанными манжетами. Молодой человек оторвал палец от кнопки звонка и улыбнулся ослепительно белозубой улыбкой.

— Я извиняюсь, мэм, — сказал он.

У него был настолько низкий и глубокий голос, что Карлин показалось, будто звук пронзил все ее тело до самых пяток.

— Я подумал, что, может быть, вы не слышали звонка...

Он замолк, покраснев от смущения.

— Почему же, — сказала Карлин. — Не волнуйтесь. Я имею в виду, что все в порядке.

— Я пришел снять показания электросчетчиков.

— Ей-богу, я даже не знаю, где они у нас.

Она сделала шаг назад и, поскольку он выжидал, сказала:

— Войдите. Они, кажется, на щитке в подвале.

Высокий молодой человек бочком протиснулся в комнату.

— Профессор Димплеби живет здесь? — с сомнением спросил он.

— Он еще на занятиях, но не ждите от него большой помощи. Джонни недостаточно разбирается в простых вещах, но он великолепно знает квантовую физику.

Карлин взглянула на его пустые руки.

— Может быть, мне лучше зайти попозже? — спросил он.

— Я заметила, — укоризненно сказала Карлин, — что у вас нет с собой никаких инструментов.

— О, вы опять вгоняете меня в краску. Ну, я думаю...

— У вас ложные претензии, — мягко сказала она. — Вот так-то! У такого приятного молодого человека, как вы, наверное, полно девушек.

— Ну, я...

— Садитесь, — приветливо сказала Карлин. — Хотите кофе?

— Спасибо... Я никогда... Я лучше пойду!

— Вы курите?

Она выдвинула ящик письменного стола.

Он поднял руки вверх и с испуганным выражением осмотрел себя. Карлин засмеялась.

— О, садитесь, пожалуйста, и все мне расскажите.

Молодой человек сглотнул.

— Вы не студент, мистер? — настойчиво спросила девушка.

— Нет, не совсем.

Он робко присел на край датского стула.

— Конечно, я учусь всегда...

— Я имею в виду, думали ли вы о том, чтобы стать учащимся? И есть ли у вас девушка, которую вы просили о свидании?

— Ну, не совсем так...

— Она, вероятно, подыскивает себе хорошую партию, а вы слишком робки, мистер...

— Ну, я полагаю, что мне лучше уйти, мэм. И в конце концов...

— Мы живем в эпоху сумасшедшей, развивающейся культуры. Она оказывает на людей ужасное влияние. И все это так ненужно. Я имею в виду, что может быть естественней...

— А когда должен прийти профессор Димплеби? — прервал ее молодой человек. Он покраснел от чистого белого воротника до корней волос.

— О, я боюсь разочаровать вас, — мягко произнесла она. — Я лучше пойду принесу вам кофе. Джонни может вернуться, когда угодно.

Кофеварка была включена и теперь пела свою песню. Карлин, подпевая ей с закрытым ртом, протерла две чашки, поставила их на маленький серебряный поднос вместе со сливочником и сахарницей. Когда она вошла, юноша поднялся.

— Садитесь, — она поставила поднос на кофейный столик высотой до ее колен. — Сливки и сахар? — спросила она, подавая ему чашечку кофе.

— Да, и с земляникой, — промурлыкал юноша в ответ. — Или, быть может, с бутонами роз ярко-розового цвета?

— Они приятны на вид, не правда ли? — раздался у входа в холл громкий мужской голос.

Высокий мужчина с взъерошенными седыми волосами и румяным лицом снимал шарф.

— Джонни, ты уже дома!

Карлин улыбнулась мужу.

— Халат, Карлин, — сказал профессор. Он улыбнулся юноше извиняющейся улыбкой.

— Карлин выросла на Самоа. Ее родители — тамошние миссионеры, как вам, наверное, известно. Они никогда не придерживались мнения, что женские груди должны быть скрыты от мужчин.

Карлин застегнула платье-халат до самой шеи, сказав:

— Ей-богу, извините. Я предложила мистеру...

— Не стоит извиняться, — сказал юноша. Он поднялся и слегка кивнул хозяину. — Профессор Димплеби, мое имя — Люцифер.

Димплеби протянул руку.

— Люцифер, в самом деле? Все правильно. Оно означает «носитель света», или «светоносный». Не часто можно встретить такое имя. Чтобы щеголять пренебрежением к старым предрассудкам, требуется смелость и практическая сметка.

— Мистер Люцифер пришел проверить свет, — сказала Карлин.

— Не совсем так, — быстро сказал юноша. — В действительности, я пришел за вашей помощью, профессор.

— О, в самом деле?

Димплеби уселся, бросил кусок сахара в чашку Карлин и сделал шумный глоток.

— Ну, и чем я могу быть вам полезен?

— Прежде чем я изложу свое дело, мне хотелось бы быть уверенным, что вы меня поняли — я действительно тот самый Люцифер. Я говорю это к тому, чтобы потом ко мне не было претензий.

Он с тревогой взглянул на Карлин.

— Я уже говорил вам, что я не электрик, миссис...

— Зовите меня просто Карлин. Так лучше.

— Если вы говорите, что ваше имя Люцифер, почему я должен сомневаться в этом? — спросил профессор Димплеби.

— Но я тот самый Люцифер. Вы знаете — дьявол.

Димплеби поднял брови. Карлин издала подавленный звук восхищения.

— Конечно, более поздние времена отразили все виды негативных характеристик.

Люцифер заспешил.

— Но я вас уверяю, что большая часть того, что вы обо мне слышали, сильно преувеличена. То есть я не так плох, как обо мне говорят. Существуют различные виды зла. Есть реальное зло, и есть грех. Я ассоциируюсь с грехом.

— Это различие кажется мне очень тонким, почти неуловимым, мистер Люцифер.

— Это не так, профессор. Мы все инстинктивно чувствуем, что такое реальное зло. Грех же — зло только с точки зрения закона или обычая. Вещи, которые рассматриваются как предосудительные только потому, что они не укладываются в жесткие рамки правил. Подобно тому как отвергается курение сигарет, питье ликсров и посещение кино по воскресеньям или пользование губной помадой и ношение шелковых чулок, или употребление свинины, или что-нибудь иное в этом роде — в зависимости от того, какого набора правил вы придерживаетесь. Существует набор ритуальных добродетелей, таких как зажигание свеч и вращение молитвенных колес, перебирание четок или ношение старомодной одежды.

Димплеби откинулся назад и сцепил пальцы пирамидкой.

— Гм... Принимая во внимание настоящее зло...

— Убийство, изнасилование, лживость, плутовство, мошенничество, воровство, — перечислил Люцифер. — В то время как грех включает в себя элементы, которые могут быть восприняты как шутка.

— Давайте разберемся в этом. Я никогда не слышала никаких доводов в пользу шутки со стороны безгрешных людей, — задумчиво сказала Карлин.

— Так же как и со стороны духовных лиц со светлыми головами, способными воспринимать шутки, — добавил Димплеби.

— Я боюсь, что все это происходит из-за человеческой лени, — печально сказал Люцифер. — Кажется, им так намного легче и удобнее наблюдать за несколькими ритуальными запретами, чем заниматься нормальной деловой практикой.

— Эй, — сказала Карлин, — давайте не превращать разговор в одну из академических дискуссий. Лучше расскажите нам, как вы живете.

Она улыбнулась:

— Дьявол!

— Это не совсем так.

— Докажите это, — быстро сказала Карлин.
— Что? Я хочу сказать, каким образом? — спросил Люцифер.
— Сделайте что-нибудь. Вы знаете, исполните что-нибудь, что полагается исполнять демону: превратите булыжник в драгоценный камень, или исполните три моих желания, или...

— Черт возьми, миссис Димплеби...

— Карлин.

— Ну, Карлин. У вас несколько ошибочное представление, довольно предвзятое...

— Когда с самого начала так робеют, я всегда знаю, что ни на что не решатся, — ласково сказала Карлин.

Люцифер сглотнул.

— Мне н-не нравится эта идея, — сказал он. — Предположим, что сюда кто-то сейчас войдет...

— Никто не войдет.

— Опять, Карлин, ты смущаешь нашего гостя, — мягко сказал Димплеби.

— Нет, все правильно, профессор, — озабоченно сказал Люцифер. — Она совершенно права. В конце концов, я представляю собой нечто неопределенное, мифическую личность. Почему же она должна верить мне на слово, без доказательств?

— Особенно когда вы так легко краснеете, — добавила Карлин.

— Ну...

Люцифер оглянулся и осмотрел комнату. Его взгляд упал на большой аквариум, занимавший несколько квадратных футов над книжной полкой. На дне аквариума что-то мерцало. Карлин вскочила и подошла ближе, Люцифер последовал за ней.

— Золотоносная россыпь, — сказала она.

Она задыхалась от волнения.

— Но это должно было бы выглядеть иначе. Алмаз, рубин, изумруд и макароны, — сказал Люцифер. — Извините меня за макароны — я долго не практиковался.

— Сделайте что-нибудь еще.

Карлин улыбнулась, полная страстного, нетерпеливого ожидания.

Люцифер нахмурился, концентрируя свою волю. Он шелкнул пальцами. Раздался звук, нечто вроде мягкого «блуп!», и небольшая темно-пурпурная, луковичеобразная фигурка с морщинистой кожей появилась в центре ковра, устилавшего пол комнаты.

Высотой существо было дюймов сорок. Оно было совершенно нагим и представляло собой экстравагантного мужчину с большими ступнями.

— Эй, вы кричали так громко, не предупредив меня, что я уже собирался залезть в эту лоханку с водой.

Красный глаз небольшого существа посмотрел на Люцифера. Тот захохотал, показав полумесяц больших, ослепительно белых зубов.

— О, это вы, Ник! Воющий мальчик! Давно я вас не видел. Чем могу быть полезен?

— Оспс, извини, Фредди.

Люцифер щелкнул пальцами, и существо исчезло с легким звуком «блоп!».

— Вот это действительно демон, — сказала Карлин. — Как его там? Фредди?

— Примите мои извинения, Карлин. Обычно он одевается безукоризненно, со вкусом. Фредди не годится для более длительного присутствия.

— Покажите еще!

— Э-э-э...

Он слегка ударил пальцем по запястью и указал на Карлин.

На ее месте появилась высокая ширококостная женщина с огромными глазами и угольно-черной кожей, одетая в платье из грубой ткани и с босыми ногами. Дешевые украшения свешивались с ее запястьев, драпировали ее объемистые груди, висели на ее ушах и пальцах.

Люцифер снова щелкнул пальцами — и перед ним возникла тонкая стройная девушка с оливковой кожей, иссиня-черными волосами и крючковатым носом, сменившая королеву публичных домов. На ней была юбка из старой газовой занавески, грудь ее была щедро усыпана цветными бусинами. Золотая змея обвивала ее лоб.

Люцифер сделал еще одно движение.

Египетская императрица растворилась в воздухе, и на ее месте возникло туманное облако газа пастельного цвета, в котором мерцала и клубилась звездная пыль под аккомпанемент массы голосов, тянущих ностальгический мотив среди аромата цветущих магнолий. Новый жест Люцифера — и перед ним снова стояла прежняя Карлин, выглядевшая несколько ошеломленной.

— Эй, что было напоследок? — спросила она.

— Извините, это была Скарлетт О'Хара. Я забыл, что она была плодом воображения. Они всегда несколько нематериальны.

— Замечательно, — сказал Димплеби. — Мне кажется, что вы или сотворили чудо, или достигли того же результата другими средствами.

— Скажите мне, — серьезно сказала Карлин, — мне всегда было интересно, что вам надо от человеческих душ?

— Честно говоря, мадам Карлин, я не испытываю интереса ни к одной живой душе.

— В самом деле?

— В самом деле, клянусь вам. Могу перекреститься. Это всего лишь молва и слухи.

— Вы уверены, что вы именно Дьявол, а не кто-нибудь иной с тем же именем?

Люцифер беспомощно развел руками.

— Вы видели Фредди и лапшу в аквариуме?

— Но у вас нет ни рогов, ни копыт, ни хвоста.

Люцифер вздохнул.

— Эта идея возникла у людей потому, что меня спутали с Паном, древнегреческим богом лесов и полей. Поскольку он был похотливым шутником, то и стал олицетворением греха.

— Я всегда удивлялась, — сказала Карлин, — что вы сделали такого, за что вас выслали с небес?

— Ну, — сказал Люцифер, — это, как бы сказать... Инцидент связан с тем временем, когда я был еще ангелом.

Он предупреждающе поднял руку, когда Карлин приоткрыла рот.

— Нет, у меня нет крыльев. Люди добавили их нам, увидев, как мы поднимаемся посредством левитации, потому что, по их представлениям, все, что летает, должно иметь крылья. Если бы мы явились в настоящее время, они приделали бы нам реактивные двигатели.

— Предположим, что вы именно тот, за кого вы себя выдаете, — сказал Димплеби. — Но в какой помощи вы нуждаетесь?

— Я скажу честно, — сказал Люцифер. — Я встретил нечто, с чем не могу справиться в одиночку.

— Я не представляю, чем могу помочь вам, если даже вы со своими необыкновенными способностями оказываетесь бесильны, — недоуменно сказал Димплеби.

— Это нечто совершенно беспрецедентное. Это угроза такого масштаба, который я едва ли могу описать.

— Ну, все же попытайтесь, — настаивала Карлин.

— Скажем просто, простейшими терминами, — начал Люцифер. — То место, с которым связано мое обычное пребывание.

— Вы имеете в виду ад? — уточнила Карлин.

— Ну, это одно из названий. На самом деле, знаете ли, это не такое уж плохое место.

— А что там с адом? — спросил Димплеби.

— Он под угрозой чужого вторжения, — торжественно ответил Люцифер. — Ему угрожают демоны из другого мира.

Часом позже Люцифер, Карлин и профессор Димплеби с большими оловянными кружками в руках уютно устроились за угловым столиком в заведении Сэма Джонсона в университетском клубе.

— Ну, теперь, — дружелюбно сказал Димплеби, — чужие демоны, а?

Он высоко поднял пивную кружку.

— Это интересная концепция, мистер Люцифер. Расскажите нам об этом поподробнее.

— Я никогда не верила в демонов, — сказала Карлин. — Или это чудовища, монстры с других планет, или... не знаю. Теперь я предполагаю, что это может быть и то, и другое одновременно. Если они не такие, как Фредди...

— Достаточно логично, чтобы допустить в качестве основной предпосылки, — сказал Димплеби. — Если существуют земные черты, то почему бы не быть духам космоса?

Он обернулся к Люциферу, ожидая от него ответа.

Люцифер помолчал, собираясь с мыслями.

— Профессор, это больше чем набор силлогизмов, — озабоченно сказал Люцифер. — Эти малые — деловые парни и обладают невероятно огромными потенциальными способностями. К счастью, у меня тоже есть силы, о которых они не знают. Это единственный путь, или способ, благодаря которому раньше я держал их под контролем.

— Вы хотите сказать, что они уже здесь?

Карлин осмотрела комнату изучающим взглядом.

— Нет, то есть я хотел сказать, да. Они здесь, но не то чтобы именно здесь, — разъяснил Люцифер. — Я лучше вас чувствую фон. Понимаете, ад — это, фактически, высшая форма бытия...

Карлин пригубила свой эль с элегантностью знатной дамы.

— Я имею в виду, что там другой уровень существования, другие физические законы и так далее.

— Уровни Дирака, — сказал Димплеби.

Он сделал знак, чтобы долили его пивную кружку.

— Правильно! — Люцифер энергично кивнул. — Существуют различные энергетические уровни. Уровень с более высоким энергетическим потенциалом, чем ад, называется небеса. И существует энергетический уровень ниже вашего земного бытия. Именно с этого уровня и пришел Фредди.

— О, расскажите нам о небесах, — настойчиво попросила Карлин.

Люцифер вздохнул.

— Я иногда пропускаю это старое место, несмотря на ... не беспокойтесь об этом.

— Скажите мне, мистер Люцифер, — задумчиво проговорил Димплеби, — как вы ухитряетесь путешествовать между энергетическими уровнями?

Говоря это, он вынул из кармана конверт и приготовил шариковую ручку.

— Существуют непреодолимые трудности из-за перераспределения энергии атомных и молекулярных спектров, связанные с удельной теплоемкостью...

Он стал что-то записывать, бормоча себе под нос.

— Вы абсолютно правы, профессор, — сказал Люцифер.

Он принялся за новую кружку эля, которую поставили перед ним.

— Использованное тепло является реальной проблемой. Когда я прибываю, я всегда являюсь в облаке дыма и серных паров. В конце концов я решил эту задачу излучением пучка магнитной энергии, отбрасывающей все ненужное.

— Гм, а как вы справляетесь с рассеиванием магнитной энергии?

— Я выстреливаю ее узким плотным пучком, чтобы избавиться от нее.

— Направленный магнетизм?

Димплеби с остервенением заработал авторучкой.

— Гм... Возможно.

— Эй, друзья, — запротестовала Карлин, — давайте не будем говорить в обществе о своих профессиональных проблемах, хорошо?

Она бросила призывный взгляд на Люцифера.

— Вы хотели рассказать мне о небесах.

— Вам это не понравится, — отозвался тот почти грубо. — Теперь, профессор, коснемся истории. Насколько я помню, она охватывает значительный период — различные энергетические состояния были полностью разделены и самодостаточны. Тогда, несколько тысяч лет назад, один из наших мальчиков, имя его Яхве, столкнулся с этой проблемой и открыл способ перемещения из одного уровня в другой. Первым местом, которое он открыл, был Ад. Ну, он у нас несколько щепетильный, и ему не понравилось то, что он там обнаружил: все виды мертвых воинов, начиная с древних греков и норвежских викингов. В таких местах они, то есть их души, сидят кружком и поют или затевают дружескую борьбу.

— Вы имеете в виду, что Валгалла действительно существует? — страстно сказала Карлин. Она задышалась от волнения.
— И Рай тоже?

Люцифер отрицательно покачал головой.

— Всегда существовали человеческие существа с избыточными запасами жизненной энергии, которые не умирают, а лишь меняют энергетические уровни. У меня есть собственная теория, в соответствии с которой наличие определенного количества индивидуумов на любом уровне позволяет фактически приравнять его к среднему уровню, что более или менее соответствует реальному положению дел. Как бы то ни было, Яхве не понравилось то, что он увидел. Он всегда был большим поборником дисциплины и регулярных занятий гимнастикой, как вы знаете. Он пытался убедить этих ребят в ошибочности их жизненных путей, но они только смеялись над ним. Поэтому он опустил на более низкий уровень и попал сюда, где все гораздо проще, примитивнее, и нет ничего, кроме нескольких сородичей, валявших дурака. Естественно, они были глубоко поражены простыми чувствами.

Люцифер прервал свое повествование, чтобы сделать несколько больших глотков и перевести дух.

— Да. Ну, он до сих пор здесь и вечно вмешивается не в свое дело — все это вполне искренно. Но я удивляюсь...

Он строго икнул.

— Признаюсь, никогда не мог выпить слишком много, без того чтобы не потерять нить своего рассказа. Так на чем я остановился?

— Вторжение, — напомнил ему Димплеби.

— О, да. Ну, они напали на нас без предупреждения. Где бы мы ни были: отдыхали в наших залах или прогуливались в садах, играя на лютнях, или занимались чем-нибудь еще, как вдруг внезапно...

Люцифер ошеломленно покачал головой.

— Профессор, бывали ли у вас такие дни, когда кажется, что все идет из рук вон плохо?

Димплеби поджал губы.

— Гм... Вы имеете в виду состояние усталости и безразличия, которое охватывает вас раз в год во время самой плохой погоды, а у вас в это время назначена самая важная встреча в этом году?

— Или, — сказала Карлин, — если бы вы захотели подкрепиться в полдень мартини и пролили бы его на свою новую одежду, а когда попытались замыть пятно, обнаружили, что отключили воду, а когда решили позвонить в компанию водоснабжения, обнаружили, что телефон не работает... Или когда

миссис Трудль из соседней квартиры явилась к вам поболтать, а вы опаздываете на свидание, так?

— Нечто в этом роде, — подтвердил Люцифер, — но в более обширном масштабе.

— Это достаточно утешает, — сказал Димплеби. — Но что тут общего со вторжением?

— Все, — Люцифер развел руками.

В это время на весь зал завизжала упитанная матрона:

— Мои голубцы! Они превратились в лягушек!

— Замечательно, — сказал ее сосед по столу.

— Извините, — пробормотал Люцифер.

Он покраснел от смущения и засунул руки под стол.

— Вы что-то сказали, мистер Люцифер?

— Это они, профессор. Как вы сами видите, существует некая разнovidность просачивания. Я имею в виду — их влияние.

Люцифер снова стал делать волнообразные движения руками, но спохватился и засунул руки в карманы куртки.

— Просачивание?

— Ну да. Из Ада на этот уровень. Вы ощутили лишь слабый привкус этого. А вы знаете, что творится в Аду, профессор? То есть, я хочу сказать...

— Так что же там происходит?

— В Аду происходит все, что угодно, — мрачно сказал Люцифер. — Я хочу сказать, — повторил он, — что все, что может быть сделано неправильно, делается неправильно.

Он сделал попытку сосредоточиться и взять себя в руки.

— То есть находится в противоречии с теорией вероятности, — сказал заботливо Димплеби.

— Именно это самое, профессор! Они опрокидывают законы случайности. Например, в старину, когда пара наших парней выходила наружу, чтобы немного пофехтовать по пьянке, и если один из них пьян менее, чем другой, он будет вне дома в течение этого дня, в то время как другой скоро скатывается обратно, чтобы продолжить партию.

Теперь же, если они случайно пинают в пах друг друга, они лежат, охая и тяжело стеная, до заката солнца, а это любого выведет из душевного равновесия. То же самое можно сказать и об игре на лютнях, и о любовниках: или в самый ответственный момент лопаются струны, или они случайно во время любовного свидания подбирают ядовитое растение и у них начинается понос в ответственный момент их встречи, и вы можете представить себе, что при этом происходит с моралью.

— Так, — сказал Димплеби, — к несчастью, это выглядит более мрачно, чем просто замешательство или расстройство планов, честно говоря.

— Вы так думаете, профессор? А что вы скажете, когда амброзия портится во всех кубках одновременно? Когда все население мучается от желудочных колик и цветных пятен перед глазами? Что вы скажете о путанице на паромной переправе с тремя груженными судами, которая заставляет наших министров всю ночь проводить на этих судах? Что вы скажете об экосферном урагане, нарушающем телепатическую связь на неделю, и что привлекательного в том, что контакт осуществляется с помощью речи и жестов?

— Ну, это может быть несколько более серьезным.

— О!

Нос Карлин, как указатель, повернулся в новом направлении. Ее супруг обернулся и увидел официанта, у которого дрожали колени и который балансировал с подносом, полным стеклянной посуды, пытаясь пройти через качающуюся дверь. В этот же момент педагог, одетый в твидовый костюм, поднялся прямо позади него и галантным жестом отодвинул стул соседки.

Результат был двойной. Стул заскользил. Леди, его соседка, села прямо на пол. Поднос опрокинулся, и его содержимое блестящим водопадом обрушилось на меха стройной, изящной брюнетки, которая завyla и завертелась на месте. При этом лисий хвост ее воротника хлестнул по лицу невысокого, тщательно одетого усатого человека, который раскуривал сигару. В тот момент, когда человек в твидовом костюме нагнулся, протягивая руку рыцарственной помощи даме, он столкнулся с отскочившим официантом, получив чувствительный удар, дополненный тычком носа в угол стола.

— Мои усы! — завопил маленький человечек.

— Доктор Торндайк, вы закапали кровью мой темно-синий креп! — завизжала дама на полу.

Официант, все еще державший поднос, опустил его на старое английское окно, из которого высунулась голова негодующего управляющего, подававшего в это время стакан воды, предназначенный для горевших усов.

Люцифер, с изумлением наблюдавший за разворачивающимися перед ним событиями, слегка щелкнул пальцами. Второй стакан ударил маленького человечка прямо в очаг пожара, человек в твидовом костюме промокнул нос салфеткой и помог подняться даме в темно-синем креповом платье. Официант справился со своим подносом и занялся разбитой посудой. Брюнетка вытерла руки о корсаж, что-то бормоча про себя.

Напряженность в воздухе явно спадала.

— Видели? — сказал Люцифер. — Это лишь небольшой пример их деятельности.

— Чепуха, мистёр Люцифер, — сказал Димплеби.

Он добродушно улыбнулся.

— Это всего лишь случайность, любопытный контакт взаимодействия событий. Любопытно, но все же случайность и ничего более.

— Конечно, но подобные случайности происходят только при разбалансировке Поля Случайности!

— Что это такое?

— Это то самое, что заставляет работать законы вероятности. Вы знаете, что если вы щелкнете пальцами сто раз, то обычное опережение будет пятьдесят раз и отставание — тоже пятьдесят раз или очень близко к этим числам. Три тысячи попыток — процентное соотношение будет еще более близким.

Далее: монета ничего не знает о своем прошлом, не более чем металлические опилки в магнитном поле знают, где и когда они встретятся с другими опилками. Но силовые линии поля направляют их параллельно. Аналогично силовое поле случайности заставляет брошенную монету следовать статистическому распределению.

Димплеби потянул себя за подбородок.

— Иначе говоря, энтропия.

— Если вам так угодно, профессор. Но вы видите, что случается, если происходит постороннее вмешательство!

— Почему?

Димплеби навел палец на Люцифера и ухмыльнулся, как человек, который понял суть дела.

— Покажите мне мотивы поступков этих гипотетических посторонних дьяволов, делающих все, чтобы принести беду, вмешивающихся в человеческие дела!

— Им нет дела до человеческих дел, они за них не дадут и самой мелкой монеты.

Люцифер тяжело вздохнул.

— Это всего лишь побочный эффект. Они забирают энергию из определенных частей трансэйнштейновского спектра и излучают энергию в других диапазонах. В результате получается возмущение Р-поля точно так же, как пятна на Солнце создают возмущения в магнитном поле Земли.

— Фи, — сказал Димплеби, потягивая эль. — Случайные происшествия и несчастные случаи происходили с незапамятных времен, а согласно вашим собственным словам, ваши межпланетные дьяволы только что появились.

— Масштабы времени для Ада и для Земли различны, — в отчаянии произнес Люцифер. — Просачивание началось две недели назад по масштабам времени Ада. Это соответствует почти двум столетиям местного времени.

— Что вы скажете тогда о более ранних совпадениях?

Димплеби откинулся в кресле.

— Конечно, всегда было определенное число, определенное количество не случайных, точнее, псевдослучайных событий. Но за последние два столетия их уровень поднимался скачкообразно и намного превысил количество случайностей в прошлом. Подумайте обо всех фантастических, с точки зрения науки, совпадениях в течение этого периода. Например, таких как тройное повторение работ Менделя после тридцати пяти лет неясности. Или одновременные эволюционные теории Дарвина и Уоллеса, или идентичные открытия в астрономии, или...

— Очень хорошо. Я согласен, что существует некоторый замечательный параллелизм.

Димплеби отклонил возражения движением руки.

— Но это едва ли доказывает...

— Профессор, может быть, этот случай и не поддается строгому научному доказательству, но логика, инстинкт должны сказать вам, что что-то происходит. Конечно, изолированные инциденты были и в древней истории, но слышали ли вы когда-нибудь об эквиваленте автомобильной катастрофы, в которой образовалась груда из двадцати разбитых машин, в классические времена? Сама концепция сносшибательной комедии, в основу которой положен этот несчастный случай, была чуждой миру до тех пор, пока это не начало происходить в реальной жизни.

— Я снова скажу «фи», мистер Люцифер.

Димплеби отхлебнул эль, кашлянул и вежливо и одновременно вызывающе наклонился вперед.

— Скажите мне, достигли ли они Бога?

— К счастью для человечества, это совершенно невозможно, — сказал Люцифер. — Они еще не проникли на тот уровень. Здесь налицо эффект расстояния, — он сделал паузу. — Если вы только не соблаговолите спуститься в Ад и увидеть все сами.

— Нет, благодарю вас, факультетский чай мне дороже.

— В таком случае...

Люцифер прервал речь, лицо его побледнело. Он прошептал:

— О, нет.

— Люцифер, что это? — тоже шепотом произнесла Карлин.

— Они, должно быть, последовали за мной. Этого со мной никогда не случалось, но... — Люцифер тяжело вздохнул. — Профессор, мистер Димплеби, я сделал ужасающую вещь! Я привел их сюда!

— Где же они?

Карлин энергично осмотрелась кругом.

Взгляд Люцифера застыл в углу комнаты, глаза его загорелись ярким пламенем. Он сделал быстрый жест пальцами левой руки. Карлин задышалась от волнения.

— По-моему, они похожи на огромный стебель спаржи, за исключением глаз, конечно, а небольшой предмет — наполненная формочка для паштета из ревеня.

— Гмм.

Димплеби прищурился.

— Действительно, очень впечатляет.

Он искоса посмотрел на Люцифера.

— Послушайте, старина, вы уверены, что это не разновидность гипнотического эффекта?

— Если это так, то он оказывает то же реальное действие, что и сама реальность, профессор, — хрипло прошептал дьявол. — И с этим надо что-то делать. Неважно, как вы это назовете.

— Да, я так полагаю. Но почему, осмелюсь спросить, ваше обращение к нам может быть опасно?

Димплеби улыбнулся со знанием дела.

— Бьюсь об заклад, что вам нужны наши души. Вы убьете нас, имитировав несчастный случай и отрицательные совпадения, взамен двух наших подписей, сделанных кровью...

— Профессор, пожалуйста, — Люцифер покраснел от смущения. — У вас совершенно неправильные представления.

— Я не понимаю только, почему такого приятного парня выгнали с небес...

Карлин вздохнула, пристально глядя на Люцифера.

— Почему вы пришли именно ко мне? — спросил Димплеби.

Он рассматривал Люцифера через пену на стеклянном дне своей пивной кружки.

— Я не знаю никаких заклинаний для изгнания демонов.

— Профессор, я встретился с явлением, которое выше моего понимания, — искренне признался Люцифер. — Старые надежные средства, вроде глаза тритона или настойки из жабьих бородавок ни на мгновение не отпугивают этих чертенят. Теперь я признаю, что не следил за развитием науки, а мне следовало бы это делать. Но вы можете, профессор. Вы — один из наиболее знаменитых авторитетов в мире по вопросам волновой механики, законам Макса-Планка и другим подобным предметам. Если есть на свете такой человек, который может справиться с этими парнями, то это только вы!

— Но почему? Джонни, как интересно! — произнесла Карлин. — Я не знаю матричной механики и не знаю, может ли она сделать что-нибудь с этой спаржей!

Она глотнула эль и теперь, улыбаясь, переводила взгляд с Люцифера на мужа.

— Я не смогу что-либо сделать, моя дорогая, — растерянно сказал Димплеби. — Послушайте, Люцифер, вы уверены, что не спутали меня с профессором Тронко, специалистом по гуманитарным наукам? В настоящее время его статьи по патологической физиологии...

— Профессор, здесь нет никакой ошибки! Кто еще, кроме эксперта по квантовой теории, может разобраться в такой ситуации?

— Ну, я полагаю, в данном случае имеется определенный внешний семантический параллелизм...

— Замечательно, профессор! Я знал, что вы сделаете это!

Люцифер схватил руку Димплеби и горячо ее пожал.

— Когда мы начнем?

— В данный момент вы несете чепуху!

Димплеби выдернул свою руку и снова поднял пивную кружку.

— Конечно, — сказал он и сделал огромный глоток, — если вы правы относительно природы изменяющихся энергетических уровней, и эти ваши существа, которые умудряются перескакивать с одного уровня на другой, существуют, тогда, я полагаю, они подчиняются тем же физическим законам, что и другие микрочастицы.

Он с силой опустил кружку на стол и резюмировал:

— Эффект Комптона. — Затем он пробормотал: — Работа Римана. Эксперимент Стерна-Герлаха. Гммм.

— Вы уже пришли к чему-нибудь? — с надеждой спросил Люцифер.

— Только теоретические рассуждения, — сказал профессор, — с оттенком импровизации.

Подозвав проходящего мимо официанта, он потребовал:

— Еще три, Чедли.

— Джонни! — крикнула Карлин. — Теперь не останавливайся!

— Профессор, время не ждет, — напомнил Люцифер.

Он тяжело вздохнул.

— Скажите, спаржа может двигаться вокруг нас? — спросила Карлин. Она понизила голос. — Не планирует ли она еще одну такую же шутку?

Люцифер испуганно уставился на огонь камина.

— Она ничего не делает преднамеренно, как вы знаете, она не может и помешать этому. Она подобна слепому человеку, входящему со света в темную комнату. Она не понимает причину возбуждения вокруг нее.

— Извините меня, — сказал Димплеби. — Эль действует достаточно сильно.

Он поднялся и слегка подтолкнул под локоть официанта, наливавшего воду со льдом в стакан на соседнем столике.

Холодная струя плеснула прямо на подол решительной дамы в шляпке, напоминающей салат на двенадцать персон.

Она пронзительно завопила и откинулась назад, преградив дорогу официанту, несшему на подносе кружки с пенившимся пивом.

Все три кружки с солодовым напитком оказались на столе, и их содержимое хлынуло на одежду Люцифера, в то время как остальная пролитая жидкость потекла между набедренными карманами брюк Димплеби.

Он взглянул на стол, залитый элем, и впериł пристальный жесткий взгляд на огонь в камине.

— Подобно этому? — спросил он дрожащим голосом.

Он встретился взглядом с дьяволом, который беспомощно промокал платком некогда белоснежный фланелевый костюм. Люцифер отвел глаза в сторону и слегка покраснел.

Димплеби продолжал:

— Все правильно, Люцифер. Несколько смешков за счет академического чувства собственного достоинства — приятная вещь, но будь я проклят, если останусь здесь и буду созерцать разлитое хорошее пиво! Теперь давайте уйдем отсюда, и вы расскажете мне все, что знаете об этих космических инкубах.

3

Почти рассвело. В лабораторном помещении на третьем этаже здания Трууд-фрок Холл профессор Димплеби разогнулся над столом с мраморной крышкой, за которым провел большую часть ночи.

— Ну, — сказал он, потирая глаза, — не знаю, но, по-моему, это должно сработать.

Он окинул взглядом огромное помещение.

— Теперь, если только хоть одно из этих испугавших вас внезапных существ находится здесь, мы его увидим.

— Насчет их присутствия не сомневайтесь, профессор, — произнес Люцифер. — Я делал все, что мог, чтобы держать их всю ночь в нише. Я использовал заклинания, которыми Соломон упрятал в бутылку дух Ифрита.

— Тогда, думаю, атмосфера лунной лаборатории не станет для них родным домом, — сказал Димплеби.

Он несколько высокомерно улыбнулся.

— Несмотря на это, я потратил значительные усилия на исключение малейшей случайности.

— Неужели? — мрачно спросил Люцифер. — Можно подумать, что вы корпите над каким-нибудь статистическим анализом.

— Ну, с наступлением ясного утра, когда винные пары рассеиваются, рациональность того, что мы делаем, становится все более сомнительной. Но, тем не менее, мы осуществим этот эксперимент. Даже отрицательный результат имеет определенную ценность.

— Готово? — спросил Люцифер.

— Готово, — ответил Димплеби.

Он подавил зевок. Люцифер состроил гримасу и исполнил замысловатое танцевальное па. При этом возникло приятное чувство ослабления напряжения, подобное лопнувшему пузырю, и появилось Н Е Ч Т О, медленнодвигающееся в воздухе около прецизионных весов.

Одна из чаш весов опустилась со звонким звуком «кланк»!.

— Весь воздух сконцентрировался на одной стороне весов, — напряженно произнес Люцифер.

— Демон Максвелла, воплощенный в плоть и кровь, — сказал Димплеби, задышавшись от волнения.

— Это похоже на огромную пилу, — сказала Карлин, задышавшись, — только прозрачную.

Появившийся призрак сделал бросок через комнату и очутился перед висевшей на стене периодической таблицей Менделеева.

Бумажная таблица вспыхнула и превратилась в пепел.

— Все молекулы нагретого воздуха сконцентрировались в одном месте, — объяснил Люцифер. — Это может случиться в любой момент, но происходит очень редко.

— Господи, а что произойдет, если весь воздух комнаты соберется в одном месте? — прошептал Димплеби.

— Осмелюсь сказать, что ваши легкие тогда разорвутся, профессор. На вашем месте я не стал бы больше медлить.

— Представьте себе, что должно происходить снаружи, — сказала Карлин, — там, где блуждают свободно эти волшебные пилы и спаржи.

— И что же представляют собой все эти чудовища? — спросил Димплеби.

Он встал у собранных им лабораторных приборов и с трудом сглотнул.

— Очень хорошо, Люцифер. Вы сможете направить их в нужном направлении?

Дьявол нахмурился, концентрируя свою волю на призраке.

«Пила» дрейфовала в воздухе, медленно вращаясь, как если бы она отыскивала источник раздражения.

Призрак нетерпеливо дернулся и направился к Карлин.

Люцифер взмахнул рукой, призрак повернулся и поплыл над лабораторным столом.

— Пора! — сказал Димплеби.

Он нажал на выключатель.

Со стуком, похожим на грохот упавшего кирпича, чуждое существо ударилось о центр трехфутового диска, окруженного массивными электромагнитными катушками.

Там оно запрыгало и забилося, но все было бесполезно.

— Поле удерживает его, — напряженно произнес Димплеби, — но сколь долго оно может это делать?

Внезапно пульсирующее пилообразное существо сложилось пополам, встало стоймя на один конец и отрастило хвост и крылья.

На его боках засверкала чешуя, а из образовавшихся челюстей крокодила вылетел клуб дыма, за которым показался язык пламени.

Карлин вскричала:

— Это дракон!

— Держите его крепче, профессор! — крикнул Люцифер.

Дракон обернул хвост вокруг своего тела и превратился в бугорчатую черную сферу, покрытую длинной шерстью. У сферы было два ярких красных глаза и пара длинных, тонких ног, на которых она дико прыгала в нервном возбуждении.

— Это гоблин? — с сомнением произнес Димплеби.

Гоблин отпрянул от невидимой удерживающей его стены и превратился в гуманоида, ростом в один фут, с гладкой кожей, большими ушами и длинными руками, которыми он обвил свои колени, сидя на корточках на сетке и печально глядя налитыми кровью глазами на окружающих.

— Поздравляю, профессор! — воскликнул Люцифер. — Мы поймали одного!

4

— Его имя — Квилличек, — сказал Люцифер. — Этот бедный парень рассказал действительно душераздирающую историю.

— О, бедное маленькое чучелко, — сказала Карлин. — Что он ест, мистер Люцифер? Любит ли он салат — латук или предпочитает что-нибудь другое?

— Его пища абсолютно нематериальна, Карлин. Он питается исключительно энергией. В этом, кажется, и заключается

вся проблема. Оказывается, у него дома голод. Увеличение рождаемости наряду с отсутствием смертности привело к быстрому росту населения. В результате некоторое время назад его народ переселился в космическое пространство. В течение ряда эпох они обитали вокруг нас, пока случайная молекула водорода не генерировала один-два кванта для абсорбции энтропии, которая была едва достаточной для поддержания их движения.

— Гм. Я полагал, что энтропию можно рассматривать как свойство материи, — задумчиво произнес Димплеби.

Он взялся за карандаш и бумагу.

— Можно лишь с трудом различить разницу между порядком и беспорядком в пространстве, лишенном материи.

— Совершенно верно. Любопытное распределение тяжелых элементов в коре планет и маловероятное возникновение жизни, возможно, является результатом нарушения ими Поля Случайности, не говоря уже об эволюции, биологических мутациях, вымирании динозавров еще до появления человеческого рода и женской моде.

— Женской моде? — Карлин нахмурилась.

— Конечно, — Димплеби кивнул. — Что может быть более неправдоподобным, чем сегодняшняя парижская женская мода?

Люцифер покачал головой, и черты его правильного лица приняли мученическое выражение.

— Я намеревался ловить их на входе и отправлять туда, откуда они пришли, но в данный момент и в данных обстоятельствах мне это кажется негуманным.

— Мы пока не позволяем им врываться сюда, чтобы все нарушать и расстраивать, начиная с ритма и кончая пари на Ирландских скачках.

— О, боже, — сказала Карлин, — неужели мы не можем помочь им, например, поместить их в некое подобие резервации и поручить им ткать одеяла?

— Держите его, — сказал Люцифер. — Я чувствую приближение еще одного экземпляра, потому что ощущаю напряжение Р-поля.

— Аааа? — сказала Карлин.

Она сделала шаг назад и зацепилась пяткой за провод, питающий катушки электромагнитов, создававших запирающее поле. С резким звуком «поп!» штепсельная вилка вылетела из розетки. Квилличек вскочил на свои большие плоские ступни и выпрыгнул из заточения, превращаясь в воздухе в некое подобие небольшой летучей мыши.

Люцифер сбросил куртку, сорвал свою рубашку и галстук. Перед изумленным взором четы Димплеби он изменился, пре-

вратившись в птеродактиля, одетого в белую фланель, с длинным клювом. Раскрыв его, он стал преследовать летучую мышь. Карлин пронзительно закричала и зажмурила глаза. Димплеби сказал:

— Замечательно.

Он схватил блокнот и стал лихорадочно писать. Летучая мышь в полете превратилась в крылатого змея. Люцифер так же мгновенно превратился в крылатого мангуста. Змей ударился об пол и снова превратился в мышь, которая немедленно стала искать норку-укрытие. Люцифер превратился в большого серого кота и первым достиг входа в норку. Мышь превратилась в расвишренувшую крысу. Кот раздулся и превратился в собаку терьера, которая бросилась на крысу. Крыса снова превратилась в Квилличека, который вспрыгнул на стол, пробежал по нему и нырнул в нечто, напоминавшее пустую раму из-под картины.

Ливень крошечных Квилличесов брызнул с другой стороны тяжелого листа стекла. В это мгновение Люцифер отскочил в сторону, чтобы не попасть под удар потока крошечных человечков, а затем, свирепо лая, бросился за ними. Человечки прятались за ножками стола, за каждый стул, забирались в каждую щель.

— Остановись, Люцифер! — закричала Карлин. — О, они так дороги мне!

Она опустилась на колени и взяла одного из человечков ростом в один дюйм.

Он уместился на ее ладони и дрожал, спрятав лицо между коленей.

— Дух прошел через дифракционную решетку и стократно увеличил свою численность, — сказал Димплеби.

5

— Ситуация ухудшается.

Люцифер тяжело вздохнул, подняв еще одного миниатюрного духа и сажая его обратно во вновь включенную ловушку.

— Было достаточно сложно бороться с одним звездным духом. Теперь у нас их сотня. Если хоть один из них убежит...

— Теперь не мешкайте, — сказал Димплеби Люциферу, который снова принял вид безукоризненно одетого молодого человека. — Мне не удастся собрать их всех в магнитном поле, как прежде.

— Даже на расстоянии прямой видимости? — спросил Люцифер.

Димплеби сказал:

— Посмотрите. Тут все дело в распределении полярности. Вы понимаете, поле работает следующим образом...

Он стоял, мучительно стараясь подобрать слова, которые могли бы быть понятны несведущему в физике собеседнику.

Люцифер опять густо покраснел и пришел на помощь вконец растерявшемуся профессору.

— Не объясняйте мне, — сказал Люцифер. — Я все равно не пойму. Весь вопрос в том, что нам теперь делать?

— Наш выбор ограничен. Мы или соберем этих крошечных созданий и вышлем их туда, откуда они появились, а затем будем вылавливать и остальных по мере того, как те будут прибывать, чтобы поступать с ними подобным же образом; или же мы забудем сейчас всю эту историю, которая кажется мне невыносимой.

— В любом случае, — сказал Люцифер, — мы должны действовать быстро, прежде чем ситуация полностью выйдет из-под нашего контроля.

— Мы можем передать эту проблему на исследование так называемым авторитетам, — сказал Димплеби, — но мне это кажется нецелесообразным по некоторым причинам.

Люцифер содрогнулся.

— Я представляю себе заголовок: «ДЬЯВОЛ ПОТЕРЯЛСЯ В КОЛЛЕДЖЕ КАМПУС!»

— О, они уже до смерти заездили эту тему, — произнесла Карлин. — Вероятно, заголовок будет следующий: «ПРОФЕССОР И ЕГО ПОМОЩНИКИ ЗАНИМАЮТСЯ ТРЕХСТОРОННИМИ ЛЮБОВНЫМИ ИГРАМИ!»

— Любовными играми?

— Ну, мистер Люцифер может во второй раз явиться в обнаженном виде, представив великолепное телосложение и прекрасную внешность.

Карлин улыбнулась.

Люцифер покраснел от смущения.

— Ну, профессор, что будем делать дальше? — поспешно спросил он.

— Я могу в качестве жребия кинуть монету, — предложила Карлин. — Если выпадет решка, мы публикуем описание всего происходящего, если выпадет орел, мы оставляем все в тайне, между нами, но сами сделаем все, что сможем.

— Отлично. Лучше два из трех.

Карлин порылась в кошельке и достала фальшивую монету в двадцать пять центов.

Она подбросила ее вверх и поймала тыльной стороной ладони.

— Орел, — сказала она довольным голосом.

— Может быть, все-таки лучше сообщить об этом тем или иным способом? — сказал Димплеби.

Он обкусывал ноготь на пальце левой руки и посматривал на маленьких человечков, сидевших внутри круга, образованного магнитами.

— Два из трех, — сказала Карлин.

Она снова подбросила монету.

— Опять орел, — объявила она.

— Ну, мне кажется, они усаживаются и успокаиваются...

Карлин подбросила монету снова.

— Я полагаю, что это действительно так, — сказала она. —

Орел выпадает третий раз.

Димплеби взглянул на нее отсутствующим взглядом.

— Э-э-э?

— Теперь четыре раза подряд, — сказал она.

Люцифер взглянул на нее, словно хотел что-то сказать.

Карлин снова подбросила монету высоко вверх.

— Пять, — сказала она.

Димплеби и Люцифер подошли ближе.

— Шесть.

— Семь.

— Восемь.

— О! — сказал Димплеби.

Он выдвинул ящик стола, взял из него колоду карт, поспешно перемешал их и раздал двумя руками, затем осторожно поднял свои карты, заглянул в них и тяжело вздохнул.

— Четыре туза, — сказал он.

— Четыре короля, — сказала Карлин.

— В таком случае, мы можем повторить, — сказал Димплеби. — Но теперь никто не будет в безопасности!

— Но, Джонни, — произнесла Карлин, — существует одно отличие.

— Какое?

— Решающие взятки перемешаны, — это верно, но теперь это в нашу пользу!

— И в самом деле очень просто, — сказал Димплеби.

Он размахивал листком с вычислениями.

— Когда Квилличек прошел через дифракционную решетку, он распался на серию гармоник. Гармоника обладает другими размерами и резонирует на другой частоте. Следовательно, Квилличек потребляет другой тип энергетических псевдо-частиц: вместо расхода питательных Р-зарядов он питается теперь отрицательной энтропией.

— И вместо обычных шуток у нас налицо сверхъестественные существа, спонтанные ремиссии и фантастические проис-

шествия с картами и монетами! — счастливо воскликнула Карлин.

Димплеби добавил:

— Не только это. Мне кажется, мы можем разрешить проблему обеспечения их пищей. Они поглощают питание плюс энтропию и выпускают ненужное на своем собственном уровне. Но первоначальный вклад минус Р остается целым, во всяком случае, достаточным для нескольких последующих миллиардов лет.

Люцифер объяснил все это Квилличеку посредством того же вида мгновенной телепатии, который он использовал для предыдущих разговоров.

— Он в восторге, — сообщил Дьявол.

Как только маленькие человечки узнали об этом, они стали сильно биться, скакать, сцеплять руки, а потом стали дурачиться и танцевать танец, па которого выражали радость.

Но тут кое-что произошло. Одиноким человечек встал на край стола и робко и застенчиво посмотрел на Карлин.

— Квилличек — 78 обращается с просьбой, — сказал Люцифер.

— Ну, и чего же хочет этот субинкуб? — проворковала Карлин.

Она склонилась над малышом и поджала губы.

— Он хочет сказать, — произнес Люцифер. Он был в замешательстве.

— О, Джонни, могу я сохранить его для себя?

— Ну, если ты так страстно желаешь этого...

— Ему нравится жить в бутылке, предпочтительно в бутылке из-под кукурузного или пшеничного виски, — сказал Люцифер. Затем он добавил: — Но он может выходить из нее и играть с вами, когда вам этого захочется.

— Представляю себе, — задумчиво сказал Димплеби, — какое влияние он мог бы оказать своими плутнями на наши регулярные карточные игры в ночь с субботы на воскресенье.

— Вы уже видели пример этого, — сказал Люцифер. — Но я в такие моменты могу попросить его действовать поживее.

— О, нет, не надо, — запротестовал Димплеби. — Я не могу видеть голодных крошек.

— Мистер Люцифер, — сказала Карлин, — я надеюсь, что не покажусь вам любопытной, но где вы получили этот шрам на вашем боку, который я заметила, когда вы сняли рубашку?

— А, это... — Люцифер покраснел настолько, что лицо его стало пунцовым. — Ну, это...

— Судя по положению шрама, вероятно, операция на печени, не правда ли, мистер Люцифер?

— Вы можете назвать это и так, — ответил Люцифер.

— Тебе не следует смущать людей вопросами чисто личного характера, Карлин, — строго сказал Димплеби.

— Да, дорогой, — ответила Карлин. — Люцифер, я хотела бы спросить вас, почему такого приятного малого, как вы, выгнали с небес?

— Ну, я... — Люцифер тяжело вздохнул.

— Это было сделано потому, что вы совершили нечто приятное, не правда ли?

— Ну, по правде говоря, я всегда думал, что это несправедливо, — выпалил Люцифер. — Мне было жаль бедных людей, поселившихся добровольно в сырых пещерах...

— Итак, вы принесли им огонь, — сказала Карлин, — и поэтому вас называли Люцифером, или «несущим свет».

— Ты все перепутала, Карлин, — сказал Димплеби. — Свет людям принес Прометей. За это боги приковали его цепями к скале, и каждый день гриф терзал его печень, и каждую ночь рана зарастала снова...

— Но остался шрам, — нежно сказала Карлин.

Она страстно посмотрела на Люцифера. Тот сильно покраснел.

— Я теперь лучше унесусь отсюда, — сказал он.

— Но не раньше, чем мы разопьем это, — возразил Димплеби.

Он достал из ящика бутылку виски «Олд Кроу». Внутри нее на спине плавал Квилличек, сложив руки на животике и весело выдувая цепочку пузырей.

— Кажется, у меня где-то был еще резерв, — пробормотал Димплеби, роясь в баре.

— Люцифер, чем мы можем отблагодарить вас? — вздохнула Карлин, покачивая бутылку.

— Только тем, что будете считать все случившееся всего лишь шуткой, если, конечно, сможете, — ответил Люцифер.

— Надеюсь, что в один прекрасный день снова увижу вас в Аду.

— Я пью за это, — сказал Димплеби.

Он налил вино. Они чокнулись и, улыбаясь, выпили.

ПОХИТИТЕЛИ ВО ВРЕМЕНИ

1

Клайд У. Снафайн был лыс, имел орлиный нос, темные глаза, толстый живот и выразительные руки торговца коврами. Круглоплечий, в свободной одежде, он поблескивал своими небольшими темно-красными глазками, разговаривая с Дейном Слейном, парнем шести футов ростом.

— Келли сказал мне, что вы хотели повидать меня.

Он кивнул на сидевшего рядом с ним румяного человека.

У него был высокий, тонкий голос, который, казалось, требовал смазки.

— Несомненно, что-то важное, касающееся моих картин?

— Вы правы, мистер Снафайн, — сказал Дейн. — Я верю, что могу быть вам очень полезен.

— Каким образом? Если у вас появилась хорошая идея насчет того, как обмануть меня...

Его красноватые глазки впились в Дейна, как два сокола.

— Ничего подобного, сэр. Я теперь знаю, что у вас великолепная система охраны. Газеты полны этим...

— Проклятые хлопотуны, вечно суются не в свое дело! Им только сенсации подавай! Если бы не пресса, у меня сегодня не было бы хлопот из-за картин!

— Да, сэр. Но моя идея заключается в том, что есть одно действительно важное место, которое может быть лазейкой для вора, ускользнувшего от бдительного ока вашей охраны.

— Теперь подождите, — прервал его Келли.

— Чего тебе? — оборвал его Снафайн.

— У вас имеется сто пятьдесят человек, денно и ночью охраняющих ваш дом и землю...

— Двести двадцать пять, — поправил его Келли.

— Но ни один из них не был в подвале с картинами, — закончил Слейн.

— Конечно же, нет! — пронзительно взвизгнул Снафайн.

— Почему я должен учреждать пост в подвале?! Он и так

находится под постоянным наблюдением охраны из внешнего коридора!

— Картины Харримана были похищены из запертого подвала, — сказал Дейн. — На двери специальная печать, и она осталась нетронутой.

— Клянусь всеми святыми, он прав! — воскликнул Келли. — Может быть, нам и в подвале стоит поставить нашего чело-века?

— Еще один идиотский план растранижирования моих денег, — запищал в ответ Снафайн. — Я сделал вас ответственным за все это Келли! И давайте не будем заниматься чепухой. Прогоните этого дурачка!

Снафайн повернулся и зашагал прочь по коридору. Его одежда путалась в его коленях.

— Я буду работать за ничтожную плату! — закричал Дейн ему вслед.

Келли взял его за руку.

— Я — художник-любитель!

— Не беспокойтесь об этом, — сказал Келли, eskortируя Дейна по коридору.

Он свернул в свой кабинет и запер дверь.

— Теперь, как сказал этот старый сыч, я отвечаю здесь за безопасность. Если эти картины уплывут, то и моя работа уплывет вместе с ними. Ваша идея о подвале неплоха. Так сколько вы возьмете за работу?

— Сотня долларов в неделю, — быстро ответил Дейн. — Плюс расходы, — добавил он.

Келли кивнул.

— Я сниму ваши отпечатки пальцев, и мы пройдем в сыское агентство на проверку. Если вы честны, я поручу вам это дело, и вы начнете работать сегодняшней ночью. Но держите все в секрете.

* * *

Дейн осмотрелся вокруг, посмотрел на серые стены с полками, ряды которых уходили к низкому потолку и были уставлены картинами.

Две трехсотваттные лампочки бросали белые отсветы на кафельный пол, чистый белый холодильник, койку, кресло с подлокотниками, книжную полку и небольшой столик, заваленный бумагами и карточками, среди которых находился и транзисторный приемник. Все это было поспешно приготовлено по приказу Келли. Дейн открыл холодильник, посмотрел на

запасы салями, ливерной колбасы, сыра и пива. Он вскрыл запечатанную буханку хлеба, сделал себе великолепный сандвич и открыл банку с пивом.

Это была не фантазия, а реальность. Первая фаза плана, который пока претворялся в жизнь без задержки.

В основном его идея была проста.

Коллекции произведений искусства исчезали из закрытых, хорошо охраняемых галерей и домов по всему миру.

Было ясно, что никто не мог войти в запертый подвал, взять несколько больших холстов и исчезнуть незамеченным бдительной стражей, оставив замки нетронутыми.

Но картины исчезали, кто-то бывал в подвалах, умея не пользоваться обычными путями. Теория здесь терпела неудачу, оставался лишь экспериментальный метод.

Коллекция Снафайна была самой большой к западу от Миссисипи. Такая цель должна была заставить воров показать себя. Если Дейн будет сидеть в подвале и днем, и ночью, охраняя картины, он увидит, как они действуют.

Он прикончил свой сандвич, подошел к полкам и вытянул одну из картин. Сняв завязку с упаковки, он развернул картину. Это был выдержанный в веселых тонах этюд, представлявший кафе на открытом воздухе, посетители которого были в костюмах девяностых годов девятнадцатого столетия. Ему показалось, что он что-то читал об этом в журнале. Это была веселая сцена, и Дейну она понравилась, но едва ли эта картина стоила той цены, которую за нее давали.

Затем он подошел к настенному выключателю и выключил свет. Оранжевое сияние ламп померкло, и осталась лишь ночная лампочка над дверью. Если появятся вору, это может дать ему мгновенное преимущество, так как глаза уже привыкнут к темноте. Он направился к койке.

— Пока все идет хорошо, — размышлял он, вытягиваясь на кровати. — Когда они появятся, то можно будет брать их голыми руками.

Если он упустит воров, то второго шанса уже не будет. Он рисковал всем, и это будет проверкой цены его открытия.

Он был готов к встрече. Теперь пусть они приходят.

* * *

Восемью часами, шестью сандвичами и шестью банками пива позже Дейн внезапно очнулся от легкой дремоты и сел на койке. Он увидел, как между ним и набитыми картинами полками прямо в воздухе материализуется решетчатый остов в

виде клетки, освещенной тусклым палевым светом. Размерами и формой призрак напоминал ажурный флигель. Все это Дейн увидел в одно мгновение. Внутри клетки виднелись две фигуры, удобно сидевшие на контурах стульев. От них исходило свечение, несколько более яркое, чем от решетчатой клетки.

Тишину прорезал слабый звук, похожий на затихающий вой. Клетка опускалась резкими толчками, и между ней и приближавшимся полом проскакивали длинные голубые искры.

Раздался скрежет металла об пол, и клетка опустилась. Призрачные люди потянулись к таким же призрачным переключателям.

Сияние померкло.

Дейн прислушался к биению своего сердца. Во рту у него пересохло. Это был тот момент, которого он ждал. Но теперь же...

Ну, ничего. Он набрал в грудь воздуха, готовясь произнести речь, которую он подготовил для этого случая.

— Приветствую вас в двадцатом веке...

Тоже нехорошо. Не хватает непосредственности. Тем временем пришельцы встали со своих мест и вышли из клетки. В тусклом свете лампочки клетка выглядела грубой конструкцией из стеклянных трубок с набором переключателей и рычагов, находившихся перед двумя сиденьями. Сами воры выглядели довольно обыденно: двое мужчин в серых комбинизонах. Один из них был лысоватым, худым и стройным, а другой — коренастым и круглолицым.

Они не замечали Дейна, сидевшего на койке. Худой пришелец поставил на стол фонарь и нажал на нем кнопку.

Теплый свет озарил подвал. Посетители осмотрели полки.

— Все выглядит нормально, старина сделал все правильно, — сказал коренастый. — Фезхад будет доволен.

— Очень впечатляющая партия товара, — сказал его компаньон. — Однако нам придется поторопиться, Мэнни. Как долго мы уже здесь находимся?

— Давно. Уже пятнадцать минут.

Худой пришелец развернул упаковку и взглянул на картину.

— Великолепно. Почти равен Пикассо, в тот период, когда он создавал картины в красно-коричневых тонах.

Мэнни посмотрел на другие картины в стопке.

— Как всегда, — пробормотал он. — Ни одной голой женщины. Я люблю голых женщин.

— Взгляни на это, Мэнни! Одна только текстура какая!

Мэнни взглянул.

— Да, смотрится приятно, но я все же предпочитаю голых женщин, Фиорелло.

— А это! — Фиорелло взял следующую картину. — Взгляни на эту веселую игру коричневых тонов!

— Я предпочитаю коричневые тона на тридцать третьей улице, — сказал Мэнни. — Они были популярны с воробьями.

— Мэнни, я иногда думаю, что ваши желания...

— Я что-то не то брякнул? Я прошелся по времени...

Мэнни повернулся, чтобы положить картину в клетку и остановился, смертельно побледнев, так как увидел Дейна. Картина упала на пол. Дейн встал и прочистил горло.

— Ну, гм...

— Ой, — сказал Мэнни. — Двойной крест, крест...

— Я ждал вас, джентльмены, — сказал Дейн. — Я...

— Я же говорю вам, что нельзя верить ни одному чучелу с девятью пальцами на каждой руке, — хрипло прошептал Мэнни. Он двинулся к клетке. — Давай изобьем его, Фиорелло,

— Подождите минутку, — сказал Дейн. — Прежде, чем вы сделаете что-нибудь необдуманное, какой-нибудь поспешный шаг...

— Не делай ничего, Бастер, — осторожно сказал Мэнни. — Когда мы возбуждены, мы можем отделать множество несговорчивых чучел.

— Я хочу поговорить с вами, — настаивал Дейн. — Вы видите, что эти картины...

— Картины? О, мы ошиблись. Мы думали, что это комната для мужчин...

— Ничего подобного, Мэнни, — прервал его Фиорелло. — Оказывается, здесь произошла утечка и просачивание...

Дейн покачал головой.

— Никакой утечки. Я просто вывел методом дедукции...

— Слушай, Фиорелло, — сказал Мэнни. — Ты знаешь, если тебе хочется болтать, то болтай, а я постараюсь быстро исчезнуть.

— Не действуй опрометчиво, Мэнни. Вы сами знаете, где кончите.

— Подождите минутку! — закричал Дейн. — Я хочу заключить с вами сделку, ребята.

— Ого-го! — словно трубный глас громогласно прогремел откуда-то из пространства. — Я знал это! Заткнитесь, вы, мошенники!

Дейн дико осмотрелся вокруг. Казалось, голос доносился из динамика. Вроде бы Келли выиграл свое пари.

— Мистер Келли, я вам все объясню! — воззвал к нему Дейн. Он повернулся к Фиорелло. — Послушайте, я вычислил...

— Достаточно умно! — гремел Келли. — Работа внутри. Неплохо. Но вам не удалось перехитрить такую старую лису, как Келли!

— Может быть, вы правы, Мэнни, — сказал Фиорелло. — Сложности возрастают. Нам лучше убраться отсюда, и как можно скорее, — он направился к клетке.

— Как быть с этим? — Мэнни указал на Дейна. — Он за нас.

— Мы не можем помочь ему.

— Послушайте! Я хочу уйти с вами! — закричал Дейн.

— Я клянусь, ты так и сделаешь! — загремел голос Келли.

— Через минуту я открою дверь и надену на тебя наручники! Иди через туннель, слышишь, ты!

— Вы не можете уйти с нами, мой друг, — сказал Фиорелло.

— Здесь есть место только для двоих.

Дейн вихрем метнулся к койке и выхватил пистолет, который дал ему Келли перед началом дежурства. Он навел его на Мэнни.

— Вы останетесь здесь, Мэнни! Я уйду с Фиорелло на машине времени!

— Вы что, чокнулись? — воскликнул Мэнни.

— Я польщен, мой милый мальчик, но... — произнес Фиорелло.

— Давайте, двигайтесь! Келли оставит дверь открытой только на одну минуту!

— Вы не можете оставить меня здесь! — залопотал Мэнни.

Он наблюдал, как Дейн пробирается к клетке позади Фиорелло.

— Мы пошлем за вами, — сказал Дейн. — Идите, Фиорелло.

Лысый человек внезапно схватился за оружие Дейна. Тот вступил с ним в борьбу. Пистолет упал на пол клетки, потом отлетел в дальний угол подвала. Мэнни бросился вперед, стараясь достать Дейна, но локоть Фиорелло ударил его по зубам.

Мэнни отлетел назад, прямо в руки Келли, лицо которого в этот момент было багрово-красным от напряжения, вызванного броском через весь подвал.

— Мэнни!

Фиорелло ослабил свою хватку в борьбе с Дейном и бросился на помощь своему товарищу. Келли передал Мэнни одному из трех полицейских, которые следовали за ним по пятам. Дейн проскочил в клетку в тот момент, когда Фиорелло схватился с Келли.

Полицейский поспешил к клетке, стараясь задержать Дейна, но тот схватился за первый попавшийся рычаг и потянул за него.

Путь клетки вспыхнули голубым светом, и наступила внезапная, глубокая тишина. Призрак Келли, прыгавшего перед клеткой, стал сине-фиолетовым. Дейн тяжело вздохнул и тронул за второй рычаг. Клетка погрузилась в пол, и стены вокруг замерцали голубым светом.

Затем клетка быстро изменила направление движения. Дейн понял, что управление машиной времени является делом сложным и хитрым. Одно легкое неверное движение — и молекулы тела Дейна Слейна рассеются в пространстве.

Но у него не было времени, чтобы действовать осторожно. События шли не так, как он планировал, но в конце концов он получил то, что хотел — свободу передвижения. Он сам управлял машиной времени, и если он сейчас струсит и вернется в подвал, Келли упрячет его в тюрьму.

Управление все же не должно было быть слишком сложным. Дейн начал осторожно подвигать рычаги на пульте.

Он глубоко вздохнул и тронул второй рычаг. Клетка в полной тишине плавно поднялась. Она достигла потолка подвала и, не останавливаясь, продолжала движение. Дейн стиснул зубы, когда светящаяся полоса шириной в восемь дюймов ушла под клетку. Затем клетка с находившимся внутри нее Дейном попала в обширную кухню.

Озаренный голубым сиянием повар, стоявший у открытой дверцы холодильника, бросил взгляд на клетку, медленно поднимающуюся из пола, и отшатнулся назад с открытым ртом. Клетка поднялась выше, пронзила потолок кухни. Дейн огляделся и понял, что попал в драпированный коврами холл.

Он осторожно поставил рычаги управления в прежнее положение. Клетка замерла на расстоянии одного дюйма от пола. С того момента, как Дейн начал осознавать окружающий его мир, он никогда еще так не путешествовал, оказываясь за одну минуту то в прошлом, то в будущем.

Дейн снова взглянул на рычаги управления. На одном из них была надпись «ВПЕРЕД», на другом — «НАЗАД», но оба рычага были обычной конструкции, обыкновенного черного цвета, и напоминали Дейну обычные электрические рубильники — реостаты. Действительно, весь этот аппарат был сделан из обычных материалов и, тем не менее, он работал. До сих пор Дейну удалось обнаружить только рычаги для полета в обычных трех измерениях, но среди неизвестных ему рычагов должны быть и переключатели для перемещения во времени.

Дейн взглянул в дальний конец холла.

Он увидел головку и плечи девушки, поднимающейся по спиральной лестнице. В любую секунду она могла увидеть его и поднять тревогу. У Дейна оставались считанные мгновения для того, чтобы принять решение.

Он передвинул рычаг. Клетка плавно двинулась вбок и прошла через стену, окруженная голубым светом. Дейн снова вернул рычаг в прежнее положение. Теперь он очутился в спальне — обширном помещении, задрапированном занавесями, в ко-

тором находилась кровать под балдахином, расшитым цветочками. Рядом с кроватью стоял туалетный столик.

Дверь открылась, и девушка вошла в спальню. Она была очень юной. При голубом свечении вокруг ее лица Дейну показалось, что ей не больше восемнадцати лет. У нее были длинные волосы, перехваченные лентой, длинные ноги и изящная талия. Одета она была в шорты, в левой руке держала теннисную ракетку, в правой — яблоко.

Дейн со своей клеткой оказался у нее за спиной.

Девушка положила ракетку на столик, откусила кусок яблока и начала расстегивать пуговицы на куртке.

Дейн двинул рычаг. Клетка подвинулась к девушке. Он тронул другой рычаг. Клетка немного поднялась.

Девушка бросила курточку на стул и потянула вниз застежку-молнию на шортах.

Дейн снова тронул рычаг, и клетка направилась к внешней стене, в то время как девушка, повернувшись, старалась дотянуться до пуговиц бюстгальтера между лопатками.

Дейн бросил взгляд на окружающее его голубое мерцание и посмотрел вниз. Он парил на высоте двадцати футов над подстриженной лужайкой.

Он снова взглянул на рычаги. Не этот ли справа двигает клетку вперед?

Он тронул его и продвинулся вперед на десять футов.

Внизу на террасу вышел человек и зажег сигару. Он начал поднимать лицо вверх.

Дейн нажал на рычаг.

Клетка снова прошла через стену, и Дейн оказался в комнате с широким окном, заставленным цветущими голубыми растениями.

Открылась дверь. Голубая девушка была грациозна, как лань. Доев яблоко, она вошла в ванну площадью в десять квадратных футов.

Дейн затаил дыхание.

Девушка отбросила остаток яблока и, словно почувствовав, что на нее устремлен чей-то взгляд, обернулась.

Клетка накренилась, в результате чего Дейн полетел на рычаги, прошла через стену, вылетела наружу и помчалась вперед с ускорением, прижавшим Дейна к прутьям и сделавшим его беспомощным.

Дейн с трудом добрался до пульта и потянул за рычаг.

Никаких изменений.

Клетка двигалась вперед, поднимаясь все выше и выше. Вдалеке на горизонте Дейн увидел линию города, приближающегося с пугающей быстротой.

Перед ним оказалось пятнадцатизэтажное здание какой-то компании, и он испугался, что разобьется об него.

Дейн закрыл глаза, стараясь взять себя в руки.

Внезапное торможение сбросило его на противоположную сторону клетки, она прекратила свой безумный полет и, пройдя сквозь стенку здания, остановилась.

Тяжело дыша, Дейн выпрямился во весь рост и огляделся вокруг, потом опустился на пол клетки.

Раздалось громкое «клик!», и сияние вокруг погасло.

Он находился в обычном, выкрашенном в коричневый цвет офисе, слабо освещенном солнечным светом, просачивающимся через шторы. На стенах висели плакаты и афиши, у двери стояли растения в горшках. В глубине помещения стоял письменный стол, а за ним сидел Некто.

2

Дейн увидел голову размером с волейбольный мяч, насаженную на торсоподобный бак для воды емкостью в сотню галлонов.

Два больших карих глаза уставились на него с точек, отстоящих друг от друга на расстояние в восемь дюймов. Огромные руки с избытком пальцев, по человеческим понятиям, разогнулись, открыли коробку из коричневого картона, взяли из нее три земляных ореха и по очереди отправили в огромный рот, который открылся как раз под коричневыми глазами.

— Кто вы? — раздался басистый голос, исходящий откуда-то из-под пола.

— Я Дейн Слейн, ваша честь.

— Что случилось с Мэнни и Фиорелло?

— Они... Я... Там оказался полицейский Келли...

— Ой, ой!

Карие глаза заморгали и приобрели осмысленное выражение. Руки с многочисленными пальцами закрыли картонную коробку и убрали ее в стол.

— Что ж, это был хороший рэкет в свое время, — сказал басовитый голос. — Жалко, что это так хорошо начавшееся предприятие так плохо закончилось. Однако...

Из широко открытого рта раздался звук, напоминающий кашель больного бронхитом.

— Как? Что?

— Носитель вернулся сюда автоматически, как только зарядка батарей упала ниже критической величины, — сказал голос. — Необходимая предосторожность, чтобы охладить из-

лишние горячие головы некоторых моих работников. Могу спросить, каким образом вы оказались на борту носителя?

— Я только хотел... Я имел в виду, что после того как я вычислил, что полиция... Я пришел на помощь! — неудачно закончил Дейн.

— Помощь? К несчастью, вы вернулись без картин. Вы понимаете, надо сохранить анонимность. Теперь я свертываю свою операцию. Я не думаю, что вы привезли с собой какие-нибудь картины.

Дейн покачал головой. Он смотрел афишу. Его глаза, привыкшие к полумраку офиса, различали изображение существа, похожего на жирафа с головой аллигатора, возвышающегося над ярко-алой листвой. Следующая афиша изображала существо, похожее на сидевшее перед ним чудовище, с красными кругами, намалеванными вокруг глаз. На следующей афише был изображен желтый вулкан, выбрасывающий огонь в черное небо.

— Все слишком плохо.

Казалось, слова шли откуда-то из-под письменного стола. Дейн украдкой взглянул туда и поймал отблеск света на свернутых кольцами пурпурных щупальцах. Потом он поднял голову и взглянул прямо в уставившиеся на него коричневые глаза — только в один глаз, потому что второй, казалось, исследовал потолок.

— Я надеюсь, — продолжал голос, — что вы не питаете расовых или ксенофобных чувств по поводу моей внешности.

— Черт побери! Конечно же, нет!

Дейн с убеждением заявил это глазу.

— Я увлекаюсь этими... как их...

— Ворплишерами, — подсказал голос, — жителями планеты Ворплиш, звезды Веги, как вы ее называете.

В его дыхании вновь послышался бронхический кашель.

— Как долго я не был на родине! Хоть бы одним глазком взглянуть на родные места! Сколько бы ты ни странствовал по Вселенной, но нет ничего роднее отчего дома.

— Я так же скучаю по дому, как и вы, — ответил Дейн. — А теперь мне надо идти, — он боком продвинулся к двери.

— Обернитесь, Дейн! — загремел голос. — Как насчет выпивки? Я могу предложить вам вино «Шато Нью дю Пейн — 1959», «Романс Коунт — 1932», «Козье молоко», «Пепси»...

— Нет, спасибо.

— Я верю, что вы не откажетесь, если я предложу вам «Биг Орандж».

Ворплишер повернулся к небольшому холодильнику и извлек из него огромную бутылку, наполненную жидкостью, с соской на горлышке. Затем он снова повернулся к Дейну.

— Теперь слушайте. У меня есть к вам предложение, которое вас заинтересует. Потеря Мэнни и Фиорелло — тяжелый удар, но мы еще можем спасти положение. Вы взошли на сцену как раз в наиболее благоприятный момент. Я имею в виду, что после того как те два клоуна сошли со сцены, в моем штате открылась вакансия, которую вы можете занять. Вас это устраивает?

— Вы хотите сказать, что хотели бы, чтобы я управлял машиной времени?

— Машина времени?

Коричневые глаза попеременно замигали.

— Я боюсь, что мы недооцениваем друг друга. Я не придаю значения терминам.

— Вот эта вещь... — Дейн указал на клетку большим пальцем.

— Машина, на которой я прибыл сюда. Вы хотите, чтобы я...

— Машина времени, — повторил голос. — Может быть, это какая-то разновидность хронометра?

— Что?

— Я гордился тем, что знаю местный язык, но признаюсь, что подобная концепция бросает меня в дрожь.

Руки с девятью пальцами на каждой скрестились на поверхности стола. Шаровидная голова заинтересованно подалась вперед.

— Объясни мне, Дейн, что такое машина времени?

— Ну, это аппарат для путешествий во времени.

Коричневые глаза возбужденно заблестели.

— Очевидно, я недостаточно хорошо изучил местную культуру. Я не представлял себе, что вы способны создавать такие вещи, — огромная голова отклонилась назад, широкий рот быстро открылся и закрылся. — Подумать только, я колесил по всему космосу, собирая произведения искусства, имеющие только два измерения!

— Но разве это не ваша машина времени? Я имею в виду вот эту!

— Эта? Это всего лишь носитель. Теперь расскажите мне побольше о ваших машинах времени. Это восхитительная концепция! Мои начальники будут настолько поражены, насколько и восхищены этой разработкой. Они называют эту планету «Эндсвилл».

— Ваши начальники?

Дейн взглянул в окно: слишком высоко, чтобы прыгнуть. Может быть, ему удастся добраться до машины и скрыться...

— Я надеюсь, вы не захотите внезапно исчезнуть, — сказал круглоголовый, сидящий за столом.

Он следил взглядом за Дейном. Один из его восемнадцати пальцев дотянулся до шестидюймового цилиндра, лежащего на крышке стола.

— Пока носитель не будет заряжен по всем правилам, я боюсь, что все ваши попытки будут бесполезны. Чтобы прояснить ситуацию, я представляюсь вам и объясню свою миссию. Я — Блоут, торговец четвертого класса по классификации конфедерации планет звезды Веги. Моя работа состоит в поиске различных новых вещей для торговых центров всего Вторичного Квадрата.

— Но способ, при помощи которого Мэнни и Фиорелло проходили сквозь стены?... Очевидно, это и была ваша машина времени, на которой они путешествовали. Ничто другое не может материализоваться прямо из воздуха.

— Вы, кажется, страдаете навязчивой идеей относительно машины времени, — сказал Блоут. — Вы полагаете, что если вы, люди, разработали машину времени, то она теперь есть у каждого? — голос Блоута упал до басовитого шепота. — Я буду иметь с вами дело, Дейн. Вы приведете для меня машину времени в хорошем состоянии, и я заплачу...

— Вы думаете, что я вам дам машину времени?

Блоут навел на Дейна похожий на обрубок указательный палец.

— Я не люблю пользоваться затруднительным положением людей, Дейн. Но, согласитесь, в данный момент вы находитесь в несколько затруднительном положении: нелегальное появление здесь, захват чужой собственности, нелегальный персход границы. Несомненно, имеются некоторые затруднения в том, чтобы вернуть вас обратно в резиденцию Снафайна. Осмелюсь заметить, что мистер Келли питает к вам теплые чувства. Я, конечно, буду бороться с любой вашей попыткой разжечь битву.

Веганец согнул все восемнадцать пальцев, застучал под столом своими шупальцами, один глаз его завертелся в орбите, а другой уставился на Дейна.

— Тогда как с другой стороны, — басом продолжал Блоут, — вы и я можем заложить основы выгодного дела. Вы предоставляете мне машину, а взамен я обеспечиваю вас обилием ценностей местной среды. Как мне кажется, это достаточно справедливо. Что вы думаете по этому поводу, Дейн?

— Дайте мне подумать, — произнес Дейн, стараясь выиграть время. — Машина времени...

— Не пытайтесь провести меня, Дейн, — загремел Блоут.

— Я лучше загляну в телефонную книгу, — продолжал Дейн.

Не говоря ни слова, Блоут протянул Дейну адресную книгу. Дейн открыл ее.

— Время... Давайте посмотрим... Вот! «Тайм инкорпорейтед», местное отделение. Два двадцать один на Мейпл-стрит.

— Торговый центр? — спросил Блоут. — Или это производственный комплекс?

Дейн ответил:

— И то, и другое. Я только пресеку или стащу...

— В этом нет необходимости, Дейн, — произнес Блоут. — Я буду сопровождать вас.

Он взял у Дейна справочник и просмотрел его.

— Замечательно! Рекламируются товары широкого потребления. Свободная продажа, а я этого не заметил! Действительно, орех может созреть как на маленьком дереве, так и на большом.

Он подошел к столу, порывшись в нем и вернулся с пригоршней топливных элементов.

— Теперь поедem к машине времени.

Он занял место в клетке и широким жестом пригласил Дейна.

— Иди сюда, Дейн. Поехали.

* * *

Дейн нерешительно двинулся к машине.

До сих пор блеф его был удачен, но только до определенного момента — и этот момент почти настал.

Дейн занял свое место. Блоут двинул рычаг. Их окутал такой знакомый Дейну голубой свет.

Блоут манипулировал рычагами. Клетка-носитель мчалась в таинственном полуденном небе. Внизу мелькали смутные очертания зданий, подобные недодержанному негативу.

Дейн осмотрелся вокруг, и на пятиэтажном квадратном здании заметил буквы надписи.

— Здесь, — сказал он.

Блоут направил клетку к плоской крыше, указанной ему Дейном.

— Теперь лучше поручите управление мне, — предложил Дейн. — Я хочу быть уверенным в том, что мы прибыли в нужное место.

— Очень хорошо, Дейн.

Дейн провел носитель через крышу и дальше вниз, в смутно видимый под ними офис.

Блоут надавил небольшую кнопку.

— Пусть нас никто не заметит, — сказал он.

Окружающее стало еще более нечетким.

Клетка плавно опускалась. Дейн высунулся, разглядывая место посадки. Он провел машину на второй этаж и двинул ее

по пустому коридору. Глаза Блоута вращались в своих орбитах, изучая небольшие комнаты по обеим сторонам коридора.

— Здесь, должно быть, помещение для сборки, — объяснил он. — Я вижу машины со стержневой конструкцией, отличающиеся от нашего носителя.

— Это верно, — сказал Дейн. Он всматривался в туманную дымку. — Конечно, именно здесь делают время.

Внезапно он потянул за рычаг, машина повернула налево, прошла через закрытую дверь и остановилась. Позади клетки возникли две туманные фигуры. Дейн нажал на переключатель. Если его предположения окажутся ошибочными... Изображение начало флюоресцировать, посыпались искры, затем окружающее как бы попало в фокус. Блоут выкарабкался наружу. Его коричневые глаза вращались, как на шарнирах, осматривая бетонные стены, запертую дверь и...

— Вы! — раздался снизу хриплый голос.

— Хватайте его! — завопил кто-то.

Блоут отпрянул и заколотил своими щупальцами в бесплодной попытке достичь клетки-носителя, как в свое время это пытались сделать Мэнни и Фиорелло. Дейн нажал на рычаг. Он бросил последний взгляд на три боровшиеся фигуры, залитые голубым светом, и клеть прошла сквозь стену.

3

Со вздохом облегчения Дейн откинулся в кресле водителя. Теперь, когда он был свободен, он должен был решить, куда ему двигаться. Теперь не могло быть и речи об использовании тех ресурсов, которые могли быть у Блоута.

Сначала Дейну нужно было спрятать машину, а потом...

Низкий громкий звук достиг ушей Дейна, и звук этот непрерывно возрастал по высоте и громкости. Встревожившись, Дейн выпрямился в кресле. Для ошибок не было времени.

Звук все повышался, пока не превратился во всепроникающий вой. Не было никаких признаков механических повреждений.

Клеть-носитель скользила над пейзажем из домов и деревьев. Дейн зажал уши руками, стараясь защитить их от воя, похожего на то, как если бы все полицейские сирены города взвыли одновременно. Если бы клеть-носитель остановилась, он бы выпал из нее. Дейн заработал рычагами, пытаясь опуститься к видневшейся глубоко внизу земле.

Казалось, по мере снижения клетки звук становился все тише и тише. Дейн еще больше замедлил скорость движения и

посадил носитель в уголке обширного парка. Пролетев еще несколько дюймов, он нажал на выключатель.

Клеть замерла, сияние померкло, и звук сирены сменила полная тишина.

Дейн вышел из машины и осмотрелся вокруг. Какова бы ни была причина этого воя, он не привлек ничьего внимания, даже пешеходов, прогуливающих по парку.

Может быть, это был сигнал тревоги, вызванный появлением преступников? Но если это так, то почему этого не было раньше? Дейн глубоко вздохнул. Есть ли звук, нет ли его, ему лучше вернуться в машину и перенестись в уединенное место, где он на досуге сможет обдумать все, что произошло. Он вернулся обратно и потянулся к рычагу управления.

Внезапно сразу похолодало. Стекла приборов в клетке покрылись инеем. Раздался громкий звук «поп!», подобный звуку лопнувшей колбы электролампочки. Сидя на своем месте, Дейн смотрел на радужный переливчатый прямоугольник, повисший перед клеткой-носителем. Поверхность прямоугольника пульсировала, временами свечение падало до минимума и почти затухало. В клубах морозного воздуха появилась высокая фигура, одетая в плотно облегающую тело униформу белого цвета.

Дейн с изумлением смотрел на небольшую круглую голову, смуглое лицо с длинным носом, длинные мускулистые руки, тыльные стороны ладоней которых были покрыты кудрявыми рыжевато-коричневыми волосами. Странные ноги с длинными ступнями были обуты в мягкую обувь. На голове незнакомца была надета чистая, опрятная шапочка в виде коробочки с коротким козырьком, надвинутая глубоко на сияющие желтоватым светом глаза, которые были направлены на него, Дейна. Широкий рот был раскрыт в улыбке, обнажавшей квадратные желтоватые зубы.

— Ну, монсеньор, — сказал незнакомец, — вы оказались в неловком положении, не так ли?

Он согнул колени и спину в быстром поклоне. Говорил не-знакомец по-французски.

Дейн ответил ему таким же поклоном.

— Не понимаю, — сказал он, — я не говорю по-французски.

— Моя ошибка. Это Английский Колониальный Сектор, не правда ли? Это моя глупость. Разрешите представиться: я — Дзэкун, полевой агент пятого класса. Межмерная измерительная служба.

— Та сирена была вашей?

Дзэкун кивнул.

— На мгновение мне показалось, что вы отказываетесь приземляться. Я рад, что вы решили быть благоразумным.

— Как, вы сказали, называется ваша организация? — переспросил Дейн.

— Межмерная контрольно-измерительная служба.

— Меж... чего?

— Мерная. Конечно, это слово неточное, но это лучшее из того, чем обладает лингвистическое координирующее устройство, использующее словарный запас английского языка.

— Чего же вы хотите от меня?

* * *

Дзэкун осуждающе улыбнулся.

— Вы знаете о запрещении операций на незарегистрированных кораблях с реверсированием фазы в запретной зоне. Я боюсь, вам придется пройти со мной в штаб.

— Подождите минутку! Вы хотите сказать, что арестовываете меня?

— Это устаревший термин, но, я полагаю, оно означает именно это.

— Послушайте, Дзэкун. Я заблудился на улице и ничего не знаю о запретной зоне и кораблях с каким-то реверсированием. Разрешите мне только убраться отсюда.

— Я боюсь, вам придется это рассказать Инспектору.

Дзэкун любезно улыбнулся и жестом показал на мерцающий прямоугольник, из которого он появился. При взгляде сбоку он не был виден. Дейн подумал, что он похож на отверстие в пустоте. Он взглянул на Дзэкуна.

Если он сделает шаг вперед и ударит головой слева с последующим ударом справа под ребра...

— Я, конечно, вооружен, — извиняющимся тоном произнес Дзэкун.

— О'кей, — Дейн вздохнул. — Но я собираюсь заявить протест.

— Не нервничайте, — дружелюбно сказал Дзэкун. — Только быстро пройдите сюда.

Дейн искоса посмотрел на мерцающую поверхность. Он оскалил зубы, закрыл глаза и сделал шаг вперед. На мгновение его охватило чувство обжигающего тела тепла.

Затем он открыл глаза. Он находился в длинном узком помещении, стены которого были покрыты блестящим зеленым кафелем. Теплый желтый свет падал на пол с высокого потолка. Вдоль стен тянулись ряды ячеек со спальными местами.

Вокруг Дейна оживленно сновали высокие фигуры в белых униформах. Поблизости от него стояла группа низкорослых и очень дородных существ в желтой одежде.

В дальнем конце Дейн мельком увидел круглоплечую фигуру в красной одежде, с большой копной волос, обрамляющей блестящее голубое лицо. Его рука, более длинная, чем у Дзэкуна, раскачивала зуб в открытом рту.

— Сюда, — сказал Дзэкун.

Дейн последовал за ним в помещение, отгороженное от других переборками. За столом сидело существо, неотличимое от полевого агента, за исключением красных шнуров, намотанных на его запястья.

— Я подобрал этого нарушителя с реверсивной фазой, Гант, — сказал Дзэкун. — Английский сектор. Локус «С» 922А4.

— Дайте подумать. Английский сектор? Д-да...

Сидевший встал и протянул руку. Дейн робко пожал ее. Это была странная рука: горячая, сухая, с голубой кожей, похожая на собачью лапу. Он дважды встряхнул ее и отпустил.

— Удивительное впечатление, — сказал Гант. — Пустая рука, никакого оружия. Подразумевается дикость...

Он с любопытством взглянул на Дейна.

— Замечательно. Я изучил вашу линию родства, но, конечно, у меня до сих пор не было возможности видеть раньше ни одного из ваших парней. И какая у вас кожа — поразительно. Можно мне взглянуть на ваши руки?

Дейн протянул ему свою руку. Существо взяло ее в свои пальцы, повертело, осмотрело ногти, потом подошло поближе, взглянуло в глаза Дейну, осмотрело его волосы.

— Могу я попросить вас открыть рот? — спросило оно.

Дейн повиновался. Гант осмотрел его зубы и обошел вокруг него, в удивлении мурлыча что-то себе под нос.

— Гм... можно спросить? — произнес Дейн.

— И вы, люди, хотите выглядеть, как в будущем?

— Что?

Круглые желтоватые глаза прищурились, широкий рот скривился в усмешке.

— Я в этом сильно сомневаюсь, старина, — он хихикнул. — Как вам известно, полмиллиона лет девергентной революции ничего не напортили.

— Вы хотите сказать, что вы из прошлого? — буркнул Дейн.

— Из прошлого? Боюсь, что я вас не понимаю.

— Не имеете же вы в виду, что мы все вымрем, и вместо нас будут обезьяны? — выпалил Дейн.

— Обезьяны? Дайте подумать. Я слышал о них. Некая разновидность небольших приматов, похожая на миниатюрных человечков. У вас они, наверное, живут дома, не так ли? Это очаровательно! — он с сожалением покачал головой. — Мне

определенно хочется, чтобы начальство разрешило мне посетить ваш сектор.

— Но вы не путешественники во времени? — настаивал Дейн.

— Путешественники во времени?

Гант расхохотался во весь голос.

— Подрывная теория, — сказал Дзэкун. — Суеверие, религиозный предрассудок.

— Тогда каким же образом вы откуда попали в парк?

— Портальная рама на входе, сфокусированная в нужном месте. Это просто элементарная механика напряженного поля.

— Это мне ничего не говорит, — сказал Дейн. — Где я? Кто вы?

— Начнем объяснения по порядку, — сказал Гант. — Возьмите стул. Теперь, если я правильно помню, в вашем локусе существует всего лишь несколько человеческих видов...

— Всего лишь один, — вставил Дзэкун. — Эти малые выглядят хрупкими, но они похожи на нас.

— О да, я вспомнил этот локус, где безволосый вариант систематически охотится за другими вариантами.

Он, прищурившись, осуждающе посмотрел на Дейна.

— Вы не чувствуете себя там одинокими?

— Конечно, там есть несколько любопытных низкоразвитых форм — сказал Дзэкун. — Фактически же они — живые ископаемые, субинтеллектуальные антропоиды: гориллы, орангутанги, шимпанзе, гиббоны и, конечно, целый спектр миниатюрных форм.

— Я полагаю, когда мутация установила превосходство одного вида, другие отступили в менее конкурирующие экологические ниши и развивались на этом уровне, — размышлял Гант. — Жаль. Я полагаю, что гориллы и другие являются дегенеративными формами.

— Возможно.

— Простите, — сказал Дейн, — но относительно объяснения...

— О, извините меня. Ну, начнем с Дзэкуна и меня. Мы австралопитеки. Помните, что это ваш термин. Мы — один из многих вариантов антропоидов, уроженцев обычных географических мест. Работники в желтой одежде, которых вы, несомненно, заметили, сродни вашим неандертальцам. Потом есть производные от синантропов с голубыми лицами и уроженцы Родезии...

— Каким образом уроженцы отдельных мест общаются между собой? И каким образом пещерные люди дожили до наших дней?

Глаза Ганта увидели кого-то позади Дейна. Он вскочил на ноги. — А, добрый день, Инспектор.

Дейн обернулся. Похожий на медведя австралопитек со сплечением красных лент на воротнике и запястьях мрачно воззрелся на него.

— Харраиф! — сказал Инспектор. — Альбинизм и аллопепсия. Надеюсь, не заразно.

— Генетический недостаток, Ваше Превосходительство, — ответил Дзэун. — Это «Гомо Сапиенс», естественно, безволосая форма из одного довольно любопытного историко-географического места.

— Сапиенс? Теперь кажется, будто звенит колокольчик.

Инспектор, прищурившись, взглянул на Дейна.

— Вы — нет.

Он сложил пальцы в инстинктивном цифромнемоническом символе. Внезапно его голос стал твердым.

— Почему здесь один из этих братоубийственных варваров? — он повернулся. — Он должен находиться под арестом. Гант! Констебль! Вызвать сюда тяжело вооруженную группу! Этот человек опасен!

* * *

— Инспектор, я уверен... — начал было Гант.

— Это приказ! — рявкнул Инспектор.

Он перешел на непонятный язык, состоящий в основном из команд. После этого появилось несколько самых толстых неандертальцев, которые попытались схватить Дейна за руки.

Дейн огляделся вокруг и увидел лишенные подбородков, большеротые, коричневые лица, резко контрастирующие с голубыми глазами и прямыми белокурыми волосами.

— Что это происходит вокруг? — спросил он. — Мне нужен адвокат!

— Ничего подобного! — закричал Инспектор. — Я знаю, как обращаться со злодеями вашего типа! — он с отвращением взглянул на Дейна. — Возмутительно! Планирование дополнительных увечий, не так ли? Подготавливаете проникновение в месторасположение цивилизаций, чтобы поглотить всю конкурирующую жизнь? Не правда ли?

— Я привел его сюда, Инспектор, — вмешался Дзэун. — Это было обычное нарушение уличного движения.

— Я сам решу, как поступить в этом случае! Теперь вы, «сапиенс»! Что за дьявольская схема изображена на рукаве вашей одежды? А?!

— Дениел Слейн, гражданское лицо, сотрудник общественной безопасности, номер 465-7329-988, — сказал Слейн.

— Что?

— Имя, должность и номер, — объяснил Дейн. — А больше я не буду отвечать ни на какие вопросы.

— Это означает уголовно наказуемое преступление, сапиенс! Незаконное оставление вашей среды, преднамеренное нарушение закона...

— Вы забыли о моем рождении на свет без предварительного разрешения и не подтвержденное властями право на дыхание!

— Это наглость! — зарычал Инспектор. — Я предупреждаю вас, сапиенс, что в моей власти сделать вашу жизнь неприятной. Как вы заставили агента Дзэкуна привести вас сюда?

— Ну, пришла прекрасная фея и дала мне три желания...

— Уберите его! — зловеще воскликнул Инспектор. — Сектор девяносто седьмой, ненаселенная местность.

— Ненаселенная? Это, кажется, довольно экстремальное решение, не так ли? — прокомментировал один из охранников, нахмутив брови.

— Да, ненаселенная! Если вас это смущает, я могу заставить вас присоединиться к нему!

Охранник-неандерталец широко заулыбался, показывая белые зубы. Он кивнул Дейну, подтолкнув его вперед.

— Не горюй, Спогходо, — сказал он громко. — Он сильно постарел.

— Я сожалею о происходящем, — раздался голос над ухом Дейна.

Дейн не понял, был ли это Дзэкун или Гант.

— Я боюсь, что вас придется направить к месту заключения, но я попытаюсь впоследствии исправить дело.

На обратном пути в главный вестибюль Дейн, сопровождаемый конвоиром, проходил мимо разгороженных перегородками комнатешек, где занятые работой агенты межмерной контрольно-измерительной службы передавали своим начальникам последние донесения. Затем Дейн был препровожден через арку в комнату, разгороженную узкими серыми панелями и похожую на гимнастический зал.

— Девяносто семь, — сказал конвоир.

Он подошел к настенной карте и прочел напечатанный на ней мелкий текст, помогая себе пальцем, а затем на приборе, находившемся на стене, при помощи диска-номеронабирателя набрал какое-то число.

— Мы здесь, — доложил он.

Затем он нажал на кнопку рядом с одной из кабинок, расположенных вдоль стен помещения. Передняя панель кабинки затуманилась и стала переливаться всеми цветами радуги.

— Быстро шагните вперед. Счастливой «посадки», — напутствовал его конвоир.

— Спасибо.

Дейн наклонил голову и прошел через отверстие в клубах морозного воздуха.

* * *

Он очутился на крутом склоне холма. Внизу изгибалась луговина, уходившая вдаль, к горизонту. Можно было увидеть изолированные группы деревьев и реку. Вдали виднелось стадо животных, которое паслось среди низких кустарников. В долине не видно было никаких следов судов или лодок, и вокруг — никаких следов поселений: ни троп, ни заборов, ни домов, возделанных полей. В бездонном голубом небе — никаких летательных аппаратов. Никаких запахов выхлопных газов, никакого шума от работающих двигателей внутреннего сгорания, никаких пустых жестянок из-под консервов, никаких пустых бутылок.

Ничего, что указывало бы на присутствие человека.

Дейн обернулся. Позади него все еще смутно мерцало отверстие, откуда он вышел.

Он просунул голову сквозь радужное мерцание и вновь очутился в кабинке, откуда вышел. На него смотрел неандерталец, одетый в желтое.

— Скажите, мы можем поговорить? — спросил Дейн.

Он старался не замечать ощущение раскаленной проволоки вокруг своей шеи.

— Лучше уберите вашу голову, пока ее не отрезало, — приветливо сказал охранник, — Иначе — сссскттт!!!

— Скажите, что мне здесь можно почитать? И поглядите — моей голове холодно. Не сильно ли здесь падает температура ночью? Есть ли здесь опасные животные? Чем я здесь буду питаться? — вопрошал Дейн.

— Вот.

Охранник подошел к полочке и взял пачку книжек-проспектов.

— Они предназначены для парней без предрассудков. Вы знаете этих бедных парней, которым пришлось увидеть слишком много. Но я вам разрешу взять одну из книжечек. Давайте посмотрим. Английский...

Он выбрал одну из книжечек и протянул ее Дейну.

— Спасибо.

— Лучше уберите голову.

Дейн убрал голову из кабинки. Затем он сел на траву и полистал брошюрку. В полиграфическом отношении она была великолепна.

На обложке было напечатано:

**«ПРИГЛАШАЕМ ВАС В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ ЦЕНТР
№23»**

Ниже заголовка была помещена фотография группы угрюмых существ различного роста и различной степени волосатости в бумажных шляпах. Подпись под ней гласила: **«ВНОВЬ ПРИБЫВШИЕ ПРИГЛАШАЮТСЯ В ВЕСЕЛЫЙ КРУГ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ. ЭЙ, ВНОВЬ ПРИБЫВШИЙ!»**

Дейн открыл книжку. На фотографии был изображен пейзаж, сродни тому, что открывался перед ним; дикость природы оживлялась беспорядочными настроениями с длинными верандами, уставленными креслами-качалками. Стояли столы для пикников под развесистыми деревьями, а вдали на реке виднелись яхты, окруженные каноэ и шлюпками.

«Жизнь в общественном центре очень веселая, — прочел Дейн. — Активность! Фотографирование! Дети — скауты, бой — скауты, пещерные скауты, лесные скауты, ПТА, святые места, культ медведя, периодическое вращение поля, Дочери Восточной Звезды, Матери Большого Бананавы — можете назвать это «Дианетика!» Группа для каждого и каждый для группы! Классы обучения разговорному урду, язык Скретч, идиш, галльский, фунду и другие. Вязание узлов, изготовление ковров, выделка изделий из кожи, обучение греческим танцам, рисование пальцами и многое, многое другое! Небольшой театр, пышное зрелище. Карнавал индийских танцев! Обсуждение событий за «круглым столом». Городские собрания».

Дейн перелистал несколько страниц и остановился на развороте двойной страницы с заголовком:

«ЧТО МОЖНО И ЧЕГО НЕЛЬЗЯ ДЕЛАТЬ»

ПУНКТ 1. Все мы хотим уйти из нашего времени. Поэтому запомни правило Урана: не делать этого! Следующее место может быть хуже!

Запомните другое табу, друзья:

ПУНКТ 2. То, что вам кажется обычным пикником или любовной связью, может обидеть других. То, что некоторые делают в группах, другие могут делать самостоятельно. Большинство табу относится к еде, сексу, атеизму или поклонению богествам. Итак, запоните: осмотритесь вокруг, прежде чем садиться, ложиться или преклонить колени.

ПУНКТ 3. Леди с бородами, пожалуйста, запомните: дружески настроенный муж может быть в составе экипажа, прочищая засорившиеся стоки, так что наблюдайте за теми, кто обнажается в туалетах, а, девочки! И вы, парни, тоже! Будьте

уверены, хороших конюхов оплачивают, но ухаживайте друг за другом, как за лошадьми, в открытую, хорошо?

Примечание:

Существует агитация за отдельные, но равные средства. Теперь честно, люди, в духе ли это центра N 23? Мужчины и женщины будут использовать те же отхожие места, как всегда. Не будет допускаться никакой сексуальный шовинизм.

ПУНКТ 4. Слово к детям!

На территории общественного центра не разрешается никакого размножения. В конце концов большинство пап спит здесь. Существует множество других деревьев.

ПУНКТ 5. Плата за утонченность!

В эти дни, более активные, чем когда-либо прежде, персонал эффлювиума при помощи испарения ядовитых веществ может избавиться от нас раньше, чем мы заметим смертельное воздействие. И этот запах может не столько нравиться другим, сколько нам самим! Так что запомните, друзья! Следите за Р.Е. — мылом, одеколоном, пудрой и т.д.»

Дейн отбросил книгу в сторону. На свете существуют и более скверные вещи, чем одиночество. Все вокруг выглядело, как хорошенький приятный мир, и все это принадлежало ему.

Весь Северо-Американский континент, вся Южная Америка, Европа, Азия, Африка — места возможного приложения его сил, его работы. Он может валить деревья, построить дом, оснастить его мебелью. Если он сможет изготовить лук и стрелы, он будет охотиться, и шкуры его охотничьих трофеев пойдут ему на одежду.

Он может понемногу заниматься земледелием, удить рыбу, загорать на солнце — все это за недостатком времени он не делал дома. Дела обстоят не так уж и плохо. Очевидно, Дзэкун примет меры для его освобождения. Пребывание здесь станет некоей разновидностью каникул...

— Эй, Дейн, мой мальчик! — раздался бас позади Дейна.

Дейн от неожиданности подпрыгнул и осмотрелся вокруг.

Огромное лицо Блоута, прищурясь, мерцало на фоне портала. Над одним его глазом красовался большой зеленый сияняк. Он укоризненно погрозил Дейну пальцем.

— Это был грязный трюк, Дейн. Мои прежние работодатели были несколько рассержены. К сожалению, я должен сказать, что нам лучше убраться отсюда. У нас нет времени на долгие разговоры и даже на размышление.

— Как вы попали сюда? — спросил Дейн.

— Я использовал карманное сигнальное устройство, чтобы вернуть обратно мою клеть-носитель... вскоре после этого, —

он коснулся подбитого глаза. — Взгляд, брошенный на приборы, сказал мне, что вы посетили парк. Я последовал за вами и обнаружил портал межмерной контрольно-измерительной службы. Будучи склонен к приключениям и заботясь о вашем здоровье, я прошел через...

— Почему же они не арестовали вас? Я был задержан за управление клетью-носителем...

— У них было такое намерение. Небольшая доза оглушающего газа — и они вышли из строя. Теперь давайте поторопитесь, пока они не пришли в себя.

— Подождите минутку, Блоут. Я не уверен, что хочу быть спасенным вами, несмотря на вашу заботу о моем здоровье.

— Вздор, Дейн! Пойдем!

Блоут огляделся вокруг.

— Страшное место! Без людей, без коммерции, без работы!

— У этого места есть свои положительные качества. Мне думается, я должен остаться. Вы можете идти своей дорогой.

— Бросить в беде коллегу? Никогда!

— Если вы все еще полагаете, что я должен доставить вам машину врзмени, то вы ошибаетесь. У меня ее нет.

— Нет? Ну и хорошо. Гора с плеч. Такой механизм опровергал бы общепринятую теорию физики. Теперь, Дейн, вы не можете поверить в мотивы моего поведения, но я верю, что наш союз будет плодотворным.

Дейн задумчиво положил палец на нижнюю губу.

— Слушайте, Блоут. Вы нуждаетесь в моей помощи. Может быть, и вы сможете помочь мне когда-нибудь. Я хочу, чтобы вы поняли, что мы должны работать вместе. У меня есть идея...

— Ну, конечно, Дейн! Теперь ступите ножкой...

Дейн вздохнул и переступил портал. На полу храпел стражник, одетый в желтое. Дейн и Блоут вернулись в большой холл.

Повсюду: на полу, за столами, на стульях — валялись официальные лица МЕКИС.

Блоут остановился перед одним из мерцающих порталов.

— После вас, Дейн.

— А вы уверены, что это тот самый портал?

— Совершенно уверен.

Дейн прошел через мерцающую завесу и очутился в уже знакомом ему парке. Небольшой песик, презрительно фыркнувший на клеть-носитель, поймав взгляд Блоута, опустил ножку и принялся спасаться бегством.

— Я хотел бы нанести визит мистеру Снафайну, — сказал Дейн, взбираясь на сиденье.

— Мое желание совпадает с вашим, — согласился Блоут.

Он опустился на свое место.

— Но не думайте, что я собираюсь помогать вам в краже чего-нибудь.

— Дейн, это самое несправедливое замечание. Я только хочу посмотреть на некоторые вещи.

— Достаточно того, что вы не будете заглядывать в сейфы.

Блоут хихикнул и тронул рычаг. Носитель взвился над рядами голубых деревьев и направился на запад.

4

Блоут вел носитель на большой высоте над именем Снафайна, потом опустил его ниже и посадил машину, очень аккуратно проведя ее через крышу. Слуги в одежде палевого цвета, двигавшиеся туда и сюда в верхнем холле, не заметили похожую на привидение клеть-носитель, которая беззвучно проскользнула между ними.

Встоловой Дейн поймал взгляд девушки, может быть, дочери Снафайна, расставлявшей цветы на подоконнике.

— Дайте мне, — прошептал Дейн.

Блоут кивнул и передал управление.

Дейн стал искать кухню и повел носитель к тому месту, где он впервые вылетел из подвала.

Затем клеть-носитель прошла через пол, и Дейн остановил ее, манипулируя рычагами и переключателями в ореоле искр их голубого свечения.

Дверь подвала была открыта. На стендах и на полу валялись в беспорядке кучи картин.

Дейн вышел из носителя и подошел к ближайшей куче. Казалось, их свалили в спешке. Они даже не были ничем прикрыты. Дейн посмотрел лежавшие сверху холсты в тяжелых рамках, снятые со стен картинной галереи.

— Посмотрите, нет ли где-нибудь поблизости Снафайна, — сказал Дейн. — Мне бы хотелось поговорить с ним.

— Я полагаю, в таком случае нам надо исследовать верхние этажи. Несомненно, там находятся его апартаменты.

— Вы возьмете носитель, а я выйду и поднимусь наверх.

— Как вам будет угодно, Дейн.

Клеть с находившимся в ней Блоутом скрылась из глаз.

Дейн наклонился, поднял пистолет-автомат, который он обронил в схватке с Фиорелло, и поднялся в холл. Все было тихо.

Дейн поднимался по лестницам, заглядывая в комнаты. Везде было тихо и безлюдно. Дом оказался почти заброшенным. На третьем этаже он прошел по коридору, проверяя каж-

дую комнату. Последняя комната на западной стороне была обставлена, как мастерская художника. Повсюду, в том числе и на столе возле двери, виднелись стопки и ряды картин. Дейн подошел ближе и посмотрел на верхнюю в стопке картину. Она показалась ему знакомой, но была ли это одна из тех картин, которые он видел в Институте Искусств, в Чикаго?

Позади него послышался скрип открываемой двери. Дейн обернулся. Эта дверь находилась в дальнем конце коридора и, вероятно, вела в спальню.

— Держитесь подальше от вашего носителя, мистер Слейн, — раздался голос.

Дейн увидел высокую закутанную фигуру мистера Клайда У. Снафайна, которая внезапно появилась в дверях. В руке у Снафайна был стреляющий иглами пистолет с вращающимся барабаном.

— Я так и думал, что вы вернетесь, — пропищал он. — Это намного упрощает дело. Если бы вы не вернулись так скоро, мне пришлось бы переместить арену своих операций. Это могло стать главной помехой.

* * *

Дейн смотрел на оружие.

— Теперь внизу, в подвале, гораздо больше картин, чем в тот момент, когда я покинул его, — наконец сказал он. — Я не очень-то разбираюсь в искусстве, но узнал некоторые картины.

— Это копии, — прервал его Снафайн.

— Это не копии.

Дейн похлопал по верхней картине в стопке.

— Это подлинник. Вы можете почувствовать кисть мастера.

— Конечно, это не репродукции, а копии, — Снафайн заржал. — Абсолютно точные копии.

— Эти картины украдены, мистер Снафайн. Почему такой богатый человек, как вы, мистер Снафайн, берет краденые вещи?

— Я здесь не для того, чтобы отвечать на вопросы, мистер Слейн!

Оружие в руке Снафайна сработало, и волна боли прошла по телу Дейна. Снафайн рассмеялся, опуская пистолет.

— Ты уже усвоил хорошие манеры.

Рука Дейна опустилась в карман и выдернула из него автоматический пистолет. Дейн направил его дуло в лицо Снафайна. Промышленник застыл, глядя на пистолет.

— Бросай оружие!

Револьвер Снафайна ударился об пол.

— Теперь иди и найди Келли.

— Погодите! — пронзительно закричал Снафайн. — Я могу сделать вас богатым человеком, Дейн!

— Не краденными же картинами.

— Вы не понимаете. Это больше, чем незначительное воровство.

— Это верно. Это большое воровство. Эти картины стоят тысячи долларов.

— Я могу вам показать кое-что, что полностью изменит ваше мнение. В действительности я действую в интересах человечества!

Дейн помахал оружием.

— Не придумали ничего умнее. Я не стану использовать оружие. Эта вещь будет пущена в ход лишь в крайнем случае, и я сумею оправдаться, если меня привлекут за убийство.

— Это непростительно грубая ошибка с вашей стороны, — с плачем причитал Снафайн. — Я очень важная фигура, Слейн!

Он прошел по пушистому ковру к кабинету со стеклянными дверями и вернулся с плоским черным ящичком.

— Здесь, — сказал он, — содержится ваше счастье в виде хорошо ограненных камней.

Он поднял крышку. Дейн подошел поближе. Ряды красноватых искрящихся камней немо покоились на прокладке из бархата.

— Рубины?

— Без малейшего изъяна и идеально подобраны, — Снафайн жалобно захныкал. — Они могут дать счастье любому человеку. Они — ваши, если вы согласитесь сотрудничать со мной.

— Вы сказали, что вы хотите изменить мое отношение ко всему этому. Лучше начинайте это делать.

* * *

— Послушайте меня, Слейн. Я не работаю независимо. Я работаю на Иврой, сила которой неисчислима. Моя задача состоит в том, чтобы спасти от уничтожения обреченные произведения искусства, которым суждено погибнуть в огне атомной войны.

— Что вы имеете в виду, говоря «суждено»?

— Иврой знает эти вещи. Эти картины, как и все ваше искусство, уникальны во всей Галактике. Искусство других вызывает восхищение, но не может превзойти ваше. В космосе,

в далеком будущем, некоторые уцелевшие сокровища будут цениться сверх всякой меры. Только они дадут представление о Вселенной, видимой глазами вашей странной расы в момент ее наибольшего расцвета.

— Моей странной расы?

Снафайн остановился.

— Я не вашей расы.

Он сбросил одежду и выпрямился.

Дейн широко раскрыл рот, увидев обнаженное тело Снафайна. Оно росло. Длинные гибкие руки с тремя суставами вытягивались, лысая голова достигала потолка. Он пронзительно захихикал.

— Ну, как теперь ваша непоколебимая позиция, мистер Слейн? — пропищал он. — Доказал я вам, что я прав?

— Да, но... — проскрипел Дейн.

Он прочистил горло и попытался снова.

— Но я все же возьму свое оружие.

— О, это!

Восьмифутовая рука вытянулась и отбросила оружие в сторону.

— Я старался только приспособиться ко времени и обстоятельствам, потому что вы можете быть мне полезны, мистер Слейн. Я не люблю ходить вокруг да около, а всегда предпочитаю действовать прямо. Примите мое предложение, и я богато награжу вас.

— Почему же?

— Вы уже знаете о моем присутствии здесь. Если я заручусь вашей поддержкой, это значит, что не будет никаких неприятностей с полицией, родственниками и прочими. Я хочу, чтобы вы были моим агентом по коллекционированию ценных произведений искусства.

— Вы спятили! — воскликнул Дейн. Затем он добавил: — Я не собираюсь помогать ни одной банде жуликов совершать грабежи.

— Это для Иврой, дурак ты этакий! — ответил Снафайн. — Самой могучей силы во Вселенной!

— Упоминание об Иврой мне ничего не говорит. Грабеж картинных галерей...

— Быть взрослым — значит жить без иллюзий. Имеет значение только реальность. Но неважно. Остается вопрос. Вы будете лояльно служить мне?

— Конечно же, нет! Какого черта! — огрызнулся Дейн.

— Слишком все плохо. Я вижу, вы сознательно говорите все это. Этого и надо было ожидать. Даже у котенка есть зубы.

— Вас прокляли правильно. Сколько вы уплатили Мэнни и Фиорелло? Я буду удивлен, если даже пара бродяг будет работать на такого шакала, как вы.

— Я полагал, что вы относитесь к тем милым парням, которых нанял Блоут. Это ошибка. Я боюсь. В то время это казалось идеально благоразумным. Скажите мне, каким образом вы одолели веганца? Веганцы — очень способная раса, между нами говоря.

— Вы и он работаете вместе, да? — спросил Дейн. — Это несколько проясняет дело. Это место — пункт сбора коллекции, а Блоут — скупщик краденого.

— Хватит ваших догадок! Вы не оставляете мне другого выхода, кроме как убрать вас. Какая досада, но ничего не поделаешь. Я боюсь, мне придется попросить вас сопровождать меня вниз, в подвал.

Дейн взглянул на дверь. Если он собирался улизнуть, то сейчас было самое время.

Тут же послышался вой, свидетельствующий о приближении клетки-носителя. И вот, подобно призраку, появилась она сама, пройдя сквозь стену и остановившись между Дейном и Снафайном.

Мерцание ее погасло.

Приподняв с сиденья свою гротескную тушу, Блоут весело поглядывал на Дейна.

— Добрый день, Снафайн, — загудел он. — Я вижу, вы встретились с Дейном. Это предприимчивый парень.

— Что вы привезли, Гом Блоут?! — взвизгнул Снафайн. — Я думал, что вы сейчас находитесь на пути к Ворплищу.

— Я был соблазнен, Снафайн. Мне нелегко говорить, но есть дело, не терпящее промедления.

— Отлично! — воскликнул Снафайн. — У меня на завтра готова для вас другая партия товара!

— Завтра? Как это возможно, если Мэнни и Фиорелло сидят в известном вам месте?

Блоут огляделся. Его взгляд остановился на стопке картин. Он подошел к ней, поднял одну картину, глянул на следующую и просмотрел всю стопку.

Затем обернулся.

— Это дубликаты, Снафайн! — закричал он. — Все идентичны! Наше соглашение предусматривало ограниченное количество изданий, а не массовое производство! — он навел глаза на Снафайна. — А вами я займусь позже! — загрохотал он. — Никто не смеет упрекнуть Гома Блоута, торговца четвертого класса, или Федерацию звезды Вегги.

Внезапно Снафайн двинулся и протянул руку к оружию, которое он уронил раньше. Он навел его и нажал на спуск. Дейн почувствовал боль, колени его подогнулись, и он упал на пол. Рядом с ним на пол осел Блоут, его щупальца стали мягкими.

— Я доверяю вам дополнительную информацию.

Снафайн загоготал.

— Теперь меня заботит, как избавиться от этой дополнительной тонны протоплазмы. Для этого будет полезна клеть-носитель.

5

Дейн почувствовал в воздухе знакомый холодок. Появился портал. В клубах морозного воздуха в нем стояла высокая фигура. Вместо плотно облегающей униформы австралопитек носил плотно сидевшие джинсы и свободную рубашку. Небольшую круглую голову его венчал берет. Огромные темные очки закрывали желтоватые глаза, на босых ногах болтались сандалии. В руке он держал длинный мундштук для сигарет.

Это был Дзэкун.

— Какое счастье! Как приятно с вами встретиться! Я предполагал произвести тщательный розыск в пределах вашего местонахождения. Отсюда и мой костюм, — приветливо проговорил он.

Потом взгляд Дзэкуна упал на Снафайна, стоявшего рядом с оружием в руке.

— Вы принадлежите к незнакомой мне расе, — сказал австралопитек, — но все же, я полагаю, вы знаете о запрете для всех антропоидов, населяющих это место?

— А вы кто такой? — высокомерно спросил Снафайн.

— Я полевой агент межмерной контрольно-измерительной службы.

— О, да, но ваш запрет для меня ничего не значит. Я работаю под прямым покровительством Иврой.

Снафайн коснулся сверкающей булавки на своей одежде.

Дзэкун вздохнул.

— Есть старые предписания об аресте!

— Он вор! — закричал Дейн. — Он грабит картинные галереи!

— Спокойно, Дейн, — промурлыкал Блоут. — Нет необходимости в излишних объяснениях.

Агент повернулся к торговцу.

— Вы житель Веги, не так ли? Мне кажется, вы тот самый парень, за которым я охочусь.

— Какой запрет? — загремел бас. — Послушайте, офицер, я — отец семейства, любящий домашний уют и случайно попавший в ваше общество.

Чиновник кивнул на картины, которыми была загружена клеть.

— Насколько я понимаю, вы захватили с собой некоторые сувениры?

— Да, для жены и детей, чтобы украсить наш муравейник.

— Наказанием за эксплуатацию культурного слоя, занятого антропоидами, является статис на определенный период, не превышающий цикл воспроизводства. Насколько я знаю биологию веганцев, как раз наступил такой период.

— Почему, офицер? Я уверен, что вы не примсните оружие против такого уважающего законы, разумного существа, как я. Когда я потерял щупальце в борьбе за мир...

Говоря все это, Блоут постепенно продвигался к клетке-носителю.

— Ваше имя, мой дорогой приятель, — продолжал он, — я упомяну в беседе с облеченным полномочиями комиссаром, который является моим близким другом.

Внезапно резким движением веганец схватился за рычаги управления машиной.

Длинные руки в плотно облегающих рукавах жакета без особого усилия оттащили его обратно.

— Это неразумно, сэр. Я буду настаивать на подсознательном исправлении путем помещения в статис.

Антропоид защелкнул тяжелые наручники на запястьях Блоута.

— Вы веганец, — он весело потер руки. — Это известно всем.

— Ладно, начальник. — сказал Блоут, — Вы снова на высоте. В самом деле, у меня еще есть дела в этом маленьком мире. Мой приятель Дейн с радостью подтвердит это. У меня есть информация, которая, вероятно, вас заинтересует. Снафайн заявил, что он на службе у Иврой.

— Разве Иврой настолько могуч, чтобы нанять Снафайна красть картины? — усомнился Дейн.

— Не бери в голову, Дейн. Способностей Снафайна хватит только на то, чтобы сдублировать картину и переправить ее Иврой.

— Эй, ты, — вмешался Снафайн, — закрой свою поганую пасть.

Дейн протянул руку. Дзэкун сказал:

— Прошу сохранять тишину, сэр. Позвольте моим подопечным немного поболтать.

Снафайн неожиданно для всех предложил:

— Оставьте их на мое попечение.

Дзэкун покачал головой.

— Это трудно, сэр. Это очень неудачное предложение для агента Иврой.

Он кивнул Дейну:

— Продолжайте.

— Как вы дублируете произведения искусства? — спросил Дейн.

— С помощью редуубликатора материи. Но, как я уже говорил, Снафайн использовал дублирование картин и продажу их покупателям, вроде меня, для быстрого обогащения.

— Вы хотите сказать, что есть и другие покупатели?

— У меня куча конкурентов, Дейн, и все они заняты экспортом произведений вашего искусства. Вы сами знаете, у вас развитая и талантливая раса.

— Чем же они расплачиваются?

— Всем помаленьку, Дейн. Простите, но сейчас я не могу объяснить. Это повлияет на ваше искусство. Оно потеряет свою первоначальную прелесть.

Дейн кивнул.

— Я видел эту новую мебель, сделанную для марсиан.

— Скорее, для ганнимедцев. Марсиане больше любят графику. А ваши автомобили хорошо идут на Плутоне. У плуто-ниан весьма тонкое чувство юмора.

— А что будет делать Иврой, когда узнает, что Снафайн двурушничает?

— Осмелюсь сказать, он подумает все, что угодно. Во всяком случае, за его отступничество я виню только себя. Ведь именно благодаря моему носителю у Снафайна создалась возможность кражи картин. Честно говоря, ему достаточно ненароком войти в зал, взглянуть на картину, просто как на предмет, чтобы потом дублировать ее и на следующий день возвращать на место. Увы, я согласился сотрудничать с ним. Он становился все более ненасытным, он сохранял картины здесь и копию делал за копией, а их беззастенчиво продавал моим конкурентам, жулик!

Дзэкун вытащил блокнот и что-то быстро записал в нем.

— А теперь назовите-ка имена и адреса, — сказал он. — Это будет самая грандиозная облава в истории межмерной контрольно-измерительной службы.

— И все они будут ваши, дорогой сэр, — сказал Блоут. — Я полагаю, вас сразу же повысят в чине.

Он потряс своими скованными руками.

— А как вы думаете?

— Ну...

Дзэкун разомкнул наручники.

— Я думаю, это поможет вам укрепить свои позиции. Только не говорите ничего Инспектору Спокхуду.

— Вы не сделаете этого! — вмешался Снафайн. — Эти люди опасны!

— Это уж мое дело. А теперь...

Снафайн быстрым движением внезапно вытащил пистолет.

— Я не потерплю вмешательства посторонних...

* * *

Вдруг послышался звук открываемой двери, и все головы повернулись туда.

В дверях стояла девушка, которую Дейн видел в ванной, и переводила холодный взгляд со Снайфана на Блоута и Дзэкуна.

Когда глаза ее встретились с глазами Дейна, она улыбнулась.

Дейн подумал, что никогда еще не видел такого прекрасного лица и такой фигуры.

— Выйди вон, ты, дура! — заорал Снафайн. — Нет, войди сюда и закрой дверь!

— Оставьте девушку в покое, Снафайн, — проворчал Дейн.

— Теперь я убью вас всех! — завизжал Снафайн. — И вас в первую очередь, безобразный туземец!

Он навел оружие на Дейна.

— Опустите оружие, мистер Снафайн, — сказала девушка теплым мелодичным голосом.

Казалось, ее ничуть не беспокоили ужасные инопланетяне, как отвлеченно отметил про себя Дейн.

Снафайн яростно уставился на нее.

— Кто ты такая?

— Я и есть Иврой.

Снафайн увял. Его оружие упало на пол. Его фантастически высокая фигура, опустившись, сникла, лицо внезапно посерело.

— Возвращайтесь к себе домой, Снафайн, — печально сказала девушка. — Я займусь вами позже.

— Но... — его голос стал совсем тонким.

— Не думаете ли вы, что можно скрыть ваше предательство от Иврой? — мягко произнесла она.

Комок застрял в гортани у Дейна, когда он смотрел на игру света на ее тонких золотых волосах, спускавшихся до самых плеч.

— Ваше имя Дейн?

— Да, Дейн Слейн, — ответил он, глубоко вздохнув. — А вы действительно Иврой?

— Да, я Иврой, который может быть во многих лицах и в одном лице.

— Но вы выглядите молодой и прекрасной девушкой.

Иврой улыбнулась, показав перламутровые зубки, белые, как...

— Я девушка, Дейн. Мы — двоюродные брат и сестра, разделенные долгим таинством времени.

— Блоут, Дзекун и Снафайн, как мне казалось, полагали, что Иврой властвует над всей Вселенной, но...

Иврой положила руку на руку Дейна.

Ее рука была мягкой, как цветочный лепесток.

— Не тревожьтесь сейчас об этом, Дейн. Хотите стать моим агентом? Мне нужен верный друг, который мог бы помочь мне в моей работе здесь.

— Что надо делать? — услышал Дейн свой голос.

— Наблюдать за расой, которая однажды станет Иврой.

— Мне все это непонятно, но я хотел бы попробовать.

— Для этого надо учиться, Дейн. Для этого надо полностью использовать возможности разума, контролировать старание и властвовать над болезнями. Наша работа продлится века.

— Века? Но...

— Я научу тебя, Дейн.

— Все это похоже на великое дело, — сказал Дейн. — Слишком все хорошо, чтобы быть правдой. Но откуда вы знаете, что я именно тот человек, который сможет выполнить эту работу? Должен ли я пройти тест на пригодность?

Она взглянула на него и улыбнулась. Дейн импульсивно взял ее за подбородок, притянул ее лицо к своему и крепко поцеловал в полуоткрытые губы.

Минутой позже Иврой удобно устроилась на коленях у Дейна и снова взглянула ему в глаза.

— Ты прошел испытание, — сказала она ему.

ЧУЖОЕ НЕБО

Смеркалось. Был поздний вечер. Дорожка третьего уровня была пустой, за исключением одинокого нисса, стоявшего впереди под аркой на расстоянии пятидесяти футов.

Валлант торопливо прошел мимо, краем уха слушая сообщение диктора, доносившееся из тонкой пластинки «трехмерки»:

«... возмущения в движении Плутона. Сообщение нашего корреспондента подтверждает, что девятая планета нашей системы оставила свою орбиту и падает на солнце. Доктор Вентескайн, глава экспедиции, говорит, что он не может дать никакого объяснения по этому поводу. Вычисления показывают, что, хотя Плутон и пересечет орбиту Земли примерно через сорок пять лет, столкновения его с Землей не предвидится. Однако на Земле могут быть неприятные последствия, вызванные прохождением вблизи нее массивного небесного тела...»

Валлант повернул регулятор громкости.

Стоявший перед ним нисс пристально смотрел на него своими красными глазками.

«... необъяснимое исчезновение с поверхности Плутона патрульного корабля-планетолета, — продолжал диктор. — По рассказу одного из членов экипажа, оставшегося в живых после трехдневного блуждания во льдах, они проводили наблюдения за Солнцем в северном полушарии Плутона, когда увидели, как их корабль поднялся в небо, направляемый, по-видимому, опытной рукой, и, достигнув экстремальной высоты, скрылся из виду. Невероятно, но на борту никого из членов экипажа не оставалось. Корабль был полностью заправлен топливом и предназначен для длительных рейсов. Патрульная служба разыскивает угнанное судно, но до сих пор...»

Когда Валлант поравнялся с наблюдавшим за ним ниссом, последний неожиданно шагнул вперед и, загородив ему путь, протянул четырехпалую пародию на человеческую руку, вырвал у Валланта приемник и сплющил его конвульсивным движением руки.

— Какого черта?! — воскликнул Валлант, но нисс уже отскочил, повернулся и встал на свое место перед фонарем.

Валлант пристально уставился на его шкуру пыльного серо-зеленого цвета, покрытую морщинами, как у аллигатора, с мягким гребнем, нависшим над одним глазом, похожим на головку красной булавки, на его серо-коричневую тунику и серо-желтые кожаные ремни, свободно висящие на пятифуттовом теле.

Валлант сделал шаг вперед. Нисс повернул узкую голову, и их глаза встретились. Маленькие красные глазки нисса заблестели, как рубины.

— Зачем вы это сделали? — сердито спросил Валлант.

Нисс поглядел на него еще немного, затем открыл рот, полный белоснежных зубов, и показал ему язык, похожий на ярко-алого червяка, — жест, не оставлявший сомнений в его намерениях.

Валлант сжал кулаки. Нисс мгновенно отпрянул назад, в угол, показав приклад похожего на автоматический пистолет прибора с насадкой на дуле.

Валлант отвел глаза от чужака. Он вспомнил слова воззвания, прочитанные им немного раньше:

«Помните, приветствовать появление среди нас ниссов как почетных гостей — это наша привилегия. Они от всей души делятся с нами своими обширными знаниями на благо всего человечества».

Нисс стоял, ожидая. Валлант, все еще сжимавший кулаки, повернулся и пошел прочь.

У дверей своего дома Валлант вынул электрорюкзак и приложил его к замку. Позади него раздался тихий звук, похожий на свистящий кашель. Валлант обернулся: на него смотрел сморщенный старик с тощей индюшачьей шеей.

— Аме, — сказал голос, тонкий как дымок. — Бог мой, мальчик, вы выглядите изумительно.

Старик подошел поближе и, сутулясь, встал рядом. Одна его рука с вздувшимися венами перебирала защелки его странного одеяния. Несколько прядей седых волос свисали на тронутые временем скулы. Серая щетина покрывала обвисшие щеки. Бледные следы старых шрамов проступали на потускневшей коже.

— Клянусь, вы не узнаете меня, Аме...

— Не могу сказать, чтобы я вас знал, — сказал Валлант. — И все же...

— Это так, Аме, этого не было. Клянусь...

Старик вынул руку, дрожащую, как осиновый лист на сильном ветру.

— Мы вместе служили в Военно-Морском Флоте. Мы прошли вместе большой путь. Но вы не знаете... Это было давно...

Сморщенное лицо скривилось в непередаваемом выражении.

— Гораздо раньше, чем вы думаете.

Валлант покачал головой.

— Вам лучше войти внутрь. Вы меня с кем-то спутали, старина. Я никогда не служил в Военно-Морском Флоте.

Старик кивнул, как если бы Валлант согласился с ним.

— Вам надо много узнать, поэтому я пришел... Я сделал это, видите? Потому что, если бы я этого не сделал, кто знает, что могло бы случиться.

— Я не...

— Послушайте, Аме, — настойчиво сказал старик. — Можем мы войти внутрь?

Он посмотрел в обе стороны улицы.

— Прежде чем какой-нибудь из этих зеленых дьяволов покажет здесь свою безобразную харю...

Валлант взглянул на старика.

— Вы имеете в виду ниссов?

Старые глаза сверкнули.

— Это именно те самые, кого я имею в виду, но вы не беспокойтесь, мальчик, мы о них позаботимся.

— Это бесполезный разговор, дедушка. Синдарх не одобряет недружественных замечаний о наших почетных гостях.

Валлант открыл дверь.

— Вам лучше войти внутрь.

В квартире Валланта старик осмотрелся.

— Странно, Аме, — он покачал головой. — Но у меня теперь нет времени на раздумья. Нам нужно делать дело, — он помялся. — Мне нужна помощь.

— Если вы бывший моряк Военно-Морского Флота, общество о вас позаботится, — сказал Валлант.

— Не деньги. Материально я полностью обеспечен.

Он вынул многократно сложенную бумажку, развернул ее и дрожащими руками протянул Валланту. Это была карта, мятая и запятнанная, в пятнах грязи и масла.

Надпись в углу гласила: «Территориальное пространство вооруженных сил в полярных координатах одиннадцатого марта две тысячи двести двенадцатого года.»

Старик указал:

— Видишь это пятно здесь, справа? Река, протекающая через горы, — это жидкий азот. Глубина каньона составляет примерно тысячу футов, и падавшие с неба осадки и сверкание гроз создавали впечатление наступающего конца света. Это то

самое место, Аме. Они убивают, чтобы заполучить это, и я не ошибусь, если скажу, что это только начало.

— Кто убивает?

— Подлые, мерзкие ниссы, мальчик. Кто же еще?

Голос старика звучал, как эхо, с юношеской силой.

— Они, конечно, следят за мной. Ты слышал об украденном патрульном корабле?

Валлант нахмурился.

— Вы имеете в виду тот, что угнали на планете Плутон?

Старая голова быстро кивнула.

— Да, это был я. К счастью, мне повезло, и я поступил, как они. В противном случае мне пришлось бы ждать еще тридцать лет, но я не упустил своего шанса. Я потерял из виду своих преследователей. Я становлюсь стар, не то, что раньше. Я убил одного из них час назад. Не знаю, как долго мне удастся...

— Вы убили нисса?

— Не первого из них.

Старик весело блеснул белозубой улыбкой.

— Теперь вот что. Я должен сказать тебе, Аме...

— Послушайте, — голос Валланта был низким. — Мне не хочется выгонять вас, но вы не можете оставаться здесь. Видит Бог, я не за ниссов, но убивать их...

Старик с пытливым любопытством взглянул Валланту в лицо.

— Вы Амери Валлант?

— Да. Я не знаю, как вы узнали мое имя, но...

— Послушайте, Аме. Я знаю, это трудно понять. Может быть, я брежу, становлюсь старым...

Он вынул из кармана завернутый в бумагу пакет и протянул его Валланту.

— Взгляните!

* * *

Валлант снял обертку и обнаружил там трехмерную фотографию. На ней была изображена шеренга мужчин в морской форме, стоявших у округлой металлической стены. Следующий снимок представлял группу молодых людей с открытыми лицами; они были облачены в голубые блузы, какие носят в Авиационно-Космической школе, и сидели за длинным столом с поднятыми к открытым ртам вилок.

На другом снимке двое мужчин позировали на месте катастрофы космического корабля — эффектно смотрелись его дымящиеся обломки и развороченный взрывом склон холма.

Валлант был растерян.

— Что это?

— Взгляните получше, Аме, на их лица.

Костлявый палец старика показал на человека в поношенной одежде, рассматривавшего валявшийся на земле металл. У него было худое симпатичное лицо, коротко стриженные рыжеватые волосы и глубоко посаженные глаза.

— Эй! — сказал Валлант. — Он похож на меня.

— Ага. И другие тоже...

Старик подался вперед, наблюдая за лицом Валланта, в то время как тот находил на фотографиях самого себя: на мостике линейного корабля сжимающим поручни, облокотившимся на стойку бара со стаканом в одной руке, а другой обнимая за плечи рыжеволосого человека с квадратным лицом; за стойкой находился угрюмый нисс с несчастным выражением на серо-зеленом лице.

Валлант взглянул на старика.

— Я никогда не служил в Военно-Морском Флоте. Я никогда не был внутри линейного корабля. Я никогда не был в мире ниссов! Затем он бегло просмотрел остальные фотографии.

— Вот на этой у меня седые волосы и звезда коммодора! Какого дьявола вы фабрикуете эти подделки под старину?

— Это не подделки, Аме. Взгляните сюда, на рыжего молодого парня. Вы узнаете его?

— У меня был друг по имени Эбли, Дженсон Эбли, в университете. Мы оба учились там. Этот похож на него, только старше.

Улыбаясь, старик кивнул.

— Правильно, Аме. Это — Джейк Эбли, — улыбка его внезапно исчезла. — Но я пришел сюда не для того, чтобы потолковать о старых добрых временах.

— Он ваш родственник?

— Не совсем так. Слушайте. Они захватили мой ракетный бот. У меня не было времени замаскировать его как следует. Сейчас он находится в парке Военно-Морского Флота в Граниске. Я его видел вчера. Нам надо захватить этот бот, Аме. Это самая быстрая модель здесь. Вы знаете, как им управлять?

— Мне кажется, знаю. Я — майор космофлота. Но подождите минутку. Как вы узнали обо мне? Как добыли эти картинки? Что это за карта, которую вы мне показывали? Почему вы убили нисса? И как быть с ботом? Разве вы не знаете, что Синдарх запретил частные космические полеты еще тридцать лет тому назад?

— Пойдите, Аме, — старик вытер лоб дрожащей рукой. — Я полагаю, что я действовал слишком быстро, но я вынужден был спешить. Времени нет.

— Начнем с бота. Вы говорите, что украли его и пригнали с Плутона?

— Да, Аме. Я...

— Это невозможно. Никто не может остаться в живых на Плуtone. В любом случае Патруль или ниссы перехватят любой корабль...

— Это то же самое. Синдарх — предатель, который заключил мир с ниссами после войны.

— Войны?

— Вы даже не знаете о войне?

Старик выглядел сконфуженным.

— Так много мне нужно рассказать, Аме, и нет времени. Нам надо поторопиться. Война — это не просто бой. Лет тридцать назад наши корабли только начинали освоение космоса за Юпитером. Ниссы победили нас, скатали нас, как ковер. Почему бы нам не использовать свой шанс сейчас? В то время наши космические корабли были просто летающими лабораториями, невооруженными экспериментальными моделями. Ниссы нанесли удар, «РАМО» принял его. Земляне даже не узнали о поражении. Вот уже двадцать пять лет ниссы оккупируют нашу Землю...

— Оккупируют? Предполагается, что они — наши почетные гости...

— Так утверждает Синдарх, поэтому я и вернулся назад. Я должен был так поступить, Аме. Я должен был рассказать тебе о Галлиэйле и о Портале.

— Помедленнее, старина, начни свой рассказ сначала.

— Я мог остаться, — взгляд старика где-то блуждал. — Но я не мог изменить все это, — казалось, он весь ушел в себя. — Я пропустил свою жизнь. Для кораблей-ботов нет места в Прекрасной Стране.

У входной двери раздался звонок. Старик вскочил на ноги и осмотрел комнату.

— Они уже здесь. Я думал, что оторвался от них. Я думал, что у меня за кормой чисто...

— Постой, старина. Может быть, это друг. Садись.

— Есть ли здесь запасной выход, Аме?

Глаза старика блуждали. Звонок у входной двери звонил непрерывно.

— Вы думаете, что это полиция?

— Это или они, или ниссы. Я знаю, мой мальчик.

Валлант колебался лишь одно мгновение, но затем прошел в спальню и дальше в клозет, ощупал стену. Стенная панель упала и в стене открылось темное отверстие.

— Я обнаружил это, когда на другой стороне производились какие-то работы. Это преимущество архитектуры крекетных

ящиков. Я жаловался, но все осталось без внимания. Отверстие ведет в комнату общего пользования в муниципальном учреждении.

Старик поспешил к отверстию.

— Извините, Аме, я пойду. Сюда я больше не вернусь. Вы найдете мое жилище по адресу: Стеллар Кастл, 900, комната 1196Б. Я буду отсутствовать два дня, а затем вернусь. Не говорите им ничего, и будьте уверены, они вас не тронут. Я буду ждать.

Он нырнул в отверстие.

Из соседней комнаты слышались звуки тяжелых ударов, а затем треск ломающегося пластика. Валлант быстро поставил панель на место и обернулся как раз в тот момент, когда темноволосый и слегка лысоватый человек показался в двери.

На нем были темные штаны в обтяжку, а на левой руке он носил браслет с эмблемой Синдарха.

Его маленькие угольно-черные глазки быстро осмотрели комнату.

— Где старик? — закричал он страшным голосом.

Слова его были похожи на пули, ударяющие в доски.

— Кто вы? С чего это вы решили ломать дверь в мою комнату?

— Вы знаете, что полагается наказание за помощь предателю Синдарха?

Ворвавшийся прошел мимо Валланта и осмотрел комнату.

— Здесь никого нет, — сказал Валлант. — И даже Синдарх не имеет права производить обыск без ордера.

Человек воззрился на Валланта.

— Вы осмеливаетесь указывать мне, какие права у Синдарха?

Он издал короткий смешок, который сам же внезапно оборвал, и снова холодно взглянул на Валланта.

— Посмотрите на ваши следы. Теперь мы осмотрим вас.

В этот момент Валлант увидел за дверью тупое лицо нисса.

— Это напоминает мне о том, — сказал Валлант, — что ниссы отобрали у меня трехмерный приемник, а один из них сегодня меня ударил.

Похожие на бусинки глаза будто просверлили Валланта насквозь.

— Мы будем наблюдать за вами, — сказал человек Синдарха. Он ушел, пройдя через разбитую дверь. После его ухода Валлант прошел в клозет и снял стенную панель.

2

Валлант прошел через отверстие, поставил панель на место, прошел мимо метел и чанов с компаундом, раскрыл дверь и

вышел в тускло освещенный коридор. За несколькими прикрытыми дверями горел свет. Валлант прошел к выходу, освещенному красным светом.

Одиноким уборщик бросил на него угрюмый взгляд, но не сказал ни слова. Валлант толкнул вращающуюся дверь, прошел в освещенный коридор и направился к ближайшему лифту. На нем он добрался до пятидесятого уровня, затем пересек город и достиг трущоб у башни Джендая. Здесь, вблизи от центра города, стояли несколько пешеходов. Воздух наполнял шум, производимый колесами городского транспорта.

Между домами в темнеющем небе Валлант заметил отблеск луны, на которую никто не обращал внимания.

Ему потребовалось около получаса, чтобы добраться по темному переулку до здания с пластиковым фасадом, декорированным аляповатыми изображениями солнца; оно терялось среди более поздних высоких строений, нижние этажи которых были затенены городскими башнями и находились как бы в капкане. Валлант прошел через широкую стеклянную дверь, которая с треском, подобно выстрелу в спину, захлопнулась за ним, пересек холл и приблизился к запыленному указателю квартир.

Он нажал на клавишу, и на экране появился текст: «1196Б — номер квартиры Джесона Эбли».

Валлант вошел в кабину старого механического лифта, и дверь лифта плотно закрылась за ним. В воздушном замке, казалось, что-то вздохнуло, и лифт тронулся с места.

Валлант вышел на сто девятом этаже, где стрелки указателей привели его к обшарпанной пластмассовой двери с тускло флюоресцирующим номером. Валлант постучал, дверь открылась вовнутрь, и он вошел.

Это была скромная, длинная комната с одним окном, непроницаемым для наружного взгляда, благодаря поляризационному стеклу марки «Полмарк». В комнате стояла незастланная кровать, запирающийся шкафчик был полуоткрыт, демонстрируя пустые полки, за перегородкой находился крошечный туалет. На полу, у кровати, лежали открытый чемодан и опрокинутый стул.

Валлант обогнул кровать. За ней на спине лежал старик, тот самый, что приходил к нему. Глаза на восковом лице с тонкими чертами казались более живыми, чем у статуи фараона.

Валлант взял его за запястье. Пульса не было, и труп уже заковенел.

Стопка фотографий была разбросана по полу. Валлант сунул руку под одежду мертвеца. Карты не было. Он подошел к шкафчику. Перед ним на полу, в пыли, стояла птичья клетка,

покрытая материей. Затем Валлант просмотрел содержимое чемодана. В нем была поношенная одежда странного покроя, кожаный бумажник с шестью миниатюрными медалями, несколько фотографий, игрушечный арбалет и пистолет «браунинг», стреляющий двухмиллиметровыми иглами.

Справа от Валланта донесся чуть слышный звук. Валлант схватил игольный пистолет и осмотрелся. Откуда-то сверху послышалось царапанье, и среди панелей на потолке засветились два маленьких янтарных глаза, принадлежавших кому-то небольшому и темному.

Валлант спустил предохранитель пистолета.

Существо не больше кошки спустилось на кровать с еле слышным шорохом.

Пронзительный писклявый голос спросил:

— Вы друг Джесона и пришли помочь мне?

3

Неожиданно появившееся существо очень походило на человека, но у него были огромные глаза, дававшие малиновые отблески, огромные уши и острый нос. Существо было одето в облегающую одежду из неизвестной ткани темно-оливкового цвета, которая подчеркивала его конечности и выступающие суставы. Волосы на голове были темными.

— Кто вы? — спросил Валлант хриплым шепотом.

— Я — Джимпер.

Его тихий, тонкий голосок был похож на писк цыпленка.

— Приходили нелюди, Джесон мертв. Кто теперь поможет Джимперу?

Маленькое существо придвинулось к Валланту. Его голову украшала легкомысленная шапочка, с которой свисало сломанное перышко.

— Кто убил старика? — спросил Валлант.

— А вы его друг?

— Мне кажется, он так думал.

— Тут был огромный человек с толстым животом, в великолепной одежде, от него пахло, как от наркомана. С ним были двое нелюдей. Они нанесли Джесону сильный удар, а потом взяли вещи из его карманов. Я боюсь. Я спрятался на потолке.

— Кто вы? Домашнее животное?

Маленькое существо выпрямилось во весь рост.

— Я — посол короля. Я пришел с Джесоном, чтобы увидеть короля Гигантов.

Валлант спрятал оружие в карман.

— Я был во многих местах, но никогда не видел таких существ, как вы. Откуда вы прибыли?

— Моя страна — Галлиэйл. Она находится в Мире Голубого Льда. Это место вы называете Плутоном.

— Плутон? Но атмосфера там ледяная. Там не может быть ничего живого!

— Подо льдом находится прескрасная зеленая страна Галлиэйл. Маленькое существо приблизилось к ножке кровати.

— Джесон мертв. Теперь Джимпер один. Разрешите мне остаться с вами. Вы — друг Джесона.

— Извините, но мне не нужно домашнее животное.

— Я — посол короля! — запищал карлик. — Не оставляйте меня одного, — добавил он голосом не громче чирикания сверчка.

— Вы знаете, за что убили старика?

— Он знал о Портале и о моей стране Галлиэйл. Нелюди долго думали, что...

Маленькая головка внезапно поднялась вверх, длинный нос зашевелился.

— Нелюди! — пропищал птичий голосок. — Они пришли!

Валлант подошел к двери и прислушался.

— Я ничего не слышу.

— Они пришли снизу, их трое. И дьявол владеет их мыслями.

— Вы также читаете и мысли?

— Я чувствую их намерения.

Его слабый голосок был безумно неистовым.

— Бегите отсюда, друг Джесона. Они хотят причинить вам вред.

— А как же быть с вами?

— Джесон сделал клетку для моей персоны. Она в шкафу.

Валлант поднял клетку, и посол короля нырнул внутрь.

— Мой арбалет! — вскричал он. — Он лежит в чемодане Джесона. И мой рюкзак!

Валлант нашел миниатюрное оружие и подал его владельцу.

— Все в порядке, Джимпер. Я не уверен, что всю жизнь мечтал о встрече с вами, но я хочу проснуться и узнать, что я не тот, кем был раньше.

— Теперь они приближаются! — завизжал голосок Джимпера. — Они приближаются!

Он указал в сторону мрачного холла.

Валлант двинулся в противоположном направлении. Он скользнул в первый же поперечный коридор. Оглянувшись, он увидел трех ниссов, выходящих из лифта. Он видел, как они направились к оставленной им комнате и вошли внутрь.

— Похоже, что вы знаете, о чем говорите, Джимпер, — сказал Валлант. — Давайте скроемся отсюда, прежде чем они начнут погоню.

Миновав толпу спешащих со смены рабочих, Валлант по коридору достиг тайного входа в свою квартиру. Подождав, пока коридор опустеет, он открыл служебную комнату и вошел внутрь. Джимпер в клетке тихо застонал.

— Запуганные люди, — пропищал он.

Валлант несколько мгновений стоял неподвижно, затем приложил ухо к съемной панели. За ней звучал мрачный голос:

— Почему я знаю, где он? Я видел его живым и разговаривал с ним.

— Дурак! — прошипел голос, звук которого напоминал шум воздуха, вырвавшегося из проколотой шины. — Теперь он ничего не скажет.

— Послушайте, ваш босс не считает меня виновным?

— Вы умрете, и я вместе с вами.

— Вы? Вы имеете в виду, что...

Затем внезапно послышалось шипение и звук разворачиваемой бумаги.

Голос нисса произнес:

— Может быть, это спасет наши жизни. Это карта!

В клетке заснул Джимпер.

— Я боюсь нелюдей, — пропищал он, — я боюсь запаха ненависти.

Валлант поднял клетку на уровень своих глаз. Маленькое существо внутри смотрело на него тревожными глазами.

— Они нашли карту старика, — сказал он. — Она была у него в кармане. Это очень важно?

— Карта?

Джимпер стоял, сжимая прутья клетки.

— Валлант, с картой они могут найти мою страну Галлиэйл и неожиданно напасть на нас!

— Они уже получили ее, и если бы я вошел в парадную дверь своей квартиры, то мне бы пришел конец. Я попал в беду, Джимпер. Мне надо скрыться куда-нибудь.

— Сначала надо достать карту, Валлант!

— Что вы хотите этим сказать?

— Мы должны отобрать ее у них. Вы гигант, как и они. Можете ли вы ворваться туда и отнять ее у них?

— Боюсь, что героизм мне не свойственен, Джимпер. Мне очень жаль, но...

— Джесон умер из-за карты, Валлант. Он приходил предупредить вас, и они его убили. И вы упустите их?

Валлант потер челюсть.

— У меня в голове каша, мне не все ясно. Я не знаю старика. Он ничего не сказал, зачем приходил ко мне.

— Чтобы спасти мир, Валлант, может быть, всю Галактику. И теперь только вы можете помочь!

— Неужели эта карта так важна?

— Более важна, чем вы себе представляете. Вам надо завладеть этой картой, Валлант.

Валлант кивнул.

— Клянусь, я никогда не покину этот город раньше Синдарха и ниссов. Пока смогу, я буду бороться, — он задумчиво пожевал губами. — Слушайте, Джимпер. Я хочу ворваться в комнату с пистолетом. Вы сможете добраться до замочной скважины, если взберетесь на перила. Когда вы войдете внутрь, загудит зуммер, тогда я ворвусь и ударю по ним с фланга. Может быть, мне удастся что-нибудь сделать. Сумеете вы выполнить свою часть работы?

Джимпер посмотрел через латунные прутья клетки.

— Очень странно бродить среди гигантов, — он схватил свой пятидюймовый арбалет. — Но если вы просите, Валлант, я попытаюсь это сделать.

— Хороший мальчик.

Валлант открыл клетку и поставил ее на пол. Джимпер выбрался из нее, взглянул на Валланта снизу вверх.

Валлант объяснил ему, где находится вход в его квартиру, и передал электроключ.

— Будьте осторожны. Может быть, кто-нибудь наблюдает за входом. Если удастся, дайте один хороший зуммер и улепетывайте оттуда со всех ног. Если я не появлюсь минут через десять, спасайтесь, как можете.

Джимпер выпрямился.

— Я посол короля, — сказал он. — Я сделаю все, что смогу, Валлант.

* * *

Валлант стоял, ожидая, приложив ухо к тонкой панели. Те двое, внутри, разговаривали возбужденными приглушенными голосами.

— Послушай, — сказал человек, — дело было так. — Чучело ушло отсюда, мы — за ним. Он сюда больше не вернется, а мы отдадим эту карту Синдарху.

— Верховному Правителю!

— Синдарху — моему хозяину!

— Он как грязь под стопами Верховного Правителя!

Наконец загудел двойной зуммер. Голоса внезапно стихли, а затем слышались вновь.

— Ладно, ты накроешь его, когда он войдет, а я потяну его назад за уши...

Валлант выждал пятнадцать секунд, затем толкнул панель, подхватил ее, когда она стала падать в комнату, и ворвался в свою квартиру, сжимая оружие в руке.

Он быстро пересек туалет и вошел в комнату.

Он увидел человека и нисса, стоявших наготове по обе стороны двери. Нисс держал оружие, а человек — толстый шланг.

— Не двигаться! — приказал Валлант.

Оба уставились на него, как часовые на офицера. Валлант отскочил в сторону, так как нисс на расстоянии поджег косяк рядом с его ухом. Браунинг Валланта тоже выстрелил, и нисс завалился назад. Пучок игл вышел из его спины.

Человек уронил свой шланг и поднял руки.

— Не стреляйте! — произнес он.

Он задыхался от страха. Валлант подошел к нему и вынул карту из его кармана.

— Быстро говорите! — потребовал он. — Кто такой был старик?

— Я не знаю, — запинаясь пробормотал пленник. — Начальник ниссов приказал нам привести это старое чучело и все.

— Почему вы его убили?

— Случайно.

— Почему вернулись обратно за мной?

— Поскольку старое чучело сдохло, вы были единственным, кто мог привести...

— Привести к чему?

Пот струился по вискам пленника. У него было узкое лошадиное лицо, длинное тело и слишком короткие ноги.

— Я не свободен. Они что-то хотят от него.

— От кого вы получали приказы?

Валлант взглянул на мертвого нисса.

— Я делал то, что мне велели, — угрюмо сказал человек.

— Вы знаете какие-нибудь мотивы этих повелений?

Лицо пленника затуманилось, он упал на колени и сжал руки в гротескной пародии на поклон. Валлант стоял над ним. Тот забормотал:

— Но... пощадите!

— Я должен убить вас ради своей безопасности, — сказал Валлант. — Но у вас, вонючек, есть преимущество.

Он ударил его по голове за ухом рукояткой пистолета. Пленник упал лицом вниз. Валлант связал его коричневым поясом

купального халата и заткнул ему рот носовым платком, затем поднялся, осмотрелся, бросил прощальный взгляд на полки с книгами и музыкальными записями.

— Мне трудно расставаться со всем этим, — пробормотал он.

Затем он вернулся в клозет и прошел в темную комнату, расположенную за ним.

— Джимпер! — позвал он.

Ответа не было. Клетка была пуста, а крошечный рюкзачок валялся рядом. Валлант взял клетку и пошел по коридору к выходу.

Он вышел на тротуар, потом снова вернулся к входу в жилые комнаты блока.

* * *

Когда он прошел узкое место темного коридора, он услышал позади себя звук «самп!», подобный звуку ржавых петель.

Он обернулся и увидел огромную крысу, лежащую на полу и судорожно дергающую лапками. Трехдюймовый деревянный штырек торчал у нее из груди.

Рядом лежала другая крыса. Ее передние желтые зубы сжимали палку, которая вошла ей в рот и вышла из-под левой лопатки.

Валлант шагнул в проулок. Грызун длиной в фут погнался за ним. Валлант обернулся, замахнулся ногой и с воплем отшвырнул крысу к стене. Повернувшись, он увидел Джимпера, прижавшегося к стене спиной. Тетива его арбалета лопнула. Он отбросил оружие в сторону и выхватил двухдюймовый кинжал. Грызун с красными глазами бросился на него. Он отступил в сторону и ударил...

Валлант подхватил его рукой, метко пнул крысу и отбросил ее в полутьму коридора.

— Прости, Джимпер, я забыл о крысах.

— Мой арбалет, — плача, причитал Джимпер.

Валлант внезапно почувствовал легкость маленького тельца. Казалось, оно состояло только из костей под его шелковыми одеждами.

— Как давно вы ели в последний раз?

— Джесон дал Джимперу еды, прежде чем он ушел.

— Вы хотите сказать, что ждали его два дня в темноте, без пищи и без воды?

Джимпер пошевелился, пытаясь поднять голову.

— Джимпер устал.

Лицо его, похожее на лицо эльфа, посерело, глаза закатились.

— У вас был трудный день, дружище.

Валлант прошел назад в коридор и подобрал арбалет. Крысы исчезли, даже двух мертвых крыс утащили их товарки.

— Я вас накормлю, — сказал Валлант. — Тогда, быть может, вы мне объясните, что все это значит.

— А вы поможете Джимперу?

— Не знаю, Джимпер. Я только что убил нисса и доставил сильную головную боль человеку Синдарха. Боюсь, что этим всем я серьезно подмочил свою репутацию. У меня есть в запасе пара часов, прежде чем они обнаружат пострадавших. Отсюда следует, что мне как можно скорее нужно готовиться к путешествию. После этого мы можем обсудить наши планы на будущее, если только нам позволят это сделать.

5

Валлант стоял на углу стены, окружавшей парк Военно-Морского Флота, которой был ярко освещен множеством ламп.

— Вы знаете, какое судно нам нужно? — прошептал Валлант.

— Я узнаю его, Валлант. Судно военно-космического флота. Никакое другое судно не сравнится с ним.

— Покажите мне его.

Он поднял клетку до крыши ангара и открыл ее. Фонари над краем стены отражались на тусклых корпусах кораблей Синдарха, весом в сотни тонн, стоявших неровными рядами. Позади них находилось с полдюжины частных гоночных космических яхт Синдарха. Они ярко выделялись своей декоративной окраской. Вдали, в правой части парка, Джимпер указал на корабль несколько меньших размеров, обшивка которого, сделанная из хромистого сплава и покрытая эмалью, блестела в свете фонарей. Вокруг судна суетились люди и стояли четыре вооруженных человека в светло-зеленой форме полиции Синдарха.

— У меня есть возможность использовать кое-какой шанс, — мягко сказал Валлант. — Вам, Джимпер, лучше остаться здесь. У меня не будет времени присматривать за вами.

— Я сам присмотрю за собой, Валлант.

— Очень хорошо, приятель. Но это будет очень рискованно.

— Что вы собираетесь делать, Валлант?

Голос Джимпера был похож на писк мыши, но он стоял в очень гордой позе, снизу вверх глядя на Валланта.

— Я собираюсь вмешаться в их работу под видом контролера, пришедшего посмотреть, как идут дела. Держите пальцы крест-накрест за меня.

— Джимпер будет рядом, Валлант. Желаю удачи.

Валлант остановился и протянул руку.

— Спасибо, дружище. Если мне удастся это — хорошо, если нет — удачи вам и вашей стране Галлиэйл.

Джимпер торжественно положил свою лапку в огромную руку Валланта.

— Благородное сердце! — пропищал он. — Счастливой охоты!

Валлант прошел через ворота быстрым шагом занятого своими делами человека. Нисс, стоявший на страже, наблюдал за ним из будки, когда он, обогнув угол здания и поднявшись по ступенькам, вошел в широкие двери, прошел по ковровой дорожке коридора через арку и вошел в ярко освещенную комнату, стены которой были увешаны космическими картами. Толстый человек с высоким лбом и розовым лицом, стоявший за стойкой, равнодушно посмотрел на него. Валлант быстро подошел к стойке.

— Пожалуйста, окажите мне небольшую услугу. Мне нужен ордер и разрешение использовать космический бот.

Толстяк снова воззрился на Валланта. Он выдернул из грудного кармана зубочистку и принялся чистить ею свои большие квадратные зубы.

— Кто вы такой? — спросил он тенором.

— Я новый пилот Синдарха, — холодно сказал Валлант.

Он провел пальцем по пыльной стойке и теперь внимательно осматривал на нем пыль.

— Надеюсь, вы ничего не имеете против этого?

Последовало длительное молчание, нарушаемое только звуками зубочистки.

— Никто ничего не сообщал мне, — резко сказал толстяк.

Он обернулся, взял какую-то бумагу со стола, написал на ней что-то и кинул Валланту.

Валлант взглянул на него.

— Смените тон, уважаемый.

Зубочистка упала с легким стуком. Лицо толстяка внезапно напряглось.

— Эй, я ничего не сказал. Я лояльный, будьте уверены.

Он показал на себя испачканным чернилами пальцем.

— Я, ха-ха, проинструктирован, как надо разговаривать!

— Когда начинаются полеты? — оживленно спросил Валлант.

— О, до них еще много времени, сэр.

Голос, и раньше писклявый, стал на одну октаву выше.

— Я не ожидал, что пилот прибудет за полчаса до старта. Но на всякий случай я пораньше подготовил всю документацию. Все, что от вас требуется — это описать план полета и подписаться.

Он указал, где надо расписаться, своим толстым пальцем. Валлант сделал все, что ему сказали, и лихо расписался «МОРТ ФОРД» в обозначенном месте, сложил предназначенную для него копию и вышел наружу, на территорию парка.

— Хорошо шлепнуться, — напутствовал его толстяк.

— И вам того же, — ответил Валлант.

* * *

Выйдя наружу, Валлант быстро прошел через низкую дверь со светящейся надписью:

«СТАНЦИЯ ОБСЛУЖИВАНИЯ. ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА».

Внутри человек небольшого роста с коричневой кожей и с выглядевшими искусственными черными волосами взглянул на него поверх очков.

— Я хочу опробовать свой корабль, — оживленно сказал Валлант. — Я возьму новый корабль. Вылет через несколько минут.

Невысокий человек встал на ноги и протянул руку.

— Разрешите посмотреть ваш ордер на старт.

— Я пришел слишком поздно, — сказал Валлант. — Я не захватил его с собой.

Человек снова уткнулся в свои бумаги.

— Вернитесь обратно и принесите, — заключил он.

— Не хотите ли вы быть причиной задержки отлета лидера Рамс? — спросил Валлант.

— Я делаю свою работу: нет белья — нет стирки.

Человек перевернул страницу и углубился в чтение.

— Эй! — сказал Валлант.

Человек взглянул на него снизу вверх, и челюсть у него отвисла. Он увидел оружие в руке у Валланта и замер, словно замороженный, с открытым ртом. Валлант взял со стола кусок проволоки и подошел к нему.

— Я свяжу ваши лодыжки, — сказал он.

Журнал упал со стола на пол. Валлант подошел к человеку и связал его проволокой по рукам и ногам.

Потом он прошел вдоль полки хранилища, отобрал подходящий скафандр и надел его поверх обычного костюма. Он взял также аварийную силовую установку, прибор для связи, аварийные рационы и регенерационную установку.

Затем он вышел за дверь и лицом к лицу столкнулся с ниссом могучего сложения, державшим в руках оружие, подобное тому, какое Валлант видел в руках у нисса, расплющившего его трехмерный приемник.

— Не можете ли вы направить эту штуку в какую-нибудь другую сторону? — сказал ему Валлант.

Он рассматривал наведенное на него оружие, удивляясь быстроте реакции нисса.

— Может быть, я лучше объясню, — начал он.

Внезапно позади нисса раздался стук, и он обернулся. Валлант сделал шаг вперед и ударил нисса в висок. Нисс упал навзничь, его оружие отлетело в сторону. Валлант прыгнул к ниссу, схватил его за волосы и оттащил в тень навеса. Тут он увидел Джимпера.

— Хорошо сделано, Валлант, — пропищал тот.

— Твоя реакция была превосходна, дружище, — сказал Валлант.

Он посмотрел на освещенный корабль. Наземная прислуга продолжала работать, охранники прогуливались рядом с ней.

— Теперь мы пойдем. Идите широким шагом. Ждите, пока они не начнут восхищаться мной, затем прошмыгните мимо них.

Валлант широким шагом пересек открытое пространство. Человек, один из руководителей обслуживающего персонала, поспешил ему навстречу, чтобы встретить его. Валлант протянул ему разрешение на полет.

— Все готово к старту? — громко спросил он.

— А почему бы и нет? Но я еще не провел контрольные испытания, — уклончиво ответил человек.

— Ускорьте их, я тороплюсь.

Валлант прошел мимо, поднялся по приставному трапу и открыл входной люк. Маленькая фигурка вынырнула из темноты, пронеслась мимо и скрылась внутри корабля.

— Эй! Очистите место вокруг! Я стартую!

Валлант вошел в открытый люк, который с лязгом захлопнулся за ним, и очутился в тускло освещенной центральной рубке управления кораблем. Там он уселся в глубокое противоперегрузочное кресло, выложенное изнутри мягким пластиком, и поставил на место противоударный экран.

— Быстро в кресло, Джимпер! — позвал он. — Ложитесь плашмя!

Он произвел несколько переключений, заработали топливные насосы, и их шум смешался с ревом горелок предварительного нагрева. На пульте управления замигал красный огонек, означавший, что кто-то хочет выйти с ним на связь. Валлант ответил.

— Вы! На корабле! — заревел противный голос. — Форд, или как вас там зовут?

Буря звуков заглушила этот голос. Корабль стартовал, и перегрузка втиснула Валланта в кресло. На экране обзора мель-

кнули огни космопорта, затем они потускнели и совсем исчезли из виду, по мере того как корабль отклонялся к востоку, уходя в открытый космос.

— Мы свободны, Джимпер! — воскликнул Валлант. — Теперь все, что мы должны решить, — это куда направиться.

6

Марс выглядел огромным, ослепительно сверкающим миром пестро-розового цвета, край которого терялся в темноте. Его свет освещал лицо Джимпера, склонившегося над ломберным столиком и наблюдавшего на экране изображение планеты.

— Это не тот мир, Валлант, — снова запищал он. — Джесон взял меня из мира Голубого Льда...

— Вы говорили, что ваша страна теплая и зеленая, с большим оранжевым солнцем, не так ли, Джимпер? Будем реалистами: на планете Плутон температура всего лишь на несколько градусов выше абсолютного нуля. Где бы ни была страна Галлиэйл, там ее быть не может.

— Вы должны верить Джимперу, Валлант, — маленькое существо умоляюще смотрело на него. — Нам надо лететь к Плутону.

— Джимпер, нам нужна информация и снабжение. Мы сядем в Ареспорте, отдохнем и замаскируемся, а затем посмотрим, что мы сможем обнаружить на маршрутах старых космонавтов.

— Нелюди захватят нас!

— Джимпер, опасность не так уж и велика. Марс — автономная планета. Коммерция там запрещена уже много лет, у Синдарха там нет влияния...

— Валлант, нелюди владеют всеми мирами! Там нет гигантов, но те, кто служит им, подобны живущим на Земле.

— Вы набиты дикими представлениями, Джимпер.

— Смотрите!

Палец Джимпера указывал на экран. На нем была видна светлая точка, пересекающая центр диска Марса. Валлант отрегулировал управление и синхронизировал луч радара с движением неизвестного корабля.

— Если они будут следовать этим курсом, мы обдерем краску со своих бортов.

Он включил связь.

— «Ариана» — диспетчерской башне. Я на финише. Прошу вашего разрешения на посадку яхте Синдарха. Прошу очистить путь.

— Пичуга красная пичуге-один, — перебил передачу тонкий голос из динамика. — Мне кажется, я засек искомое

привидение. Его курс — 23-263-6, скорость тысяч шестнадцать узлов...

— Пичуга красная, сойди с открытого канала, ты, проклятый дурак!

Сердитый голос исчез в хаосе шумов.

— Здесь Панамский Патруль.

Валлант тронул ручки на приборном щитке.

— Каков наш курс?

Он нажал на переключатель, и на экране астровизора появились цифры 23-263-6. Он снова нажал переключатель и стер цифры с экрана.

— Эй, Джимпер, они говорят о нас!

От изображения на экране отделилось пятнышко корабля и устремилось к «Ариане».

— Зарубите себе на носу, Джимпер, они не шутят, — сказал Валлант.

Он до отказа нажал на рычаг ускорения, и корабль рванулся вперед.

— Мне кажется, что купола Марса теперь не для нас, Джимпер, — сказал Валлант сквозь стиснутые зубы. — Но, может быть, мы найдем более дешевый отель для семейных на Ганимеде.

7

Валлант навис над пультом управления, его небритое лицо похудело за последнюю неделю от уменьшения пищевых рационов.

— «Ариана» — диспетчерскому центру Ганимсада, — повторил он, наверное, в сотый раз. — Выходите на связь...

— Никто не ответил, Валлант, — пропищал Джимпер.

— Похоже, что у них нет никого дома, приятель, — сказал Валлант.

Он откинулся назад.

— Я не понимаю...

— Теперь мы летим к Плутону, Валлант?

— Видимо, так легко ты не отстанешь, не так ли, дружище?

Джимпер вскочил на пульт и встал перед Валлантом. Ноги его упирались в шкалы приборов.

— Валлант, моя страна Галлиэйл лежит за снегами глубоко среди гор голубого льда. Вы должны верить Джимперу!

— Мы сидим на урезанных пищевых рационах, и баки с топливом не рассчитаны на длительные перелеты с большим ускорением, они уже почти пусты. Нам надо повернуть обратно.

— Повернуть обратно? Но куда, Валлант? Нелюди, несомненно, убьют вас. И что станет с Джимпером?

— Там ничего нет.

Валлант протянул руку к экрану, на котором была чернота космического пространства и холодный блеск далеких звезд.

— Там нет ничего, кроме огромных ледяных шаров, называемых планетами Уран и Нептун, и Солнце выглядывает оттуда крайне редко, видится дальней звездой.

— Есть еще планета Плутон!

— Есть ли?

Валлант поднял голову и взглянул в маленькое озабоченное личико.

— Где же может быть это ваше тспленькое уютненькое местечко, Джимпер? Под почвой?

— Небо Галлиэйла голубое и высокое, Валлант, и оно освещено золотым солнцем.

— Если я пойду этим путем и не найду Галлиэйла, это будет конец. Знаете ли вы это?

— Я знаю, Валлант. Я приведу вас, куда надо.

— Старик что-то говорил о ледяных горах. Может быть, — вспомнил Валлант. — Ну и позади нас не ждет ничего хорошего. Я всегда стремился вперед. Давайте попытаемся разыскать эту страну, Джимпер. Может быть, на небе и на Земле существуют вещи, о которых мы не имеем никакого представления.

8

Планета висела в черной пустоте, похожая на мутный стальной шар, на котором играл отсвет далекой крупинки Солнца.

— Олл райт, Джимпер, веди меня, — хрипло сказал Валлант. — Я согласен.

— Когда мы приблизимся, я буду знать, куда вести.

Острый нос Джимпера задрожал, когда он посмотрел на экран.

— Вы вскоре увидите, Валлант, как прекрасна моя страна Галлиэйл.

— Я вынужден использовать последние унции реакторной массы для посадки, — проворчал Валлант. — Но теперь поздно менять решение.

Затем в течение нескольких часов Валлант осторожно подводил корабль к обледенелой планете. Внизу простирались бесконечные ледяные поля, которые перемежались отдельными пиками, отсвечивающими металлическим блеском, и вся эта картина производила жуткое впечатление и выглядела довольно сверхъестественно.

— Здесь! — запищал Джимпер.

Он указал:

— Вот здесь Горы Голубого Льда!

Сначала Валлант увидел пики, затем обратил внимание на их ярко-голубой цвет и пилообразный силуэт на фоне бесконечных снегов.

Зазвучал сигнал тревоги, сообщавший, что приближается опасность. Он прибавил увеличение, и на экране возникло изображение космического корабля в виде светящейся точки, сияющей отраженным светом.

— Мы не любимцы фортуны, дружище, — спокойно и решительно сказал Валлант. — Она относится к нам весьма плохо.

— Прячьтесь за горы, Валлант! — завизжал Джимпер. — Мы еще можем спастись от нелюдей!

Валлант сконцентрировал все свое внимание и склонился над пультом управления.

— О'кей, Джимпер. Я не поддамся им, если вы не хотите, но да поможет нам всевышний сохранить в целости вашу миниатюрную шапочку!

9

Посадка была не из лучших. Валлант отстегнул ремни и вскочил на ноги, Джимпер выполз из-под свалившейся на него кучи одеял и поправил свою шапочку.

— До указанной вами отметки нам еще надо пройти пару миль, Джимпер, — сказал Валлант. — Это лучшее, что я смог сделать, извините меня.

— Теперь нам надо поторопиться, Валлант. В глубине среди голубых пиков находится страна Галлиэйл, и нам придется долго добираться до нее.

Джимпер открыл свой рюкзачок и, вынув оттуда миниатюрный космический скафандр, стал надевать его. Валлант засмеялся.

— Вы, приятель, подготовились к прибытию сюда. Клянусь, что ваш друг Джесон сделал это для вас.

— Даже в этом костюме Джимперу будет холодно, — сказал Джимпер. Его длинный нос стал еще краснее. На голову он надел шлем величиной с грейпфрут.

Валлант коснулся тумблеров на панели. Экраны не работали. Шкала индикатора расстояния была разбита. Тогда он начал поспешно надевать свой скафандр.

— Они видели, как мы упали. Они совершили посадку позади нас на расстоянии нескольких миль. Это даст нам небольшую фору.

Сказав это, Валлант открыл наружный люк. Незакрепленные предметы взлетели со своих мест, когда воздух вылетел наружу, и изморозь мгновенно покрыла все горизонтальные поверхности.

Стоя в открытом люке, Валлант посмотрел на дикий пейзаж, открывшийся перед ним: наклонные ледяные поля, фантастическую архитектуру, созданную космическим морозом, воздушные мосты, туннели и глубокие пропасти — все это из голубого льда.

— Джимпер, вы уверены, что это именно здесь?

— Это место находится высоко среди ледяных пиков, — тонкий голос Джимпера прозвучал в шлеме Валланта. — Джимпер поведет вас.

— Тогда ведите.

Валлант прыгнул в сугроб пушистого снега.

— Я последую за вами.

Ледяная поверхность перед ними была почти вертикальной, ее полированная стена поднималась круто вверх и светилась тусклым блеском в свете звезд. Маленькое ярко-белое солнце виднелось между двумя пиками, нависшими над ними, как утесы.

Они пошли по узкой долине. Валлант с трудом продвигался вперед. Джимпер шел впереди. Высоко сверху слышался шум, словно от большой реки. Ледяной водопад падал с утеса, образуя на месте падения туман из льдинок, и его грохот чувствовался по дрожанию почвы под ногами.

Внезапно в наушниках Валланта запищал голос Джимпера.

— Валлант! Удача! Впереди проход!

Валлант делал один шаг за другим, слишком изнуренный, чтобы вступать в разговоры. Внезапно под ногами почувствовалась сильная вибрация. Джимпер отпрыгнул в сторону. Валлант посмотрел вверх и увидел, что огромная глыба льда отделилась от стены и заскользила вниз, окруженная свитой из меньших обломков. Лавина рухнула, превратившись при ударе в тучу ледяных кристаллов. Предупредительный крик Джимпера пронзительно зазвенел в ушах Валланта, в последнее мгновение он прыгнул, упав ничком в расщелину в скалах. Лавина снега тут же заполнила ее, накрыв Валланта с головой, и стало тихо.

— Валлант! — послышался голос Джимпера. — Вы живы?

— Я не знаю.

Валлант пошевелился, передвинув руки на дюйм.

— Я погребен под снегом, но не знаю, насколько глубоко.

Он скреб заваливший его снег, потом ухитрился повернуть голову. Он работал, обламывая куски перед собой и отодвигая их назад. Он быстро уставал. Казалось временами, что руки его

наливались свинцом, и тогда он отдыхал, потом снова копал и снова отдыхал.

Холодная белая звезда, которая на самом деле была Солнцем, по-прежнему сияла меж двух ледяных утесов, когда Валлант, цепляясь пальцами, выбрался на поверхность.

— Валлант, почему вы не двигаетесь? Или вы совсем потеряли самообладание? — пропищал в его ушах голос Джимпера.

Валлант лежал, вытянувшись, слишком усталый, чтобы поднять голову.

— Нелюди! — пропищал Джимпер. — Они близко, Валлант!

— Близко? Они видят меня?

— Я думаю, еще нет. Но если вы пошевелитесь...

— Я не могу оставаться здесь...

Валлант с усилием встал на ноги, пошел неверной походкой, поскользнулся и снова упал. Над ним на выступе утеса приплясывал Джимпер, полный неистового возбуждения при виде надвигающейся опасности.

— Они находятся прямо перед нами! — завизжал он. — Это ворота в мою страну Галлиэйл! Еще одно усилие, Валлант! Только несколько шагов!

Перед лицом Валланта упали ледяные обломки. На мгновение он открыл глаза, не понимая, что с ним происходит.

— Они видят нас, Валлант! — пронзительно закричал Джимпер. — Они стреляют! О, они мчатся стрелой!

Валлант обернулся. В сотне ярдов внизу двигались четыре фигуры в скафандрах, люди или ниссы. Один из них поднял оружие, предупреждая беглецов.

— Валлант, это недалеко! Торопитесь!

— Это бесполезно, — сказал Валлант и тяжело вздохнул. — Вы идите вперед, Джимпер. Я надеюсь, вы снова найдете свой дом, там, наверху, среди льдов.

— Джимпер не бросит вас, Валлант! Пойдемте! Встаньте и попробуйте снова!

Валлант издал полувздых, полурыдание. Он встал на ноги и, шатаясь, пошел вперед. Пуля впилась в лед на расстоянии фута от него. Следующий выстрел заставил его барахтаться в сугробе мягкого снега. Валлант поднялся и стал выбираться наверх. Он сказал себе, что они стреляют в него, чтобы напугать, а не убить. Им нужна информация, и бежать ему от них, как они думают, некуда.

Впереди показался гребень горного хребта. Валлант сделал паузу, собираясь с силами. Он рывком преодолел гребень, пропахал борозду в снегу и стал спускаться вниз, скользя по снегу. Перед ним открылось темное отверстие, свободное ото льда — вход в пещеру. Он поднялся, побежал к ней, упал и пополз.

Внезапно стало темно. Шлем Валланта покрылся изморозью. Валлант продолжал свой путь, как вдруг услышал острый звук «пинг» от раскрывшихся металлических створок.

— Это наш путь! — голос Джимпера звучал у него в шлеме.
— Мы завоюем свободу, Валлант!

— Я не могу идти дальше, — выдохнул Валлант.

Он лежал ничком, лицом вниз. Потом он почувствовал, что его дергают за руку.

Изморозь на лицевой стороне его шлема растаяла, и он увидел крошечную фигурку Джимпера, который тянул его за рукав. Он встал на колени, поднялся на ноги и упал, потом снова поднялся и пошел. Казалось, ему навстречу дует сильный поток ветра. Ветер в безвоздушном пространстве...

Пузырь воздуха лопнул без предупреждения. Валлант удивился. В первый момент он почувствовал головокружение, затем тряхнул головой, увидел земляные стены укрепления, подпертые бревнами. Далеко впереди мерцал слабый свет.

Страшный удар бросил его на пол пещеры. Он перекатился на спину и увидел четыре темные фигуры, силуэты у входа в туннель, через который он прошел за минуту до этого.

— Я приведу спасателей, Валлант! — услышал он голос Джимпера в наушниках.

— Беги! — задыхаясь, проговорил он. — Не возвращайся! Не позволяй им захватить себя!

Он потерял сознание.

— Не отчаивайся, Валлант.

Он услышал голос Джимпера как бы издали, сквозь дурноту...

— Джимпер вернется!

Они стояли над ним. Три нисса, узколикие, гротескные в космических скафандрах, четвертым был человек с маленькими глазками и длинными бакенбардами. Они переговаривались между собой по внутренней связи, и Валлант видел сквозь прозрачную броню их шлемов только открывающиеся и закрывающиеся рты. Затем один из них показал рукой вниз и сделал шаг вперед по направлению к Валланту.

Внезапно в серо-зеленую ткань его скафандра прямо напротив сердца уперся деревянный кол. Второй кол воткнулся сзади, третий сбил человека, пришедшего с ниссами. Шедший за ним нисс припал к почве.

В открытой щели его белозубого рта виднелся красный язык.

Его горло было пробито деревянным стержнем. Он упал навзничь.

Первый нисс повернулся, прыгнул и упал с пробитой грудью. Последнему ниссу удалось сбежать.

Валлант поднял голову и увидел группу из нескольких крошечных фигурок, одетых в красные и зеленые одежды, с луками в руках.

— Валлант! — слышался тонкий голосок Джимпера. — Мы спасены!

Валлант открыл было рот, чтобы ответить, но не смог и потерял сознание.

10

Валлант лежал на спине, чувствуя на коже нежный ветерок, приятно освежавший его и доносивший ароматы растений. Где-то вдалеке какая-то птица выводила свою любовную мелодию. Он открыл глаза и увидел голубое-голубое небо с плывущими по нему белыми облаками. Они плыли рядами, подобно белоснежным яхтам на какой-то сказочной регате. Повсюду слышались тихие звуки, похожие на писк только что вылупившегося цыпленка. Он повернул голову и увидел веселый павильон, задрапированный полосами красного и белого шелка, натянутого на шестах из полированного черного дерева с серебряными головками. Под этими пологами и вокруг павильона толпились крошечные, пестро одетые фигурки человечков. Они были в головных уборах и вооружены арбалетами или мечами длиной около фута. Их спутницы были одеты в платья из паутины, украшенные крошечными драгоценными камнями.

В центре толпы на крошечном раскладном стульчике восседал дородный эльф, укрытый от солнца тенью павильона. Он подпрыгнул и вскочил, увидев, что глаза Валланта смотрят прямо на него. Он что-то пропищал на незнакомом быстром языке. Великолепно одетый воин, услышав отданный ему приказ, смело направился к Валланту и, остановившись на расстоянии вытянутой руки, произнес речь.

— Извините, Робин Гудфеллоу¹, — слабым голосом ответил Валлант, — но я не понимаю этого языка. Где Джимпер?

Маленькое существо перед ним оглянулось вокруг и закричало. Испачканный малый в грязной коричневой одежде появился перед ним в сопровождении двух конвоиров.

— Увы, Валлант, — пропищал он, — не все хорошо в моей стране Галлиэйл.

¹ хороший парень (англ.)

— Джимпер, вы выглядите несчастным, а между тем исполнилось ваше желание.

— Что-то не сработало, Валлант. Здесь царствует мой король Твипл, едок сотни фруктовых пирогов, и он не знает своего посла Джимпера!

— Не знает вас? — повторил Валлант.

— Джесон предупреждал меня, что так и будет, — причитал Джимпер, — но я не поверил ему. Теперь никто не знает преданного Джимпера.

— Вы уверены, что нашли нужный город? Может быть, поскольку вы оставили...

— Неужели Джимпер не знает места, где он родился и где жил, пока не пришло и не ушло сорок великих Солнц? — Джимпер вынул трехдюймовый квадрат желтой ткани и промокнул нос. — Нет, Валлант, эта страна — моя, но страна, подвергшаяся странным чарам. Действительно, по моему призыву король послал воинов, охраняющих пещеру, чтобы убить нелюдей, злых Гигантов. Но они могли убить и вас, Валлант, если бы я не описал им ваше беспомощное состояние и не поклялся, что вы пришли сюда как друг. Мы, народ Сприла, до сих пор с ужасом вспоминаем о злых Гигантах.

— Убить меня?! — Валлант начал смеяться, но затем вспомнил о колах, проткнувших тела ниссов.

— Я зашел слишком далеко, чтобы теперь меня убили.

— Я был с вами во время всего долгого путешествия, Валлант, и не знаю, как долго король будет придерживаться такого мнения.

— Где мы, Джимпер? Как мы сюда попали?

— Люди короля притащили вас сюда на тростниковом мате.

— Но как мы выбрались из пещеры?

— Через Портал, Валлант, как я и говорил вам раньше, но вы не верили!

— Я перешел в новую веру, — сказал Валлант. — Я теперь здесь, где бы это место ни было. Но мне помнится, что кто-то просил меня сделать все, чтобы спасти мир.

Джимпер, казалось, был охвачен горем и ужасом.

— Увы, Валлант! Король Твипл ничего не знает об этих великих материях! Это был именно он, тот, кому Джесон говорил о великих делах по ту сторону Портала и о роли народа в них.

— Так что я без работы?

Валлант мгновение лежал неподвижно, чувствуя боль, разливающуюся по плечу и спине.

— Может быть, мне следует вздремнуть, — громко сказал он, делая попытку сесть.

— Нет, Валлант, не двигайтесь, ради вашей жизни! — закричал Джимпер. — Лучники короля стоят наготове с заряженными луками и готовы стрелять, если вы встанете и будете угрожать им!

* * *

Валлант повернул голову. Фаланга крошечных лучников стояла с направленными на него луками и арбалетами — ошестинившаяся стена убийц ростом в фут. Вдалеке за деревьями виднелось скопление стен и башен миниатюрного города, расположенного на склоне холма.

— Вы говорили королю, что я пришел вам на помощь?

— Я клялся ему в этом, Валлант, но он назвал меня чужестранцем. В конце концов он согласился, что поскольку вы лежите, будучи совершенно больным, вам не будет причинено никакого вреда. Но будьте осторожны! Королю достаточно сказать слово, и вы погибли, Валлант!

— Я не могу лежать здесь вечно, Джимпер. А если пойдет дождь?

— Они приготовили для вас павильон, Валлант, но сначала мы должны доказать наше дружелюбие.

На лице Джимпера появилась гротескная гримаса. Валлант взглянул на небо.

— Насколько серьезно я ранен?

Валлант слегка пошевелился, пробуя силу своих мускулов.

— Я даже не помню, когда меня ранили.

— Смерть прошла рядом, лишь припугнув вас, Валлант, но большие каменные обломки застряли в мягких частях вашего тела. Королевские хирурги могут удалить их, если король даст им указание. Теперь терпение, Валлант. Я снова попытаюсь поговорить с ним.

Валлант кивнул, наблюдая за Джимпером, который под конвоем возвращался обратно на свое место перед королевской резиденцией.

Писклявый разговор возобновился с новой силой. Наконец Джимпер вернулся с двумя спутниками в смятых конических шапочках.

— Это королевские хирурги, Валлант, — объяснил Джимпер. — Они удалят каменные осколки из вашей спины. Король разрешил вам перевернуться на живот, но будьте осторожны, не пугайте его внезапными движениями.

Валлант повернулся и тяжело застонал. Он почувствовал прикосновение и, повернув голову, увидел двухфуттовую лестницу, прислоненную к его боку. В поле его зрения появился

маленький человечек в шапочке. Валлант ободряюще улыбнулся ему.

— Доброе утро, доктор, — сказал он. — Даю голову на отсечение, что вы чувствуете себя, как моряк, взобравшийся на спину кита.

Затем он почувствовал дурноту и потерял сознание.

11

Валлант сидел на грубой деревянной скамье, вперив взгляд в четырехфутовый частокол, за которым его содержали вот уже три недели, насколько, конечно, он мог судить о времени в стране, где солнце сияло, когда он спал, просыпался и снова засыпал. Теперь оно скрылось за вершинами похожих на тополя деревьев, и длинные тени лежали на лужайках под зелено-фиолетовым пламенеющим небом. В миле от него сверкали огни тысяч маленьких окон игрушечного городка страны Галлиэйл.

— Если бы я смог убедить короля! — пропищал Джимпер горестно с мрачным выражением лица. — Но сердце короля Твипла полно страха. Он не похож на воинственных королей прошлых времен, которые одолели злых Гигантов.

Валлант спросил:

— Злые Гиганты — это, наверное, ниссы?

— Вполне возможно, Валлант. Легенды рассказывают, что они были безобразны, как тролли, и так злы, как невозможно представить себе ни человека, ни сприла, жителя страны Галлиэйл. И в те славные дни, когда были побеждены злые гиганты, народ выстоял.

— Джимпер, как вы думаете, есть ли хотя бы доля правды в ваших легендах?

Крошечный человечек впился взглядом в Валланта.

— Правда? Они не менее правдивы, чем надписи, вырезанные на камне. Валлант, они правдивы, как стрела, вылетевшая из моего арбалета! Смотрите!

Он указал на мрачное каменное сооружение, возвышавшееся на сумеречном холме над лесом на востоке.

— Разве это сон? Взгляните на эти камни. Это воздвигли гиганты много веков назад.

— Что это?

— Это Башня Забвения. Легенда гласит, что в ней хранится сокровище, настолько драгоценное, что за него и король не пожалел бы отдать своей короны, но Лик Страха, покрытый чешуйчатой броней, Страшный Хэйк, поставлен злыми Гиган-

тами охранять сокровище, и он великолепно охраняет его, заключенный в стену.

— О, у вас есть и драконы. Я должен сказать вам, Джимпер, что у вашего народа есть полностью укомплектованная мифология. А Великие Гиганты были дружественны сприлам?

— Великими были Иллимпи, Валлант. Сприлы гордились тем, что они могут служить им. Но теперь они мертвы, все исчезли, и тем не менее некоторые утверждают, что они живы, но живут далеко, отгороженные от преданного им народа магическими заклинаниями и чешуйчатым Хэйком, стражем ниссов.

— Джимпер, вы верите в магию?

— Верю ли я? Да разве я не видел Пещеру, Откуда Нет Возврата, моими собственными глазами и, хуже того, прошел через нее?!

— Тот туннель, через который мы прошли, Джимпер? Вы прошли через него с вашим другом Джесоном, когда вышли отсюда, и теперь вернулись.

— Ах, действительно ли я — это я, Валлант? Я в самом деле прошел через эту пещеру, да. Только моя преданность королю заставила меня сделать это, но на самом ли деле я вернулся? Кто приветствует мое возвращение?

— Я признаю, что это может поставить в тупик.

— Истории, которые я слышал от других, гласят, что те, кто пришел из Пещеры — странники-чужеземцы для клана сприлов, и все-таки они наши по крови и обычаям. Они всегда рассказывали о неизвестных событиях и клялись, что они были вынуждены совершить рискованное путешествие в Страну Голубого Льда. И теперь я в их числе, чужеземец в собственной стране, которого здесь никто не помнит и не знает.

Валлант поднялся и посмотрел в сторону города. Оттуда, от городских стен, двигалась длинная процессия с зажженными факелами. Факельное шествие двигалось к тому месту, где находился Валлант.

— Кажется, к нам идут посетители, Джимпер.

— Горе нам, Валлант! Это значит, что король решил вашу судьбу! Эта ночь не в вашу пользу, и неизвестно, удалось ли смягчить решение короля и можно ли надеяться на его милосердие!

— Если они идут сюда, чтобы нафаршировать меня стрелами, я уйду отсюда!

— Подождите, Валлант! Капитан гвардии — славный малый. Я пойду, чтобы встретиться с ним. Если они намерены причинить вам вред, я подам знак следующим образом...

Он сделал круговое движение у себя над головой.

Валлант кивнул.

— О'кей, дружище, но вы сами не попадите в беду.

Полчаса спустя кавалькада остановилась перед Валлантом. Джимпер ехал верхом рядом с одетым в латы капитаном. Он выехал вперед.

— Противоречивые новости, Валлант. Король решил, что вы должны предстать перед ним в его апартаментах и предоставить ему доказательства, что вы — друг народа сприлов, и если это вам удастся — все хорошо, если нет, то...

— Если мне это не удастся, — повторил Валлант.

— Тогда вы снова должны войти в Пещеру, Откуда Нет Возврата. Об этой пещере известно, что ни один человек, ни один сприл не вернулся из нее обратно.

* * *

Главная улица города Галлиэйл была шириной десять футов и вымощена камнями не больше кубиков для игры в кости. Она круто поднималась вверх между тесно прижавшимися друг к другу домами. Некоторые из них были наполовину деревянными, другие были замысловато выложены из кирпича и разукрашены. В нижних этажах были крошечные лавки, весело сверкающие огнями и товарами. Выше лавок были открытые освещенные окна, откуда высывались маленькие остроносые мордашки, взиравшие на фигуру огромного гиганта, шедшего по улице в окружении воинов короля в боевых шлемах по направлению к ослепительной в своем великолепии освещенной башне — Дворцу Короля, Едока Сотни Тартинок.

— Я не понимаю, почему его величество не разрешает мне сидеть под моим тентом и вдыхать ароматы цветов? — сказал Валлант Джимперу, который сидел у него на плече. — Я бы даже согласился быть телохранителем Его Королевского Величества.

— Он видит, что вы набираетесь здоровья и силы, Валлант. Он боится, что вы можете поработить народ, как в старину это сделали злые Гиганты.

— Вам не удалось убедить его в моей полезности? Я буду у него под рукой и пригожусь, если нисс, который спасся бегством, вернется сюда со своими друзьями.

— Он никогда не вернется, Валлант. Все, кто вошел в Пещеру...

— Я знаю, но если король решит выставить меня на мороз, я, скорее всего, предпочту вернуться обратно, независимо от того, будет это совпадать с традициями или нет...

— Эх, если бы Джесон был здесь, то он бы наверняка поручился бы за вас, — пропищал Джимпер. — Он хорошо знал язык

сприлов и рассказывал удивительные истории, которыми был очарован король Твипл, и ему было воздано много почестей. Но теперь, увы, король ничего не знает об этих вещах.

— Как Джесону удалось найти Галлиэйл?

— Он рассказывал о великой войне миров, в которой ниссы гибли, как мошкара в огне, под ударами мощного оружия людей с Земли.

— Старик говорил мне о войне. Он говорил, что мы потерпели поражение.

— Корабль Джесона был поврежден. Он все падал и падал, и наконец упал на Плутон среди Утесов Голубого Льда. Он увидел среди снегов Портал, тот самый, в котором мы бились с нелюдьми, Валлант. Таким образом он попал в Гэллиэйл, — заключил Джимпер. Он долго прожил среди нас, Валлант. По его желанию часовые стояли на посту день и ночь и сторожили Пещеру, Откуда Нет Возврата и откуда открывается великолепный вид на ледяные горы и равнины. Часто, когда он опрокидывал в себя одну-две больших бочки лучшего королевского эля, он тяжело вздыхал и громко плакал, вспоминая о Битве Гигантов, но он знал, что магии Пещеры и ждал. Однажды, когда он уже постарел и тело его сгорбилось, часовые дали ему знать, что странный космический корабль совершил посадку вблизи пещеры. Король был глубоко опечален и поклялся, что прикажет своим лучникам охранять выход. Он сказал, что если Джесон покинет его, то назад может не возвращаться. Но Джесон только улыбнулся и попросил дать ему в спутники посла для переговоров с Гигантами. И этим послом был я, Джимпер, воин и ученый, которого выбрал сам король.

* * *

— Это действительно большая честь. Мне жаль, что я не знаю каких-либо занимательных историй, которыми я мог бы очаровать старину короля. К тому же я еще плохо владею языком.

— Много лет тому назад, еще до Джесона, в Галлиэйле появился другой Гигант, — пропищал Джимпер. — Это был не болтун, а сильный Гигант, доблестный воин. История рассказывает, как он выступил против Чешуйчатого, чтобы доказать свою любовь к королю тех времен. Я слышал эту историю от прадеда, когда был совсем маленьким; мы сидели кружком под лунами и вспоминали старые времена. Он пришел из пещеры, раненый, как и вы, Валлант. Король тех времен хотел его убить, но так как он в знак дружбы вошел в Башню Забвения

и сразился с Чешуйчатым, который охранял сокровища, то король таким образом узнал, что он настоящий друг расы Добрых Гигантов.

— И что же случилось с ним под конец?

— Увы, он никогда не вернулся из Башни Забвения, Валлант. Но память о нем покрыта славой.

— Это веселый анекдот. Через несколько минут мы узнаем, что на уме у короля Твибла.

Процессия остановилась на двадцатифутовой главной площади перед воротами дворца. Воины выстроились по обе стороны от Валланта с луками наготове. За зубчатой дворцовой стеной, сложенной из полированных камней, виднелся вход во дворец, освещенный ярким светом. За ним Валлант разглядел причудливо вырезанные двери, натянутые узорчатой материей, и группу вельмож-сприлов в великолепных костюмах. Они кланялись королю-эльфу, который вразвалку вышел вперед и, уперев руки в бока, воззрился на Валланта.

Он заговорил пронзительным голосом, разводя руками, делая паузы и снова начиная говорить, прихлебывая из кубка, который подавал ему маленький сприл, не выше небольшого бурундучка.

Когда он кончил, слуга дал ему платок, и он утер розовое лицо.

Джимпер, который к тому времени уже успел занять место среди придворных позади короля, подошел к Валланту.

— Король говорит, — он сделал паузу и задрожал. — Его королевская воля в том...

— Продолжай, — приказал Валлант.

Он рассматривал ряды лучников с луками наготове.

— Скажи мне самое худшее.

— Чтобы доказать вашу преданность, Валлант, вы должны войти в Башню Забвения и убить там Ядовитого Чешуйчатого Пожирателя Огня!

Валлант глубоко вздохнул.

— Вы только на минуту опечалили меня, Джимпер, — сказал он почти весело. — Я думал, что из меня хотят сделать мишень для королевской артиллерии.

— Не шутите, Валлант! — в гневе закричал Джимпер. — Нет худшей судьбы, чем уготованная вам королем! Я так и сказал ему.

— Не суйтесь в горячую воду, Джимпер. Все в порядке. Я удовлетворен его решением.

— Но, Валлант, никто, даже Великий Гигант, не мог устоять против ужасного чудовища, которого злые Гиганты поставили сторожить Башню!

— Будет ли удовлетворен король, если я войду в башню и выйду оттуда живым, даже если я не найду дракона?

— Не обманывайте себя, Валлант! Чешуйчатый ждет там.

— И все же?

— Да, войти в башню вполне достаточно, но...

— Прекрасно. Я могу, значит, не притаскивать дракона за хвост, но едва ли это будет соответствовать легендарному подвигу. Когда мне идти?

— Если можно ...

Джимпер задрожал, затем выпрямился.

— Не бойтесь, Валлант. Джимпер будет на вашей стороне.

Валлант улыбнулся в сторону крошечных воинов.

— Я хочу, Джимпер, чтобы вы за меня не беспокоились. Я надеюсь положить этого дракона к вашим ногам.

Джимпер посмотрел на него, уперев руки в бедра.

— И я, Валлант, желаю вам всего лучшего.

Он повернулся и, возвратившись к королю, отсалютовал ему и кратко доложил об ответе Валланта. Ропот прошел по толпе придворных, затем взметнулся гром приветствий, в воздух взлетели крошечные шапочки. Король сделал знак, и одетые в белое люди стали устанавливать столы, накрывать их скатертями и выкатывать из подвалов большие, в четверть гарреля, бочки.

— Король объявляет эту ночь праздничной, Валлант! — пропищал Джимпер, подбегая к нему. — И вы тоже должны пообедать.

Валлант наблюдал, как перед ним воздвигли платформу, обычно используемую в качестве трибуны, и застелили ее шелкоподобной скатертью. Затем он уселся, поднял бочку с элем и произнес тост в честь короля.

— Ешьте, пейте и веселитесь, — провозгласил он.

— Если бы вы могли знать, что нас ожидает завтра, — горестно сказал Джимпер.

* * *

На рассвете следующего дня Валлант широко шагал по изумрудно-зеленой равнине Галлиэйла, ощущая утреннюю свежесть, чувствуя холодный воздух на своем лице, игнорируя пульсирующую головную боль после выпитых прошлой ночью пяти бочек королевского эля и наблюдая за все увеличивающимся на фоне светлевшего неба силуэтом Башни.

Длинный меч размером в рост человека, копия крошечного меча, висевшего на поясе Джимпера, был взят из королевской кунсткамеры и теперь висел на поясе у Валланта.

В руке он нес девятифутовый гарпун с наконечником из полированной латуни. За ним следовал целый батальон королевской гвардии в полной боевой готовности.

— Признаюсь, Джимпер, король Твипл предусмотрел все необходимое для подготовки этой экспедиции, — сказал Валлант. — Даже если он утверждает, что никогда не слышал о вашем Дружественном Гиганте.

— Странные настали дни. Старинные предания забыты королем. Что ни говори, ему непременно нужен победитель.

— Ну, я надеюсь, он будет доволен, когда я вернусь и отrapортую, что не нашел чешуйчатого чудовища.

Джимпер шел рядом с Валлантом и смотрел вверх. Теперь он был одет в великолепную новую алую мантию и розовую шапочку с черным плюмажем.

— Валлант, Чешуйчатое Чудище живет в Башне, и это так же верно, как и наше с вами присутствие здесь.

Еще через пятнадцать минут хода Валлант и его эскорт прошли через лес из огромных хвойных деревьев и очутились на склоне, покрытом дикой растительностью, где длинные насыпи, поросшие виноградной лозой и куманикой, окружали монолитную Башню, стоявшую на гребне скалы. Неподалеку среди подлеска лежала плита из белого камня. Валлант подошел ближе и увидел иссеченную непогодой верхушку башни.

— Эй, похоже, здесь кто-то проживает, и этот кто-то — настоящий гигант, — сказал он.

— Это руины зданий и стен, и все это было построено много десятилетий тому назад, очень давно. Здесь жили гиганты, которые служили сприлам, — пропищал Джимпер. — Потом пришли злые Гиганты и убили наших мастеров огнестрельным оружием. В те дни сприлами правил великий король, Валлант, и звали его Джозо, Хозяин Ворот. Именно он повел народ на борьбу против злых Гигантов.

Джимпер взглянул на Башню.

— Но, увы, Чешуйчатое Чудовище стоит на страже сокровищ Иллимпи.

— Что ж, давайте посмотрим, сможем ли мы завершить эту легенду, Джимпер.

Валлант прошел мимо безмолвных руин. На вершине холма он остановился и посмотрел вниз. Все было тихо.

— Наверное, здесь было великолепное сооружение, Джимпер, — сказал он. — Дворец из белого мрамора и прекрасный вид на долину.

— Это было прекрасное место, и добрая память сохраняется о нем, — сказал Джимпер. — Мы долго боялись этого места, но

теперь сошлись лицом к лицу с опасностью. Вперед, Валлант! Джимпер на вашей стороне!

Тишину нарушил пронзительный звук горна. Королевские уланы остановились. Их капитан отдал приказ. Двухфутовые пики, салютуя, опустились вниз.

— Они будут ждать здесь, — объяснил Джимпер. — Король не рискует подвести их ближе, и они будут прикрывать наше отступление, если Чешуйчатос Чудовище бросится вдогонку.

Валлант в ответ отсалютовал рукой.

— Клянусь, если вы верите в драконов, то это достаточно смело!

Он взглянул на Джимпера сверху вниз.

— Это сделает вас героем на все времена, дружище.

— Как и вас, Валлант! В вашей тени Джимпер шагает смело, но вы идете на встречу с ужасным чудовищем только с копьем и мечом!

— Ничего. Я не верю, что встречу его.

В рядах эскорта возникло движение. Четыре воина вышли вперед, сгибаясь под тяжестью ящика длиной в фут. Они опустили его перед Валлантом и снова отступили обратно, в ряды своего войска.

— Что это? Неужели уже медаль? — поинтересовался Валлант.

Он нажал на кнопку на боку плоского ящика. Крышка отскочила вверх, и стал виден электрочелюсть незнакомой конструкции, лежащий в углублении, повторявшем его форму в изящной обшивке. Валлант взял ключ и присвистнул от удивления.

— Откуда они его взяли, Джимпер?

— Когда много лет тому назад спилы уничтожили злых пришельцев, его обнаружили среди трофеев. Уже давно мы бережем его, ожидая возвращения Добрых Гигантов.

Валлант внимательно осмотрел тяжелый ключ.

— Это прекрасное произведение техники и микроэлектроники, Джимпер. Я начинаю восхищаться им. Интересно, какие они были, эти ваши Добрые Гиганты?

Затем он прошел оставшиеся несколько ярдов по склону, поросшему виноградной лозой, до огромной двери из гладкого, темного материала. Но и сама башня, как видел Валлант, была не из камня, а из изъеденного ветром и бурями пористого синтетического материала, потерявшего со временем свой первоначальный вид.

— Многое я бы дал, чтобы узнать, кто построил это, — сказал Валлант. — Это, наверное, была очень технически развитая раса. Сооружение, похоже, простояло здесь бездну лет.

— Великими были и наши Гиганты, великим был и их уход. Долго мы ждали их возвращения. Теперь, может быть, вы,

Валлант, и Джесон — первые из древних, которые вернулись обратно в наш Галлиэйл.

— Не бойтесь, Джимпер. Мы все же останемся друзьями, — Валлант осмотрел край двери. — Похоже, что нам придется копать. Здесь все завалено грязью, и неизвестно, на какую глубину.

Джимпер вытащил свой восьмидюймовый меч и протянул его Валланту.

— Используйте это. Более благородной задачи для него не найти.

Валлант начал работать. Позади него стояли ряды воинов и наблюдали за происходящим. Дверь открывалась все больше и больше: на шесть дюймов, на фут, на два фута, прежде чем показалась нижняя кромка двери.

— Мы проделали огромную работу, — сказал Валлант. — Я надеюсь, что ваш спящий дракон стоит этих усилий.

— Со своей стороны, я надеюсь, — сказал Джимпер, — что звуки земляных работ не разбудили его.

Двумя часами позже, когда дверь была очищена от земляных наносов и расчищено место, позволяющее ее открыть, Валлант вернул меч Джимперу и вынул ключ из ящика.

— Будем надеяться, что он все же сработает, я не люблю пробивать себе путь силой.

Он поднял ключ и вставил его в скважину двери. Послышался звук «клик» и громохание дверных механизмов.

Валлант выдернул тяжелый стержень, запиравший массивную дверь, затем, воспользовавшись лезвием меча, как рычагом, открыл дверь и заглянул в широкий коридор, пол которого был покрыт толстым слоем пыли в дюйм толщиной. Капитан эскорта и четыре стрелка-лучника подошли ближе, чтобы хлопнуть дверь за Валлантом, нервно ожидая этого момента. Джимпер чихнул.

Валлант наклонился, посадил его на плечо и прощально махнул рукой эскрту, который издал нервные, но одобрительные крики. Затем он ступил в пыльный коридор и, оглянувшись, увидел, как за ним медленно закрывается дверь.

— Итак, мы тут, Джимпер, — сказал он. — Каким путем мы пойдем к дракону?

Джимпер показал арбалетом вдоль длинного холла.

— Он должен быть где-то там.

— Давайте осмотримся.

Валлант осмотрел коридор, который огибал башню по окружности вдоль внешней стены. Он с трудом двигался по толстому слою пыли, освещенному слабым светом из высоко расположенных в стене бойниц. Пробираясь по коридору, Валлант и Джимпер натолкнулись на большую грудку металла, почти пе-

рекрывавшую весь просвет коридора. Валлант толкнул ее и обнаружил, что она состояла из ржавых металлических пластин.

— Это похоже на свалку старого оружия, — сказал он.

Взобравшись на вершину кручи, высотой достигавшей почти шесть футов, он предположил:

— Может быть, в старину здесь был склад металлолома?

Джимпер капризно пробормотал:

— Двигайтесь помягче, Валлант.

Они завершили круг и обнаружили лестницу, ведущую на следующий этаж. Повсюду лежал нетронутый толстый слой пыли. На нем не было никаких следов. Они проходили через комнаты, совершенно пустые, за исключением небольших металлических предметов, наполовину засыпанных пылью. В одном месте Валлант нагнулся и подобрал статуэтку из блестящего желтого металла.

— Взгляните на это, Джимпер! — сказал он. — Это статуэтка человека!

— Действительно, — согласился Джимпер. Он рассматривал трехдюймовую статуэтку. — Ее создал народ Галлиэйла.

— Это сооружение было построено людьми, Джимпер, или еще кем-нибудь, настолько похожим на людей, что во внешности не заметно никаких отличий. И все же мы пользуемся космическими полетами всего пару веков...

— Гиганты долго бродили по свету, Валлант, — ответил ему Джимпер.

— Возможно, но человеческие существа характерны лишь для Земли. По крайней мере, в последнее время. Приятно узнать, что где-то во Вселенной существуют и другие расы, которые очень похожи на нас.

12

Они проходили по коридорам, крались через большие и малые комнаты, освещенные лишь слабым светом, проникавшим через узкие бойницы. Наконец они по ступенькам дошли до самого верха башни. Валлант взглянул наверх.

— Ну-с, если его нет и там, то мы можем считать свою миссию законченной.

— Вероятно, Страшила где-то скрывается, — причитал Джимпер. — Теперь пусть он побережется!

— Это дух.

Валлант поднялся по последней лестнице, судорожно сжимая рукоятку меча, несмотря на весь свой скептицизм. Если в башне и есть кто-то живой, то он должен быть именно здесь.

Валлант вошел в обширную круглую комнату с высоким сводом, пол которой также был покрыт толстым слоем пыли. В центре помещения находился глянцево-блестевший белый куб с покрытой инеем поверхностью, с ребрами высотой в 12 футов и на 2 фута приподнятый над полом. Казалось, что куб слегка светился в полутемном помещении мерцающим светом.

Валлант осторожно обошел вокруг него. Все четыре его стороны были одинаковы, без каких-либо выступов, и мерцали белым светом.

Валлант перевел дыхание и вложил меч в ножны.

— Так-то, — сказал он. — Дракона здесь нет.

Сидевший у него на плече Джимпер обвил руками его шею.

— Я боюсь этого места, Валлант, — пропищал он. — Мы сделали грубую ошибку, не знаю только, в чем.

— Все в порядке, старина, — успокоил его Валлант. — Давайте осмотримся вокруг. Может быть, мы найдем сувенир и подарим его старому Твиплу.

— Валлант, не смейте так неуважительно говорить о моем короле! — вскричал Джимпер.

— Извините!

Валлант, утопая в пыли по щиколотки, пересек помещение и подошел к кубу. Он потрогал его поверхность: она была холодная и скользкая, как графит.

— Странный материал, — сказал он. — Я удивляюсь, для чего все это.

— Валлант, давайте не задерживаться здесь.

Валлант обернулся и осмотрел кругом всю мрачную комнату. Из-под одеяла пыли выступали неопределенные формы. Он подошел к столонеподобному возвышению и дунул на него, подняв облако пыли, которое заставило Джимпера чихать.

Освобожденные от пыли, появились шкалы приборов, разноцветные рукоятки и кнопки.

— Это что-то вроде пульта управления, Джимпер. — Как вы полагаете, чем он может управлять?

— Давайте уйдем отсюда, Валлант, — писклявым голосом предложил Джимпер. — Мне не нравятся эти древние руины и комнаты.

— Я клянусь, что это имеет отношение вот к этому... — Валлант кивнул головой в сторону белого куба. — Может быть, я нажму пару кнопок?

Он толкнул пальцем большой ярко-алый рычаг в центре пульта. Щелкнув, рычаг ушел вниз.

— Валлант, не вмешивайтесь, не связывайтесь с этими тайнами! — пронзительно закричал Джимпер. Он скорчился на плече Валланта, глаза его были прикованы к рычагу.

— Ничего не случилось, — заметил Валлант. — Я боюсь, что ты ожидаешь от этого слишком многого...

Он сделал паузу, потому что в комнате возник сквозняк и пыль стала перемещаться по поверхности стола.

— Эге... — начал он.

Джимпер, жалобно стелая, прижался к его шее. Пыль двигалась через комнату по направлению к глянцевитой поверхности куба, ударялась об нее и исчезала в ней.

Валлант почувствовал усиление сквозняка, который заставил развеиваться его форменный китель.

Теперь пыль поднялась вверх ослепляющим облаком. Валлант нагнул голову и бросился к двери. Ветер усилился до урагана, бился о стены, воздух устремлялся через бойницы к поверхности куба, и, тем не менее, тот по-прежнему сверкал холодным белым светом.

Валлант снова попытался пробиться к двери, но пыльный шторм вернул его. Джимпер вцепился в его плечо. Тогда он спрятался между возвышением пола и стеной и наблюдал, как ветер, сдув пыль, вычистил пол и обнажил разбросанные по нему металлические предметы. Вблизи него на полу лежало обручальное кольцо, богато украшенная кокарда и предмет странной формы, который мог быть и ручным оружием. Дальше были разбросаны полированные металлические предметы, размерами и формой напоминавшие зубы акулы.

Внезапно ветер стал стихать. Сияющий белым светом квадрат куба стал походить на открытое окно, распахнутое в полуденный туман. Последние струи пыли втянулись в «окно» и исчезли.

Ревущий звук шторма затих. В комнате воцарилась тишина.

— Теперь нам надо сматываться отсюда.

Джимпер свистнул и, поправив свою розовую шапочку, в развеивающейся мантии бросился к двери. Валлант следовал за ним, отплеываясь от пыли, набившейся в рот.

Потом он остановился.

— Пойдите, Джимпер. Давайте посмотрим на все это.

Он подошел к сверкающему кубу и дотронулся рукой до его грани.

Ничего не произошло.

Валлант отдернул руку.

— Вот это да! Он холодный, как... не знаю что!

Другой рукой он массировал окаменевшие от холода пальцы.

— Полсекунды — и они окоченели!

Где-то вдалеке слышалось слабое металлическое звяканье.

— Валлант, он идет! — пронзительно завизжал Джимпер.

— Спокойно, Джимпер! У нас все в порядке. Я полагаю, что звяканье — это какая-то разновидность процесса выравнивания. Или, может быть, это работает какой-то механизм, какой-то центр очистки, что-то вроде умного пылесоса размером с дом.

Вдруг панель перед Валлантом затуманилась, и на ее поверхности появились какие-то очертания, приобретавшие форму комнаты.

Они становились четкими, словно их сфокусировали. Понимались звуки: сначала как бы фоновое гудение переменного тока, потом зазвучал колокольчик, и наконец — тяжелые размеренные шаги.

Появился человек, который смотрел на Валланта как бы через открытую дверь. Точнее, это был почти человек. Он был высок, почти семи футов ростом, и широк в плечах. Его волосы, выходящие вокруг головы, черные и блестящие, напоминали прическу древних персов, по обеим сторонам головы виднелись два коротких туповатых рога, не совсем симметричных, но украшавших благородный череп.

Он заговорил, и стакатто его слов гармонировало со странными звуками незнакомого языка. Свою речь он произносил глубоким резонирующим голосом.

— Извините, сэр, — перебил его Валлант. — Я боюсь, что я вас не понимаю.

Человек с рогами подошел ближе. Его большие темно-синие глаза пристально взглянули на Валланта.

— Лла, — сказал он командирским голосом.

Валлант покачал головой. Он попытался улыбнуться, но величественный человек перед ним был не из тех, которые вызывают приятные эмоции.

— Я полагаю... — начал Валлант.

Он сделал паузу, чтобы прочистить горло.

— Я полагаю, что мы натолкнулись на нечто большее, чем я предполагал...

Человек с рогами сделал нетерпеливый жест, когда Валлант остановился. Он повторил слово, которое произнес раньше.

Валлант почувствовал, что его кто-то тянет за штанину.

— Валлант! — пропищал Джимпер.

Валлант взглянул вниз.

— Не теперь, Джимпер.

— Я думаю, Джимпер понимает, что хочет сказать Великий Гигант. В церемонии коронации короля есть фраза: «ква-ик-лла». Он говорит на языке предков, на котором говорили много лет назад. Мудрые старые люди говорят, что эти слова означают: «Он хочет, чтобы вы говорили».

Рогатый гигант наклонился к Валланту.

Казалось, он хотел заглянуть за край невидимой стены между ними. Валлант наклонился, поднял Джимпера на уровень груди. Джимпер, стоя на руке Валланта, снял шляпу с пером и отвесил глубокий поклон.

— Та п'ик их соила, Иллиmpi, — прошебетал он.

Выражение лица человека с рогами мгновенно изменилось. Глаза его расширились, рот открылся, а затем, как наводнение, широкая улыбка разлилась по его лицу.

— Ай пллити! — прогудел он.

Затем он повернулся и сделал что-то невидимое Валланту за краем куба. Обернувшись, он что-то сказал быстро Джимперу. Маленькое существо смущенно протянуло к нему ручки.

— Н'икан, — сказал Джимпер. — Н'ик ан, Иллиmpi.

Гигант быстро кивнул и проницательно взглянул на Валланта.

— Лла, Валлант, — скомандовал он.

«Он знает мое имя, — сдерживая от волнения слезы, подумал Валлант. — О чем я буду говорить с ним?»

— Он Великий Гигант, — возбужденно пропищал Джимпер. — Он с давних пор хорошо знает род Джимперов. Скажи ему все, Валлант, что приключилось с расой гигантов с тех пор, как закрылся Портал.

13

Валлант говорил в течение пяти минут, в то время как гигант за невидимым барьером регулировал невидимые ручки управления.

— Когда я пришел сюда, я был здесь...

Внезапно гигант кивнул.

— Ну, достаточно, — сказал он ясно и отчетливо.

Валлант с недоумением взглянул на него. Он заметил, что губы человека не двигались синхронно его словам.

— Теперь, — сказал гигант, — что вы за мир?

— Что? Как? — начал Валлант.

— Переводное устройство. Это оно так работает. Я — Сес-сас-Коммуникатор. Что вы за мир?

— Ну, я уже говорил, это я был на планете Плутон. Добавлю только, что я не мог быть там, а с другой стороны, я там все-таки был...

— Ваш язык очень странный. Ничего похожего я не слышал в те дни, когда я был в Нексе. Лучше я найду вас на локаторе.

Он подвигал невидимые рычаги. Его глаза расширились.

— Может ли это быть? — он посмотрел на Валланта. — На моей панели загорелся свет индуктивности, который загорался,

когда... В жизни Галлиэйла произошло десять геологических эпох.

Валлант энергично кивнул.

— Правильно, Джимпер называет эту страну Галлиэйл, но...

— И ваш народ, они все такие, как вы?

— Более или менее.

— И этого у них нет? — он указал на голову.

— Рогов? Нет, не имеется. Это, конечно, не мой родной мир.

Я пришел с Земли, третьей планеты от Солнца.

— Ну, а Иллимпи из Галлиэйла? — лицо гиганта застыло от напряжения.

— Здесь живет только народ Джимпера. Правда, Джимпер?

— Правда, — заговорил Джимпер. — С тех пор, как пришли злые Гиганты, враги Великих Гигантов. Но когда пал последний Великий Гигант, мы затаились в зарослях и норах, выбрались из них и начали партизанскую войну. Мы пускали наши стрелы и находили их отметины на шкурах подлых врагов; мы отходили, чтобы потом биться снова. Мы, лучники, боролись своими стрелами против их молний. Последний из них ушел в Пещеру, Из Которой Нет Возврата, и тогда моя страна Галлиэйл стала свободна от этого мерзкого отродья.

Мы долго ждали, когда вернутся наши Гиганты. В их отсутствие мы занимались земледелием, изготовлением тканей и обихоживанием своей страны.

— Хорошо делали, маленький воин, — сказал Сессас.

Затем он взглянул в лицо Валланта.

— Вы сродни нам, и по многим причинам мне это больно видеть. Вы уроженец того двойного мира, третьего от Солнца. Несколько выживших совершили туда удачный перелет.

— Выживших от чего?

— От бешеного нападения тех, кого вы называете ниссами.

— Тогда то, что говорил старик, было верно? Они были захватчиками?

— Более того, Валлант, они — носители тьмы, они — всемирное зло, самые вредные существа во вселенной!

— Но они не опустошили Землю! Вы с трудом можете обнаружить их. Они — разновидность полицейских сил...

— Они — отравы, которая запятнала Галлиэйл и всю Галактику. Много столетий тому назад они пришли, разрушая все на своем пути. Послушайте, как все это произошло. В прошлые столетия мы, Иллимпи, перед которым вы стоите, прокладывали путь между звездными скоплениями. Мы послали колонистов в далекий новый мир Галлиэйл, искателей приключений, мужчин и женщин, храбрых, которые знали, что никогда не вернутся, и вместе с ними пошел народ сприлов — славный маленький

народец. Они процветали, и в то время они построили Ворота — транспортную линию связи с солнечным миром, который они называли Олантеа и который вращался на пятой орбите вокруг желтого Солнца, находясь от них на расстоянии двадцати пяти световых лет. Там они строили города и насаждали сады для красоты и отдохновения. Затем без предупреждения в Галлиэйл пришли ниссы, пройдя через Ворота, вооруженные огнестрельным оружием. Их газы были смертельны, а действия их солдат — преступны. Миротворческий народ Иллимпи в Галлиэйле хорошо сражался, и к ним через Большой Портал приходили добровольцы. Но оружие ниссов разило насмерть. Они достигли Башни Портала и несколько их воинов, обезумевших от жажды крови, прорвались через него, чтобы никогда не вернуться. Затем Портал пал, и мы потеряли связь с нашей колонией. Прошло много веков, и только теперь восстановилась связь, и мы узнали, что произошло в Галлиэйле. Так что сприлы покончили с ниссами после того, как ниссы убили всех Иллимпи? Хорошая работа, Джимпер. Но как вы сумели сделать это?

— Мы выстояли, — пропищал Джимпер, — а они не нашли защиты от наших стрел.

— Если ниссы такие жестокие убийцы, то почему они не использовали свое оружие против нас? История Синдарха гласит, что они наши большие друзья, делящиеся с нами своей мудростью...

— Клянусь, мы насмотрелись на этих лжецов, — прочирикал Джимпер. — Интриги — вот в чем сильны ниссы.

— Они искали именно Портал, — сказал Сессас. — Все, кто ранее пришли в Галлиэйл, были для них потеряны.

— Погодите минутку, — прервал его Валлант. — Я не понимаю. Ниссы пришли через Ворота с Олантеа, но она удерживалась народом Иллимпи. Ниссы должны были победить их и захватить Ворота, которые, по моему мнению, представляют собой разновидность передатчика материи. Но почему не была предупреждена страна Галлиэйл? И почему никто из жителей не убежал из Галлиэйла через Портал к себе на родину? Каким образом Ворота переместились с Олантеа на Плутон?

Сессас растерянно замер.

— Вы не знаете, Валлант.

— Валлант! — Джимпер поднял свое личико к Валланту. — Я слышу движение Чешуйчатого Чудовища!

— Это ваше воображение, Джимпер. Мы обследовали все здание и не нашли его, помните?

Рогатый человек взглянул на Джимпера.

— Что это за существо — Чешуйчатое Чудовище?

— Это Хэйк, Чешуйчатый Гигант, — пронзительно закричал Джимпер, — страж, поставленный ниссами, когда они закрыли Портал для Иллимпи, прежде чем выступить против сприлов! Это была авантюра, из которой никто из ниссов не вышел живым.

Сессас повернулся к Валланту.

— Каким образом вы задержали зверя?

Рот Валланта открылся.

— Я надеюсь, вы не имеете в виду...

Внезапно раздался резкий металлический звук, напоминающий лязг металлических сочленений или оружия при ударе о камень.

— Приближается Чудовище с Ядовитыми Зубами! — пронзительно закричал Джимпер.

— Какое у вас оружие? — крикнул Сессас.

— Только нож для нарезки ветчины ломтиками, — Валлант показал на свой меч. — Но у меня такое чувство, что это не совсем то, что мне понадобится.

Теперь лязг стал громче. Джимпер снова пронзительно закричал. Прислушиваясь к зловещим звукам, рогатый гигант повернулся к чему-то за краем экрана.

От двери послышался скрежет сминаемой стали, затем — свистящее шипение, похожее на звук старинного паровозного свистка.

Валлант повернулся и остановившимся взглядом уставился на огромный странный предмет, похожий на кучу ржавой брони, протискивающуюся через дверь, ударяя в пол конечностями, похожими на блестящие черные кабели толщиной в три дюйма, оснащенные блестящими, зеркально сверкающими когтями, оставлявшими глубокие царапины в твердом материале пола с такой же легкостью, как если бы он был сделан из сырой глины.

С головы, похожей на украшенную клыками скорлупу мускатного ореха, на Валланта смотрели белые глаза с черными точками зрачков, полные неумолимой жестокости. Хэйк поднимался, и осколки косяков дверного проема летели со страшной силой, когда он прокладывал себе путь через узкую дверь.

— Боже мой! — завопил Валлант. — Джимпер, почему вы не сказали мне, что эта штука существует на самом деле!

— Я говорил, Валлант. Поразите теперь его своим мечом.

— Как можно справиться этой шляпной булавкой с таким чудовищем? — ответил Валлант.

Он смотрел, как разрушается стена под ударами Хэйка. Внезапно взгляд его упал на похожий на ручное оружие предмет, лежащий на полу. Валлант прыгнул к нему, схватил его и

нажал на кнопку сбоку, направив ствол на чудовище. Из «дула» орудия вылетело голубое пламя и коснулось Хэйка. Чудовище раскрыло челюсти и продвинулось еще на фут. Пламя затухало, стало слабым желтым отсветом и с легким жужжанием потухло.

— Валлант! — пронзительно закричал Джимпер. — Дверь! Она рухнула!

— Извини, Джимпер, я думаю, нам надо вернуться за полицией и арестовать его.

Валлант схватил малыша и шагнул к экрану.

— Нет, Валлант! — закричал рогатый человек.

— Я войду к вам, готовы вы к этому или нет.

Валлант закрыл глаза и решительно прошел через Ворота.

14

Сначала было ощущение сильного холода, а затем наступила тишина, в холодном воздухе был запах миндаля.

Валлант открыл глаза. Ввысь вздымались терявшиеся в смутной дымке стены с какими-то проемами. Вдали маячили могучие колонны, за которыми виднелась стена цвета йода, декорированная замысловатым узором.

— Где же он? — воскликнул Валлант.

Он осмотрелся вокруг.

— Что случилось с Сессасом-Коммуникатором?

Джимпер снова прижался к Валланту и всмотрелся в туманную дымку у них над головами.

— Теперь мы пропали, Валлант. Никогда больше мы не увидим ни полей Галлиэйла, ни грязных городов вашего мира!

— Он должен быть где-то в комнате.

— Страшны тайны Великих Гигантов, — пропищал Джимпер.

— Ну! — Валлант засмеялся. — Зато мы удрали от Хэйка.

Он вложил в ножны так и не использованный меч.

— Интересно, кто живет здесь.

Слабое эхо его голоса отразилось от дальней стены.

— Мы попали в какое-то подобие здания. Посмотрите на пол, Джимпер. Плиты пола — размером с теннисный корт. Разговоры о гигантах...

— Валлант, как мы попадем обратно? Я меньше боюсь Хэйка, чем этого здания с его эхом.

— Ну... — Валлант осмотрелся вокруг, но ничего не увидел.

— Я не вижу здесь ничего, что было бы похоже на Портал. Может быть, если бы мы только почувствовали нашим сознанием, каким путем надо идти и как действовать...

Он сделал первый осторожный шаг. Джимпер слез с него и метнулся вперед. Затем он в растерянности остановился, повернул обратно и замер, с ужасом глядя на Валланта. Тот обернулся и увидел, что на том месте, где он только что стоял, появился глянцеви́тый черный кабель, и коготь на его конце был похож на кинжал, висевший в воздухе на расстоянии трех футов от каменного пола.

— Это Хэйк! — взвизгнул Джимпер.

Со зловещим оглушительным воплем появилась голова чудовища, утыканная острыми выступами, а мгновением позже показалось и его туловище, весом примерно в две тонны, с громоподобным звуком протискивающееся через Портал. На мгновение оно остановилось, как бы в растерянности, затем, привлеченное криком Джимпера, с огромной скоростью бросилось на свою жертву.

Валлант выхватил меч.

— Беги, Джимпер! Может быть, я задержу его на одну-две секунды!

Джимпер сорвал с плеча арбалет, вложил в него шестидюймовую стрелу и выстрелил.

Стрела просвистела рядом с головой Валланта и скользнула по броне чудовища, которое широко раскрыло челюсти, усаженные острыми зубами, и приготовилось к прыжку.

Вдруг возникло движение воздуха, послышался вой ветра и, рассекая воздух, откуда-то сверху на пол упала огромная решетка.

Ее удар об пол был подобен землетрясению, которое сбило Валланта с ног. Он тотчас же вскочил и увидел, что решетка исчезла так же быстро, как и появилась, и единственной поврежденной ей вещью был Хэйк, кабелеобразные конечности которого еще подергивались в последних конвульсиях, а тело напоминало корпус старого корабля, непригодного к плаванию, который лежал вверх килем, и из него вытекала тоненькая струйка жидкости.

— Что бы это ни было, — неуверенно сказал Валлант, — оно нас миновало.

Он взглянул вверх. Высоко вверх, теряясь в дымке сумерек, висело огромное тело палевого цвета, продолговатое, испещренное небольшими солнечными пятнами, контуры которых текли и колыхались, принимая то выпуклые, то вогнутые формы.

Затем оно отпрянуло назад и исчезло.

— Джимпер, ты это видел? — спросил Валлант.

— Я ничего не видел, Валлант, — пискнул Джимпер. — Я видел, как напал Хэйк, а что было потом — не знаю.

— Это было...

Валлант сделал паузу, чтобы сглотнуть и смахнуть выступившие от волнения слезы.

— Это было огромное, растягивающееся, как резина лицо, в милю шириной и в пять миль высотой, и, клянусь, оно смотрело прямо на меня!

— Новое вторжение разумных блох, — сказал голос, ясный, как выгравированный текст.

— Плохой удар, Бромета, — ответил второй голос. — Я все еще слышу их щебетание.

— Валлант! — задыхаясь от волнения, произнес Джимпер. — Они близко от нас и говорят на языке сприлов, и все-таки я их не вижу!

— Чепуха, — сдерживая слезы, с волнением сказал Валлант. — Они говорят по-английски. Но где же они?

— Нам следовало бы заткнуть дыру, через которую они прошли в прошлый раз, — сказал тихий голос. — Дай мне метелку, я займусь блохами.

— Нет! — завопил Валлант во всю мощь своих легких. Он смотрел вверх, вглядываясь в бесформенные тени. — Мы не блохи!

— Янауз! Среди их щебетания мне слышались слова. Разве ты не слышишь?

Затем наступила пауза. Слышался лишь отдаленный грохот.

— Это всего лишь плод твоего воображения, Бромета.

— Я услышала это, как только ты поднял метелку.

— Не делайте этого! — прокричал Валлант.

— Слышишь? Ты обязательно должен был бы услышать это. Это звучит у меня в голове, подобно буре световых вспышек!

— Да! Теперь я твердо убежден, что ты права!

Посмотрев вверх, Валлант ясно увидел огромное, похожее на облако лицо, форма которого непрерывно менялась.

— Мне ничего не видно, Япад.

— Мы друзья! — снова закричал Валлант. — Не уничтожайте нас!

— У этих блох есть особое свойство одним своим видом вызывать раздражение, непропорциональное их размерам.

— Это всего лишь начиненные ненавистью паразиты, которые вторглись в наш холл в течение последнего Великого Цикла. Их надо смести немедленно.

— Нет, это совсем другая порода. Те, другие, ниссы, как они себя называют, подняли невыносимую психическую вонь прежде, чем мы их выкурили. Эти мне кажутся совсем другими, Япад.

— Паразиты есть паразиты, дай мне метелку.

— Стой! Я хочу немного поразвлечься. Разреши мне поговорить с этими шумными блохами.

— Что случилось, Валлант? — пропищал Джимпер.

— Я не знаю, Джимпер, но есть некто, кто полагает, что я — блоха, и даже не знает ничего о тебе.

— Эй, вы, блохи! Я положу на стол лист бумаги. Встаньте на него, чтобы я мог поднять вас и посмотреть на вас.

Затем произошло сильное движение воздуха, и огромная бурая плоскость опустилась сверху, подняв тучу пыли. Валлант и Джимпер легли ничком, спасаясь от возникшего при этом воздушного вихря.

Огромная платформа толщиной в фут опустилась на пол на расстоянии пятидесяти футов от них. Ветер постепенно стих.

— Нам предлагают взобраться на это, Джимпер, — сказал Валлант. — Они хотят посмотреть на нас.

— Надо ли нам это делать?

— Я полагаю, будет лучше сделать это, если мы не хотим, чтобы нас прихлопнули, как Хэйка.

Валлант и Джимпер поднялись на ноги и направились к ноздреватому мату с рваными краями. Они взобрались на него. С близкого расстояния были хорошо видны переплетения волокон, и вся поверхность напоминала грубый войлок бледно-желтого цвета.

— Все в порядке! — крикнул Валлант. — Поднимайте!

Они потеряли равновесие, когда платформа начала подниматься. Появился белый свет, который становился все ярче.

Направление движения изменилось, бумага наклонилась, затем остановилась.

Возникло свечение, подобно свету гигантского солнца, которое бросало голубые тени на белую поверхность, на которой они стояли. На расстоянии мили виднелись два ясно различимых лица. Их глаза и меняющиеся формы казались еще более страшными на близком расстоянии.

— Вот они!

Тело, похожее на мягкий дирижабль, появилось перед глазами Валланта и его миниатюрного спутника.

— Да. И рядом с ним — другой. Похожена целый выводок, правда?

— Ах, какие бедные существа — мать и дитя. Я всегда была равнодушна к материнству.

— Послушайте... — начал Джимпер.

— Тихо! — прошипел Валлант. — Я предпочитаю быть живой матерью, чем убитым отцом.

— Размеры — это еще не все, — пропищал негодовавший Джимпер.

— Теперь, малыши, может быть, расскажете нам о ваших крошечных жизнях, повседневных делах, ваших маленьких печалях и радостях? Кто знает, может быть, нам удастся кое-что из них почерпнуть.

— Каким образом они научились языку сприлов? — прочирикал Джимпер.

— Они не знают его. Это какой-то вид телепатии. Для меня их речь звучит по-английски.

— Эй, вы! Перестаньте секретничать между собой! Объясните ваше присутствие здесь!

— Не так строго, Япад. Ты испугаешь этих крошечных существ.

— Никто не сможет запугать нас, — пропищал Джимпер. — Знайте, что нам пришлось испытать многие странные и страшные приключения, но еще ни один враг не видел наших пяток.

— История начинает становиться интересной. Начинайте с самого начала. Смелее, расскажите нам все!

— Очень хорошо, — прочирикал Джимпер. — Но в конце моего повествования, я надеюсь, вы окажете помощь двум бедным путешественникам, потерявшим свой путь вдали от дома.

— Эти блохи хотят заключить сделку.

— Прекрасная идея. Начинайте.

— Итак, гигант, когда Джесон покинул Галлиэйл, чтобы снова найти свою родину, — начал Джимпер, — Джимпер был назначен сопровождать его...

15

На мгновение воцарилась тишина, когда Джимпер, которому порой помогал Валлант, закончил свой рассказ.

— Таким образом, — сказал Япад, — разумные блохи признают, что проложили путь через наши стены.

— Замечательное достижение для таких примитивных существ, — сказала холодно Бромета.

— Я не вижу ничего замечательного в серии грубых ошибок, приведших этих блох на грань катастрофы. Даже легкое шевеление мозгами помогло бы им исправить сложившуюся ситуацию.

— Да, Япад, меня это потрясло, и я думаю, что у меня есть объяснение. Эти крошечные существа живут в трехмерном пространстве.

— Воздержись от своих аллегорических аналогий.

— Я вполне объективна, Япад! Эти существа — разумные существа, ограниченные трехмерным пространством. Таким

образом, очевидные соотношения навеки находятся за пределами их восприятия.

Валлант и Джимпер стояли рядом, наблюдая за огромными лицами, которые изменялись и корчились, похожие на клубы дыма, во время их разговора.

— Напомни об их обещании, Валлант, — прочирикал Джимпер.

Валлант прочистил горло.

— А теперь относительно наших затруднений. Вы понимаете...

— Ты имеешь в виду, — сказал Япад, игнорируя его, — что они передвигаются, связанные трехмерным пространством, подобно многим тридографам?

— Совершенно верно! В то время как мы двигаемся вокруг, представляя различные трехмерные формы их взглядам, их шокируют наши очертания. Конечно, концепция наблюдения наших настоящих форм в гиперокругленном виде находится за пределами их возможностей.

— Ты совсем не права. Ты уже признала, что они проложили туннель в холл, а это определенно требует манипуляции, по крайней мере, в четырех измерениях.

— Гмммм.

Последовала новая пауза.

— Ага, я понимаю. Туннель был проложен через их пространство другой, более развитой расой. Взгляни на себя, Япад.

Снова затем последовала пауза.

— Ну да, я понимаю, что ты имеешь в виду. Случайность... Ты заметила направление туннеля?

— Нет, не заметила, но теперь, после твоего замечания, я начинаю понимать, почему у этих несчастных существ такое время...

— Прошу вас, братья по разуму, — заговорил Валлант. — Мой друг и я надеемся, что вы поможете нам выбраться отсюда. Понимаете, для нас очень важно вернуться...

— Это, конечно, без всякого сомнения, мы сделаем, — прервал его Япад. — Мы выметем этих блох и заделаем дыру, а затем перейдем к другим делам.

— Не так быстро, дорогой мой Япад. Для закрытия туннеля требуется совершенно фантастическое количество энергии. Конечно, мы понимаем, что для этого нужно установить бесконечное количество связей.

— Все это очень интересно, как мне кажется, — вмешался в их разговор Валлант, — но, к сожалению, это за пределами нашего понимания. Можете ли вы вернуть нас обратно по тому же самому каналу?

— Это не принесет вам ничего хорошего, вы закончите свою жизнь в нуль-пространстве.

— Но он приведет нас к Башне Портала?

— Вам определенно следует понять, что поскольку вы пересекаете ряд трехмерных псевдоконтинуумов через... Дорогой мой, я боюсь, что вы не в состоянии понять геометрию, исходя из вашей несчастной трехмерной точки зрения, но...

— Послушай, Бромета, ты их только путаешь. Помести себя мысленно в систему их отсчета пространства-времени, как ты сама предлагала мне мгновение тому назад. Теперь...

— Но Портал открыт со стороны Башни, и канал приведет нас именно туда, — настаивал Валлант.

— Так. Образец трехмерного мышления. Нет. Туннель был изобретен, как средство мгновенного перемещения между пунктами, чрезвычайно удаленными с точки зрения трехмерных существ. Естественно, энергия смещения при такой транспозиции требует высвобождения. Таким образом, был установлен энтропийный вектор относительно геометрического места, находящегося в темпоральном соотношении с точкой начала отсчета, пропорционально величине «С».

— Послушайте, — сказал Валлант, — мы ничего не поняли. Он был доведен до отчаяния.

— Можем ли мы задать вам несколько вопросов, на которые вы смогли бы ответить в трехмерной терминологии?

— Очень хорошо. Что может быть проще!

— Где мы?

— В холле Т'тана, в Галактике Андромеды. И не говорите, что вы не понимаете. Я пользуюсь концепциями из вашего собственного словарного запаса.

Валлант сглотнул комок, застрявший в горле.

— Андромеда?

— Совершенно верно.

— Но мы были в Галлиэйле!

— Использование прошедшего времени едва ли правильно, поскольку Портал, которым вы воспользовались, не будет сконструирован еще в течение трех миллионов лет в вашем отсчете времени. Понятно?

— Я не уверен, что мой отсчет времени соответствует такой работе, — слабым голосом произнес Валлант. — Каким образом нас угораздило попасть в прошлое?

— Скорость света является практически предельной величиной. Любое перемещение, превышающее эту скорость, должно быть скомпенсировано. Компенсация осуществляется смещением массы через четырехмерное пространство в прошлое на расстояние, которое требуется свету для прохождения этого

расстояния. Таким образом, «мгновенное» преодоление расстояния, равного десяти световым годам, переносит путешественника в его субъективное прошлое относительно точки отсчета в трехмерной терминологии на десять лет от начала старта.

— Боже мой! — Валлант вздохнул. — Туманность Андромеды на расстоянии свыше миллиона световых лет от Земли. Получается, что когда я шагнул через Портал, я шагнул на миллионы лет в прошлое?

— На полтора миллиона, чтобы быть точным.

— Но когда Иллимпи пришли в Галлиэйл через Портал, они тоже попали в прошлое? Или они в него не попали?

— О, я понимаю, существует дополнительная проекция туннеля, приводящая... Бромета, как любопытно! Туннель фактически начинается здесь, на стороне холла! Подождите секундочку, я посмотрю его...

— Валлант, — пропищал Джимпер, — что все это значит?

— Я не уверен, но кажется, Иллимпи отправились отсюда, из Туманности Андромеды, и продолжили свой путь через всю Вселенную к нашей Галактике. Затем они вошли в нее и колонизировали Галлиэйл. Это было полтора миллиона лет тому назад. Когда я переступил через Портал, это отбросило нас на полтора миллиона лет в прошлое — три миллиона от Сессаса.

— И, конечно, — сказала Бромета, — Ворота между Галлиэйлом и Олантеа будут подобной же линией, если они будут построены. Ее протяженность будет всего лишь двадцать световых лет.

— Ага! — воскликнул Валлант. — Теперь понятно, почему никто еще не вернулся из Пещеры, Откуда Нет Возврата, Джимпер. Они переместились на двадцать лет в прошлое, когда пришли, и еще двадцать лет прошло, когда они вернулись обратно!

— Значит, я вернулся в Галлиэйл за сорок лет до своего отлета на Землю, — пропищал Джимпер. — Современный король Твипл был тогда еще слишком юн, чтобы я был известен ему.

— Но ниссы, которые, используя Ворота, просочились в Галлиэйл и обратно, когда были уничтожены Гиганты...

— Двадцать тысяч лет тому назад, — заметил Япад.

— Как вы это узнали? — удивился Валлант.

— Как? Я просто изучил данные.

— Вспомните, — вмешалась Бромета, — ваше трехмерное пространство накладывает неестественные ограничения на вашу способность восприятия реальности. Трехмерное «время» — чисто иллюзорное понятие.

— Пожалуйста, не устраивайте теоретической дискуссии, Бромета! Я сам отвечаю на вопросы этих блох!

— Итак, двадцать тысяч лет тому назад ниссы вторглись из Олантеа в Галлиэйл и в ходе этого процесса проникли еще на двадцать лет в свое прошлое. Они не могли вернуться обратно, поскольку оказались на Олантеа еще на двадцать лет раньше.

— Где они были окружены своими врагами и разгромлены, — продолжал Япад. — Однако в Галлиэйле они на некоторое время добились определенных успехов. Когда они пришли, они выжигали путь перед собой разрушительными лучами. Потом они распространили Эпидемию, от которой уцелел только народ сприлов.

— А затем народ сприлов вымел ниссов, сокрушив их и выбросив за пределы своей страны, — прервал его Валлант. — Но жители Галлиэйла предупредили жителей Олантеа. Вторжение произошло с Олантеа — двадцать лет в будущем, и они установили связь с Олантеа — двадцать лет в прошлом.

— У них не было возможности, в руках у ниссов были ворота. По Олантеа ниссы со слепой яростью ударили из космоса. Сначала они высадились на спутнике Олантеа, на нем они установили ракетный двигатель, мощность которого была достаточной, чтобы столкнуть миры. Чтобы спасти свою родину, жители Олантеа предприняли отчаянную контратаку. Они создали купол, под которым установили двигатель, а затем быстро, чтобы их не опередили, направили всю мощь двигателя вглубь пород. Так погиб спутник Олантеа.

— А что стало с ниссами?

— Это было страшное поражение. Но не финал. Сильнейшая детонация при взрыве спутника Олантеа нарушила равновесие планетной системы. Жесткие штормы опустошили поверхность Олантеа и, когда они наконец прекратились, выяснилось, что Олантеа сошла со своей орбиты и удаляется от солнца. Становилось все холоднее. Моря замерзли. Пришла зима, которую никогда уже не сменит весна.

— А ниссы, те, что остались в живых?

— Они ударили снова в последней отчаянной попытке уничтожить своих врагов. Они атаковали Олантеа, захватили Ворота, ведущие в Галлиэйл, и полились через них, спасаясь от холода, который окутал Олантеа ледяной мантией. Ее судьбу вы знаете.

— Но все-таки что случилось с Олантеа потом?

— Она наконец вышла на новую орбиту вдалеке от своего Солнца. Теперь вы называете ее Плутонотом.

— От луны Олантеа остались только астероиды, — с благоговением произнес Валлант. — Но Сессас сказал, что человеческие существа связаны с Иллимпи.

— Немногие Иллимпи, которые спаслись с гибнущей Олантеа, колонизировали планету Земля. Там они жили в мире с

окружавшей их природой в течение двух сотен веков до тех пор, пока вспышки ядерных взрывов не привлекли внимания ниссов, живущих на Марсе.

— И теперь они оккупируют нас, — сказал Валлант. — Они повсюду снуют, чтобы найти ключ к Порталу.

— Ба! Эти злые гниды будут для нас, как чума! — взорвалась Бромета. — Мы ни в коем случае не должны допустить их сюда. Мы должны помочь этим мирным блохам, Япад...

— Верно, — согласился Япад. — Признаюсь, я увлекся, как наблюдатель, рассматривая бешеные атаки ниссов и гибель мира с трехмерной точки зрения. Теперь я вижу, что у этих крох есть чувства, как и у нас, и разрушение и гибель красоты — преступление в любом измерении, в любом континууме!

— Я полагаю, что тот старик...

Внезапно Валлант остановился.

— Он вернулся из Галлиэйла! Это значит, что он был там после того, как я его встретил, а затем вернулся обратно через двадцать лет...

— Сорок лет. Двадцать лет, когда он вошел в Галлиэйл, и свыше двадцати обратный путь.

— И он знал! Вот почему он ждал, Джимпер! Вы говорили, что он сказал королю о том, что не может уйти, пока не настанет время. Он послал стражу для наблюдения за Долиной Голубого Льда и стал ждать.

Когда патрульный корабль совершил посадку вблизи входа, он получил шанс, которого так долго ждал!

— И зная, что он может попасть в свое прошлое, он взял с собой меня, чтобы доказать, что он действительно посетил прекрасную страну Галлиэйл.

— Но кто рассказал ему о Воротах? Он...

— Валлант! — снова запищал Джимпер. — Он пришел к нам, говорил о старых добрых днях дружбы и показывал нам снимки!

— Тогда это значит, что он был тем самым Джесоном, которого я когда-то знал!

Валлант покачал головой.

— Но это значит... Я имею в виду, что я увижу его снова, но каким образом я попаду в будущее через три миллиона лет?

Япад согласился:

— Да, в некотором роде, это проблема.

— Угу. Я знаю, это потребует решения множества вопросов, — сказал Валлант, — но если бы вы могли перенести нас в будущее через время...

— Нет, мы можем сканировать это, как вы визуально сканируете пространство, когда смотрите в ваше ночное небо. Но

что касается путешествия в окружающем пространстве или передачи трехмерных живых существ...

— Подождите, у меня появилась мысль, — вмешалась Бромета.

— Вы говорили о трехмерном пространстве. Почему бы и нет? Далее разговор пошел на языке технических терминов.

16

— Валлант, — пропищал Джимпер, — увижу ли я снова башни прекрасного Галлиэйла?

— Мы узнаем это через минуту. Кажется, они обсуждают пути и средства.

— Сместить их было бы проще, — нетерпеливо сказал Япад.

— Эти Иллимпи, — сказала Бромета. — Мне пришло в голову, что это наши отдаленные потомки, Япад! Мы не должны допустить, чтобы блохи-ниссы нанесли им вред!

— Невозможно!

— Но соотношение совершенно очевидно, и если вы исследуете этот вопрос...

— Чепуха! Зачем, скажите мне, это делать? Потом вы скажете, что эти блохи — наши родственники.

— Гмм. Они оказались родственниками Иллимпи.

— Чепуха! Они — вырождающиеся родственники Иллимпи, которые бежали на Землю с замерзающей Олантеа!

— Действительно, но потом они пересекли пространство при помощи механического фотонного привода и колонизировали Туманность Андромеды. Позже они снова колонизировали Млечный Путь, проникнув туда через Портал.

— Это вполне понятно, — сказал Япад. — Я уже говорил вам, что Иллимпи не были нашими потомками. Эти маленькие существа являются нашими отдаленными предками.

— Предками?

— Конечно. Они установили Портал здесь два года тому назад, — невозмутимо продолжал Япад, — и использовали его для ретрансляции себя в Млечный Путь, углубившись в прошлое на расстояние дополнительных полутора миллионов лет. Отсюда они опять продолжают путь в Туманность Андромеды за три миллиона лет до настоящего времени, и так далее, чтобы изучить свое прошлое.

Валлант воззвал к ним:

— Стоп! Вы довели меня до головной боли.

Но ведь ни Джесон, ни я ничего не говорили о Воротах! И каким образом я могу покатиться, как шарик от подшипника, если я нахожусь здесь в стесненном положении?

Бромета сказала:

— Совершенно очевидно, что мы не можем допустить, чтобы это случилось. Надо что-то сделать, принимая во внимание вероятность напряжения времени. Вопрос в том, что надо сделать и как...

Япад прервал ее:

— Погодите минутку, Бромета. Поместите себя в трехмерную Вселенную хотя бы на мгновение. Если бы перемещение было осуществлено строго в пределах параметров их любопытной геометрии, факторы Альфа и Гамма достаточно полно погашаются...

— Это верно, это могло бы случиться со мной, Япад!

— Вы все продумали? — озабоченно спросил Валлант.

— Блохи, если мы поместим вас обратно в ваши пространственно-временные координаты, клянцетесь ли вы посвятить все свои усилия для очистки нашей Галактики от ниссов?

— Мы приготовим для вас простой пестицид. Его действие безукоризненно. Направьте его на ниссов, и они сгорят, но при этом не будет причинено вреда другим формам концентрации энергии. Я думаю, радиус в один год для ручной модели должен сделать...

Япад вмешался:

— Я подготовлю трехмерную капсулу. Достаточно примечательно, что эти блохи будут изолированы простой линией, проведенной вокруг них.

Его голос смолк.

— Что вы собираетесь делать? — нервно спросил Валлант. — Я надеюсь, вы не забыли, что мы живем недолго и не выдержим длительный, растянутый во времени процесс.

Валлант и Джимпер с нетерпением ожидали ответа, понимая, что сейчас решается вопрос их жизни и смерти.

Наконец Япад дал им ответ:

— Мы дадим вам... корабль, так его можно назвать. Его скорость вплотную приблизится к скорости электромагнитного излучения, и он будет следовать по маршруту в три миллиона световых лет, чтобы достичь вашей Галактики. Естественно, время, проведенное на борту корабля, будет пренебрежимо мало. Длительность перелета будет регулироваться с высокой точностью, чтобы вы смогли достичь Земли в то же самое время, когда вы покинули ее. Мы выбрали момент для замыкания судна в определенном коконе магнитного поля, чтобы ниссы или еще кто-нибудь не помешали вашему возвращению.

Раздался свист рассекаемого воздуха, воздушный вихрь отбросил Валланта и Джимпера в сторону.

Сверху опустился необычный корабль длиной в сотню футов и совершил посадку на расстоянии в несколько сотен ярдов.

— Я установил дубликатор для производства оружия против ниссов, — сказал Япад. — Нужно было только найти подходящее место, загрузить топливо и запустить их подальше.

Бромета добавила:

— С другой стороны, поскольку Иллимпи будут нашими потомками, мы всеми силами должны постараться помочь им. Если мы уведем Олантеа с ее холодом с орбиты и вернем ее на прежнюю, чтобы она стала пятой планетой от Солнца, она снова расцветет. В ее недрах в замороженном состоянии находятся пятьдесят миллионов Иллимпи, которые ждут своего пробуждения. Мы поможем земным блохам уничтожить всех зловонных ниссов.

— Я надеюсь, это будет радостное воссоединение, и в Галлиэйле появятся новые колонисты, как только чудовища вроде Хэйка перестанут мешать этим блохам.

— А как быть с Джимпером? — пропищал малыш-сприл. — Я так долго был вдали от холмов прекрасной страны Галлиэйл.

— Не печалься, Джимпер. Я отпущу тебя, и ты вернешься домой, еще на двадцать лет углубившись в прошлое, но это вряд ли даст тебе многое.

Джимпер не замедлил с ответом:

— Я помню одну фантастическую историю, рассказанную мне много лет назад отцом моего деда, когда он хорошенько накачался крепким элем. Он рассказывал о посещении Башни, далеком путешествии и окончательном возвращении в Галлиэйл.

— У старика на все случаи жизни была припасена свеженькая история, — сказал Валлант.

— Вы не можете охватить весь смысл событий, — вздохнул Джимпер. — В честь его, этого прадедушки, я и получил имя, Валлант...

* * *

На борту корабля Валлант спал целую неделю. Когда он проснулся, Плутон в виде серебряно-черного шара висел в иллюминаторе. Валлант подвел корабль к Горам Голубого Льда, подлетел ко входу в пещеру, посмотрел, как Джимпер выбрался из корабля и исчез в пещере.

Девять дней спустя корабль скользнул в атмосферу Земли, сильно испугав экипаж патрульного корабля ниссов, который потерял управление и нырнул в Атлантический океан.

Валлант приземлился в лесистой местности к северу от Граньяна. Ночью он покинул корабль и совершил рейд в город. В университетском городке он нашел общую спальню, в которой ночевал Джесон Эйбл. Следуя за порядковыми номерами, он нашел нужную комнату и постучал в дверь.

Ему открыл высокий рыжий мужчина с квадратной челюстью.

— О, это ты, Аме, — сказал он. — Возвратился из поездки?

— Уверяю тебя, у меня есть что рассказать тебе, Джес. Налей мне пива, и я расскажу тебе все.

РАЗУМ ВНЕ ВРЕМЕНИ

Плотно спеленутый в противоперегрузочном кресле командир внесистемного исследовательского модуля полковник Джек Вандергер не мог успокоиться. Полученное известие обрушилось на него, как раскаленная добела металлическая болванка. Проклятые пилюли от сердца, наверное, уже потеряли свою силу. Прошло меньше шести часов, с тех пор как он принял допинг перед выполнением миссии.

Рядом с ним капитан Лестер Тим поднял красиво изогнутую бровь.

— Удобно ли вам, полковник?

— У меня все в порядке.

Вандергер почувствовал нервозность в своем голосе. Чтобы скрыть ее, он кивнул на десятидюймовый экран, на котором сияло энтузиазмом лицо полковника Джейка из Управления Лунной миссии.

— Мне хочется, чтобы этот сукин кот прекратил свою трепотню. Он меня нервирует.

— Пусть Соупи занимается своей канцелярией, Джек, — проговорил Тим. — Через минуту мы получим сообщение, переданное персоналом «Унза», а потом найдется время для короткого упоминания о Стелле и Джо — преданных маленьких женщинах.

— ... модуль, движущийся с помощью сил магнитного скручивания, с людьми на борту, в настоящее время находится в изначальной позиции и готов для первого испытания в глубоком космосе.

Садстон говорил сердечно.

— Теперь пусть скажут слово Ван и Лес со своего МС-модуля из-за пределов Солнечной системы за четыре минуты и пятьдесят три секунды до прыжка.

Он улыбнулся с экрана, его глаза, смотревшие на что-то вне экрана, не встретились с глазами Вандергера.

Вандергер большим пальцем нажал на кнопку передатчика.

— Рой, Управление Миссии, — начал он. — Лес и я собираемся в поход. Наша ракета — великолепный маленький модуль, Джейк. В телескоп мы видим Землю, которая похожа на полумесяц. Что же касается Луны, то с борта нашего модуля она выглядит очень незначительно, Джейк, ненамного ярче, чем добрый старый Сириус.

— Пока мы ждем, Ван и Лес посылают нам свои слова со скоростью света.

Голос Садстона заполнил модуль.

— Даже на этой фантастической скорости, дающей возможность обогнуть планету десять раз в секунду, ему потребуется целых двадцать восемь секунд для того, чтобы достигнуть нас.

— Рой, Управление Миссии.

Вандергер слышал, как его собственная передача была ретранслирована телезрителям Земли.

— Проклятие механического засилия, — сказал он. — Мы еще целых два часа будем щелкать тумблерами.

— Но тогда Соупи не смог бы создать театрализованное представление, самое грандиозное за последнее время, — напомнил ему Тим сардоническим тоном.

— Зрелище! — Вандергер фыркнул. — Частичная проверка возможностей в процентном выражении. Мы сидим на силовой установке, которая выдаст в секунду больше энергии, чем использовало человечество за весь период своего существования. И что мы с ней сделали? Запустили в космическое пространство еще одного бэби.

— Полегче, Джейк. Вы же не хотите рисковать человеческими жизнями, проводя преждевременные эксперименты, не так ли?

— Вы когда-нибудь слышали о малом по имени Колумб? — прорывал Вандергер. — Или о мальчиках Райт, или о Линдберге?

— А вы когда-нибудь слышали о малом по имени Кокинг? — парировал Тим. — Еще в 1800 году он из сплетенной корзинки изготовил парашют и прыгнул на землю. Парашют не сработал. Я помню строчку из старой газеты: «Мистер Кокинг был найден на поле около Ли. Его тело буквально развалилось на куски».

— Я снимаю шляпу перед мистером Кокингом, — сказал Вандергер.

— За последние шестьдесят девять лет, со времени открытия Лунной Станции-91, не было роковых случайностей, непосредственно связанных с выполнением программы, — сказал Тим. — Вы хотите быть первым, кто откажется от новых средств передвижения?

Вандергер издал смешок, напоминающий фырканье.

— Я был первым человеком на Каллисто, Тим. Вы знаете это? Все записи точны, как статистика игр в бейсбол. Это было восемнадцать лет тому назад.

Он положил руку на грибообразную ручку управления кораблем.

— Что будет, если ракета взорвется? — спросил он как бы у самого себя. — Никто не останется в живых.

— ... пятьдесят три секунды, и начинайте отсчет.

Голос Садстона ворвался в тишину кабины, наступившую после замечания Вандергера.

— Контрольно-измерительная аппаратура говорит «да», теперь это приближается, величина ускорения меняется непрерывно, миссия продолжается, все системы работают безукоризненно — дань экспертизе персонала «Унза», при минус сорока восьми секундах и отсчете...

Тим повернул голову, чтобы посмотреть на Вандергера.

— Не обращай на меня внимания, паренек, — сказал старый пилот. — Мы сделаем наш маленький лягушачий прыжок, подождем десять минут, чтобы записать данные на ленты, и прыгнем обратно домой за заработком, как и все остальные работяги.

— ... пятнадцать секунд и ведите отсчет, — слышался речитатив Садстона. — Четырнадцать секунд, тринадцать...

Пальцы двух космонавтов двигались уверенно, в заученной последовательности: рычаг «ГОТОВНОСТЬ» отжат книзу и зафиксирован, рычаг «СТАРТ» отжат книзу и зафиксирован.

— четыре, три, два, один...

Прыжок.

Пилоты одновременно нажали на большие парные, окрашенные в белый цвет переключатели. Затем слышался быстро усиливающийся гул, начавшийся с тихого журчания, затем пилотов охватило ощущение все возрастающего давления...

2

Тим избавился от головокружения, охватившего его, словно змея, до самого темечка, когда электромагнитный двигатель заработал и забросил маленький кораблик в Дальний Космос.

Он вцепился в подлокотники кресла, борясь с тошнотой, похожей на морскую болезнь, и тревогой, которая всегда сопутствовала моменту выстрела в пространство.

— Все в порядке, — свирепо сказал он себе. — Не может случиться ничего плохого. Через три часа мы снова выйдем на орбиту «Унза-9», и с полдюжины медиков будут прослушивать

нас, прислушиваться к прохождению воздуха в наших бронхах. Надо расслабиться...

Он заставил себя откинуться на спинку кресла и закрыл глаза, смакуя знакомые ощущения и прислушиваясь к чувству безопасности под оболочкой скафандра из вспененного титана.

Теперь все было о'кей. В любой мыслимой аварийной ситуации он знал, что делать. Требовалось только следовать программе маршрута. Ничего не могло быть проще. Он постиг этот секрет много лет назад, когда впервые понял, что военная жизнь — это именно то, что ему нужно. Этот секрет обеспечил ему репутацию хладнокровного человека, не теряющегося перед лицом опасности. Его храбрость была просто знанием того, что ему нужно делать в данный момент.

Он открыл глаза, бегло просмотрел показания приборов, быстро схватывая их натренированным глазом, потом повернулся к Вандергеру. Старший офицер был бледен, словно больной.

— Сорок два миллиона миль с точностью до миллиона, — сказал Тим. — Растянутое время, точка и 0,0,0 секунд.

— Мама мия! — Вандергер вздохнул. — Мы находимся под напряжением, мальчик.

Раздалось потрескивание и шепот динамика командной связи.

— ... сейчас модуль находится в первичной позиции в режиме ускорения.

На экране появилось искаженное помехами лицо Садстона. Его губы шевелились.

— ... готовность к испытательному полету первого корабля с экипажем, с двигателем, работающим на принципе скручивания магнитного поля.

— Мы пропустили передачу Соупи, — сказал Тим.

— Ради бога, Тим, — сказал Вандергер. — Я хотел бы знать, на что способна эта машина. Что она может на самом деле?

Тим почувствовал биение собственного сердца — «тумп-умп, тумп-умп», ощущая приближение чего-то неизвестного. Он взглянул на Вандергера.

Вандергер поймал его взгляд и ответил ему своим, пронзительным и пронизательным. Что мог означать этот оценивающий взгляд? Восхищался ли он Тимом, его знаменитой репутацией мужественного человека?

— Что вы говорите, прежде чем установить рекорд? — голос Вандергера был спокойным и небрежным. — Вы чувствуете, что это ваше призвание, Лес?

— Вы говорите об отклонении от запрограммированной миссии?

Тим старался говорить спокойно.

— Мы вынуждены будем отключиться от автоматически запрограммированной последовательности выполнения миссии, — сказал Вандергер. — Пройдет четыре минуты, прежде чем Соупи узнает об этом. Они не смогут остановить нас.

— Рой, Лунное Управление.

Голос Вандергера ретранслировался через Луну.

— Лес и я собираемся... Управление заблокировано. Мы решили сделать это вместе.

Его глаза на мгновение встретились с глазами Тима, на миг задержались, потом ушли в сторону.

— Забудем это, — сказал он быстро. — Вы молоды, у вас впереди карьера, семья. Это была безумная идея.

— Вы меня не запугаете, — резко прервал его Тим. — Я участвую в игре.

«Скажи — нет, — молил голос внутри него, — и разреши мне выйти из игры».

Вандергер облизал губы кончиком языка.

— Хорошо, паренек. Я не думал, что ты решишься на это.

3

— Я навел систему автоматического слежения на Андромеду, — сказал Вандергер.

Боль все еще оставалась, но как бы ушла вглубь, и прыжок не заглушил ее, но все же она немного отпустила. Она обязана была отпустить.

— Сколько мощности потребляется? — спросил Тим.

— Забирается все, — ответил Вандергер. — Мы открыли ей дорожку. Посмотрим, что она сделает.

Тим заработал ключом, вводя в вычислитель кодированную информацию.

— ... станция «Унза-9» подтверждает смену позиции модуля «Дабл-Х» на орбите Марса.

Возбужденный голос полковника Садстона внезапно громко и мерно зазвучал в рубке управления, как только луч большого передатчика сконцентрировался на новом местоположении экспериментального корабля.

— Ван, мы хотим вас услышать.

— Вы еще нас услышите, — пообещал Вандергер. — Вы о нас еще много услышите!

— Задание введено, — официальным голосом доложил Тим. — Для прыжка все готово, сэр!

— Ван и Лес, будьте в полной готовности к выполнению запланированных экспериментов на борту МС-корабля.

Голос человека на экране задрожал.

— В настоящее время два одиноких человека находятся на расстоянии свыше сорока миллионов миль от дома...

— Последний шанс, чтобы изменить ваше решение, — сказал Вандергер.

— Вы можете вернуться, если хотите, — непонимаемым тоном ответил Тим.

— Прыжок! — произнес Вандергер.

Две пары рук начали манипулировать переключателями в заданной последовательности.

Послышался жалобный вой, который все рос, и наконец стал походить на вибрирующий звук натянутой струны. Возникло ощущение давления, которое все росло и росло. Потом словно стальная дверь обрушилась на Вандергера, и он потерял сознание.

4

Тим понял, что теперь было намного хуже. Кресло под ним поднималось и поднималось, откидываясь при этом назад. Казалось, этому не будет конца. Тошнота, как при морской болезни, вновь зашевелилась под ложечкой, подкатывая к горлу и оставляя на лбу испарину. Ему казалось, что его кости вибрируют в такт работе двигателя магнитного скручивания корабля, пробивающего пространство.

Затем внезапно наступила тишина. Тим глубоко вздохнул и открыл глаза. Экран связи был пуст, на нем светились лишь всполохи случайных помех. Показания приборов на пульте... Тим взглянул в них и остолбенел. Шкала «МР» показывала нуль, стрелка навигационного индикатора бессмысленно вертелась по всей шкале, счетчик ускорения показывал отрицательные значения. Все показания приборов не имели никакого смысла.

Прыжок вывел из строя все приборы управления модулем. Тим взглянул на куполообразный обтекатель прямого обзора. За его прозрачной стенкой была пустота.

Руки Тима задвигались, их инстинктивные движения возвращали переключатели ручного управления в позиции подготовки к обратному прыжку через пространство.

Поймав себя на этом, он повернулся к Вандергеру.

— Что-то случилось. Наши приборы совсем не рабо...

Он прервал фразу. Вандергер вяло и расслабленно, с полуоткрытым ртом лежал на своем месте. Лицо его было, словно восковое.

— Вандергер!

Тим обнажил его запястье и нащупал кровеносный сосуд. Пульса не было. Капли пота скатывались в уголки глаз Тима.

— Блокировано управление, — бормотал он. — Джек, вам надо проснуться. Я не могу сделать все один. Вы меня слышите, Джейк? Просыпайтесь!

Он грубо потряс безжизненную руку.

Никакого результата. Голова Вандергера скатилась набок. Тим нагнулся, чтобы взглянуть на показания индикаторов, смонтированных и укрепленных на теле человека, находящегося в бессознательном состоянии. Биение его сердца было слабым и неритмичным, дыхание — поверхностным, неглубоким. Он был жив, но не более того.

Тим откинулся в кресле. Он заставлял себя дышать глубоко, снова и снова делая над собой усилие. Медленно, мало-помалу охватившее его чувство паники проходило.

О'кей, они очутились в дурацком положении, и было ясно, что кто-то сыграл с ними злую шутку. Неудачный жребий и чья-то вина — все вместе. Но это не значит, что все пропало, и если он возьмет себя в руки и будет следовать правилам, то... там будет видно.

Во-первых, он должен сделать что-то относительно Вандергера. Он разомкнул зажимы и вынул из ниши в стене корабля переносный лечебно-диагностический аппарат.

Вспоминая инструкцию, он очень осторожно и деликатно коснулся выводами прибора специальных контактов на скафандре Вандергера.

Четырнадцатью минутами спустя Вандергер пошевелился и открыл глаза.

— Вы вырубались, — быстро сказал Тим.

Затем он проверил показания индикаторов.

— Как вы себя чувствуете? — участливо спросил он.

— Я ... все в порядке. Что...

— Мы совершили прыжок, но что-то не в порядке. Экраны не работают. Связи нет.

— Как далеко?

— Я говорю вам, не знаю!

Тим почувствовал, что его вот-вот охватит истерика, и стиснул зубы.

— Я не знаю, — повторил он более спокойно. — Теперь мы прыгаем обратно. Все что у нас есть — это проложенная трасса полета, по которой мы можем снова выйти в исходную точку.

Он понял, что говорит только лишь для того, чтобы подбодрить самого себя, и резко оборвал разговор.

— Прежде всего нужно определить наше местонахождение, — произнес Вандергер. Он тяжело дышал и задыхался. — Остальное — потом.

— К черту все это! — раздраженно сказал Тим. Затем он добавил:

— Вы больны. Вам необходима медицинская помощь.

Вандергер с трудом попытался поднять голову, чтобы взглянуть на приборы на пульте.

— Приборы сошли с ума, — сказал Тим. — нам надо...

— Вы проверили цепи?

— Еще нет. Я занимался вами.

Тим почувствовал, что говорит оправдывающимся тоном.

— Проверьте их.

Плотно сжав губы, Тим провел сравнительный анализ. Он отрапортовал:

— Все системы в режиме ускорения.

— Отлично, — сказал Вандергер. Его голос был слабым, но спокойным. — Схемы под напряжением, но экраны ничего не показывают. Должно быть, что-то закрывает их. Давайте посмотримся вокруг с помощью обычной оптики.

Рука Тима дрожала, когда он регулировал оптику. Он мысленно перекрестился и, наконец, отрегулировал прибор. Все поле зрения занимала светящаяся слабым палевым светом прямоугольная сетка, расположенная под углом — один из радиационных излучателей модуля. Линзы прибора были в исправности. Тогда почему все же за бортом полная чернота? Он сместил оптику, чтобы видеть пространство за сеткой. В поле зрения попал ослепительно яркий объект — продолговатый, туманный, похожий на туманность в звездном небе.

— Там что-то есть. Я что-то засек, — сказал он.

Затем он исследовал овальное светящееся пятно. Оно было дюймов тридцать шириной и находилось, по его оценке, на расстоянии сотни футов.

— Взгляните, что происходит за правым бортом, — сказал ему Вандергер.

Тим сдвинул перископ и поймал в поле зрения другой объект, размеры которого равнялись приблизительно половине первого объекта. Чтобы уменьшить яркость, Тим включил фильтры, предварительно обнаружив еще два более слабых объекта с одной стороны. После включения фильтра погасло яркое гало, окружавшее большой объект.

Теперь Тим смог рассмотреть детали.

Объект представлял собой световой вихрь в виде двух спиральных завихрений, исходивших из центрального ядра.

Тима бросило в дрожь, когда он понял, что находится перед ним.

Вандергер всматривался в световые пятна, на мгновение забыв о колющей боли в груди.

— Туманность Андромеды, а также Большое и Малое Магеллановы облака, а еще одно пятно побольше — Млечный Путь, наша Галактика.

— Вот дьявол! — прозвучал над ним рассерженный голос Тима: — Даже если мы находимся на полпути к Туманности Андромеды — на расстоянии миллиона световых лет — это дает нам только секунду дуги или что-то в этом роде. Объект выглядит так, что до него можно дотянуться рукой.

— Включите камеры, Лес, — прошептал Вандергер. — Надо все это немедленно заснять...

— Давайте уходить отсюда, Вандергер!

Голос Тима дрожал от ярости.

— Я никогда не предполагал...

— Никто этого не предполагал, — Вандергер говорил спокойно и непоколебимо. — Именно поэтому мы должны записать на ленту все, что произошло, Лес.

— Мы сделали достаточно! Надо возвращаться обратно! Теперь же!

Вандергер взглянул на Тима. Глаза на бледном лице молодого человека дико сверкали. Он был вне себя. Но нельзя винить его за это. Преодолеть миллион световых лет за один прыжок и превысить скорость света, подобно тому как много лет назад самолеты преодолели звуковой барьер и стали летать быстрее звука...

— Теперь же, — повторил Тим. — Прежде...

— Прежде, чем вы будете путешествовать с трупом. Вы правы. Ладно. Подготовьте все.

Он расслабился, улегшись в кресле.

Его грудь тяжело вздымалась и опадала, как бы в агонии, сотрясаемая внутренними взрывами. Шли секунды.

Двойное управление кораблем требовало одновременного участия двух человек. Только тогда модуль мог совершить обратный прыжок. Времени для ожидания не было.

— Программа введена, — огрызнулся Тим. — Все готово для прыжка.

Преодолевая боль в груди, Вандергер положил руки на рукоятки управления.

— Прыжок! — задыхаясь, сказал он и утопил рычаги в гнезда. Новая боль охватила его с чудовищной силой.

Тим потряс головой, освобождаясь от тумана, стоявшего перед его глазами, и посмотрел на шкалы приборов.

Ничего не изменилось. Приборы ничего не показывали. Экран был темен.

— Вандергер, эта механика не работает!

Произнеся это, Тим почувствовал нечто вроде веревки, сжимающей его горло, когда он бросил взгляд на безжизненную фигуру, лежащую в соседнем кресле.

— Джейк! — закричал он. — Вы не можете умереть! Только не сейчас!

Как бы со стороны, он услышал рыдания собственного голоса, но не мог остановиться.

* * *

Сознание Вандергера медленно прояснялось, словно всплывающая из бурного моря боли. Он некоторое время лежал, боясь дышать.

Его мозг не думал ни о чем, кроме ежесекундной борьбы за жизнь.

После долгой борьбы агония отступила.

Согромным усилием он повернул голову. Кресло Тима было пустым.

* * *

«Что все это может значить? — спрашивал себя Вандергер в двенадцатый раз. — Что же случилось? Они прыгнули, а потом...»

Куда, к черту, пропал Тим? Он не мог оставить модуль, потому что модуль был герметизирован. Ничто не могло покинуть его и исчезнуть без помощи технического персонала «Унза-9».

Тем не менее Тим исчез, а Туманность Андромеды была близка, и размеры ее были величиной с таз для стирки белья. Все это казалось невозможным, как и прыжок в космическом пространстве. Было ли это мечтой или плодом его воображения? Нет!

Вандергер отбросил эту мысль. Здесь что-то случилось, хотя и не понятно, что именно. «Но я каким-нибудь способом смогу

получить хоть немного данных. Мой мозг в порядке, во всяком случае, достаточно чист, хорошо работает, чтобы оценить ситуацию, сделать некоторые дедуктивные выводы и решить, как надо действовать».

Как бы пришедшая извне, в мозгу Вандергера зазвучала фраза:

— Космическая пустота — свойство мировой материи.

Если нет материи, то, следовательно, нет и космического пространства.

— Конечно, — прошептал Вандергер. — Если отойти от стандартного мышления, то можно представить себе отсутствие теоретических пределов для МС-корабля. Мы открыли этот способ, и кривая вышла из графика. При этом нас прямо-таки выбросило из Галактики в тот район космического пространства, в котором плотность вещества равняется одному иону на один кубический сантиметр. Мы дошли до конца космического пространства, мертвого конца. Нуль — частный случай бесконечности. И насколько далеко мы улетим, если будем странствовать вечно...

Его взгляд снова упал на пустое кресло Тима.

Ну, чем дальше, тем лучше. Но что с Тимом? Как объясняет созданная Вандергером теория отрицательного пространства этот факт?

Внезапно в груди у Вандергера вспыхнуло пламя. У него перехватило дыхание.

Нет, это больше чем теория — это действительность.

7

Вандергер стоял на гравийной дорожке, окаймляющей озеро. Начинало светать, и холодный туман стлался над землей. Позади подернутой дымкой линии деревьев поднимался холм, усыпанный пятнами строений.

Он сразу же узнал пейзаж — озеро Берилл, и время — начало мая две тысячи седьмого года. Картина эта вспомнилась ему так ясно, как если бы он видел это вчера, а не двадцать лет тому назад. Маленький отель для лыжников, ныне уже не посещаемый ими по причине летнего сезона, цветы на столе, ленч для пикника, упакованный в корзинку официантом. К завтраку была добавлена бутылка розового вина. Все это было накрыто белой салфеткой.

И Мирла. Он знал, прежде чем возвратиться, что она будет стоять там, улыбаясь. Именно такой он запомнил ее и пронес в памяти в течение многих лет.

Музыка была громкой, и Тим поднял свой стакан, чтобы вновь наполнить его, радостно возбужденный шумом, скоплением людей и девушкой, которая прильнула к нему, плотно прижавшись к его телу крепкой грудью, охваченная желанием.

На мгновение фантомное видение другого места промелькнуло в памяти Тима, обрушивая на него страх одиночества, и усилием воли он прогнал его и вернул свои мысли обратно.

Вино пролилось из стакана, но это не имело значения. Тим выпил остатки и разрешил стакану упасть на пол. Затем он повернулся, ища руки девушки.

— Ван, что-нибудь случилось? — спросила Мирла.

Ее улыбка сменилась участливым взглядом.

— Нет, ничего, — успокоил ее Вандергер.

«Это галлюцинация! — подсказывало ему сознание. — И все же не менее реальная, чем сама жизнь.»

Мирла положила свою руку на его плечо и взглянула ему в лицо.

— Ты остановился так внезапно и выглядишь озабоченным.

— Мирла, случилось что-то странное.

На глаза ему попала скамья позади дорожки. Он подвел к ней Мирлу и усадил.

Его сердце билось сильно и ровно.

— Что это, Ван? Мечта? Или... А мечта ли? Скажи мне.

Вандергер так и сделал.

— Я был там, — закончил он. — Все произошло как бы в мгновение ока. И теперь я здесь.

Мирла пристально взглянула на него и проговорила:

— У тебя странная мечта, Ван. Но, в конце концов, это всего лишь мечта. А здесь — реальность.

— Так ли это, Мирла? Разве годы тренировок были лишь мечтой? Я до сих пор знаю, как поставить в док «Марк-IX» на десяти унциях реакторной массы. Я знаю математику, знаю запах охлаждающегося раствора, когда трубы охлаждения лопаются от чрезмерной перегрузки; помню имена людей, которые первыми установили маркер на Плутоне, первую партию космонавтов, высадившуюся на Церере и...

— Ван, это была всего лишь мечта! Тебе приснилось это.

— Какой сейчас день? — прервал он ее.

— Первое мая...

— Первое мая две тысячи седьмого года. Да. Это дата взрыва Главного Купола на станции Марс-1, когда погибло двенадцать человек из числа технического персонала. Одним из них был агроном Мейфилд.

Вандергер вскочил на ноги.

— Я еще не видел последней газеты, Мирла. Ты знаешь это. Мы гуляем всю ночь.

— Ты имеешь в виду, что...

— Давай найдем сегодняшнюю газету. В ней должны быть новости.

Идя по дорожке, они пересекли весь парк и вышли на улицу, свободную от народа.

Десятью минутами позже в ночном клубе раздался громкий голос диктора телевидения:

— Только что по Беллерфонской релейной связи получено сообщение. Среди убитых — полковник Марк Спенсер, комендант Марса.

— Ошибка, — вмешался Вандергер. — Он был ранен, но выздоровел.

— ... доктор Грегор Мейфилд, известный своими работами по экологии пустынь...

— Мейфилд! — воскликнула Мирла. Она задыхалась от волнения. — Ван, ты знал!

— Да, — голос Вандергера был бесцветным. — При отсутствии материи пространства не существует. Время — функция пространства; это среда, в которой происходят события. При отсутствии пространства не может быть движения и не может быть времени! Я могу быть там — здесь!

— Ван! — Мирла вцепилась в его руку. — Мне страшно. Что все это значит?

— Я собираюсь обратно.

— Собираешься... обратно?

— Неужели ты не понимаешь, Мирла? Я не могу дезертировать со своего корабля. Мой второй пилот отказывается от Программы, которой я посвятил всю свою жизнь. Я не могу разрешить им рассматривать полет МС-корабля как аварию, как шлепок, который убил двух человек! Это загасит последнюю слабую искру, которая поддерживает существование Программы.

— Я не понимаю, Ван. Каким образом вы вернетесь обратно в мечту?

— Я не знаю, Мирла. Здесь произошло чудо. Может быть...

Все еще вглядываясь в ее лицо, он закрыл глаза и представил себе отсек управления МС-корабля, вспомнил давление на

его тело в отсеке, головокружение во время невесомости, запах замкнутых помещений, боль...

8

Боль пронзила его, как раскаленное копьё. Он открыл глаза и увидел пустое кресло и пустые экраны.

— Тим, — прошептал он. — Где вы, Тим?

* * *

Тим поднял глаза. Старик проталкивался через толпу по направлению к столу.

— Идем со мной, Тим, — сказал старик.

— Идите к черту, — огрызнулся Тим. — Уйдите от меня! Я вас не знаю, да и знать не хочу!

— Идем со мной, Тим...

Тим поднялся на ноги, схватил бутылку из-под пива и ударил ею старика по голове.

Старик рухнул на пол. Толпа отхлынула в стороны. Пронзительно закричала женщина. Тим посмотрел на тело.

... Он был на колесе автомобиля, двигатель которого питался энергией от центральной силовой станции и которое под его ногами вращалось все быстрее и быстрее.

Лента дороги разматывалась перед ним, огибая горы. Впереди дорогу пересекали усы опускавшегося тумана. Внезапно на дороге возникла фигура человека с поднятой рукой. Тим успел заметить лицо со строгими, суровыми чертами, седые волосы...

Удар поднял человека в воздух на высоту пятидесяти футов. Тим увидел, как безжизненное тело повисло в верхушках деревьев на склоне горы ниже дороги, и в это мгновение автомобиль на повороте сорвался вниз через перила ограждения.

... Музыка из бальной комнаты доносилась очень слабо. Тим, опираясь на рельс, наблюдал огни Лисбоа, отражавшиеся в зеркально гладкой воде.

— Это прекрасно, Лес, — сказала стройная женщина рядом с ним. Она была одета в летнее платье.

— Я рада, что пришла сюда с тобой.

Старик, молча пройдя по танцевальной веранде, подошел к Тиму.

— Пойдем со мной, Тим, — сказал он. — Нам надо вернуться обратно.

— Нет!

Тим отпрянул.

— Отойди, проклятый! Я никогда на вернусь обратно!

— Вы должны это сделать, Тим, — сказал мрачный старик.
— Вы не можете забыть об этом.

— Вандергер, — хрипло прошептал Тим. — Я оставил вас там, в модуле, больным, может быть, умирающим. Одного.

— Мы должны вернуть корабль обратно, Тим. Вы и я — единственные, кто знает. Мы не должны допустить, чтобы все пропало, Тим. И мы принадлежим Программе.

— К дьяволу Программу! — прорычал Тим. — Но вы! Я забыл о вас, Джейк. Клянусь, я забыл!

— Теперь нам обязательно надо обратно, Лес.

Тим облизнул губы. Он взглянул на стройную девушку, смотревшую на него с выражением тревоги и растерянности и снова на Вандергера.

— Я вернусь только по своей воле, Джейк, — сказал он. Я убегу, но я вернусь обратно. Обязательно скажите это им.

9

— Нет... много времени, — прошептал Вандергер. Он расслабленно откинулся в кресле. — Достаточно... более, чем достаточно для одного... попытаться... Отсюда.... надо вывести МС-Корабль, но это нельзя сделать одному. Нам нужна помощь.

Тим кивнул.

— Я знаю. Я не могу изложить это на словах, но я знаю.

— Солнечная орбита, — прошептал Вандергер. — Одна секунда после прыжка.

— Джейк, это поражает меня. Такой прыжок убьет вас.

— Приготовиться к прыжку! — голос Вандергера был едва слышен. — Прыжок!

Их руки сработали одновременно, рычаги были поставлены в положение «ВОЗВРАТ».

Могучие силы сжали Вселенную и, скрутив ее, вывернули наизнанку.

* * *

— ... теперь модуль находится в исходной позиции и готов к ускорению.

Слабый голос полковника Садстона доносился с экрана.

Тим взглянул на Вандергера. Тело Джейка лежало спокойно, на лице была улыбка.

Тим нащупал кнопку передатчика.

— МС-Корабль вызывает Управление Миссией, — сказал он. — Прыжок завершен. И мне принадлежит печальная честь рапортовать о смерти подполковника Вандергера при исполнении служебных обязанностей.

* * *

Он знал прежде, чем вернулся, что она будет стоять там, улыбаясь, оставаясь такой, какой он знал ее в течение ряда лет.

— Ван, что-нибудь случилось? — спросила Мирла.

— Ничего, — ответил Вандергер. — Ничего плохого во всей Вселенной.

.

.

БЕРЕГ ДИНОЗАВРОВ

1

Стоял тихий летний вечер. Мы с Лайзой сидели на крыльце, смотрели на тающие в небе розовые полосы заката и слушали, как в соседнем доме Фред Ханскэт снимает газонокосилкой очередной урожай сорняков. Деловито и жизнерадостно застрекотал притаившийся в траве сверчок. Мимо по улице промчалась машина, слабый свет фар разметал в стороны тени, высветил листву платанов, чьи кроны аркой смыкались над мостовой. Где-то пело радио об огнях в гавани.

Тихий, уютный вечер. Мне до смерти не хотелось уходить. Я вздохнул — воздух чуть отдавал дымкой сожженных листьев, запахом свежескошенной травы — и встал.

Лайза взглянула на меня. У нее было круглое личико, вздернутый носик, большие, широко расставленные глаза и самая милая улыбка на свете. Даже крошечный шрам на левой щеке только усиливал очарование: это тот самый изъян, который делает совершенство очаровательным.

— Пройдусь-ка я к «Симону», выпью пива, — сказал я.

— Ужин будет готов к твоему возвращению, дорогой, — отозвалась она и улыбнулась своей неповторимой улыбкой. — Запеченная ветчина и кукурузные початки.

Поднявшись, она прильнула ко мне струящимся движением танцовщицы и коснулась губами уха.

Я спустился по ступенькам, но на дорожке помедлил и обернулся. Лайза стояла в проеме двери, и свет из прихожей очерчивал ее тонкий изящный силуэт.

— Возвращайся быстрее, милый, — сказала она, махнула мне рукой и ушла.

Ушла навсегда.

Она не знала, что назад я не вернусь.

2

Через перекресток прогрохотал трамвай, похожий на большую игрушку с силуэтами голов в маленьких квадратных ок-

нах. Гудели рожки. Мелькали светофоры. Прохожие торопились домой после долгого дня за прилавком, в конторе или на цементном заводе... Я позволил людскому потоку увлечь себя, шагая наравне со всеми. Этот урок я выучил твердо. Время нельзя ускорить, нельзя замедлить. Иногда от него можно вообще отключиться, но это уже разные вещи.

Размышляя, я вышел через четыре квартала к остановке такси на Делавэр-стрит. Уселся на заднее сиденье «ромео», который следовало бы свезти на свалку лет десять назад, и сказал водителю, куда ехать. Он с любопытством взглянул на меня, недоумевая, что может понадобиться такому приличному молодому человеку в той части города, и уже открыл рот, чтобы спросить об этом, но я добавил:

— Уложишься в семь минут, получишь пять долларов.

Парень щелкнул счетчиком и чуть ли не вырвал сцепление, рванув со стоянки. По пути он то и дело посматривал в зеркальце, прикидывая, как бы все-таки подступиться ко мне с вопросом, что вертелся у него на кончике языка. Однако, заметив в полуквартале неоновые буквы, горящие словно раскаленное железо, я хлопнул его по плечу, сунул деньги и в следующую секунду уже стоял на тротуаре.

Не слишком выделяясь среди окружающих строений, коктейль-бар сохранил претензии на светскость. Пара ступенек вела вниз, и верилось, что когда-то, до введения сухого закона, зал выглядел весьма привлекательно. Стены, облицованные деревянными панелями, не сильно пострадали от времени, разве что почернели от вьевшейся пыли. Узорчатый потолок также выглядел сносно, но по темно-бордовому ковру тянулась широкая вытоптанная дорожка, она извивалась, как тропа в джунглях, во всю длину бара и разветвлялась у столиков, трясаясь возле ножек стульев. Обтянутые прочной тканью сиденья в кабинках заметно выцвели, на некоторых темнели заплаты. И никто не побеспокоился вымыть кружки, оставленные на дубовых столиках любителями пива. Я занял кабинку в глубине зала, с тусклым модным светильником и нацарапанной на стене росписью, свидетельствующей о чьей-то победе в беге с препятствиями в 1810 году. Часы над стойкой бара показывали 19.40.

Я заказал кружку пива у официантки, расцвет которой падал примерно на то же самое время, что и процветание бара. Она принесла кружку, и я отпил глоток, когда кто-то скользнул на сиденье напротив. Незнакомец пару раз выдохнул, будто только что обежал вокруг стадиона, и поинтересовался: «Не возражаете?» — затем поднял кружку и помахал ею в сторону полупустого зала.

Я воспользовался этим моментом, чтобы рассмотреть соседа. У него было нежное, круглое лицо и бледно-голубые глаза. Голова на гладкой, явно тонковатой шее казалась лысой, оттого что ее покрывал чудесный светлый пушок вроде цыплячьего. Одет он был в полосатую рубашку с открытым воротом, воротник которой был отложен поверх пиджака из плотной шотландки, с подбитыми плечами и широкими лацканами. Рука, державшая стакан, выглядела маленькой и коленой, ногти короткие, с безупречным маникюром. На левом указательном пальце — громоздкое золотое кольцо со стеклянным рубином, который по величине сошел бы за пресс-папье. В целом же одет он был как-то небрежно, словно одевался в спешке, занятый куда более важными мыслями.

— Мне не хотелось бы, чтобы у вас сложилось ложное впечатление, — заговорил мужчина.

Его голос, низковатый для женщины и высокий для мужчины, странно звучал в помещении, полном сигарного дыма.

— Лишь чрезвычайные обстоятельства заставляют меня обратиться к вам, мистер Рейвел, — продолжал он торопливо, словно опасаясь, чтобы его не прервали. — Дело огромной важности... касающееся вашего будущего.

Он помедлил, проверяя произведенный эффект: этакая выжидательная пауза, словно от моей реакции зависело, продолжать ему или нет.

Я сказал:

— Будущее, вот как? Не уверен, что оно у меня есть.

Ответ ему понравился, я это заметил по тому, как заблестели его глаза.

— Ну да, — кивнул он, располагаясь поудобнее. — Да, в самом деле. — Он немного отпил из кружки и поставил ее, затем перехватил мой взгляд и уставился на меня, едва заметно ухмыляясь. — И я мог бы добавить, что у вас будет будущее... может быть, гораздо более величественное, чем прошлое.

— Мы встречались где-нибудь? — осведомился я.

Он отрицательно покачал головой.

— Я понимаю, что сейчас мои слова покажутся вам бессмыслицей... но любое промедление чрезвычайно опасно. Поэтому, прошу вас, выслушайте...

— Я слушаю, мистер... как вы сказали?

— Имя не важно, мистер Рейвел. Я вообще не имею к этому делу никакого отношения, за исключением того, что являюсь посланником. Мне поручили войти с вами в контакт и передать определенную информацию.

— Поручили?

Он пожал плечами.

Я перегнулся через стол и схватил его за руку, в которой он держал кружку. Рука была мягкой и гладкой, словно у ребенка. Я слегка надавил. Немного пива выплеснулось на край стола и ему на колени. Он дернулся, намереваясь встать, но я прижал его к сиденью.

— Дайте-ка мне тоже сыграть, — сказал я. — Что, если мы вернемся к тому моменту, где речь шла о поручении? Меня это, знаете ли, заинтриговало. Так кто же меня считает настолько важной персоной, что поручает всяким пройдохам совать свой нос в чужие дела?

Я сощурился. В ответ он тоже изобразил улыбку и напрягся, видимо, утратив часть энтузиазма, но не сдаваясь.

— Мистер Рейвел, что бы вы сказали, если бы я сообщил вам о своей принадлежности к секретной организации суперменов?

— А что бы вы хотели услышать?

— Что я не в своем уме, — с готовностью подсказал он. — Вот почему я надеялся обойти этот вопрос и перейти непосредственно к сути дела. Мистер Рейвел, ваша жизнь в опасности.

Я промолчал, и последние слова повисли в воздухе.

Он бросил взгляд на часы, надетые на английский манер циферблатом вниз, и продолжал:

— Ровно через одну минуту и тридцать секунд сюда войдет человек, одетый в черный костюм, с тростью из черного дерева с серебряным набалдашником. Он пройдет к четвертому табурету возле бара, закажет виски, выпьет, повернется, поднимет трость и трижды выстрелит вам в грудь ядовитыми иглами.

Я отпил еще глоток. Пиво было по-настоящему вкусным — одно из утешений в этой жизни.

— Ловко, — сказал я. — А что будет дальше?

Толстячок несколько встревожился:

— Вы шутите, мистер Рейвел? Речь идет о вашей смерти. Здесь. Через несколько секунд!

Он перегнулся через стол и говорил раздраженно, брызгая слюной.

— Ладно, ладно, я все понял, — сказал я и вновь поднял кружку. — Только не тратьте столько энергии на воображаемые похороны.

Пришел его черед схватить меня за рукав. Его жирные пальцы оказались куда более сильными, чем думалось.

— Я вам говорю о том, что случится н е п р е м е н н о, и вы должны действовать немедленно, если хотите избежать смерти!

— Ага! И вот тут-то начинается то самое блестящее будущее, о котором вы толковали.

— Мистер Рейвел, вы должны сейчас же уйти отсюда.

Он порылся в кармане пиджака и вытащил карточку с отпечатанным адресом: Колвин-Керт, 356.

— Здание старое, но очень прочное и совсем рядом. Снаружи деревянная лестница, совершенно безопасная. Подниметесь по ней на четвертый этаж. Комната номер девять находится в конце коридора. Входите туда и ждите.

— А зачем же мне туда идти? — поинтересовался я и стряхнул с рукава его пальцы.

— Чтобы спасти свою жизнь! — в голосе его зазвучали визгливые нотки, как если бы события развивались не совсем правильно. У меня возникло отчетливое ощущение, что ход событий, рисуемый незнакомцем, может оказаться не самым благоприятным для меня и моего великого будущего.

— Откуда вы узнали мое имя? — спросил я.

— Умоляю вас — время дорого. Почему бы вам просто не довериться мне?

— Это имя — липовое, — сказал я. — Я так назвался вчера продавцу Библий. Придумал я его с ходу. Не занимаетесь ли вы рэкето́м среди разносчиков книг, мистер Как-вас-там?

— Неужели это значит больше, чем ваша жизнь?

— Вы что-то путаете, приятель. Мы с вами торгуемся не о моей жизни, а о вашей.

Выражение искреннего доброжелательства на его лице исчезло. Он еще пытался собраться с духом, когда наружная дверь бара распахнулась и вошел человек в черном плаще, с щегольской черной тростью в руках.

— Вот видите? — шепнул мне через стол новоявленный приятель, словно перекинув порнографическую открытку. — Все как я сказал. Теперь вам надо действовать быстро, мистер Рейвел, пока он вас не увидел.

— Ваша техника хромает, — заметил я. — Он оглядел меня с ног до головы, не сделав и шагу.

Я отпихнул толстяка и выскользнул из кабинки. Человек в черном уже прошел через зал и сел на четвертый табурет, не глядя в мою сторону. Я пробрался между столиками и пристроился у стойки слева от него.

Он не взглянул на меня даже после того, как я ткнул его локтем в бок, а сделал я это несколько сильнее, чем позволил бы строгий этикет. Если бы у него в кармане был пистолет, я бы почувствовал. Трость он зажал между коленями, придерживая рукой за крупный серебряный набалдашник. Я слегка наклонился к нему.

— Будь осторожней, — сказал я в восьми дюймах от уха, — дело накрылось.

Он воспринял известие спокойно. Только медленно повернул голову и уставился на меня. Высокий узкий лоб, впалые щеки, на сероватой коже лица проступали вокруг ноздрей белые линии. Глаза напоминали маленькие черные камешки.

— Вы обращаетесь ко мне? — холодно поинтересовался он, и от его ледяного тона повеяло вечной мерзлотой последней полярной стоянки Скотта.

— Кто этот тип? — спросил я заговорщически, подразумевая, что ловким мальчикам следует сойтись и поладить по-хорошему.

— Кто?

Никакой оттепели.

— Вон тот торговец предметами мужского туалета с жирными потными руками, — уточнил я. — Мой сосед за столиком. Он, кстати, все еще сидит в кабинке, ожидая, чем все закончится.

— Вы ошиблись, — отрезал черный человек.

— Не падай духом, — продолжал я. — Каждый может ошибаться. Так почему бы нам не собраться и не поговорить втроем?

Это его задело. Дернув головой, он соскочил с табурета и подхватил шляпу. Я легко толкнул трость, когда он потянулся за ней. Та грохнулась на пол. Я нагнулся, чтобы поднять ее, и будто нечаянно надавил на ее конец каблуком. Внутри что-то треснуло.

— Ха, черт, — сказал я. — Извините.

Я вручил ему трость. Он сгреб ее и удалился в сторону туалетной комнаты. Я проводил его взглядом, пожалуй, несколько более продолжительным, но все-таки краешком глаза успел заметить, что мой первый собутыльник скользнул к выходу. Я перехватил его в нескольких ярдах на улице. Он сопротивлялся, но не сильно, как человек, который не желает привлечь внимание прохожих.

— Ну-ка постой! — сказал я. — Представление настолько занимательно, что не терпится узнать продолжение. Так что же дальше?

— Глупец, опасность вовсе не миновала! Я пытался спасти вам жизнь — неужели у вас нет ни капли благодарности?

— Не тебе об этом судить, приятель. Так из-за чего разгорелся сыр-бор? Неужели из-за моего костюма? Деньги? Так их не хватило бы для оплаты такси до Колвин-Керт и обратно. Но, похоже, мне не пришлось бы возвращаться.

— Пустите же! Мы должны уйти с дороги!

Толстяк попытался сбить меня с ног, и я ударил его под ребро. Достаточно резко, чтобы он засопел и обмяк, повиснув

на мне как мешок. Я покачнулся. В то же мгновение послышалось глухое «хап»! Точно выстрел пистолета с глушителем, и свист пули в дюйме от уха. Рядом был портик парадного. Мы покрыли расстояние одним прыжком. Толстячок вновь попытался ударить меня под коленку, и мне пришлось опять утихомирить его.

— Не принимай так близко к сердцу, — сказал я. — Пуля меняет дело. Успокойся, отпускаю шею.

Он кое-как кивнул. Ему удалось это с трудом, учитывая положение моего пальца. Я разжал руку. Он шумно задышал и рывком ослабил воротник. Круглос лицо несколько перекосилось, а фарфорово-голубые глаза утратили младенческое простодушие. Тем временем я снял маузер с предохранителя и настроился на продолжение.

Минуты тянулись, словно геологические эпохи.

— Он ушел, — глухо произнес толстяк. — Попытка сорвалась, но они предпримут другую. Вам не удалось избежать развязки, вы просто отсрочили ее.

— Будем живы — не помрем, — отозвался я. — Давай-ка пробовать воду. Ты первый.

Я подтолкнул его дулом в спину. Обошлось без выстрелов. Я рискнул оглядеться: в поле зрения ни одного черного плаща.

— Где твоя машина? — спросил я.

Он кивнул на черный «мармон», припаркованный по другую сторону улицы. Я провел его к автомобилю, подождал, пока он усядется за руль, затем забрался на заднее сиденье. Рядом стояли другие машины с затемненными окнами — удобный случай для снайпера, но никто не выстрелил.

— У тебя тут есть что выпить? — спросил я.

— Что?.. Ах, да... Конечно.

Толстяк старательно скрывал удовлетворение.

Вел он паршиво, как вдова средних лет после шестого урока: трогал рывком, выскакивал на красный свет — и так через весь город, пока мы не добрались до места. Колвин-Керт оказался покрытым щебенкой тупиком, который полого поднимался вверх к сплетению телефонных столбов. Высокий и узкий дом четко выделялся на фоне неба, чернея пустыми окнами. Мы свернули на подъездную дорожку из двух полосок потрескавшегося бетона с проросшей посредине травой, обогнули здание и, оставив за собой деревянную лестницу, о которой он упоминал, подошли к входу. Дверь шла туговато, но потом распахнулась, и мы ступили на потертый линолеум. Потянуло кислым запахом застоявшегося капустного супа. Следуя за провожатым, я остановился и прислушался к напряженной тишине.

— Не беспокойся, — сказал толстяк, — здесь нет ни души.

Миновав узкий проход, где я касался локтями стен, мы прошли мимо тусклого зеркала, подставки для зонтиков и поднялись по лестнице, покрытой черной резиновой дорожкой, зажатой позелевшими медными штырями. Пол скрипел под ногами. Высокие настенные часы стояли, стрелки показывали десять минут четвертого. Наконец мы вошли в невысокое помещение с коричневыми обоями и темными дверями, которые чуть виднелись в бледном свете, просачивающемся сквозь зашторенное окно.

Он нашел девятый номер, приложил ухо к двери, затем распахнул ее и подтолкнул меня внутрь.

Я окинул взглядом комнатенку: прочная двухспальная кровать под шелковым пологом, трюмо, стул с прямой спинкой и проводочной подножкой, кресло-качалка, не совсем вписывающееся в обстановку, овальный столик со следами засохшей грязи. В центре потолка свисало подобие люстры с тремя маленькими лампочками, из которых горела только одна.

— Да-а, апартаменты, — заметил я. — Тебе, видно, туго приходится.

— Просто внутреннее жилище, — отозвался он небрежно.

Он предложил мне кресло-качалку, а сам расположился напротив на стуле.

— Так вот, — начал он, соединив кончики пальцев вместе на манер ростовщика, готовящегося сорвать куш на отчаявшемся просителе. — Теперь, я полагаю, тебе не терпится узнать все о человеке в черном, о том, каким образом я узнал...

— Не особенно, — сказал я. — Меня больше интересует, на что ты рассчитывал? Неужели ты и вправду думаешь, что сумеешь выпутаться?

— Боюсь, я не совсем понимаю, — пробормотал он и дернул головой в сторону.

— Чистая работа, — объяснил я. — В некоторой степени. Ты мне напел с три короба, и если бы я заглотнул приманку, то человек в черном проткнул бы меня иглой с наркотиком. А если бы я поддался, то с благодарностью пришел бы сюда.

— Так или иначе, но ты все же пришел.

Толстячок расслабился и повел себя наглее.

— Твоя ошибка, — сказала я, — в том, что ты старался учесть слишком много факторов. Так что ты готовил потом для человека в черном?

Лицо его застыло.

— Потом? Когда?

— Как бы там ни было, ты просчитался, — продолжал я. — Ты тоже входил в его планы.

— Тоже?

Он наклонился вперед, словно озадаченный, и ловко выхватил странный пистолетик, весь утыканный синими кнопками и рычажками.

— Думаю, тебе лучше все рассказать о себе, Рейвел, или как ты сам себя именуешь.

— Ты ошибаешься, карг, — прошептал я.

На какое-то мгновение он застыл. Затем крутанул пальцами, пистолет издал свистящий звук, и в мою грудь полетели стрелы. Я подождал, пока он расстреляет обойму, затем поднял маузер, который зажал в руке с момента, как зашел в комнату, и выстрелил ему под левый глаз.

Его отбросило на спинку стула. Голова свесилась к левому плечу, будто он любовался подтеками на потолке. Жирные потные руки судорожно сжались. Он медленно наклонился в сторону и наконец рухнул на пол, как двести фунтов железа.

Чем он, собственно, и был.

3

Я подошел к двери и прислушался: ни одного подозрительного звука, который указывал бы, что выстрел пробудил чье-то любопытство. Очевидно, в доме никого не было. Не удивительно.

Уложив карга на спину, я вскрыл мозговой блок и извлек запись с программой.

В Центре давно заметили, что на театре действий Старой Эры происходит нечто, выходящее за обычные рамки. Но даже сам Главный Координатор не подозревал о столкновении между оперативниками Третьей и Второй Эры. Запись могла оказаться ключом, в котором так нуждался отдел планирования Пекс-Центра.

Мне оставалось выполнить профессиональные обязанности. Я подавил желание бросить все и бежать и приступил к работе.

Лента была почти полностью прокручена, это означало, что миссия карга близилась к завершению. Что же, он все-таки отбыл, правда, не совсем в том направлении, как предполагалось. Я сунул катушку в нагрудный карман своей рубашки и обыскал карман робота — пусто. Затем раздел его и поискал заводской номер. Нашел на левой ступне.

Осмотр комнаты занял у меня двадцать минут. В одной из негоревших лампочек в свитильнике я нашел аппарат для чтения мыслей, сфокусированный на кресло-качалку. Карг изрядно позаботился, чтобы как следует обработать меня, прежде чем убрать. Тщательно фиксируя взглядом каждую мелочь, я

покрутился еще несколько минут, перепроверяя уже проверенное, но понял, что тяну время. Я уже сделал то, ради чего сюда пришел. Ход событий более или менее соответствовал плану, разработанному в Пекс-Центре: заманить карга в уединенное место и обезвредить. Этим операция завершалась. Пора возвращаться, готовить отчет и продолжать дело переустройства мира. Подойдя к роботу, я нажал кнопку саморазрушения, погасил свет и вышел из комнаты.

Когда я спустился на улицу, мимо, громыхая в ночной тишине, промчалась большая квадратная машина. Как ни странно — ни одного выстрела. Я расстроился. Но какого черта, дело сделано! Пребывание здесь было приятным, впрочем как и во всяком другом времени. Это задание ничем не отличалось от предыдущих. Я вспомнил о Лайзе, ожидающей моего возвращения в маленьком доме, который мы сняли шесть недель назад, после того как провели первые дни нашего медового месяца на Ниагаре. Пожалуй, она уже беспокоится, стараясь сохранить ужин горячим, и недоумевает, что могло меня задержать.

— Забудь, — сказал я сам себе. — Сделаешь, как всегда: сунешь голову под мыслелефон — и все сотрется. Поноет на душе, но ты не будешь знать, почему. Такая уж профессия.

Я достал локатор, уточнил место и время нахождения и направился на восток, вниз по склону. Наша с каргом игра в кошки-мышки проходила на нескольких квадратных милях города Буффало, штат Нью-Йорк, в 1936 году по функциональному времени. По данным контроля передвижений я определил, что нахожусь примерно в полутора милях от точки подбора, где-то в получасе ходьбы. Я заставил себя ни о чем не думать и одолел расстояние за двадцать минут. Около небольшого сквера датчик показал, что я вошел в радиус действия поля для переброски на свою темпоральную станцию. Извилистая дорожка провела меня мимо скамьи к густым зарослям можжевельника. Я укрылся в самую гущу — просто на случай, если меня сопровождал чей-то взгляд, — и набрал код вызова, прижимая язык к фальшивому коренному зубу в нижней челюсти. Я почувствовал, что вхожу в поле подбора. Последовал беззвучный темпоральный взрыв, от энергии подпрыгнула под ногами земля...

Я, прищурившись, глядел на ослепительное солнце, заливавшее сиянием Берег Динозавров.

4

Берег Динозавров получил такое название потому, что, когда тут высадилась первая рскогносцировочная партия, по пес-

чаному пляжу мирно семенил отряд маленьких рептилий. Это было шестьдесят лет назад, всего несколько месяцев спустя после решения осуществить проект Чистки Времени.

Логичная жизнь. Первая эра путешествий во времени весьма напоминала расцвет космической эпохи — главным образом хламом, который она оставила после себя. Что касается космических отбросов, то потребовалось с полдюжины катастроф, чтобы убедить власти в необходимости очистить окружающее Землю пространство от накопившихся останков использованной ракетной обшивки, негодных телеметрических устройств и бесхозных ретрансляционных спутников. По ходу дела обнаружилось поразительное количество всякой всячины, включая глыбы метеоритных осколков и железа, остатков явно земного, возможно, вулканического происхождения, мумифицированное тело одного из космонавтов, потерявшегося на космической прогулке, и энное количество предметов искусственного происхождения, над которыми власти того времени изрядно поломали голову и наконец определили как эквиваленты пустых бутылок из-под пива, выброшенных Пришельцами.

Это происходило задолго до Прорыва Времени.

Программа Чистки Времени была аналогом программы чистки космического пространства. Темпоральные экспериментаторы Древней Эры засорили временные пути всем, чем только могли: контейнерами наблюдательных станций, мертвыми телами, брошенными инструментами, оружием и всяким обмундированием, включая автоматическое приспособление для рытья шахт, установленное под антарктической ледяной шапкой, которое довело до головной боли не одного исследователя во времени Великого Таяния.

Последовавшие триста лет Нерушимого Мира положили этому конец, и, когда на заре Новой Эры вновь открыли темпоральную переброску, урок учли. Начиная со Второй Программы ввели жесткие правила, исключающие ошибки, допущенные пионерами Первой Программы. А это означало, что Вторая Программа привела к новым ошибкам. Появились карги.

Карги можно соотнести с человекоподобными роботами в пресловутом Договоре об Охране Транспортных Перевозок середины двадцатого столетия. Карги, безжизненные машины, посланные в прошлое из Третьей Эры в ходе Второй Программы Чистки Времени, предназначались для предотвращения темпоральных последствий Старой Эры, но также для устранения еще более катастрофических последствий Второй Программы.

Третья Эра признала абсурдность исправления человеческих деяний. Специальные машины жизненного баланса оказались способны действовать, не задевая хрупкую и плохо по-

нимаемую согласованность жизнетворного равновесия и восстанавливая целостность Темпорального Ядра.

Во всяком случае, так считали. После Великого Крушения и последовавшего продолжительного упадка из руин восстал Пекс-Центр, ознаменовавший Четвертую Эру. Координаторы Центра поняли ненужность, неуклюжесть вторжений предшествующих эпох и прекрасно осознали, что любая попытка воздействовать на реальность вопреки темпоральной самоорганизации обречена на дальнейшее ослабление временной структуры.

Латая время, приходится пробивать дыры, а залатывая проехи, подготавливать почву для новых, еще больших заплат. Процесс развивается в геометрической прогрессии и в скором времени становится неуправляемым.

Единственный выход для Пекс-Центра — это устранить исходные причины. Первые временные возмущения, внесенные путешественниками Старой Эры, являлись простыми и беспорядочными нарушениями в структуре времени. Позднее экспериментаторы действовали более осмотрительно, ввели правила, количество ограничений росло. Однако, когда вышло первое категорическое запрещение вмешательства во временную структуру, было уже слишком поздно. Пришлось убедиться в том, что забавные пикники в палеозое оплачиваются темпоральными дискретностями, оборванными энтропийными линиями и аномалиями. Разумеется, Пекс-Центр возник на традициях прошлого. Поэтому проводился тщательный расчет достаточного воздействия. Для решения задач потребовались соответствующим образом подготовленные кадры.

Моя работа оперативного агента Пекс-Центра как раз и состояла в том, чтобы аннулировать все вмешательства предшествующих программ: хорошие и плохие, конструктивные и ошибочные; дать возможность ранам времени зарубцеваться, дабы вновь налилось соками древо жизни.

Эта профессия стоила своих жертв. Во всяком случае, так утверждали инструкторы.

Я шел вдоль берега по мокрому песку, старательно обходя лужи, оставленные отливом.

Прозрачно-голубое море плейстоцена где-то за шестьдесят пять миллионов лет до нашей эры вольно простиралось до самого горизонта. Ни парусов, ни пивных банок. Длинные валы Восточного океана, которому в свое время суждено стать Атлантическим, обрушивались на белый песок с тем же самым привычным шумом, характерным для любой эпохи. Мерный звук успокаивал, шептал о том, как в сущности мало значили для Отца Океана все дела человечков, суевившихся на его берегах.

Станция располагалась в четверти мили, как раз за песчаной отмелью, уходящей в море. Она представляла собой невысокое светло-серое сооружение, прилипшее к песку и окруженное зарослями древовидного папоротника и булавовидного мха — как в декоративных целях, так и с целью маскировки. Теоретически, если дикую жизнь привлечет или испугает элемент, чуждый естественной среде обитания, то в вероятностную матрицу могут войти не отмеченные У-линии и испортить темпоральную карту, на создание которой ушли тысячелетия кропотливого и мучительного труда.

Через несколько минут предстояла встреча с Нелом Джардом, Главным Координатором станции. Он выслушает меня, задаст пару вопросов, сунет записи в сейф и предложит выпить. Затем последует быстрое и деловое обсуждение под мыслетоном, которое сотрет в моей памяти все отвлекающие воспоминания, оставшиеся от поездки в двадцатое столетие, особенно о Лайзе. После этого я несколько лет послоняюсь по станции с другими отпускниками, пока не подвернется новое задание, не имеющее никаких видимых связей с предыдущим. Я так никогда и не узнаю, почему карга направили в 1936 год, какую сделку он заключил с исполнителем Третьей Эры, человеком в черном, каким узором вся эта история легла в общую мозаику великой стратегии Пекс-Центра.

Возможно, это к лучшему. Панорама времени огромна, переплетения ее слишком сложны, чтобы охватить все человеческой мыслью. Лучше думать о конкретных вещах, чем загонять сознание в тупик. Но Лайза, Л а й з а...

Я выкинул мысль о ней из головы, по крайней мере, попытался, и сосредоточился на чисто физических ощущениях: жарко и душно, жужжат насекомые, под ногами песок, по вискам и по спине стекают струйки пота. Не то чтобы все это доставляло удовольствие, но через несколько минут меня ожидал прохладный, свежий воздух, нежная музыка, стимулирующая ванна, горячая еда, настоящая воздушная постель...

Спустившись по пологому склону дюны, я вошел через открытые ворота под тень протопальм, где весело смеялись, беседуя о чем-то, двое отпускников. Оба незнакомца подошли ко мне и поздоровались с тем особенным дружелюбием, которое приобретаешь, проводя жизнь в кратковременных знакомствах. Как обычно, они поинтересовались, трудно ли пришлось на этот раз. Я ответил им обычной, ничего не значащей фразой.

Внутри станции воздух был прохладен и чист — еще стерилен. Стимулирующая ванна вливала бодрость, но я продолжал думать о другой, чугунной ванне, оставшейся в нашем домике.

Последовавший ужин вызвал бы восторг у любого гурмана: язык рептилии в соусе из гигантских грибов с гарниром из креветок, салат из клубней мха, холодный десерт — вершина поварского искусства, которое не усовершенствуется в течение последующих шестидесяти пяти миллионов лет, но вряд ли сравнится с охлажденным лимонным тортом под хрустящей пшеничной корочкой, который готовила Лайза. И прекрасная воздушная постель далеко не так мила, как старая прочная кровать со старой медной рамой, что стояла в душной спальне с дубовым полом и задернутыми шторами, когда свернувшаяся клубочком Лайза прижималась ко мне...

Джард позволил мне немного вздремнуть перед тем, как звонить с отчетом. Это был невысокий, утомленный человек лет сорока пяти, выражение его лица говорило о том, что увиденное в жизни не произвело на него особенного впечатления. Он встретил меня обычной снисходительной улыбкой, выслушал доклад, глядя в окно на тот самый пейзаж, которым любовался каждый божий день вот уже пять лет. Я удостоился похвалы за ленту с программой. Обычно каргам удавалось разрушить себя, когда их загоняли в угол, что на этот раз предотвратил мой выстрел по вычислительному блоку. Успех с лентой явился результатом тонко продуманной игры, в ходе которой мне удалось усыпить подозрения противника и заманить его в ловушку. Весь план строился на тонком расчете, но теперь я чувствовал дьявольскую усталость от сыгранной роли, от всей этой проклятой жизни.

Понятно, что это лишь временный срыв, нервная разрядка после выполненного задания. Как только прочистят память, я избавлюсь от надоедливых мыслей и раздражающей ностальгии и, отдохнув несколько дней, снова буду рваться в бой.

По крайней мере, была надежда. Почему бы и нет? Так было, так будет.

Однако Джард попросил меня повременить с очисткой памяти, пока он детально не ознакомится с записями. Я уже собрался протестовать, но потом согласился, не желая выглядеть нытиком.

Обычный случай невротической сублимации. По крайней мере, я знал термин. Но мои мысли возвращались к Лайзе. Думаю, ей понравились бы плоды дэка, исчезнувшего в юрском периоде. Представляю, как бы преобразилось ее лицо, если бы я притащил парочку плодов домой, завернуты в коричневый бумажный пакет магазина компании МГА на углу. Я представил, как она очищает с них кожуру и делает фруктовый салат с тертым кокосом и бланшированным миндалем...

В тот день на пляже состоялась вечеринка. Все собрались на белом песке мелководной лагуны, где-то слышались всплески,

слишком громкие и грузные для рыбы. На песчаном валу, который усердно стремился превратиться в отмель, росли бутылевидные пальмы. Они напоминали бочки из-под пива с цветами по бокам и ветвями наверху. Было одиноко. Компанию мне составляли лишь несколько жалких сосен, а дальше уже шла роща папоротников и побеги булавовидного мха — подобие деревьев. Насекомые не надоедали, несколько неуклюжих, стремительно проносящихся в воздухе рептилий, напоминавших летучих мышей, держали их под контролем.

Я сидел на песке и наблюдал за своими соотечественниками: сильные, здоровые, крепкие мужчины и женщины плескались под защитой звукового экрана, отпугивающего ихтиозавров. Они смеялись и играли в салочки на морском песке, охраняемые часовыми, сидевшими в окопах и следившими за слоняющимися людоедами. Мы развели большой костер из плавника предшествующих геологических эпох, горланили песни всех времен, ели поджаренное мясо малютки стегозавра, пили белое вино, импортированное из Франции восемнадцатого столетия, и почитали себя творцами мироздания. А я думал о Лайзе.

Ночью не спалось. Визит к психологу и очистка памяти намечались на девять утра. Я встал еще до шести. Слегка перекусил, вышел прогуляться, последний раз погрузиться о Лайзе и поразмышлять о том, не пожертвовали ли мы чем-то главным за приобретение мудрости. На этот вопрос нет ответа, но он помог занять мысли, пока я прогуливался вдоль берега. Затем я присел отдохнуть и, глядя в море, прикидывал свои действия на случай нападения со спины, из зарослей, кого-нибудь большого и голодного. Так и не надумал, но особенно не переживал.

Неверно мыслишь, Рейвел, сказал я сам себе. Пора возвращаться и прочищать мозги, а не то скоро шагнешь в транспортную кабину, прыгнешь назад в 1936 год и выйдешь в квартале от дома через десять минут после ухода.

Я уже далеко забрался в своих невеселых раздумьях, когда прогрохотали взрывы.

Любопытно, до чего непоследовательно работает мысль в момент стресса. Я мчался по кромке прибоя, вздымая столбы брызг, и думал: «Не видать мне больше прохладного воздуха, не будет музыки, горячей еды, стимулирующей ванны, воздушной постели...» И не будет Лайзы, никогда больше не будет Лайзы.

Песчаную отмель я срезал напрямик, скользя и падая, вскарабкался вверх по склону и, продравшись сквозь заросли невысоких пальм на гребне дюны, посмотрел вниз на станцию.

Не знаю, что я ожидал увидеть: орудийные выстрелы больше всего напоминали тяжелую артиллерию Старой Эры. В

нескольких сотнях ярдов от станции заняла позиции пара громоздких пятидесятитонных машин защитного цвета на гусеничном ходу, явно вооруженных. Хотя дымящихся стволов не было видно, но отколота от угла здания глыба безусловно подтверждала наличие пушек, даже без звуков выстрела и вспышки огня на тупорылом носу ближайшего танка. Другой танк пострадал: одна гусеница повреждена, из щелей просачивался дым. Земля слегка вздрогнула, когда из него выплеснулся столб пламени. Я кинулся на землю, но успел схлопотать удар взрывной волны по ребрам — пинок разъяренного гиганта.

Пришел я в себя уже на бегу. Песок летел из-под ног, в голове гудело. Только в одном я был абсолютно уверен: что бы там внизу ни происходило, единственная кабина темпоральной переброски по эту сторону плейстоцена находится внутри станции, и чем скорее я к ней подберусь, прежде чем меня прикончат, тем счастливее прошусь с жизнью.

Никто не обратил на мой спринтерский рывок никакого внимания. Уцелевшая военная машина — Третья Эра, как произвольно отметил я, — продвигалась вперед, стреляя на ходу. Наверное, Джарду удалось частично возвести защитный экран: при каждом выстреле над станцией вспыхивала радужная мерцающая корона. Но защита против неуклюжих бронтозавров явно не была рассчитана на артобстрел. Долго ей не выдержать.

Я выбросил эту мысль и рванулся к станции. Впереди вспыхнул огненный клубок, взрывная волна отшвырнула меня, как обрывок бумаги. Я покатился по земле, умоляя Бога отвести случайный выстрел, пока наконец мне не удалось подняться на ноги. Десять ярдов, как десять миль, отделяли меня от приветливого пролома, зияющего в обвитой растениями восточной стене. Сквозь дыру виднелись остатки шкафа для хранения документов, внутренности кресел и несколько покореженных и почерневших металлических панелей комнаты отдыха. Боевые машины не приближались. Я несея изо всех сил, увязая по щиколотку в песке, а вокруг все бушевало, словно ад обрушился на землю.

Наконец я прыгнул, пролетел какое-то расстояние и, грациозно завершив прыжок, ударился обо что-то, словно молот о наковальню...

Из глаз сыпались искры, в ушах загудело. Кое-как выплыв из густого тумана, я увидел над собой защитное ограждение и залитое потом лицо шефа.

— Да очнись же! Быстрее! — вопил Джард. Он вынужден был кричать из-за непрекращающегося грохота. — Все уже в безопасности. Я ждал тебя, знал, что ты...

Конец фразы потонул в таком реве, по сравнению с которым предыдущие звуковые эффекты казались просто разминкой. Все вокруг рушилось. В воздухе стоял обжигающий горло запах дыма, измельченного в пыль камня, крови, раскаленного железа. Уже поднимаясь на ноги, я заметил, как Джард исчезает в двери, ведущей в операторскую. Я, шатаясь, побежал за ним и плюхнулся в кресло, когда он набрал код на пульте. Вспыхнул красный сигнал тревоги, завершал и резко оборвался зуммер. Джард повернулся.

— Назад! — заорал он, махая руками. — Уходи отсюда! Я же тебе сказал! Тебе надо... отсюда... координаты...

— Ничего не слышу! — заорал я в ответ и не смог расслышать собственного голоса.

Джард схватил меня за руку и подтолкнул к аварийному люку.

— Я обязан переместить станцию в нуль-фазу, ты понимаешь? Нельзя, чтобы ее захватили...

Джард приподнял крышку и спихнул меня вниз. Чертовски вежливо обращаться так с оглушенным человеком... Удар головой об пол прочистил мне мозги.

— Беги же! — кричал мне Джард. — Уходи как можно дальше. Удачи, Рейвел...

Голос смолк, и я, шатаясь, поднялся и побежал. Этого требовал Нел, а он пока был моим шефом.

В следующую секунду мир взорвался, и я кувырком полетел в преисподнюю. Тысячи тонн раскаленного песка навалились сверху, похоронив меня навеки.

5

— Ну, может быть, не совсем навеки, — деловито проговорил тоненький голосок.

— Весьма похоже, — возразил я сам себе и почувствовал, что рот полон песку. Попытался вдохнуть через нос и сплюнуть, но песок мгновенно набился и в ноздри. Инстинктивно я судорожно задергал руками и ногами, продираясь вверх сквозь пыль и щебенку к жаре, к запаху горелого пластика, к воздуху, пыльному, дымному, но все же воздуху. Я откашлялся, прочищался, сплюнул комок пыли и осмотрелся.

Я лежал в служебном проходе, стены которого покорбились и вздулись, словно оплавленные. Пол на щиколотку погрузился в песок, из которого я только что вырвался. Я знал, что проход ведет в насосный отсек, откуда через люк можно

выбраться на поверхность. Все, что мне оставалось делать, так это продолжать двигаться вперед, затем выбраться через люк... и...

Я решил, что об этом «и» можно подумать позднее. Все еще поздравляя себя за проявленное под вражеским огнем хладнокровие, вдруг заметил, что для находящегося на глубине двадцати футов туннеля освещение уж больно хорошее. Источник света находился за спиной. Обернувшись, я увидел через сплетение металлических плит и брусьев полосу ослепительного света.

Через дюжину ярдов стало легче идти — меньше песка и обломков.

С дверью в насосный отсек пришлось повозиться, пока не вспомнил, что надо тянуть на себя, а не толкать. Оборудование осталось совершенно целым, хоть сейчас качай свежую воду с глубины сто двадцать футов. Я пошлепал ближайший насос и потянул крышку люка. Меня все еще подташнивало, очертания перед глазами расплывались, в теле чувствовалась такая слабость, как у юнги во время первого морского шквала. Когда я нажал кнопку, вверху жалобно взвыл мотор. Люк открылся, вниз посыпался песок и упала маленькая зеленая ящерица. Я выбрался наружу, глотнул свежего воздуха и осмотрелся.

Перед моим взором раскинулся плавный изгиб береговой полосы, испещренный воронками и исполосованный следами гусениц. А на месте станции не осталось ничего, кроме дымящегося кратера.

Я улегся на мягком теплом песке и и собрал все свое мужество. Глаза слезились от сияния тропического южного солнца, на лбу и груди выступил пот, в голове мелькали знакомые образы: станция после первого своего скачка много лет назад, чистые кают-компании, уже через несколько лет ставшие нам домом. После трудного задания там всегда тебя ждали, туда возвращались твои коллеги, оттуда уходили выполнять очередное задание. Разговоры за обедом в столовой, чистота, деловитость, даже главный пульт, ежеминутно показывавший положение темпорального отклонения на временной оси. Но главного пульта больше не существовало, как не было и сотен микропленок с записями, и китайского кингко, росшего в кадке в комнате отдыха. Все расплавилось в шлак.

Я вспомнил, как Нел Джард кричал мне, чтобы я убирался... и еще что-то сказал мне. Очень важное надо было сообщить кому-то и куда-то. Тщетный труд. Положение казалось совершенно безнадежным и могло сравниться с положением оперативника Пекс-Центра, потерявшего связь с базой.

Впрочем, им не было так худо.

На этом все мои мысли закончились, голова склонилась на песок и на глаза упала темная пелена.

Когда я проснулся, солнце уже садилось. Тело напомнило о себе болью. И чесалось. Огромных москитов вовсе не затруднило найти млекопитающее там, где никаким млекопитающим быть не полагалось. Они устроились на мне, рассудив не брезговать прекрасной пищей. Я отогнал наиболее упорствующих и спустился вниз на разведку. Судя по всему, серьезных ранений не было, просто множество мелких порезов да кое-какие синяки и ушибы. На месте станции не осталось даже развалин, только чашеобразная впадина расплавленного стекла диаметром в сотню ярдов, окруженная обугленной растительностью. Ничто не уцелело — ни люди, ни оборудование. И хуже всего — сознание невозможности скачка. В Пекс-Центре так и не узнают о происшедшем, нигде и никогда.

Третья Эра или кто-то маскирующийся под нес уничтожили станцию с тщательностью, в которую трудно было поверить. Непонятно, как им удалось обнаружить ее, учитывая принятые меры безопасности в отношении дислокации 112 станций, разбросанных во времени Старой Эры. Что касается базы Пекс-Центра, местонахождение ее не знал даже сам конструктор. Она дрейфовала в ахроническом пузыре по энтропийному потоку, никогда материально не существуя ни в одном пространственно-временном годографе. Блок контроля станции укрывался двенадцатью рядами взаимозависимых шифров в главном хранилище Пекского мозга. Единственный путь к нему пролегал через темпостанцию — ту самую, на которую было настроено мое личное поле темпорального скачка. Да, и от которой сейчас остался только кратер с полудюймовым слоем зеленоватого стекла.

Мрачная усмешка последовала за промелькнувшей мыслью.

Личный привод аварийного скачка, встроенный в тело, был невредим. В мощной катушке хватит энергии для прыжка. Недоставало лишь цели, а без нее я не могу войти в темпополе. Значит, не буду знать, где закончится прыжок, если он вообще закончится.

В Пекс-Центре ходила масса ужасных историй о сорвавшихся на скачке. Несчастных разбрасывало по дюжине станций, расположенных в нескольких столетиях, либо от них оставались только бестелесные голоса, умоляющие о помощи. Вот почему пользоваться аварийным кодом предписывалось лишь в случае крайней необходимости.

Другой путь — построить на берегу жилище по соседству с динозаврами и надеяться на спасательный отряд, прежде чем умереть от жары, жажды, рептилий, скуки или старости.

Тут было над чем подумать.

Рядом валялись несколько каменных глыб и обугленные стволы булавовидного мха. Из дров можно развести костер, как-нибудь убить ящерицу и поджарить на обед...

Малопривлекательный, но пока единственный реальный план. В другом случае — рискованный эксперимент, результат которого по всем канонам отрицательный. Не стоит пороть горячку. Меня сильно поцарапало и помяло, но я жив. Голодной смертью не умру, в насосном отсеке есть вода. А если со станции успели послать сигнал бедствия, в данный момент уже комплектуют спасательную команду, готовую ринуться на помощь по касательной темпополя.

Стемнело. Звезды по-прежнему мерцали, и не было никакой катастрофы в биографии Игоря Рейвела, оперативного агента Пекс-Центра. С шумом накатывался и отступал прибой, равнодушный к личным проблемам прямоходящего двуногого существа, которое не имело никакого отношения к окружающей действительности сейчас и в ближайшие шестьдесят пять миллионов лет.

Я побродил по берегу, поглядывая на вечные звезды и любясь томительным волшебством. Затем выкопал ямку и лег спать.

7

Пришел рассвет, а вместе с ним динозавры. Я уже видел их раньше издали: робкие созданища, удиравшие при первом же прикосновении ультразвукового луча, который Джард приспособил для этих целей. Говорили, до начала моей службы случались инциденты с крупными экземплярами, приходилось отпугивать их от города импровизированными трещотками. Слишком глупые твари не представляли серьезной угрозы, но все опасались случайно попасть им под ноги или в пасть вместе с охапкой травы.

На этот раз динозавров было трое. Довольно крупные ребята, а под рукой ни одного генератора ультразвука, ни сирены, только мои природные голосовые связки.

Я вспомнил, как однажды Доул, оперативник, решил искупаться и попал в переплет: при выходе из воды на берег из леса между ним и станцией выскочил огромный ящер с внушительными челюстями. Доул отделался обычным delirium

tremens¹: чудовище протопало мимо, даже не взглянув на него. Он был слишком миниатюрной мишенью, чтобы представлять интерес для такого большого желудка.

Это меня не утешило.

Направлявшееся ко мне трио представляло довольно редкую разновидность, которую мы нарекли Королевским Шутом из-за глуповатой ухмылки и красочного украшения на черепе. У ящеров данного вида были огромные страусиные ноги, вытянутая шея и чрезмерное количество зубов.

Изображая валун, я, не двигаясь, лежал на песке, пока они вперевалку приближались ко мне. Два больших, а один просто гигант восемнадцати футов в плечах. По мере того как они приближались, я начал задыхаться от страшного зловония. Эти огромные машины пропускали огромную массу воздуха. Я попробовал подсчитать оптимальный диаметр глотки, объем легких, потребность в кислороде и процентное содержание последнего в фунте воздуха. Примерно в сотне футов занятие пришлось прекратить, сосредоточиться мешало урчание их желудков.

Верзила первым почуял меня. Голова его вздернулась, тусклый, словно ведро с кровью, глаз повернулся в моем направлении. Он фыркнул. Затем вздохнул — не меньше галлона. Пасть открылась, дав мне возможность полюбоваться рядом белоснежных, готовых вонзиться в плоть зубов. Он загудел как паровоз и устремился ко мне. Настало время решать, и я не колебался.

Вдохнув напоследок влажный морской воздух, я окинул взглядом море, песок, пустое безразличное небо и силуэт чудовища на его фоне. Затем набрал аварийный код встроенным в челюсть тумблером.

Пейзаж скользнул в сторону и растворился в неощутимом ударе. В это время я уже описывал петлю за петлей в свернувшейся в лист Мебиуса Вселенной...

Сплошная темень и рев, как спуск в бочке по Ниагарскому водопаду.

8

Несколько секунд я лежал совершенно неподвижно, мысленно ощупывая свое тело. Руки-ноги целы. Шум не утихал, вокруг по-прежнему было темно. Неопределенная ситуация: вроде бы уже покинул Берег, но никуда еще не прибыл.

¹ Delirium tremens (лат.) — белая горячка.

Согласно инструкции, при любой неисправности в темпополе следовало сохранять неподвижность и ожидать корректировочного импульса. В данном случае это могло занять довольно много времени. Пока еще никто не докладывал о таких срывах, поэтому инструкция могла ошибаться. Я вздохнул — ничего не произошло. И тогда окончательно решился...

Я встал, шагнул в тишину, в странный черноватый свет, простреливаемый маленькими ослепительными точками, какие видишь перед собой при потере сознания, и будто раздвинул занавес.

Ослепительные блески рассеялись, и я очутился в стандартной кабине темпорального перехода этапной Пекс-станции. Дышалось свободно.

Я постоял немного в недоумении, затем повернулся к завесе, сквозь которую прошел. Это была обыкновенная бетонная стена около двух метров толщиной.

Возможно, это гудели молекулы плотного вещества, сквозь которые проникали сто восемьдесят фунтов загрязненной воды?

Я отложил изучение феномена на неопределенное время, предстояло отыскать шефа станции и доложить о внезапной атаке и разрушении темпостанции девяносто девять.

За десять минут я осмотрел каждую комнату в оперативном отсеке. Жилые помещения пустовали. Равно как и отсеки с оборудованием и силовой установкой.

Темпоральный датчик вырисовывал обычную картину, пластины излучателя светились под нагрузкой, по всему пульту горели зеленые лампочки, но индикатор блока стоял на нуле: на станцию не поступал даже микроэрг.

Это было невозможно.

Каждая этапная станция, с одной стороны, осуществляла наводку персонала, с другой — замыкалась на Пекс-Центр. По цепи всегда поступала энергия. Пока существовала система, такое состояние в нормальном пространстве-времени было невозможно.

Отсюда с убийственной закономерностью следовал только один вывод.

Либо системы Чистки Времени больше не существует, либо я нахожусь за ее пределами. И поскольку сфера влияния охватывала весь пространственно-временной континуум, трудно представить, что оставалось на мою долю.

Все станции походили одна на другую и внешним видом, и оборудованием, и электронными характеристиками. Массовое производство осуществлялось время дробильным процессом распределения их по темпоральному пространству. Часть теоретиков считала станции временными дубликатами одной физической

матрицы. Но одно дело гипотеза, а другое — факт, который можно пощупать. Поэтому первым делом необходимо выяснить, где я нахожусь.

Я прошел к шлюзовой камере (некоторые станции размещались в местах, где были довольно суровые внешние условия), подождал, когда откроется входной люк, и шагнул наружу.

Чуть было не шагнул.

Где-то в десяти футах от входного крыла поверхность обрывалась. Дальше клубился жемчужно-серый туман, завихряющийся у невидимой преграды. Я прошел по выступу, лег плашмя и заглянул через край. Дно станции, изгибаясь, уходило в глубину и терялось в туманной мгле. Видневшаяся часть блестела как зеленое зеркало.

Как стекловидная поверхность кратера, что остался на Береге Динозавров.

Я отполз от края пропасти, вернулся на станцию, прошел в хранилище и вытянул наугад кассету. На экране вспыхнула считываемая информация: рутинные данные о затратах энергии, о флуктуациях темпорального рельефа, записи прибытия и отправления оперативных агентов — обычные станционные формуляры, и на каждом из них повторялся номер станции.

Темпостанция девяносто девять. Именно то, чего я боялся. Вогнутое дно островка, на который меня выбросило, совпадало бы со стекловидным чашеобразным углублением на Береге Динозавров так же, как отливка совпадает с литейной формой. Станцию не разрушил вражеский обстрел, ее выдернули из почвы, как огромное фисташковое дерево, и переместили сюда.

Я вернулся в отчий дом, на свою же станцию. Так вот что пытался сказать мне Нел Джард! Он подождал моего удаления на безопасное расстояние и нажал кнопку. Сработала программа аварийного спасения, о которой ничего не знал и не мог знать рядовой оперативник.

Джард поступил правильно. Враг был у самых ворот. Через несколько минут экраны защиты рухнули бы от перегрузки. Все секреты Пекс-Центра о передвижениях во времени попали бы во вражеские руки. Джард обязан был предпринять что-то для спасения станции, обязан был любой ценой избежать разрушения. И он последовал инструкции.

Тот факт, что возможности Пекс-Центра намного превосходили мои представления — дело десятое, и я решил погоревать о своих заблуждениях позднее, а сейчас покончить с более важными проблемами.

В самую последнюю минуту Джард кричал о чем-то важном, что я должен кому-то и куда-то сообщить. Я не расслышал ни слова, находясь в возбуждении. Он поторопил меня, сосчи-

тал до десяти и нажал кнопку. Станция исчезла, оставив меня в безопасности.

А затем я свел на нет все его усилия, воспользовавшись встроенным блоком, и прыгнул туда, где мне быть вовсе не полагалось.

Нулевая фаза, пришел на ум обрывок фразы. Теоретическое понятие, встречаемое в технической литературе. На этот раз теория не подвела.

Это место находится просто вне времени и пространства. Точка нулевой амплитуды по кривой поля Айлема, которое мы называем пространственно-временным континуумом.

Я прошел по комнате, вслушиваясь в эхо шагов и гудение аппаратуры. Все, что я видел, слышал, обонял и осязал, казалось совершенно нормальным, за исключением клубящегося снаружи тумана.

Если это станция с Берега Динозавров, то где же пролом в стене комнаты отдыха, через который я прошел несколько часов назад? Где обломки и дым, трупы и следы нападения?

Станция сияла как яйцо. Я вытащил архивный ящик. Папки в порядке, никаких признаков поспешной эвакуации, вражеской атаки или паники, которая случается в последнюю минуту.

Синдром «Марии Селесты» на борту станции.

Я прошел в столовую. На одном из столиков лежала пара подносов с остатками пищи, довольно свежими: единственное нарушение всеобщего безразличного порядка.

Нажав раздаточную кнопку, я получил обед. В прорезь выскочил поднос с дымящейся горячей едой: синтето. Я вспомнил о запеченной ветчине и кукурузных початках, о Лайзе, ожидающей меня в маленьком домике...

Черт возьми, уж об этом уговора не было! Человек сделал свою работу, бросил все, следуя зову долга, в полной уверенности, что муки памяти сгладятся под шлемом мыслетона. Контакт ни одним словом не говорил о пустой станции, опилках и золе на обед, о муках и тоске по голосу, улыбке, прикосновению...

Черт бы ее побрал, обыкновенную женщину, эфемерное создание, рожденное на заре времен и прожившее короткую, как огонек пламени, жизнь, умершую и обратившуюся во прах тысячелетия назад...

О, Л а й з а, Л а й з а!

— Довольно! — прикрикнул я на себя и вздрогнул от звука собственного голоса, продолжая мысленно: «Всему есть простое объяснение. Не совсем простое, но все же объяснение.» — Спокойно, — произнес я вслух, игнорируя эхо. — Транспортировка сместила станцию к раннестоящей точке на темпоральной

оси. Та же станция, другое время. Или вообще никакого времени. Математика подсказет, можно не сомневаться.

Какое это имеет значение, понимаю я что-то или нет? Станция существует, несмотря ни на что, и я — вместе с ней. Вопрос только в одном: что делать дальше?

Густой и неподвижный воздух обволакивал, как погребальный фимиам. Казалось, все вокруг замерло в ожидании перемен. Но без моего желания их не будет.

— Ладно, Рейвел, — успокоил я себя. — Не дурачь себя. Ты знаешь, что делать. Единственное и...

Я встал и прошел через операторскую по служебному переходу к транспортной кабине.

Никаких изменений. Чуть теплились пластины излучателей, по табло бегали контрольные цифры. Все так, как и должно было быть, только не светился ласковый зеленый огонек — индикатор энергообеспечения, подтверждающий замыкание схемы внешней цепи на Пекс-Центр.

Стоило только войти и переместиться во времени... Но куда?

Вихрем пронесли сомнения, но я отбросил их и вошел внутрь. Дверь закрылась, и я остался наедине со своими мыслями. Не давая им ходу, протянул руку к кнопке и нажал.

Беззвучный взрыв стремительно бросил меня в бездонную пропасть.

9

Головокружение медленно отступало. Мало-помалу возвращалось чувство реальности: жара, жесткий настил под ботом, глухое шуршание, скрип, покачивание, слабое мерцание света сквозь веки. Я открыл глаза. По воде скользили солнечные блики. Я лежал на деревянной палубе, выгнувшись в неудобной позе.

Я попробовал пошевелиться и застонал от резкой боли, но кое-как сел.

Плоскость горизонта дрожала от испарений и покачивалась, заслоняемая вздымавшимся фальшбортом из потертой, обожженной солнцем древесины. Надо мной на фоне сочного синего неба раскачивались мачты рангоута и такелаж парусного корабля. В памяти всплыли гипноданные о парусниках: я распознал типичную окраску португальского галеаса шестнадцатого столетия.

Подделка, решил я почему-то. Имитация, возможно, из Нового Возрождения, около 2220г. нашей эры. Искусно выполненная копия точно соответствовала образцу, хотя под деревян-

ным настилом под дуб наверняка скрывался стальной каркас и небольшой реактор, а в роскошных каютах созданы все условия для оператора и дюжины веселящихся экскурсантов.

Постепенно сознание начало воспринимать звуки: скрип канатов и шпангоутов, обрывки разговора и сильный грохот. Что-то грузно ударилось о палубу. Корабль вздрогнул. Столб соленых брызг перевалил через леерное ограждение и окатил меня ледяной пылью так, что сперло дыхание. Я отер лицо и в полумиле разглядел другой корабль, тяжелый двухпалубник с тремя мачтами под развевающимся длинным зеленым шкентелем с грязно-белым мальтийским флагом. Вдоль борта облачка дыма обозначили невидимые орудия. В море поднялся фантастический веер приближающихся водяных столбов.

— Баррум-ум! — докатился отдаленный гром.

Мысли круто изменили направление. Картинка с веселыми туристами, путешествующими по Карибскому морю на мнимом пиратском корабле, испарилась, как брызги от пушечных ядер. Стреляли самые настоящие орудия подлинными снарядами, которые запросто могли продырявить палубу и меня в том числе.

Я вскочил на ноги и посмотрел на корму. Вокруг маленькой палубной пушки сгрудилась кучка людей, подготавливая ее к стрельбе. Все они были одеты в костюмы шестнадцатого столетия, поношенные, испачканные и пропотевшие. У одного из пореза на щеке текла кровь. Рана выглядела слишком натурально для игры.

Я укрылся за большую клеть, где держали живую черепаху с щербатым и поблекшим панцирем около ярда в поперечнике.

Раздались крики, и что-то трепеща слетело вниз и шлепнулось неподалеку на доски. Я разглядел изорванное в клочья знамя из грубого холста — аляповато раскрашенный и выцветший на солнце длинноногий зеленый цыпленок с рогами на грязно-желтом фоне. Геральдика не входила в число моих увлечений, но в пояснениях не было нужды: я находился в самом разгаре морской битвы, причем на стороне терпевших поражение. Галеон заметно увеличился в размерах, приближаясь правым галсом. Появились облачка дыма, раздался свист, треск, словно на раскаленную сковородку вылили масло, и на меня дождем посыпались щепки. Около пушки нескладно рухнул моряк в зюйд веске, извергнув целый фонтан крови, и задергался, как подсеченный карп. Вновь послышались вопли и грузный топот. Кто-то пробежал мимо клетки, крича на ходу и, возможно, обращаясь ко мне. Я не шевелился, ожидая вдохновения, хотя бы маленькой подсказки.

Озарение явилось в виде коренастого смуглого детины, босого, в обтрепанных розовых крагах и мешковатых желтовато-

черных штанах, подпоясанных кожаным ремнем шириной в ладонь, на котором висела абордажная сабля, будто выкованная из обода старой бочки. Он подбежал ко мне и завопил, размахивая короткой, толстой рукой. Я поднялся на ноги. Он опять махнул рукой и побежал в сторону бака.

Мое появление не удивило его, я почти разобрал в общих чертах смысл его монолога. Он крыл, на чем свет стоит, болвана Гонзало, который вел себя как последняя сволочь, и кончил тем, что пообещал выпустить ему кишки. И еще потребовал помочь ему зарядить 50-мм гаубицу.

Чертов дурень, пронеслось в голове. Надо бросить пушку за борт, чтобы облегчить корабль. Ваш единственный шанс — удрать от них, но и бегство уже невозможно...

Длинный конец каната, с визгом рассекая воздух, ударил меня по лицу и отшвырнул в сторону. В следующую секунду сверху на палубу грохнулся кусок рангоута толщиной с полено, подскочил и вылетел за борт. Корабль накренился и лег на воду. По палубе покатались бочки. Паруса затрепыхались и обвисли. Прогремели новые выстрелы, раздался треск, вопли и топот бегущих ног. Обнаружив укромное местечко под шпангоутом, я, больше не думая и не отводя взгляда от натянувшейся грот-мачты, плюхнулся прямо в скопление отбросов. Парус хлопнул как пистолетный выстрел, и мачта рухнула в наветренную сторону, увлекая надувшееся полотно. Холст не выдержал, треснул и покрыл всю корму. В следующее мгновение его стянуло за борт течением, и вместе с ним в море сползло несколько несчастных матросов. Словно комья земли после динамитного выстрела, сверху посыпались куски дерева. Мелькнула неясная тень, рангоуты скользнули вверх, а последовавший толчок швырнул меня лицом вниз. Раздался взрыв, другой, третий. Во все стороны полетели доски, обрывки...

Я заскользил и покатился по палубе, ухватился за канат и замер, прижавшись к борту. Галеон неотвратимо надвигался. Нападающие облепили снасти, толпились вдоль борта, возвышающегося на десять футов над нашей палубой. Они размахивали саблями и кричали. Я смотрел в черные дула проплывающих пушек, в темные квадратные окошки, откуда ухмылялись почерневшие от дыма лица. Полетели абордажные крючья, скользнули и вцепились в затрещавшее палубное покрытие. В следующее мгновение с борта галеона посыпались люди, перемахивая через леерные ограждения и заполняя палубу. Смуглый человек бросился им навстречу. Над его головой мелькнула сабля, удар показался игрушечным, но смельчак рухнул и обагрил палубу кровью. Оглашая воздух яростными криками, мимо него промчалась толпа нападающих. Я вжался в палубу и ог-

ляделся. Размахивая мачете, в мою сторону рванулся высокий здоровяк, грудь колесом. Я откатился и едва успел выхватить маузер. Дважды выстрелив в лоснящуюся грудь, я отскочил в сторону, а он свалился на то место, где я лежал секундой раньше. В суматохе никто не услышал выстрелов.

Невысокий босой паренек с кривыми ногами попытался взобраться на грот-мачту, за ним прыгнули и стащили вниз. Кто-то полетел за борт, не знаю, живой или мертвый. Озверевшая толпа продолжала крушить палубу. Все они громко кричали, не рубили, а лишь бесцельно размахивали абордажными саблями, забыв о валявшихся тут и там несчастных, которые уже насладились сражением и, зажимая раны руками, молились напоследок Святой Деве.

И тут я увидел карга.

10

Сомнений не было. Для неопытного глаза карг первого класса — а только таких и использовали в работе по Очистке Времени — ничем не отличался от обычного человека. Но у меня имелся опыт. Кроме того, я знал его лично. Это был тот самый карг, которого я обезвредил и оставил в номере гостиницы в Буффало с куском свинца под левой скулой.

В настоящий момент он стоял целый и невредимый, без дыры в голове. Такой же опрятный и спокойный, он уверенно спустился на палубу, не обращая на окружающие пустые забавы никакого внимания. Судя по золоченым галунам на обшлагах и потускневшему медному эфесу сабли, он был важной особой. Капитаном или старшим помощником. Подчиняясь его приказу, пираты утихомирились и выстроились в разрозненные ряды.

Сейчас последует распоряжение о грабеже корабля и убийстве оставшихся в живых.

Судя по тому, что мне было известно об условиях содержания пленников на испанских парусниках, быстрая смерть казалась намного предпочтительнее долгого путешествия, в конце которого ждали каторжные работы на галерах. Я уже начал обдумывать, где бы притаиться и подождать удобного случая, когда дверь кабины сбоку открылась. Точнее, ее пытались открыть. Я загораживал проход, так что створка продвинулась дюйма на два и уперлась в бок. Кто-то яростно толкнул ее изнутри и пытался протиснуться наружу. Я увидел ботинок, руку в голубом рукаве с золотыми пуговицами. Однако незнакомец выстрелил. Похоже, зацепился за что-то поясом. При этом

звук карг обернулся, пристально посмотрел на дверь кабины и долго-долго, наверное не меньше секунды, не отрывал взгляда, затем извлек красный, усыпанный жемчугом пистолет с расширенным дулом, торопливо поднял и прицелился...

Грохнуло так, словно взорвалась бомба, из ствола вылетели пламя и дым. Свинец сочным хлопком ударил в цель, как мяч по перчатке вратаря. Парень в двери рванулся и тяжело рухнул ничком. Потом дернулся пару раз, точно его тыкали палкой, и затих.

Карг повернулся к матросам и отрывисто прокричал команду. Те возмущенно зароптали, с разочарованным видом оглядывая палубу, но затем повернулись к борту.

Вместо осмотра и грабежа — приказ убираться.

Все выглядело так, словно карг добился своего.

Через пять минут последние из абордажной команды вернулись на галеон. Карг спокойно и неподвижно стоял на корме, как может стоять только машина. Потом осмотрелся и направился ко мне. Я продолжал изображать труп.

Он перешагнул через меня и вошел в кабину. Оттуда донеслись неясные звуки, как будто рылись в ящиках, шумели цинковками, потом он вышел. Я слышал, как удаляются шаги, и приоткрыл глаза.

Он стоял у леерного ограждения и спокойно обрывал защитную пленку из фольги с термитной бомбы. Когда раздался предупреждающий свист, карг бросил заряд в открытый люк у своих ног так беспечно, словно опустил сливку в мартини.

Пройдя с тем же хладнокровием по палубе к борту, он ухватился за канат и с похвальным проворством забрался на галеон. Затем кто-то прокричал команду. Корабль тотчас ожил: паруса задрожали и поползли вверх, часть людей бросилась натягивать тросы. Рангоуты галеона дрогнули и с сильным шумом и треском оторвались от оснастки обреченного корабля. Высокий борт испанского двухпалубника удалялся, натянутые паруса гулко хлопали. Совершенно неожиданно я остался один и, продолжая лежать, наблюдал за тем, как уменьшается уходящий по ветру с поднятыми парусами вражеский корабль.

В этот момент в трюме послышалось злое шипение. Я понял, что взорвалась термитная бомба. Из люка повалил дым, сопровождаемый языками пламени. Я подскочил и, шатаясь, прижался к кабине, не в силах оторвать взгляда от адского пламени подо мной. Какой бы стальной каркас ни был у этой калоши, он ее не спасет: в 5000-градусной жаре все сгорит, как сухой хворост.

Несколько драгоценных секунд я пытался разобраться в происходящем, понять хоть что-то. Огонь шипел и трещал,

коража палубу. Тень от обломка грот-мачты извивалась, словно грозила пальцем застреленному каргом человеку.

Тот лежал на животе, уткнувшись в ворох кружев, пропитавшихся кровью из багряной лужи под горлом. Одна рука подогнулась, другая откинулась в сторону. В ярде от нее валялся пистолет.

Я нагнулся и подобрал оружие. Это был 7-мм микрореактивный пистолет производства Пекс-Центра, рукоятка как влитая легла на мою ладонь.

Иначе и быть не могло. Пистолет был мой. Я посмотрел на руку, из которой он выпал. Похожа на мою. Пересиливая себя, я повернул труп и взглянул на лицо. Это было мое лицо.

11

Стандартная психообработка после выполнения задания на-чисто заблокировала в моей памяти всю последовательность событий, но теперь барьер рухнул. Я все вспомнил. Время: где-то десятью годами раньше — относительное или 1578 год — местное. Театр действий: Карибское море, около шестидесяти миль на юго-запад от острова Св. Томаса. Цель: поиск корабля под командованием карга, который орудовал в водах Новой Испании. Я вспомнил вхождение в контакт, погоню и abordаж, вспомнил, как ожидал в кабине подходящего момента для единственного хорошо проверенного выстрела. Это было одно из первых моих поручений, отчет о благополучном завершении которого давным-давно ушел в хранилище и стал частью истории Чистки Времени.

Теперь же все переменялось. Дело пересмотрено в связи с появлением нового свидетельства. Я оказался продублированным в собственном прошлом.

Тот факт, что двойник является нарушением закона управления путешествиями во времени, представлял лишь крохотный аспект проблемы и становился теперь вовсе ничтожным в связи с другими обстоятельствами. Чистка прошлого, столь мучительно претворяемая в жизнь Пекс-Центром с целью исключения разрушительных последствий вмешательства Старой Эры, терпела крах.

И если выпадает кусочек тщательно выкладываемой мозаики, то весь комплекс возводимых на ней сооружений может сползти к темпоральному катаклизму и сжаться в ледяной ком, который ни Пекс-Центр, ни кто-либо не в силах растопить.

Имея надлежащий рычаг, можно перевернуть мир. Но для рычага необходима точка опоры. Такой опорой на протяжении

последних шести десятилетий служила деятельность Пекс-Центра, направленная на сооружение в доисторических временах некой платформы, на которой держались бы все дальнейшие постройки.

Теперь, по моей вине, фундамент дал трещину.

Я вспомнил первоначальный ход событий: как дождался удобного момента, рывком открыл дверь, прицелился и, прежде чем антропоид уловил своей системой опасность, трижды выстрелил ему в грудь. Он упал, захватчики в ярости бросились на меня, но натолкнулись на защитное поле. Пиратов охватила паника. В ужасе перед невидимой преградой они отступили на галеон, отчалили и с расправленными по ветру парусами ушли в сумерки истории. Тем временем я направил галеас — специально оборудованное, замаскированное под корабль базовое средство транспортировки — к точке подбора грузов в годографе, откуда его направили на консервацию и в хранилище Пекс-станции технического обслуживания.

Теперь события развернулись иначе.

Я заблокировал дверь и помешал другому моему «я» завершить поручение, тем самым разрушив целый сегмент темпокарты и обратив планомерную стратегию Пекс-Центра в хаос. Карг удалился воссояси цел и невредим, а я остался лежать на корабле мертвей некуда — со свинцовой пулей в горле.

И в это же время я стоял на палубе, глядя на свой труп и мало-помалу осознавая всю безвыходность своего положения. Я попал в ловушку.

Агент Пекс-Центра — человек, которого трудно ликвидировать, поскольку он защищен всеми достижениями науки и техники.

Но если его удастся завлечь в замкнутую петлю неосуществленной альтернативной реальности — псевдореальности, из которой нет и не может быть выхода в несуществующее будущее, тогда с ним покончено навсегда.

Даже если я чудом уцелел — весьма сомнительное предположение, учитывая охвативший весь корабль пожар, — возврата не будет: я использовал личный импульс аварийного скачка. Ни один прибор не зарегистрировал место моего пребывания. Когда я прыгнул со станции-призрака, пришлось рискнуть и войти в темпополе без места назначения. И вот теперь в то единственное уязвимое мгновение, когда при выполнении задания другое мое «я» сняло защитное поле, чтобы разделаться с каргом, его убили. Данные о погибшем оперативном сотруднике сотрутся с пульта слежения, и еще одного неудачника, проявившего гибельную беспечность, просто вычеркнут из списков.

Предадут забвению и двойника, сунувшего нос не в свое дело.

Мысли заматались в поисках выхода. Найденному решению не доставало привлекательности, но в качестве альтернативы мне предстояло спореть заживо или утонуть в теплых водах Карибского моря.

Настроенный на меня блок аварийного темпоскачка, скрытый в челюсти, сейчас бесполезен, поскольку я не подзарядил его на базе. Но в трупe, лежавшем у моих ног, находился его дубликат. Схема прибора — от антенны до энергоблока — состояла главным образом из нервной системы владельца.

Необратимые изменения в мозгу наступают через пять минут, но темпо привод мертвеца по идее должен еще работать. Открытым оставался вопрос — учитывая радикальную перегруппировку причинной последовательности, — куда сфокусирован импульс. В какой-то мере это зависело от мыслей погибшего в момент смерти.

Палуба раскалилась так, что прожигала подошвы. Корабль окутывал дым. Пламя ревело, как водопад во время весеннего разлива.

Я примостился рядом с мертвым двойником. Челюсти трупа были раздвинуты. Я сунул палец внутрь и набрал на устройстве, скрытом в коренном зубе, код темпорального перехода. А по спине уже хлестали языки пламени из раскрытого люка.

Я почувствовал, как огромный великан посадил меня на одну ладонь и прихлопнул другой.

12

Было темно. Я летел вниз. Падение заняло, вероятно, секунду. Не успев ничего сообразить, я плюхнулся в теплую, вонючую и густую, как гороховый суп, грязь. Погрузился и тут же выплыл, отдуваясь и задыхаясь от тошноты. Барахтаясь в мутном иле, я попытался плыть и с трудом держался на поверхности. Затем лег на спину и, перебирая руками, попытался отдышаться. Глаза залепило чем-то клейким.

Вонь стояла такая, что можно было разрезать ее на куски. Я отплевывался, кашлял, шлепал по жиже, пока рука не коснулась изгиба дна. Я споткнулся о него коленями и пополз на четвереньках, отфыркиваясь и безуспешно пытаюсь соскрести с глаз вонючую грязь. Попробовал выползти наверх, но поскользнулся, съехал назад и снова почти с головой ушел в жижу.

В следующий раз я повел себя осмотрительнее: подался вперед, отталкиваясь от жижи телом, и выбрался на сухое место. Подобного берега я раньше никогда не видел: твердая

гладкая поверхность шла вверх. Я пополз, соскальзывая, разбрызгивая нечистоты, задыхаясь в мерзких испарениях. Под рукой расплодилось рыхлое гнилье. Я вновь попробовал выкарабкаться наверх, но, поднявшись на ярд, соскользнул на дно.

Тело устало, оно требовало передышки, а уцепиться было не за что. Стоило замереть, как меня начинало затягивать вглубь. Я представил себе медленное погружение в липкую жижу, удушье, полные легкие этой дряни, гибель и постепенное разложение...

Меня охватила паника. В отчаянии я крикнул.

И на крик отозвались.

— Эй, там, внизу! Прекратите дергаться! Сейчас я брошу веревку!

Голос был женский, если не сказать женственный, и доносился откуда-то сверху. Он прозвучал слаще ангельского хора. Я попытался ответить бодрым и небрежным возгласом, но с трудом прохрипел что-то невнятное. Сверху упал луч и заскользил по пузырящейся черной поверхности, пока не попал мне на лицо.

— Лежите тихо! — приказал голос.

Луч ушел в сторону, описал круг и вернулся. Что-то со свистом рассекло воздух и плюхнулось в слякоть недалеко от меня. Я забарахтался и нащупал полудюймовый покрытый слизью канат.

— Там на конце петля. Суньте ногу, и я вас вытащу.

Канат скользил в руках. Повозившись в грязи, я нащупал узел, еще раз окунулся с головой, пытаюсь зацепиться ногой, и наконец обеими руками ухватился за петлю. Канат натянулся. Я вцепился в него и поехал вверх по склону. Продвижение замедлилось. Ярды. Еще один. Пол-ярда. Фут. Угол наклона уже превысил тридцать градусов. Я крепко прижимался к скату. Еще одно усилие, и я услышал трение каната. Мои руки наткнулись на кромку. Я ухватился за край, закинул ногу, перевалился через край, пополз по мокрому песку, но тут же лишился чувств.

13

Солнце било в глаза. Забыл задернуть шторы. Матрац комками. Все болит, болит...

Я разлепил ресницы и увидел белый песок, гребнями спускающийся к берегу латунного моря. Свинцовое небо и серые волны, с глухим плеском накатывающиеся на песчаный пляж. Ни птиц, ни парусов, ни ребятишек с ведерками, ни красавиц в купальных костюмах. Только я и вечное море.

Увы, знакомый пейзаж. Я вернулся на Берег Динозавров. Солнце только вставало и чуть осветило мое израненное тело.

Когда я попытался сесть, что-то затрещало. Грязь на брюках засохла и приклеилась к ногам. Серая пленка покрывала туфли. Я хотел согнуть колено и вскрикнул от боли. Одежда затрещала, от нее кусками стала отваливаться засохшая грязь. Я весь был покрыт коркой грязи, словно креветка в тесте. Лицо тоже в грязи. Я стал методично соскребать с себя грязь, как обычно очищают яйцо от скорлупы, и прежде всего со щек и глаз. Результаты были плачевны.

— Я вижу, вы проснулись, — слышался сзади бодрый голос.

Я выцарапал грязь из уха и услышал шорох шагов по песку.

— Перестаньте лезть руками в глаза, — сказала она резко.

— Лучше спуститесь к воде и обмойтесь.

Я поморщился, оперся на колени и руки и встал. Женщина твердо взяла меня за правый локоть, несколько робко, как мне показалось, направила вперед. Я, спотыкаясь, зашагал по рыхлой земле. Солнце жгло сквозь ресницы, шорох прибоя усиливался. Через некоторое время я почувствовал у ног теплую воду. Женщина отпустила меня, я сделал несколько шагов и с головой погрузился в воду.

Ссохшаяся грязь вновь обратилась в слизь, испускавшую удушливое зловоние. Я окунул голову и болес-менее промыл волосы, потом умыл лицо и вновь обрел способность видеть.

Сняв намокшую и отяжелевшую от грязи рубашку, я повел ее по воде и оставил в бледно-зеленой волне темное пятно.

Из порезов на руках сочилась кровь. Костяшки пальцев были сбиты, соленая морская вода жгла, как кислота. Я заметил, что со спины рубашка прогорела дотла. Внезапно небо почернело, перед глазами побежали сияющие крутящиеся точки...

Кто-то схватил меня и потащил из воды. Похоже, я тонул, даже не сознавая того. Я закашлялся, чувствуя, что меня тянут к берегу. Ноги почти не слушались. На берегу я опустился на четвереньки, потом с минуту тряс головой, чтобы отогнать высокий, шедший изнутри звук.

— Я не поняла... вы ранены? У вас вся спина в ожогах... Что с вами случилось? — голос доносился откуда-то издалека, то нарастая, то вновь удаляясь.

— Прогулялся по горячей палубе, — хотел сказать я беспечно, но слова прозвучали невнятным бормотанием. Я видел перед собой только пару стройных женских ног в изящных кожаных сапожках, крутой изгиб бедер, серый поясик с портупеей и белую, некогда свежую куртку. Я вновь поморщился, просто чтобы она знала, как мне больно, и, опираясь на руку, поднялся.

— ...оставила вас здесь на всю ночь... первую помощь... вы можете идти?.. недалеко отсюда...

Из голоса исчезли командные нотки, и он показался мне знакомым. Я, щурясь от солнца, посмотрел на ее нахмуренное в глубоком участии лицо. Сердце мое забилося.

Это была Лайза.

14

Я пробормотал что-то и привлек ее к себе, но она оттолкнула меня и окинула суровым взглядом ночной няни, которая выполняет свои обязанности независимо от того, нравится ей ее работа или нет.

— Лайза!.. Как ты сюда попала? — выдавил я.

— Я не Лайза и попала сюда тем же способом, что и вы.

Она продолжала вести меня к небольшой палатке, разбитой выше по склону в тени булавовидного мха.

— Надеюсь, вы — оперативный агент? — се взгляд прошелся по тому, что осталось от моей одежды. Она цокнула языком и добавила почти обвиняюще: — Ну и вид у вас. Как после бомбежки.

— Это небомбежка, — сказала я. — Морское сражение, абордаж. Но что ты здесь делаешь, Лайза?

— Меня зовут Меллия Гейл, — оборвала она. — Перестаньте навязывать мне свой бред. У меня и без того хватает забот.

— Лайза, что с тобой? Неужели ты не узнаешь меня?

— Я вижу вас первый раз в жизни, мистер.

Мотнув головой, она впихнула меня в палатку, в прохладу и полумрак, и приказала:

— Раздевайтесь.

Я хотел было воспользоваться мужской привилегией на самостоятельность, но почему-то не смог справиться с одеждой. Бессильно лежа на кровати, я ждал, пока с меня стащат туфли, брюки и носки. Мокрые трусы кое-как снял сам. Я дрожал и горел и чувствовал себя словно маленький мальчик, которого мама укладывала в постель. Ощущая прохладную свежесть, я перекатился на живот, давая испытать ее пылающей огнем спине, и боль растворилась в мягкой окутывающей темноте.

15

— Простите, что я оставила вас вечером без внимания, — сказала Лайза или Меллия Гейл. — Но я не думала, что вы ранены... и...

— И, кроме того, я слишком тяжел. Вы бы не справились одна, а еще этот запах, — вставил я, — Ладно, оставим.

Все-таки приятно проснуться в постели, в палатке с кондиционером, когда тебя аккуратно перебинтовали и под завязку накачали лекарствами. Лежать, не чувствуя никакой боли, сознавать, что все хорошо, и просто наслаждаться теплом и приятным ощущением в конечностях.

Но Лайза настаивает на том, что не знает меня.

Я наблюдал за ее лицом, пока она делала всевозможные перевязки, кормила с ложки бульоном. Не оставалось и тени сомнения: это была Лайза.

Однако Лайза — Меллия Гейл выглядела более бодрой, молодой, здоровой. Черты лица казались более зрелыми. Она была на несколько лет старше моей подруги, которую я оставил всего лишь несколько локальных дней назад. Лайза, никогда не знавшая меня. Тут скрывались трудности, разрешить которые мне не под силу. Пока не под силу.

— Ну и мастаки на сюрпризы эти мальчишки из Пекс-Центра, — сказал я. — Подумать только: Лайза, моя нежная юная супруга, являлась оперативным агентом Чистки Времени! Не представляю себе... Ведь я увлекся всерьез. Думал, что встреча случайная. А наше знакомство просто-напросто запланировали. Могли бы и сказать. Какая-нибудь актриса...

— Не выматывайте себя попусту, — холодно сказала Меллия. — Лучше помолчите. Вы потеряли много крови, поберегите силы для выздоровления.

«Иначе куковать тебе здесь с беспомощным инвалидом на руках, малышка!» — мелькнула мысль, но ложка с бульоном удержала меня от высказывания вслух.

— Сначала я услышала всплеск, — рассказывала она. — А потом кто-то стал барахтаться внизу. Я решила, что в ловушку попался ящер. Обычное дело. Они падают туда и не могут выбраться.

Голос был более молодым.

— И все же вы вышли посмотреть, — заметил я. — Наверное, вы любите животных.

— Я обрадовалась, когда вы закричали, — она покраснела, как будто создалась в чем-то постыдном. — Я уже думала... что...

— Но вы так и не рассказали мне свою историю, — сказал я. — Как же все-таки получилось, что вы ждали меня здесь с горячим бульоном и ледяным взглядом наготове?

Она поджала свои созданные для поцелуя губки.

— Я выполнила задание и прыгнула назад на станцию, — сказала она ровным голосом. — Но станции не было. Просто

яма в земле, полная грязи и костей. В первый момент я хотела снова уйти в скачок, но передумала. Невозможно предугадать, куда попадешь. Так что я решила остаться и подождать аварийной команды. Вот... я и сижу...

— И долго?

— Почти три недели...

— Почти?

— Двадцать четыре дня, тринадцать часов и десять минут, — огрызнулась она и снова сунула мне в рот ложку.

— И какое у вас было задание? — поинтересовался я и проглотил.

— Либия. 1200 год до нашей эры.

— Вот не знал, что в древней Ливии пользовались пистолетами.

— Задание не предусматривало контактов с местным населением. Меня снабдили всем необходимым для самообороны и самообеспечения. Пару недель я жила одна в пустыне, точнее, у оазиса. Тогда вообще было больше растительности. Надо было устранить вмешательство Первой Эры, связанное с одной добедуинской могилой, со сложной цепью последствий, приведших позднее к возникновению ислама. Моя работа заключалась в том, чтобы подменить некоторые важные предметы, изъятые из музея Второй Эры. Я справилась отлично. Затем прыгнула назад...

Она запнулась, и на какое-то мгновение я увидел испуганную девочку, изо всех сил пытающуюся обрести твердость и бесстрашие выдавшего виды оперативника.

— Вы все сделали правильно, Меллия, — поддержал я. — На вашем месте я бы, наверное, запаниковал и попробовал прыгнуть назад. И закончил бы тем, что влип бы в скользящую петлю.

Сказал и тут же понял, что как раз на этом сейчас не следовало бы заострять внимание.

— Так или иначе, но вы ждали, и вот я здесь. Как говорится, две головы...

— Что мы будем делать дальше? — прервала она.

Теперь ее голос и правда звучал как у испуганной девочки. Ты великий мастер утешать, Рейвел, ничего не скажешь. Она прекрасно обходилась без тебя...

— Есть несколько вариантов для нашего вызволения, — заверил я самым бодрым голосом, на какой только был способен, учитывая, что по подбородку стекал суп. — Мне бы только... — У меня не хватило дыхания, и я судорожно вздохнул. — Мне бы только вздремнуть немного, и тогда...

— Простите, — извинилась она. — Конечно, вам нужно отдохнуть. Спите. Поговорим позже.

Три дня я провалялся в постели, ожидая, пока на спине не заживут царапины и порезы. Целебные составы из полевой аптечки Меллии оказывали самое благотворное действие. Дважды за это время я слышал выстрелы: Меллия отгоняла огромных тварей, когда они подбирались слишком близко. Десятка стрел из специального ружья было достаточно, чтобы донести сигнал в их куриные мозги.

На четвертый день, пошатываясь, я предпринял прогулку к той яме, из которой меня вытащила Меллия.

Несомненно, колодец отмечал место станции. Высокие приливы, дожди, песок, упавшие животные заполнили яму почти до краев. Стекловидное покрытие потрескалось. На все это потребовалось время — много времени.

— И сколько же? — спросила Меллия.

— Лет сто, не меньше. А может, тысяча или две.

— Следовательно, станцию не отстроили, — вздохнула она.

— По крайней мере, на последнем сегменте времени. Естественно, если местонахождение известно, бессмысленно использовать ее вторично.

— Знаете, что я думаю? Я провела здесь целый месяц. Если бы меня искали, то к этому времени уже обязательно бы обнаружили.

— Не обязательно. Поиски в таком далеком прошлом занимают много времени.

— Только не надо меня утешать. Я прекрасно вижу, насколько серьезно наше положение. Случилось нечто неординарное, это не простое темпоральное недоразумение. Все рухнет.

Она произнесла те самые слова, что пришли мне на ум, когда я глядел на свой труп.

— Лучшие умы Пекс-Центра уже работают над этим, — возразил я. — И помощь непременно придет.

Однако этот довод прозвучал неубедительно даже для меня.

— Какое шло время по стационарному отсчету в последний раз вашего присутствия? — спросила она.

— Шестьдесят пять лет, — ответил я. — А что?

Она вымученно улыбнулась.

— Мы не совсем современники. Меня направили работать на Берег Динозавров в 1231 году по местному времени.

Я подождал, пока в сознании осядет пыль от внутреннего взрыва, и, не чувствуя успокоения, поморщился, как будто меня ударили в солнечное сплетение.

— Неплохо. Значит... — начал я и умолк.

Она знала, что это значит, не хуже меня: атака, которую я видел и пережил, катастрофа, с последствиями которой мы столкнулись, — это феномен рецидивизма, исторгнутая альтернативная реаль-

ность, которая либо никогда не существовала, либо была стерта акцией Чистки Времени. Для девушки темпостанция «Берег Динозавров» функционировала более одиннадцати столетий, после того как я видел ее под обстрелом. Меллия прыгнула в нее из Ливии, выполнив свою работу, прыгнула назад и застала мир изменившимся.

Изменившимся в результате какого-то действия с моей стороны.

У меня не было доказательств для подобного предположения, но одно я знал наверняка. Свое задание в 1936 году я выполнил согласно инструкции, обрубил все концы и в результате одержал полную победу над каргом.

Но где-то произошел срыв. Что-то — что я сделал или не сделал — поколебало равновесие, и в результате — тупик.

— Нелогично, — заметил я. — Вы прыгнули назад на свою базу и обнаружили, что она пропала вследствие катастрофы, случившейся не в ваше личное время. Хорошо. Но что выбрасывает в это же самое время меня? Схема, которой я воспользовался для прыжка, была настроена на точку, отстоящую на двенадцать столетий.

— Почему меня не подобрали? — тихо выдавила она.

— Девочка моя, да не переживайте вы так! — я похлопал ее по плечу. Она насторожилась.

— Держите руки при себе, — огрызнулась она, обретая холодную деловитость. — Если вы считаете, что представился случай разыграть сценку из жизни на необитаемом острове, то заблуждаетесь.

— Не торопите события, — сказал я. — У вас еще будет возможность дать пощечину, когда я начну приставать. А пока лучше бросьте свои бабские штучки. У нас нет времени заниматься чепухой.

Она хмыкнула, но сдержала припасенную колкость. Молодец, девочка. Мне хотелось обнять ее и ласково шепнуть, что все будет хорошо. Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего.

— Можно задержаться здесь еще на некоторое время, — предложил я, выдерживая деловой тон в лучших традициях. — Или действовать незамедлительно. За что голосуем?

— А как мы будем действовать?

Явный вызов.

— Оставаться невыгодно, — заявил я, поборов искушение. — А преимущества есть.

— Вы полагаете?

Весьма прохладно, лишь слегка затрпетали чудесные влажные губки, над которыми выступили капельки пота.

— Местонахождение станции известно. Поэтому данный годограф остается наиболее вероятным для поиска, несмотря на любые трудности.

— Вздор. При проверке нашли бы нас, и самым разумным и человечным было бы перекинуть аварийную команду в момент нашего прибытия. Этого не случилось. Следовательно, и не случится.

— Вероятно, вы запомнили, мисс Гейл, на что направлены усилия Чистки Времени. Мы пытаемся восстановить временную ткань, а не проделывать в ней новые дыры. Если бы нас засекли сразу, куда бы делись те сладостные мгновения, отпущенные нам судьбой? А эта минута? Ее никогда бы не было. Нет, если уж нас подберут, то только в точке первоначального контакта, и не ранее. Однако...

— Ну?

— Существует вероятность того, что мы занимаем петлевой сегмент, замкнутый на себя, а не на часть главного временного ствола.

Она чуть побледнела, чего не мог скрыть даже либийский загар, и взглянула мне в глаза.

— В таком случае мы отрезаны навсегда?

Я кивнул.

— Но есть возможность выбора.

— Разве есть... выбор?

— Не очень большой. Но есть. Ваш аварийный заряд еще не использован.

— Вздор. Импульс настроен на базовую станцию. Здесь я и нахожусь. Куда же отправляться?

— Не знаю. В никуда.

— А как же вы?

Я покачал головой.

— Я уже израсходовал резерв. Энергия на нуле. Придется подождать, пока вы вернетесь с аварийной командой. Запасусь терпением, поскучаю один, если вы решитесь, конечно...

— Но несфокусированный прыжок...

— Вы правы, не спорю. Об этом болтают всякие страсти. Но мой-то прыжок совершился не так уж плохо. Как вы помните, я попал на станцию.

— Станцию — нигде, как вы сами рассказывали.

— Но с кабиной темпорального скачка. Она послала меня вдоль собственной временной линии. Удачно, неудачно, но я вышел в годограф предыдущего задания. Возможно, вам повезет больше.

— Осталось уповать на удачу, так?

— Это лучше, чем ничего.

Она стояла чуть поодаль и не глядела на меня: моя Лайза, красивая и желанная, столь легко ранимая и ожесточенная, испуганная и пытающаяся скрыть свой страх. Неужели она

жила под гипнотическим внушением, ничего не подозревая о своем статусе темпорального агента?

— Вы действительно хотите, чтобы я попыталась?

— Похоже, это единственный путь, — согласился я. Эх, старина Рейвел, ты прекрасно изображаешь айсберг — ни единой эмоции. — Если только вы не хотите обосноваться здесь со мной на постоянное жительство, — добавил я, желая ускорить решение.

— Есть еще один путь, — произнесла Меллия ледяным тоном.

Я молчал.

— Мой импульс может выдержать обоих, — продолжала она.

— Теоретически. При... э-э... определенных обстоятельствах.

— Мне они известны.

— К черту, девочка, мы просто зря тратим время...

— Вы не возражаете, если я оставлю вас ненадолго, прежде чем мы.. — она помедлила, — воспользуемся этими обстоятельствами?

Я задержал дыхание, чтобы не выдать голосом напряжение.

— О чем может идти речь? Вы вернетесь.

— Мы отправимся вместе, — отрезала она. — Или вместе останемся.

— Послушайте, мисс Гейл, у вас нет в отношении меня никаких обязательств.

— Напротив. И свой долг я выполняю. Не заблуждайтесь насчет моих побуждений, мистер Рейвел!

Она повернулась и пошла по песку. Одинокая, маленькая фигурка на фоне джунглей, подступавших к пустынному берегу.

Охваченный смутным волнением, я выждал несколько минут и отправился за ней.

16

Меллия ждала в палатке. Она переоделась в легкую ночную рубашку и стояла около полевой кровати, которую разложила на полную ширину. Устремленный поверх меня взгляд, совершенно бесстрастное и холодное лицо. Я подошел к ней и положил руки на талию, ощутив под тонкой тканью шелковистую гладкую кожу. Меллия чуть напряглась. Привлек ее к себе, какое-то время она сопротивлялась, но потом расслабилась и дала себя увлечь. Легкие как облако волосы коснулись моего лица. Я прижал ее так крепко, что было трудно вздохнуть.

Внезапно она вырвалась и отвернулась.

— Чего вы ждете? — спросила она срывающимся голосом.

— Может, лучше повременить? — отозвался я. — Скоро стемнеет...

— Ну и что? — отрывисто бросила она. — Так будет романтичнее?

— Не знаю. Возможно.

— Если вы забыли, мистер Рейвел, могу напомнить: у нас с вами не роман. Мы поступаем так в соответствии с практической целесообразностью.

— Не говорите за других, Меллия.

— Я знаю, что говорю!

Она повернулась ко мне, лицо порозовело, глаза сверкали.

— Черт возьми, не тяните время, — процедила она сквозь зубы.

— Расстегните рубашку, — тихо произнес я. Она уколола взглядом. — Делай, как я сказал, Меллия.

Какое-то мгновение она продолжала смотреть непонимающим взглядом, потом насмешливо скривила губы.

— Довольно! — взорвался я. — В конце концов, идея принадлежит вам, леди, а не мне. Я не принуждал вас к близости и сейчас не принуждаю. Но вам не мешало бы разобраться в сути происходящего, если вы не хотите принести вашу великую жертву втуне. Физическая близость не является магическим компонентом, главное — психологический контакт, взаимопонимание, единство двух индивидуальностей. Их полное слияние важно так же, как слияние тел. Причем сексуальный аспект — лишь средство. Если вы не откажетесь от мысли воспринимать происходящее как своего рода изнасилование, можете выкинуть из головы всякую надежду на благополучный исход.

Она закрыла глаза, глубоко вздохнула и посмотрела на меня. Ресницы были влажными, очертания губ смягчились.

— Я... простите. Вы правы. Но...

— Не стоит, я понимаю. Вы представляли себе первую брачную ночь несколько иначе.

Я взял ее мягкую, горячую и послушную руку.

— Вы когда-нибудь любили, Меллия?

Она кивнула.

Лайза, Лайза...

— Сосредоточьтесь. Вспомните, как это было... Притворитесь... Я — это он.

Глаза ее закрылись. Чуть вздрагивали тонкие веки. На лепестково-нежной коже выделялся пастельный цвет вен. Я нежно провел рукой по ее шее, затем по плечам под ночной рубашкой. Кожа ее была гладкой и горячей. Мягким движением скинул бретельки, рубашка соскользнула с плеч и задержалась на

изгибе груди, мои руки убрали ткань и охватили груди. Она глубоко вздохнула, губы раскрылись.

Руки ее опустились, и ночная сорочка скользнула на пол. Она шагнула вперед и прижалась ко мне, и я успел разглядеть тонкую талию и плавный изгиб бедер.

Ее руки неуверенно потянулись к пуговицам моей рубашки, затем она расстегнула пояс и, опустившись на колени, сняла остатки одежды. Я подхватил ее на руки и понес к кровати. Ее тело, всю ее мне хотелось охватить единым страстным объятием. Она задрожала и потянулась ко мне. Рот приоткрылся, ресницы разомкнулись, и я увидел мерцающие томные глаза. Наши губы жадно встретились. Я подался вперед, и ее бедра прижались к моим. Мы двигались как одно целое.

Исчезло время, пространство. Она вошла в мои объятия, заполнила весь мир, стала мерой красоты, радости, наслаждения, которое нарастало, поднималось на высокий гребень невыносимого восторга, обрушивалось девятым валом, а затем плавно замедляло бег, замирало, падало и растворялось в тихом ночном океане жизни...

17

Долгое время никто из нас не говорил ни слова. Мы лежали, усталые, в полумраке палатки, вслушиваясь в мерный рокот прибоя и неясный шум ветра за брезентовым пологом.

Наконец она открыла глаза и бросила на меня безмятежный и удивленный взгляд. Затем глаза закрылись, и Меллия уснула. Я тихо поднялся, подобрал одежду и вышел. Было жарко, с дюю дул сухой ветер. Где-то в миле от нас по берегу брела пара маленьких рептилий. Я оделся, спустился к воде и побрел вдоль шумевшей линии прибоя, разглядывая крошечные существа, которые с отчаянной настойчивостью барахтались в лужицах на песке.

Когда я вернулся в палатку, солнце уже скрылось. Меллия хлопотала над ужином из консервов. Она надела ночную рубашку и ходила босиком и с распущенными волосами. Взгляд ее казался недоверчивым и озорным. До боли юная...

— Я никогда не пожалею. Даже если... — запнулся я.

Слабый отблеск тревоги скользнул по ее лицу.

— Даже если... что?

— Даже если теория ошибается...

Она устала на меня, глаза ее расширились.

— Да, я забыла... — произнесла она. — Я совсем забыла, что...

Я глупо улыбнулся.

— Я тоже — до сего момента.

Она прикрыла рот рукой и рассмеялась. Я обнял ее и тоже рассмеялся. Вдруг она заплакала, руки обвились вокруг моей шеи, она прижалась ко мне и рыдала, рыдала, а я гладил ее волосы и что-то бормотал в утешение.

18

— На этот раз я не забуду, — шепнула она мне на ухо в темноте маленького домика...

— Ты очень любил, любишь свою Лайзу?

— Очень.

— Как вы познакомились?

— В городской библиотеке. Оба искали одну и ту же книгу.

— И нашли друг друга.

— Это случай. Или чудо... Я прибыл на место всего несколько дней, надо было вжиться в роль и понять жизнь того отдаленного времени. Поскольку задание было долгосрочным, составители легенды позаботились о моем слиянии с окружающей средой. Личность Джима Келли, чертежника, заняла 99 процентов моего сознания. Оставшийся процент, на долю которого приходилось понимание функций агента Пекс-Центра, занимал самый скрытый уголок мозга и проявлялся лишь в неясном, но настойчивом напоминании о целях и задачах, не соизмеримых с обыденностью существования в древнем Буффало. То был лишь смутный намек на роль, которую я играл в великих делах.

Когда я повстречал Лайзу, то принялся ухаживать и завоевывать ее и вошел в ее жизнь как случайный спутник, не отдавая себе отчета. Когда я женился, то сделал это с искренним намерением прожить вместе в радости и горе, бедности или богатстве всю жизнь, пока смерть не разлучит нас.

Но разлучило нечто более неотвратимое, чем смерть. И по мере того, как приближалась развязка, необходимые сведения всплывали из небытия и появлялось понимание истинного положения. Конфронтация с каргом завершила процесс.

— Все-таки это действительно случай, — вставила Меллия. — Даже если она — это я... находилась там по другой причине и не знала о вашей работе...

— Не защищай ее, Меллия. Она не виновата.

— Хотела бы я знать, что произошло дальше...

— Я бы вернулся и не застал ее дома. Она бы вернулась на базу, выполнив задание.

— Нет! Любовь не могла быть заданием...

— Она просто не ведала ни о чем, как и я, руководствовалась самыми благими намерениями. Белым воротничкам в Пекс-Центре виднее.

— Замолчи, — мягко прервала меня поцелуем Меллия. — Я ревную к ней, — шепнула она. — Она — это я.

— Ты мне нужна, Меллия. Каждая моя клеточка стремится к тебе. Я просто не могу не вспоминать.

Смех, похожий на рыдание, сорвался с ее губ.

— Ты обнимаешь меня и думаешь о ней. Ты изменяешь ей со мной...

Она умолкла и прикрыла ладошкой мой рот.

— Не надо, не пытайся объяснить, Рейвел. Ты не в силах ничего изменить и не можешь помочь. Ты любишь меня... Я знаю...

И на этот раз мы взлетели на вершину страсти, мир взорвался и швырнул обоих во мглу и безмолвие.

19

Нас обволакивал свет, чувствовалось мягкое дыхание системы циркуляции воздуха. Мы лежали нагишом прямо на полу в спортивном отсеке темпоральной станции.

— Какое все маленькое, — сказала Меллия. — Даже примитивное.

Она поднялась, неслышно ступая босыми ногами, подошла к пульту внутренней связи и щелкнула коллектором.

— Есть кто-нибудь? — эхом пронеслось по коридорам.

Никого не было. Мне не требовалось даже осматривать помещение, это чувствовалось по всему.

Меллия шагнула к контрольному щитку и набрала код аварийного сигнала. Индикатор мигнул и показал, что сигнал записан и уплотнен в микросекундный писк. Теперь с интервалом в час он будет автоматически транслироваться сквозь временной поток в миллион лет.

Меллия подошла к стационарному журналу, включила сканер и принялась рассматривать последние записи. В тусклом мерцании экрана виднелось ее напряженное лицо. Ее нагота и грациозность возбуждали меня. Я с усилием отбросил эти мысли и подошел к ней.

Бортовой журнал представлял собой обыкновенную заполненную от руки страницу с отметкой стационарного времени 09.07.66 г., с номерным шифром Берега Динозавров и личным кодом Нела Джарда в нижнем углу листа.

— Я вернулся с задания десятого, а надпись датирована днем раньше, — сказал я. — Думаю, ему просто не хватило времени записать. На станцию напали.

— По крайней мере, ему удалось вывести сотрудников, прежде...

Она не стала продолжать.

— Да. Всех, кроме себя, — согласился я.

— Но... Ты же не нашел его?.. Никаких следов... в станции... Ты же был здесь...

— Ты имеешь в виду труп? Нет. Возможно, возможно, воспользовался транспортной кабиной. Или шагнул через край...

— Рейвел!

Меллия с укоризной поглядела на меня.

— Ладно. Пойду-ка я надену что-нибудь. Но мне нравится играть с тобой в Адама и Еву, — добавил я. — Даже очень нравится.

В крыле жилых помещений нашлась уйма форменного обмундирования, аккуратно разложенного по ящикам. Я с наслаждением ощутил на себе прохладу гладкой ткани. Стоячие воротнички и колючая шерстяная ткань доставляли мне массу неудобств на задании в 1936 году. Знакомое ощущение вернуло в нужное русло...

Я тряхнул головой, отгоняя наваждение. Лайза — Меллия стояла рядом, натягивая на себя облегающий цельнокроеный костюм. Увидев мой взгляд, она заколебалась на мгновение, застегнула молнию и улыбнулась. Я ответил тем же.

Затем мы продолжили осмотр. Я видел клубящийся туман и обрыв в десяти футах от входа. Жемчужно-серая взвесь поглощала звуки нашего голоса. Я швырнул камешек. Он упал в шести футах, застыл и поплыл в сторону, утратив всякий интерес к закону тяготения. Я пристально вглядывался, но ничего не мог разглядеть, кроме туманной мглы.

— Ну и пусть, — произнесла рядом Меллия.

— Это точно, — отозвался я. — Пошли назад. Нам нужно поспать. К тому времени, даст бог, распогодится.

Она не стала возражать.

Ночью Меллия спала на моем плече. А я чувствовал ее дыхание и мечтал о том, чтобы так было всегда.

20

Стук вилок о тарелки за завтраком казался необычайно громким. Еда была отменной. Казарменное довольствие Пекс-станции должно было восполнить отсутствие в жизни оперативных агентов всех человеческих ценностей. Мы, оперативники,

считались избранными. Мы отказались от семейного очага, от жен и детей, свято верили в человеческую расу и ее достойную спасения судьбу. И не сомневались в разумности выбора.

Облик Лайзы витал пред глазами, заставлял забывать чрезвычайное положение, угрозу Чистке Времени. Меллия...

— Так что мы предпримем, Рейвел? — спросила Меллия.

Лицо ее выражало холодное спокойствие. Привычная официальная обстановка. Забавы кончились.

— Надо тщательным образом обсудить имеющуюся информацию, — объявил я и почувствовал себя надутым индюком.

— Отлично. Скупые данные хоть немного помогут нам в сложившейся ситуации.

Бодрый тон, точная формулировка, спокойный и уверенный взгляд. Вы отличный оперативник, мисс Гейл. Только где девушка, рыдающая на моем плече?

— Согласен, коллега, — сказал я. — Первое. По окончании обычного задания я вернулся в точку подбора, послал код вызова и благополучно совершил скачок. Пока все в норме, так?

Я выжидающе посмотрел на нее. Она кивнула.

— На следующий день станцию атаковали вооруженные силы Третьей Эры или другого противника, замаскированного под войска Третьей Эры. Если откинуть довольно невероятное предположение об упущениях службы безопасности, здесь не наблюдается отклонений. И тем не менее, ты находишь темпостанцию «Берег Динозавров» в нетронутом состоянии по локальному времени одиннадцать столетий вперед.

— Верно. Добавлю, что нигде в стационарных архивах нет упоминания о нападении тысячу лет назад. Я ознакомилась с историей станции по прибытии.

— А тебе случайно не попадалось на глаза какое-нибудь свидетельство о без вести пропавшем оперативнике Рейвеле?

— Если и попадалось, то я не запомнила. Тогда это имя для меня ничего не значило.

Она отвела взгляд.

— Следовательно, речь идет об отклонении класса А. Прошлого кого-то из нас отторгнуло. Вопрос: чья реальность совпадает с подлинным временным стволом?

— Недостаточно информации.

— Что ж. Переходим к следующему пункту. Используя неизвестную мне систему аварийного спасения, Нел Джард извлек станцию из энтропического контакта и переместил в предполагаемую анахроническую вакуоль. Я не совсем точно понимаю это слово.

— Ты отталкиваешься от того, что перемещение — это акция Джарда, — вставила Меллия. — Но есть и другая воз-

мжность. Допустим, что налицо постороннее вмешательство с целью усложнить или свести на нет его действия. На чем основывается твоя уверенность в его намерениях?

Кивком головы она указала на безмолвное помещение и на призрачную пустоту снаружи.

— Он говорил что-то о нулевой фазе, но я не уверен. Тогда мне казалось, что речь идет о самом обычном разрушении — «дабы не досталось врагу».

— Так или иначе, станцию перебросили... сюда.

Я кивнул.

— И когда я воспользовался личным приводом аварийного темпорального скачка, то очутился именно здесь. Этого и следовало ожидать. Мой импульс настроен на частоту станции, а ее оборудование предназначено для возврата посылающего сигнал оперативника из любого пространственно-временного годографа.

— Ты застал станцию пустой, как и сейчас?

— Ага. Вот только.. — я огляделся. — Не знаю только, когда, до или после нашего посещения.

— По крайней мере, не одновременно. Ты же не встретил себя.

— Пожалуй, это можно уточнить, — предложил я. — Локальный энтропийный поток в норме, и время движется.

Я встал и прошелся по комнате, разыскивая какое-нибудь свидетельство своего пребывания. Его не было. И вдруг...

— Подносы! — воскликнул я. — Здесь на столе.

Меллия взглянула на стол, потом на меня. Ее что-то испугало. Именно так и действуют хроноклизмы.

— На этом месте, — повторил я. — Не очень свежие остатки еды.

— Твоего появления можно ожидать в любое время?

— Несколько часов у нас есть. Еда в тарелке еще не засохла.

— Я ободряюще улыбнулся и добавил: — Мы можем подождать до встречи.

— Нет! — воскликнула она и повторила уже менее требовательно: — Нам только не хватает вероятностных аномалий.

— Но если удержать меня от вмешательства в предыдущее задание...

— Не болтай чепухи, Рейвел. Ты забыл направление усилий Чистки Времени. Латать заплатки нельзя. Ты прыгнул и вернулся благополучно. Что тебе еще нужно? Глупо рисковать, а чудо... — и удастся восстановить равновесие?

Наши взгляды встретились.

— Давай не будем запутывать и без того сложную ситуацию. Ты совершил скачок, и точка. Чем мы теперь будем руководствоваться в наших действиях?

Я сел.

— На чем мы остановились?

— Ты застал станцию пустой, но видел следы нашего визита.

— Мне пришло в голову воспользоваться станционной кабиной для возвращения на базу Пекс-Центра. Из этого ничего не вышло. Я сместился вдоль собственной временной линии на десять лет и оказался в собственном прошлом. Паранормалия класса А. Нарушено положение инструкций.

— Инструкция не рассматривает подобную ситуацию, — заметила Меллия. — Ты не мог контролировать события.

— А в результате сорвал успешно выполненную работу, отчет о которой уже десять лет закодирован в Центральной схеме. Любопытная деталь: карг, которого я должен был вывести из строя, тот же самый, уничтоженный в Буффало. Отсюда вывод: операция в Буффало последовала не за первой, а за второй версией.

— Или налицо альтернативный вариант. Трудно судить. Возможно, твое сдвигание в прошлом просто включили в пересмотренную схему в качестве жизнеспособного элемента.

— Если так, нам не препятствуют. Но если ты ошибаешься...

— Нам необходимо найти отправную точку. После своей смерти в прошлом ты прыгнул назад и встретил меня. Почему мы оба завершили скачок в один темпоральный годограф?

— Без комментариев.

— Мы дьявольски запутываем временные линии, Рейвел.

— Ничем не могу помочь. Ты считаешь, что следует поступить как камикадзе?

— Не болтай глупостей. Просто мы обязаны сделать все, что в наших силах. А это значит тщательно рассмотреть факты, логически поразмыслить и спланировать следующий шаг.

— Логически! Метко сказано, оперативник Гейл. Только когда же это логика имела хоть что-нибудь общее с программой Чистки Времени.

— Определенных успехов мы все же добились, — заметила она сдержанно, отказываясь от возможности сводить счеты язвительными аргументами. — Мы должны покинуть станцию, и чем скорее, тем лучше.

— Ладно, принимаю этот пункт. Есть на выбор два способа. Можно воспользоваться транспортной кабиной станции.

— И завершить прыжок в чьем-нибудь прошлом, усложняя ситуацию.

— Не исключено. Или подзарядить аварийные приводы и прыгнуть наугад.

— Без малейшего представления о том, куда приведет скачок.

Она поежилась и жестом отказалась от подобного предложения. Изящный подбородок невольно напомнил о другом времени, другом месте, другой девушке.

Н е т, черт возьми, то была не другая!

— Впрочем, мы можем отправиться вместе, — сказала она, — как сделали это раньше.

— Какая разница? Все равно мы войдем во временной поток без цели. И вполне можем оказаться в тумане, вроде этого за дверью, если не хуже.

— По крайней мере... — начала Меллия и запнулась. — По крайней мере, мы будем вместе. — Я почти расслышал эти слова.

— По крайней мере, мы не будем сидеть сложа руки в то время, когда вселенная распадается вокруг нас на кусочки, — закончила она.

— Ну и что ты предлагаешь?

Последовало долгое молчание. Меллия не смотрела на меня.

— Кабина, — наконец решила она.

— Вместе или по одному?

— Мощности хватит на двоих?

— Думаю, да.

— Тогда вместе. Разве есть причина, по которой нам следует разделиться?

— Абсолютно никакой, Меллия.

— Значит, решено.

— Решено. Доедай завтрак. Неизвестно, когда нам еще удастся перекусить.

Последним пунктом в сборах был небольшой пистолет из оружейной комнаты. Я пристегнул его к запястью и спрятал под манжет. Мы прошли через экранированную шлюзную камеру к транспортировочной кабине. Показания приборов соответствовали норме. При обычных условиях пассажира безболезненно и мгновенно переместили бы из временного потока в экстратемпоральную среду, а затем вернули бы в нормальное пространство-время в главном приемном пункте базовой станции Пекс-Центра. Что случится на этот раз, было неизвестно. Возможно, мы вновь сдвинемся вдоль темпоральной линии и окажемся вдвоем на борту тонущего корабля. Или мы отправимся в прошлое Меллии Гейл и тем самым расширим размеры нагрянувшей катастрофы. Или застрянем где-нибудь посередине...

— Следующая остановка — база Пекс-Центра! — крикнул я и толкнул Меллию внутрь. Затем втиснулся за ней.

— Готова?

Она кивнула.

Я нажал стартовую кнопку.

Взрыв разметал нас на составляющие атомы.

— Вроде прибыли, — услышал я чей-то хриплый голос. И тотчас понял, что говорю сам — обессиленно, но вполне членораздельно. — Кошмар, — продолжал я. — Голова раскалывается, как с перепоя.

— Послепрыжковый шок, есть такой термин, если я не ошибаюсь, — произнесла где-то рядом Лайза.

Глаза мои резко открылись.

Резко — не совсем точное слово. Ресницы расклеились, и я с трудом различил девушку. Округлое личико, большие темные глаза и самая милая улыбка на свете. Это была не Лайза.

— Ты в порядке? — спросила Меллия.

— Как тебе сказать? Месяц усиленного лечения в больнице приведет меня в норму, — сказал я, приподнялся на локте и осмотрелся.

Мы находились в просторном помещении, длинном и высоком, как банкетный зал, с гладким серым полом и бледно-серыми стенами с бесчисленными шкалами приборов. В центре стояло высокое кресло, перед которым расположились ряды кнопок, экраны дисплеев пульта управления. В дальнем конце сквозь стеклянную стену виднелось открытое небо.

— Где мы?

— Не знаю. Что-то вроде кабинета в научно-исследовательской лаборатории с техническим оборудованием. Ты не узнаешь приборы?

Я покачал головой. Если это из прошлого, то в памяти ничего не осталось.

— Долго я провалялся без сознания?

— Я сама очнулась только час назад.

Я потряс головой, но вместо просветления вызвал адскую боль, раскаленными иглами вонзающуюся в виски.

— Ну и прыжок, — пробормотал я и встал. Меня подташнивало, голова кружилась, как будто я объелся мороженым во время катания на карусели.

— Я тут осмотрела кое-что из оборудования, — сказала Меллия. — Это темпоральные преобразователи, но я никогда раньше таких не видела.

Голос ее звучал напряженно, словно она говорила о чем-то важном. Я сосредоточился.

— Ага.

— О назначении некоторых приборов я догадываюсь, — продолжала она, — но остальные просто ставят меня в тупик.

— Может быть, это оборудование Третьей Эры?

— Вряд ли. Я бы узнала.

— Ладно, пошли посмотрим.

Я направился к креслу у пульта, изображая вполне здорового человека. Что касается Меллии, действие прыжка на ней никак не отразилось.

Пульт управления усеивали кнопки, лаконично помеченные обозначениями вроде «А» и «В». В нишах располагались обычные экраны с матовым стеклом и противоореольным покрытием.

— Экраны представляют собой обычные считывающие устройства аналого-потенциального преобразователя, — сказала Меллия, — но на пульте есть два дополнительных канала контроля, а это предполагает по меньшей мере один добавочный. Уровень команд ввода-вывода байтов при нахождении экстремума функции в пространстве с целочисленными значениями ряда переменных.

— В самом деле?

— Вне всякого сомнения.

Изящно вытянув пальчик, она быстро набрала код на разноцветных клавишах. Дисплей замерцал и осветился.

— По идее, поле прибора должно быть в активной фазе, — сказала она. — Но не видно данных о базовом адресе программного модуля. А я боюсь играть с пультом темпоральных перебросок, в котором ничего не понимаю.

— Я что-то робею, — сказал я. — Такой аппаратуры в жизни не видел. А что тут еще есть?

— Там отсеки с оборудованием, — она указала в конец зала напротив стеклянной стены, — силовая установка, оперативный уровень...

— Смахивает на стандартную темпоральную станцию.

Она кивнула.

— Почти.

— Картина проясняется, — прокомментировал я. — Давай прогуляемся.

Мы прошли через помещения, уставленные аппаратурой столь же таинственной, как монтажная схема к Л-М Хотепу. Одно из устройств состояло из трех высоких зеркал, откуда на нас потерянно и жалко глядели наши отражения. Нигде не было видно ни людей, ни следов недавнего обитания. Мертвое, наполненное эхом наших шагов здание.

Мы пересекли просторный зал и отыскивали проход, который вывел нас на широкую террасу со знакомым видом океана. Изгиб морского побережья остался таким же, только джунгли разрослись и плотно подступили к песчаному берегу.

— Добрый, старый Берег Динозавров, — вздохнул я. — Не сильно изменился, а?

— Время летит, — отозвалась Меллия. Пожалуй, прошел не один год.

— Я изучал проекты застройки, ничего похожего. Что скажешь?

— Я лучше помолчу.

— Я тебя понимаю, — посочувствовал я и пропустил ее вперед. — Кстати, должен сказать тебе, что никогда не слышал об аналого-потенциальных преобразователях. Это новый вид кофеварок?

— А-П-теория — основа всей программы Чистки Времени, — Меллия посмотрела на меня довольно выразительно. — Это следует знать каждому агенту Пекс-Центра.

— Возможно, — сказал я, — но лекции в институте были целиком и полностью о детерминистике: актуализированная динамика, уровни фиксации и так далее.

Она нахмурилась.

— Чепуха. Дискредитированная фаталистическая теория.

— Ну-ну, не надо нервничать, мисс Гейл. И не смотри на меня, как на террориста с бомбой в руках. Сегодня с утра я соображаю немного хуже, а тем более при таком обращении. Но я тот же парень из пруда, а не человек Пекс-Центра, как ты, и у меня есть маленькое грязное подозрение.

— Какое же?

— Наши Пекс-Центры не одно и то же.

— Не будь смешным. Вся деятельность Пекс-Центра строится на незыблемости его основной линии...

— Это верно. Такова концепция, которая обратится в прах перед лицом опыта.

Меллия слегка побледнела.

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Понимаю, малыш, понимаю, мы с тобой заварили такую кашу, которую нам расхлебывать и расхлебывать. Мы стоим здесь рядом — представители двух взаимно исключающих базовых временных потоков, — и дела наши плохи. Настолько, что даже представить трудно.

Она не отводила от меня взгляда, в широко раскрытых глазах застыло смятение. Я неплохо «успокоил» ее.

— Но с нами еще не покончено, — добавил я ободряюще. — Мы по-прежнему полны сил и энергии. Мы оправдаем звание оперативных агентов.

— Да не в этом же дело!

— Вот как? А в чем?

— Перед нами стоит задача, как ты сам сказал, вновь включить себя в темпоральную мозаику путем уничтожения бездумно вызванных хроноаномалий.

— Согласен.

— Очень хорошо. Но по какой линии мы будем продвигаться, Рейвел? Твоей или моей? Что мы предполагаем восстановить: детерминированный или аналого-потенциальный континуум?

Я открыл рот, но бодрый ответ застрял у меня в горле.

— Может, выясним позже? — предложил я.

— Каким образом? С этой минуты каждый наш шаг должен быть тщательно выверен. Это оборудование, — она указала рукой, — по сложности превосходит виденное мною ранее. Мы должны воспользоваться им надлежащим образом.

— Конечно, Меллия, но первым делом давай выясним, зачем нужны эти миленькие кнопочки. Сосредоточимся на технической стороне. А по ходу дела разрешим и философский вопрос.

— Прежде нужно прийти к какому-то соглашению.

— Продолжай.

— Дай слово, что ты... ничего не предпримешь в отношении концепции А-П.

— Я ничего не буду делать, не проконсультировавшись предварительно с тобой. А прежде чем связывать себя обязательствами, давай изучим технику для восстановления вселенной.

Она долго смотрела на меня и наконец кивнула.

— Договорились.

— Очень хорошо, — сказал я. — Можешь начать объяснения.

Следующий час ушел на схематичное, четкое изложение основ аналого-потенциальной интерпретации. Я сосредоточенно слушал. Теория А-П была нова, но мне уже приходилось работать со сложными хроноприводами, и постепенно я получил некоторое представление об оборудовании.

— Такое чувство, что твой Пекс-Центр забрался гораздо дальше в дебри теории, — подвел я итог. — И обосновал выкладки весьма сложной электроникой.

— Наша аппаратура гораздо проще, — призналась Меллия. — Большинство приборов — для меня загадка.

— Но ты уверена, что это преобразователи типа А-П?

— Нет ни малейшего сомнения. Только к этому могло привести развитие детерминистики.

— Согласен с последним замечанием. Это сооружение для моего Пекс-Центра как паровой свисток для парусника.

— Ты согласен продвигаться к А-П-матрице?

— Не спеши, девочка. Ты думаешь, пожали друг другу руки, и все вернется на свои места? Мы работаем вслепую. Где находимся, куда попали? Не будем валить все в кучу, а раз-

беремся по порядку. Надо начать с концепции аналого-потенциалов. У меня предчувствие, что ее теоретический базис относится к математическим выкладкам второго поколения. Он был порожден своего рода умозрительной установкой, обусловленной коренной темпоральной перегруппировкой.

— Нельзя ли пояснить? — спросила она холодно.

Я махнул рукой.

— Твой Пекс-Центр находится не в главном временном потоке. Он как звезда с повышенным содержанием тяжелых элементов: она не может возникнуть из первичного пылевого облака, а образуется из останков звезд предыдущего поколения.

— Весьма надуманная аналогия. Это лучшее, на что ты способен?

— Учитывая краткость, да. Или лучше молчать и не дай бог ставить под сомнение твою А-П-вселенную?

— Это нечестно.

— Правда? Я тоже кровно заинтересован в установлении своего прошлого, мисс Гейл. Я не стремлюсь попасть в царство нереализованных возможностей.

— Я... я не совсем то имела в виду. Почему ты так думаешь? Нет никаких оснований считать, что...

— Забавно, но в твоём мире нет для меня места. Точнее, в первоначальной картине твоего мира. Явился не запылился — и изгадил сладкую безмятежность Берега Динозавров. Но по мне — контора могла бы работать по тому же адресу не менее тысячи лет.

Она попыталась возразить, но я не стал слушать.

— Однако этого не произошло. Я сорвал задание и с легким сердцем отправил станцию в царство грядущего или куда там еще...

— Не терзай себя. Ты выполнял инструкцию. И не твоя вина, что в результате... и после...

— Если какое-то мое действие вызвало случайную цепь событий, то ты не должна была появиться. Да. Но ты есть, Л... Меллия. Я встретил тебя под «легендой» Джима Келли, выполняя задание в 1936 году. В этой точке наши пути пересеклись. Или... — тут я запнулся, но она уже все поняла.

— Или твое задание в Буффало находится в исторгнутой петле. Не в основном потоке. Не жизнеспособное.

— Оно жизнеспособно, детка! Можешь мне поверить! — рывкнул я, как камнедробилка.

— Конечно, — рассуждала она. — Все дело в Лайзе, так? Она должна быть реальной. Любая альтернатива немыслима. И если это приведет к переустройству пространственно-времен-

ного континуума, распаду тысячелетней истории временного ствола, краху Чистки Времени — это еще маленькая цена за существование твоей возлюбленной.

— Заметь, это твои слова!

Она взглянула на меня, как несговорчивый архитектор на холм, на месте которого он собирается сделать гладкую площадку.

— Пора браться за дело, — бросила она без всяких эмоций.

22

Остаток дня мы провели, методически обследуя помещения. Сооружение по размерам вчетверо превосходило станцию Берега Динозавров, знакомую нам в предыдущем воплощении. Восемьдесят процентов его занимало оборудование, работу которого мы не понимали. Меллия составила общий план, определила основные компоненты системы, просмотрела аппаратуру энергообеспечения и разгадала несколько криптограмм на пульте управления. Я следовал за ней и слушал.

— Не могу понять смысла, — говорила она. Наступили сумерки, и большое красное солнце отбрасывало на пол длинные тени. — Энергообеспечение программируемой матрицы вне всяких разумных пропорций. Эти огромные залы, Рейвел, для чего? Что это за место?

— Великая Центральная Станция, — ответил я.

— Это еще что?

— Да так, просто покинутое здание в старом городе, который никогда не существовал. Конечный пункт.

— Возможно, ты и прав, — задумчиво произнесла она. — Это оборудование скорее предназначено для перетранспортировки груза, чем для обеспечения проживания персонала...

— Груза? Какого груза?

— Не знаю. Но звучит неплохо, верно? К тому же интерлокальный грузовой паром имел бы тенденцию к ослаблению темпоральной структуры как в точках передачи, так...

— Может, им все равно? Они устали от всего, как и я, — я зевнул. — Давай закругляться. Утро вечера мудренее.

— Как ты сказал? Все равно?

— Кто? Я? Ничего не говорил, девочка.

— Ты Лайзу тоже называл девочкой?

— При чем тут это?

— При том! Все, что ты говоришь и делаешь, окрашено идиотской страстью к этой... воображаемой милашке. Возьми себя в руки. Временной ствол Пекс-Центра в чрезвычайной

опасности. Ты нанес ему непоправимый вред своими безответственными поступками!

— Не могу, — процедил я сквозь зубы. — Вопросы есть?

— Извини, — она закрыла лицо руками и покачала головой.

— Я не хотела. Просто устала... измотана... мне страшно.

— Да, конечно, — сказал я. — Я тоже устал. Забудем. Пошли спать.

Мы выбрали отдельные комнаты. И даже не пожелали друг другу спокойной ночи.

23

Я встал рано. Тишина действовала мне на нервы. В конце спального крыла находилась хорошо оснащенная кухня: даже А-П-теоретики любили свежие яйца и ломтики ветчины из локара, чтобы не происходило старение.

Я приготовил завтрак на двоих и направился к Меллии, но услышал в большом зале ее шаги.

Одетая в свободное платье, она стояла у кресла координатора и глядела на экран. Я бесшумно приблизился, и тут она внезапно повернулась. Судя по выражению лица, она была близка к обмороку. Мне тоже стало жутко. Что-то случилось с лицом Меллии. Передо мной стояла старуха с седыми волосами, впалыми щеками и потускневшим взглядом. Женщина зашаталась, и я схватил ее за тонкую высохшую руку, прикрытую развевающимся рукавом. Довольно быстро ей удалось оправиться, лицо оживало, но взгляд оставался странно равнодушным.

— Да, — проговорила она старческим, тонким, но очень спокойным голосом. — Вы пришли, как я и предполагала. Я знала, что так будет.

— Приятно, что вы нас ждали, мэм, — пробормотал я с глупым видом. — И кто же сказал вам? О нас, я имею в виду. Что мы придем?

Лицо старухи было задумчиво.

— Экраны прогнозов, конечно, — взгляд ее проследовал мимо меня. — Осмелюсь спросить, где же ваша половина?

— Она, э-э, еще спит.

— Спит? Как забавно.

— Вон там, — я кивнул в сторону спальни. — Она будет счастлива узнать, что мы здесь не одни. Вчера у нас был трудный день...

— Извините меня. Вчера? Так когда вы прибыли?

— Около суток назад.

— Но... почему же вы не оповестили меня сразу? Я ведь ждала... я была готова... уже так долго... — ее голос был готов сорваться, но она овладела собой.

— Прошу прощения, мэм. Мы не знали, что вы здесь. Мы осмотрели станцию, но...

— Вы не знали? — Мои слова ошеломили ее.

— Где же вы находились? Мы осмотрели все комнаты...

— Я... мой... моя комната во внешнем крыле, — ответила она дрожащим голосом. Из уголков глаз выкатились слезинки, и она нетерпеливо смахнула их. — Я полагаю, что вы прибыли по моему сигналу, — собравшись, продолжала она. — Хотя это не важно. Вы здесь. Вы дадите мне несколько минут? У меня остались кое-какие вещи — записи, памятные подарки. Но я могу их оставить, — торопливо добавила она, не сводя с меня глаз.

— Я не намерен торопить вас, мэм, — сказал я. — Произошло какое-то недоразумение...

— Но вы заберете меня? — Иссохшей — рукой она схватила меня за локоть. В голосе звучала паника. — Пожалуйста, возьмите меня с собой, умоляю вас, не оставляйте здесь!

— Честное слово, — пообещал я и погладил ее холодную и тонкую, как у индюшки, руку. — Вы ошибаетесь. Я ничего не понимаю. Вы из обслуживающего персонала станции?

— Что вы, вовсе нет, — она затрясла головой, как ребенок, которого поймали с банкой варенья в руках. — Это не моя станция. Я просто убежала сюда после катастрофы.

— Где станционный персонал, мэм?

Она странно посмотрела на меня.

— Здесь никого нет. Ни души. В докладах это отмечено. Я нашла станцию покинутой. Все время здесь одна, никого нет...

— Да, я понимаю, вы одни. Довольно одиноко. Теперь все в порядке, вы уже не одиноки.

— Да, вы пришли, я знала, что вы придете когда-нибудь. Приборы никогда не лгут. Только не знала, когда...

— Наше появление вы определили по приборам?

— Ну да.

Она опустилась в ближайшее кресло, пальцы забегали по клавишам. Дисплей вспыхнул, появилось ровное свечение. На экране сложился колеблющийся белый прямоугольник, на правом краю которого плясала и извивалась похожая на царапину черная вертикальная линия. Я уже приготовился выразить восхищение виртуозным мастерством, когда женщина охнула, склонилась на пульт, обмякла и потеряла сознание.

Я подхватил ее и поднял на руки. Она весила не более девяноста фунтов. У входа появилась Меллия. Она замерла, прикрыла рот рукой, но быстро взяла себя в руки.

— Рейвел... кто это?

— Понятия не имею. Я проснулся и обнаружил ее здесь. Она приняла меня за спасателя. Начала говорить что-то и потеряла сознание.

Меллия отступила и внезапно ухватила за мою руку.

— Мама! — выдохнула она.

24

Я выждал несколько бесконечных минут. Веки пожилой леди задрожали и открылись.

Она неуверенно улыбнулась.

— Нет, нет — у меня нет детей, — сказала она. — Я всегда хотела...

И она вновь лишилась чувств.

Я отнес ее в пустую комнату и положил на кровать. Меллия села рядом, прислушиваясь к дыханию.

— Это твоя мать? — спросил я.

— Извини. Конечно, это не моя мать. Все пожилые женщины выглядят одинаково...

— Твоя мать такая старая?

— Что ты, конечно, нет. Это чисто внешнее сходство. — Она виновато улыбнулась. — Психологи нашли бы этому тысячу объяснений.

— Она ждала нас, — продолжал я. — Наше появление предсказали приборы.

Меллия хмыкнула.

— Предсказали? Таких приборов нет.

— Она заговаривается? Столько времени одна...

Пожилая леди вздохнула и открыла глаза. Если Меллия и напоминала ей кого-нибудь, она не подала виду. Меллия шепнула ей что-то ободряющее. Обе женщины улыбнулись друг другу. Любовь с первого взгляда.

— Ну вот, устроила, — сказала старая леди. — Со своими обмороками...

На ее лице появилось озабоченное выражение.

— Не говорите глупостей, — возразила Меллия, — все ясно...

— Как вы себя чувствуете? Вы можете говорить? — спросил я, не обращая внимания на угрожающий взгляд Меллии.

— Конечно.

Я присел рядом на кровать.

— Где мы находимся? — спросил я мягко, как только мог. — Что это за место?

— Темпостанция «Берег Динозавров», — удивленно ответила она.

— Мне следовало спросить, в каком мы времени?

— Станционное время — тысяча двести тридцать второй год. Она озадаченно поглядела на нас.

— Но... — сказала Меллия.

— Но тогда выходит, что мы не совершили никакого скачка во времени, — сделал я вывод, если только можно назвать выводом это абсурдное предположение.

— Значит... мы переместились каким-то образом на... вторичную линию?

— Не обязательно. Мы испытали такое, что вряд ли можно с уверенностью сказать, первичную или вторичную.

— Извините, — вмешалась старая леди, — у меня складывается впечатление, что... дела обстоят не так хорошо, как я могла бы надеяться?

Меллия с тревогой посмотрела на меня, а я перевел взгляд на женщину.

— Ничего, все в порядке, — сказала та. — Не беспокойтесь обо мне... Я понимаю, вы темпоральные агенты. Мои коллеги.

Она слабо улыбнулась и представилась:

— Оперативный агент Меллия Гейл к вашим услугам.

25

Я смотрел на Меллию, мою Меллию. Лицо у нее побелело как мрамор. Она застыла, не в силах вымолвить даже словечко.

— А кто вы, мои дорогие? — спросила женщина, повеселев. Она не видела лицо Меллии. — Я почти уверена, что знаю вас.

— Я — оперативный агент Рейвел, — заговорил я. — Это — агент Лайза Келли.

Меллия обернулась ко мне, но тут же спохватилась, прекрасный пример самообладания.

— Счастлива встретить... э-э... коллегу, агент Гейл, — сказала она совершенно бесцветным голосом.

— Да, когда-то я вела самый активный образ жизни, — сказала старая леди с улыбкой. — И жизнь бурлила в те дни, перед... перед катастрофой. У нас были такие ввысокие устремления, такие благородные цели! После каждого задания мы собирались у большого экрана, чтобы оценить эффект преобразований, поздравить или посочувствовать друг другу. Это было время надежд.

— Конечно, я понимаю вас, — кивнула Меллия с застывшим лицом.

— Но после официального сообщения все переменялось, — продолжала старшая мисс Гейл. — Мы по-прежнему не оставляли попыток, мы так и не признали поражение, но уверенность ушла. А потом... Началось вырождение. Хронодеградация. Сначала в мелочах: утрата привычной уверенности, пробелы в памяти, противоречия. Мы чувствовали, как разматывается клубок жизни. Многие сотрудники ушли. Некоторые совершали прыжки в надежде найти стабильный годограф. Часть пропала без вести в темпоральных искривлениях. Некоторые просто дезертировали. Я, конечно, осталась. Я всегда надеялась... почему-то... — она резко прервалась. — Но это сейчас некстати?

— Нет, нет!.. Продолжайте, прошу вас, — сказала молодая Меллия.

— Да что там говорить! Пришел день, когда нас в Центре осталась лишь горсточка. И мы согласились, что дальше невозможно поддерживать излучатели в рабочем состоянии. Больше года никто из оперативников не возвращался, хронодеградация оборудования ускорялась, и нельзя было предсказать, какой дополнительный вред мы можем причинить темпоральной ткани разлаженными преобразователями. Так мы отключили аппаратуру. Ситуация продолжала ухудшаться. Возросло количество аномалий. Мы совершали скачки и везде наблюдали регресс... во всех временах. Началась паника. Мне стало страшно. Я уверяла себя, что ищу возможность где можно сосредоточить стабилизирующие силы... искала оправдание. Я совершала множество скачков, наконец очутилась здесь. Станция показалась мне тихой гаванью, где царили мир и стабильность, пристанищем безлюдным, зато безопасным. Некоторое время я была счастлива... пока не обнаружила ловушку, — она болезненно улыбнулась.

— Дважды я пыталась вырваться, — тихо проговорила она. — И каждый раз — после невообразимых ужасов — возвращалась в эту точку. Затем поняла. Я попала в защитную петлю. Я сдалась и приготовилась ждать...

Наши взгляды встретились, и я почувствовал себя убивающим старого калеку.

— Вы знакомы с оборудованием? — спросил я, чтобы заполнить возникшую в разговоре паузу.

— Да. У меня была масса времени, чтобы исследовать возможности аппаратуры. Ее потенциальные возможности. В данных условиях допустимо лишь минимальное воздействие на окружающую среду — такое, как использование прогнозатора, векторы которого указали о помощи.

Вновь последовала улыбка, словно я бросился ради нее в океан.

— Дисплей, на котором вы работали, — сказал я. — Я никогда не видел ничего подобного. Это и есть прибор, который... э-э... предсказывает будущее?

— Дисплей? — она удивилась. Потом что-то вспомнила и поднялась. — Я должна проверить.

— Нет, нет, вам нужно отдохнуть! — запротестовала Меллия.

— Помогите мне, моя дорогая. Я должна подтвердить показания!

Меллия попыталась спорить, но я перехватил ее взгляд, и мы вместе помогли нашей пациентке подняться на ноги и повели ее вдоль коридора.

Освещенный экран показывал ту же картину: яркий зеленый прямоугольник с размытыми краями, который дрожал и пульсировал в крайнем правом углу. Старая леди слабо вскрикнула и стиснула наши руки.

— Что случилось? — спросила Меллия.

— Несущая основного ствола! — Она задрожала. — Исчезла. Ее нет на экране.

— А если настроить... — начал я.

— Нет! Показания соответствуют действительности, — решительно возразила она, и в голосе прозвучало эхо былой власти. — Идет терминальный отсчет!

— Что это значит? — спросила Меллия успокаивающим тоном. — Так серьезно...

— Это значит, что мы приближаемся к границе занимаемого темпорального сегмента. Для нас время подходит к концу.

— Вы уверены в этом? — спросил я.

— Абсолютно.

— Сколько же нам осталось?

— Часы, а может быть, минуты, — ответила старшая Меллия. — Думаю, что создателям оборудования просто не приходила в голову мысль о подобной возможности. — Она спокойно взглянула на меня. — Если у вас темпоральные приводы для скачка на любой вторичный ствол, то целесообразно ими воспользоваться без промедления.

Я покачал головой.

— Нет, мы сделали все, что могли. Добрались сюда и на нуле...

— Ну, конечно. В бесконечности все линии сходятся в одну точку. Время истекает, так должно быть и во всем остальном.

— А что, если воспользоваться станционными мощностями? — предложила Меллия.

Агент Гейл покачала головой: — Я пыталась, это бесполезно. Вы впустую окупаетесь в бесконечные ужасы.

— И все же...

— Она права, — сказал я. — Так мы ни к чему не придем. Нужен другой выход. На станции масса оборудования. Есть ли здесь какая-нибудь аппаратура, которую можно использовать, переделать в крайнем случае и вырваться из тупика?

— Нужен специалист, — задумчиво ответила женщина. — Но это вне моей компетенции.

— Мы можем подзарядить аварийные приводы, — сказал я и почувствовал внезапную перемену в воздухе. То же ощутили и обе Меллии. Дисплей замерцал и погас. По всему пульту отключились лампочки индикации. Фоновые шумы сменились тишиной. Воздух посерел, сгустился в наэлектризованную полупрозрачность. На поверхности предметов задрожали крошечные радужные волны, как цветовая аберрация на дешевых линзах. В воздухе повеяло прохладой, будто распахнули дверцу гигантского холодильника.

— Конец, — совершенно спокойно сказала женщина. — Время останавливается, все волновые явления падают до нулевой частоты и тем самым прекращают существование, включая ту самую форму энергии, которую мы называем материей...

— Минуточку, — возразил я. — Это не природный феномен. Кто-то воздействует на хромосомы!

— Откуда ты знаешь? — спросила Меллия.

— Не время для разговоров. Агент Гейл, — я взял старую леди за руку, — где вы укрывались во время нашего прибытия?

Меллия запротестовала, но старшая быстро ответила:

— В стазисной камере.

— Зеркала?

Она кивнула.

— Мне... было стыдно сказать. Это так... трусливо.

— Пошли.

Я направился через безмолвный зал сквозь холод и мертвенный воздух вниз по проходу к помещению с зеркалами. Отражающие поверхности потускнели, но остались целыми.

— Быстрее! — поторопила старшая Меллия. — Поле может отключиться в любую минуту.

Из центрального зала донесся приглушенный грохот, как будто рухнула стена. Вдоль прохода лениво поползло облако не то дыма, не то пыли. Сзади замерцали желтые огни.

— Внутри — быстро! — крикнул я.

— Нет, вы и... агент Гейл!

— Не спорь, девчонка! — я обхватил ее и подтолкнул к зеркалу. По поверхности бежали волны тусклого света. Меллия вырвалась.

— Идите, мистер Рейвел, не медлите! — сказала старшая Меллия, затем быстро повернулась и пошла к приближающим-

ся клубам дыма. Меллия закричала. Я пихнул ее в зеркало. Крик оборвался.

Женщина скрылась за сгущающимся облаком. Я шагнул в другое зеркало, как в туман. Оно замерцало вокруг меня и вспыхнуло. Затем пришла тьма.

Я затаил дыхание и замер в ожидании удара, как бывает в предчувствии еще не грянувшей, но приближающейся катастрофы.

Затем все исчезло.

26

Желтый свет развеял мрак. Впереди медленно шагал человек, словно преодолевая сопротивление воды.

Примерно в шести футах от него я осознал свою ошибку. Это был не человек. Карг. Тот самый, которого я дважды убил и один раз упустил.

Я не мог пошевелиться и даже следить за ним глазами. Находясь в полном сознании, я не мог уловить даже биение собственного сердца.

Движения карга были плавными и жизненными. На нем был простой костюм из черной кожи с застежками и ремешками. Взглянув на блок миниатюрных датчиков, пристегнутых к запястью, он что-то отрегулировал. До сих пор карг не обращал на меня внимания.

Теперь он подошел ко мне и оглядел. Я так и не встретился с взглядом его белесых равнодушных глаз. В поле зрения появились два человека. Они долго совещались. Вновь прибывшие несли что-то вроде вязанки дров. Затем они повернулись ко мне и в полной тишине обошли кругом. Прошло какое-то время. Уголками глаз я уловил движение. Слева от меня скользнула в пазы тонкая плита из темно-зеленого стекловидного материала. Справа появилась другая. В поле зрения человек принес тонкую панель. Приладил ее и тем самым закрыл обзор. Поначалу свет еще пробивался по краям, затем щит встал на место, и я остался в темноте, словно внутри банки с краской.

Лишившись видимости, я утратил ориентировку. Плыл вверх, вниз и даже летел. Сужался, расширялся до размеров вселенной. Не существовал...

Звук грохота. Пришло удушье. По всему телу прошла боль, словно на меня надели плотный, утыканный булавками облегающий костюм. Я мучительно напрягся, вздохнул и почувствовал биение своего сердца. Рев затих.

Задев коленкой стекловидную панель, я приготовился ударить, но стена упала и открыла большую комнату с высокими, пурпурно-черными стенами, где меня ожидали три человека. Лица их были скорее напряженными, чем доброжелательными.

Ближе всех стоял невысокий цветущего вида человек в серой спецовке. Румяные надутые губы, небольшие белые зубы. Второй была женщина лет сорока, склонная к худобе, чопорная и официальная, в темно-зеленом костюме. Третьим был карг, одетый теперь в простой черный комбинезон.

Коротышка шагнул вперед и протянул толстую руку. Держал он ее как-то забавно: растопырив и вывернув пальцы. Мы поздоровались. Он отвел руку и тщательно осмотрел, словно разыскивая следы моего прикосновения.

— Добро пожаловать на станцию «Берег Динозавров», — произнес карг с ноткой дружеского приветствия в голосе. Я оглядел помещение: больше никого не было.

— Где обе женщины? — спросил я.

Толстяк озадаченно повел бровями и потянул себя за губу. Женщина уверенно посмотрела на меня.

— Возможно, Дир Джейви пожелает вам объяснить ситуацию.

Голос ее прозвучал даже слишком уверенно.

— Мне не о чем говорить с роботом, — сказал я. — Кто его программирует? Вы?

Последнее было адресовано надутым губам.

— Что-о? — выдавил он и посмотрел на женщину. Та взглянула на карга, а тот в свою очередь на меня. Я оглядел всю троицу.

— Доктор Джейви — шеф Спасательной Службы, — быстро объяснила женщина, пытаясь загладить допущенную мной бестактность. — Я — доктор Фреска, а это — администратор Коска.

— Со мной были две женщины, доктор Фреска, — сказал я. — Где они?

— У меня нет ни малейшего представления. Это не моя компетенция.

— Где они, Коска?

Тот зашевелил губами, скривил гримасу неудовольствия.

— Что касается каких-либо разъяснений, обратитесь к доктору Джейви...

— Вами командует карг?

— Я не знаком с этим термином.

Напряжение. Улыбка исчезла.

Я повернулся к каргу. Он не сводил с меня своих бледно-голубых глаз.

— Вы несколько дезориентированы, — тихо проговорил он.
— Тут нет ничего удивительного. Так случается со многими...

— С кем это «со многими»?

— Соспасенными. В этом и заключается моя работа — наша работа — разыскивать, выявлять и возвращать сотрудников при... э-э... определенных обстоятельствах.

— Кто твой шеф, карг?

Он дернул головой.

— Прошу прощения, я не понимаю столь часто используемого вами термина «карг». Объясните, что он означает?

— Он означает, что я тебя раскусил.

Карг улыбнулся и развел руками.

— Как вам будет угодно. Но обязанности ответственного офицера здесь исполняю я.

— Ловко, — сказал я. — Где женщины?

Карг сложил губы розочкой.

— Не имею ни малейшего представления.

— Они были со мной пять минут назад. Ты видел их?

— Боюсь, что вы не вполне понимаете ситуацию, — сказал карг. — Когда я обнаружил вас, вы были один и, судя по показаниям приборов, пребывали в ахроническом вакууме в течение долгого времени.

— А точнее?

— О, это одна из интереснейших проблем темпоральной релятивистики. Ударами сердца мы измеряем биологическое время, единственное для каждого индивидуума. Есть психологическое время, чисто абстрактный феномен, в котором секунды могут казаться годами и наоборот. Но что касается вашего вопроса, Конечная Власть установила систему эталонов для измерения абсолютной длительности, в единицах данной системы ваше пребывание вне энтропического потока заняло, на мой взгляд, более столетия с погрешностью плюс-минус десять процентов.

Карг равнодушно развел руками и философски улыбнулся.

— Что касается ваших... э-э... спутниц, мне о них ничего не известно.

Я бросился на него, прыжок не удался, но я успел незаметно перехватить оружие в ладонь. Карг отпрянул. Доктор Фреска вскрикнула, а Коска схватил меня за руку. Карг чем-то шелкнул, в бок мягко ударила струя из распылителя. Облако мгновенно облепило мои руки, я оказался до колен опутан подобием белой паутины, сильно пахнущей сложным эфиром.

Я попытался шагнуть и чуть не упал. Коска подошел и помог мне сесть на стул. Он проделал это с таким заботливым участием, словно у меня только что случился сердечный приступ.

— Ты лжец, — сказал я каргу, — причем неважный. С твоей искренностью тебе прямая дорога в лжесвидетели. Я не верю, что ты вытащил меня из нескольких миллионов тысячелетий вечности случайно. Твои шрамы подправили, но ты меня знаешь. А если ты знаешь меня, ты знаешь и ее.

Карг задумался. Он кивнул, и Коска с женщиной вышли из помещения. Карг снова посмотрел на меня, и выражение его пластикового лица изменилось.

— Ну, хорошо, мистер Рейвел, я знаю вас. Ваше замечание о шрамах свидетельствует, видимо, о некоей конфронтации, которая была следствием нереализованных возможностей. Я знаю вас по репутации, по профессии. Что касается женщины, то я смогу заняться поисками позднее, когда мы придем к взаимопониманию.

Теперь он был настоящим каргом, без всяких эмоций.

— Я понял, карг, — сказал я.

— Позвольте мне ввести вас в курс дела, мистер Рейвел, — продолжал он мягко. — Когда вы проникнетесь нашими великими идеями, то, я уверен, пожелаете внести свою лепту в наши усилия.

— Не строй иллюзий, карг.

— Ваша враждебность — заблуждение, — продолжал карг. — Мы здесь, на Береге Динозавров, нуждаемся в ваших способностях, опыте, мистер Рейвел...

— Не стану спорить. Кто твои приспешники? Беглецы из Третьей Эры? Или вы занимаетесь вербовкой во Второй Эре?

Карг пропустил мои слова мимо ушей.

— Я постарался, — сказал он, — чтобы вам предоставили возможность выполнить работу, которой вы посвятили всю жизнь. Надеюсь, вы понимаете, что это в ваших интересах?

— Сомневаюсь, чтобы наши интересы могли совпадать, карг.

— Ситуация изменилась, мистер Рейвел. И теперь всем нам необходимо объединить усилия в рамках существующей реальности.

— Ну-ну.

— Все потуги вашего Пекс-Центра по Чистке Времени провалились, о чем в настоящее время вы уже догадались. То была благородная задумка, но в корне ошибочная, как и все предыдущие. Истинный ключ к темпоральной стабильности кроется не в попытках восстановить прошлое в его первоизданном состоянии, а в разумном использовании благоприятных условий и ресурсов, существующих на данном участке энтропического сектора, и применении их для создания и поддержания жизнеспособного анклава, призванного обеспечить полный расцвет наций. Именно ради этих целей Конечная Власть взяла на себя

миссию по спасению из каждой эры всего, что можно спасти от стихийного прорыва исторгнутой темпоральной прогрессии. Счастливи сообщить вам, что наша деятельность оказалась весьма успешной.

— Значит, вы грабите прошлое и будущее темпорального ядра и тащите к себе. Куда же?

— Конечная Власть основала резервацию из десяти столетий в так называемой Старой Эре. Что касается понятия «грабить», то вы сами, мистер Рейвел, являетесь примером главного объекта деятельности Спасательной Службы.

— Мужчины и... женщины, все оперативные агенты?

— Конечно.

— Они счастливы и безропотно отдают свои таланты делу строительства устойчивого островка во времени, который вы так хвалите!

— Не все, мистер Рейвел. Незначительное число.

— Я думаю! Большинством это типы из бывшей Третьей Эры и предыдущих программ Чистки Времени, а? У которых хватило ума понять безвыходность ситуации, но не хватило времени увидеть в вашем изолированном островке стерильный тупик.

— Мне совершенно непонятно ваше отношение, мистер Рейвел. Стерильный?! Вы вольны размножаться, растут растения, сияет солнце, протекают химические реакции.

Я засмеялся.

— Разговор машины, карг. Ты просто не уловил сути.

— Речь идет о сохранении во времени разумной жизни, — объяснял он терпеливо.

— Да, но не в музее под стеклянным колпаком и слоем пыли. Теория постоянного движения давно отвергнута, карг. Топтание на месте в темпоральной колбе — даже протяженностью в тысячу лет — подобная перспектива не вполне согласуется с моими представлениями о судьбе человечества.

— Как бы то ни было, вы послужите на благо Конечной Власти.

— Правда?

— Да! Альтернатива крайне неприятна.

— Приятна, неприятна, пустые слова, карг.

Я осмотрел большую, мрачную комнату. Сыро и прохладно, на стенах выступили капельки влаги.

— Теперь ты начнешь загонять мне под ногти щепки, сдавливать пальцы, подвешивать на крюке. Затем изложишь защитные меры контроля моего поведения на задании.

— В физическом воздействии нет надобности, мистер Рейвел. Вы будете выполнять все за награду, которую я вам пред-

ложу. Мы обнаружили агента Гейл. Допрашивая ее, я заинтересовался вами. И предложил ей работать на Конечную Власть в обмен на вас.

— И ей не сообщили о моем спасении?

— В данное время это не в интересах Конечной Власти.

— Держишь на поводке, а сам сидишь на двух стульях.

— Верно.

— Когда имеешь дело с куском аппаратуры, впустую тратить время на выслушивание оправданий. Милая особенность, карг.

— Мистер Рейвел, моим сотрудникам ничего не известно об искусственной природе моего происхождения. Большей частью это люди Второй Эры. В интересах Конечной Власти их об этом не информируют.

— А если я все же скажу?

— Тогда я прикажу доставить сюда агента Гейл и в вашем присутствии подвергну ее истязаниям.

— Да? И потратить пустую усилия, вложенные в программу?

— Утрата контроля еще хуже, чем частичный контроль. Вы будете повиноваться инструкциям, мистер Рейвел. Каждому пункту. Или же я пожертвую планом.

— Гладко, логично и продуманно, — ответил я. — Ты забыл одно.

— Что же?

— Вот это, — я выстрелил с бедра. Мои руки были прижаты к бокам, поэтому выстрел получился неудачным. Пуля вдребезги разнесла колено и отшвырнула карга к стене комнаты.

Извиваясь на полу, я добрался до него и, пока не замерла фибрилляция нейроэлектронной системы, открыл грудную панель. С трудом перевел его на ручное управление нажатием переключателя.

— Лежи тихо, — приказал я. — Чем снимаются путы?

Он сказал. Я вытащил из его нагрудного кармана распылитель в виде шариковой ручки и выпустил розовое облако. Паутина сморщилась, превратилась в желе и рассыпалась в пыль, которую я незамедлительно стряхнул.

Я сорвал печати и извлек ленту. Программу модифицировали в расчете на многократное использование, некую бесконечную петлю, предназначенную для автоматического повторения приблизительно лет на сто.

Кто-то здорово потрудился, программируя работа с системой автономного обслуживания и высокой степенью свободы.

Среди аппаратуры в комнате нашелся сканнер. Я вставил патрон, включил прослушивание и выслушал обычную программу параметров, но с изменениями основ взаимоотношений че-

ловека и карга: карг предназначался для работы при полном отсутствии надзора со стороны человека.

Я скорректировал команды в начальной части ленты и вновь поставил на место.

— Где женщина? — спросил я. — Агент Меллия Гейл?

— Не знаю, — ответил карг.

— Так, — произнес я и подумал: она служила в качестве приманки. Карг обманывал. Дурная привычка, но я знаю, как лечить.

Я задал ему еще несколько вопросов и получил ожидаемые ответы. Он с группой каргов и спасенных оперативников предыдущих программ уединились на островке стабильности среди растущего моря энтропийного распада. Какое-то время опасность не угрожала, пока разъедающая гниль не достигла последнего года, дня и часа. Все их устремления могли кануть в бесформенную однородность Айлема.

— Знаешь, карг, твою контору ждет печальный конец, — сказал я. — Но ты не переживай: ничто не вечно под луной.

Он не ответил. Я покрутился еще несколько минут по комнате, отметил интересные подробности, взгрустнул о завтраке, не съеденном сто лет назад. Среди оборудования было полно устройств специального назначения, которые мне могли пригодиться. И не мешало бы выяснить кое-что. Но у меня было ощущение, что, чем раньше я выйду из-под юрисдикции Конечной Власти, тем лучше будет для моих намерений.

— Несколько слов для потомства? — предложил я каргу. — Прежде чем я прибегну к упомянутому лечебному средству.

— Ты проиграешь, — ответил он.

— Может быть. Нажми кнопку саморазрушения.

Карг повиновался, и из внутренностей повалил дым. Я сверился с целевым сигнализатором, настроил на Меллию Гейл и снял точные координаты. Затем открыл транспортную кабину, набрал код годографа, шагнул внутрь и включил посылочный импульс. Реальность раскололась вдребезги и вновь собралась в единое целое в другом времени и другом месте.

Я поспел вовремя.

27

Над пологим склоном нависло низкое, серое небо. Зеленая трава, черный мох, голые, обветренные скалы. Вдали на фоне округлых холмов паслось стадо грязно-серых овец. А на переднем плане шумела толпа, линчевавшая ведьму.

Там собрались дюжины три грубоватых, но жизнерадостных деревенских жителей, одетых в пестрые наряды из грубой

ткани, которые наводили на мысль об ограблении кибитки старьевщика. Большинство несло с собой палки или цепи, у некоторых свисали самодельные дубинки, отполированные от долгого пользования, и у каждого на лице светилось выражение невинной жестокости. Лица были обращены к Меллии, занимавшей центральное место, со связанными за спиной руками.

Она была одета в серое домотканое рубище, ветер рвал его длинные полы, ее медно-красные волосы развевались на ветру, как боевое знамя. Брошенный кем-то камень попал ей в лицо. Она покачнулась, но устояла, выпрямилась и, не обращая внимания на тонкую струйку крови на щеке, окинула толпу презрительным взглядом. Наши взгляды встретились. Я ожидал радостной улыбки, но она посмотрела мне прямо в глаза и отвернулась.

Тут широкоплечий мужчина дернул ее за плечо. Я растолкал в стороны кое-кого из членов «комиссии» и лягнул его под левую коленку. Он завопил, заскакал на одной ноге и подставил под удар свой красный нос. Нос расплющился под ударом прямой правой, а последовавший хук левой послал верзилу наземь. Кто-то заорал, но я крутанулся на каблуках и вмазал ему локтем прямо в челюсть. Крикун отлетел на пару шагов и тяжело рухнул, сплюнув кровь и пару зубов.

— Ты глупец, безмозглый глупец! — сказала Меллия, но я бросил:

— Помолчи!

К этому времени остальные пришли в себя от изумления. Кое-кто посообразительней уже понял, что веселье кончается. Это им не понравилось. Толпа устремила на меня волной разъяренных уродливых лиц: потрескавшиеся губы, плохие зубы, вздувшиеся веки, сверкающие глаза. С меня было довольно. Я включил захват, что должен был сделать с самого начала. Фигуры нападающих застыли в полукрике.

Поле захвата затронуло и Меллию. Я осторожно вызволил ее — а то можно было легко поломать кости — и с трудом спустился с холма. Потом вышел на грязную проселочную дорогу у подножия, поставил ее на ноги и убрал поле. Она пошатнулась, ошеломленно глядя на меня. Взгляд не выразил даже капли признательности.

— Как... как ты это сделал? — выдохнула она.

— Так, скрытые таланты. Чего они взбеленились? Наслала порчу на коров?

Я отер с ее щеки струйку крови. Она уклонилась от прикосновения.

— Я... я нарушила обычай. Они просто выполняли традиционное наказание. Со мной ничего бы не случилось. А теперь по твоей милости все пропало. Разрушено все, чего я достигла!

— Ты работаешь на карга по имени доктор Джейви.

Она встревожилась и возмущенно покачала головой.

— Так и есть, — заверил я. — Именно он выудил тебя из темповаккуума и втравил в это дело.

— Ты не в своем уме! Я сама вышла из стазиса с целью...

— Так, леди. С тобой провели сеанс гипноза. Ты работала на карга. Он перестроил тебя во славу своих создателей. Потрудились как следует. Или кто-то постарался для него...

— Какая чушь! — Меллия воспользовалась паузой, чтобы выложить все, что имела. — Она для тебя тоже не имела значения, — добавила она с очаровательной женской непоследовательностью.

— Старший агент Гейл? Ты права. Никакого значения. Она знала...

— Ты убил ее! Чтобы спастись самому! Ты трус! Жалкий трус!

— Да, детка. Но я спас только одну из своих шкур. Ты же намерена сохранить в целости всю коллекцию.

— Что?

— Сама знаешь. Ты оплакиваешь саму себя. Она — это ты через пятьдесят лет. Мы оба знаем это. Возможно, она тоже знала и притворялась по душевной доброте. Она молодчина, старая Меллия. И проявила достаточно сообразительности — вовремя ушла со сцены.

— И ты ей позволил!

— Я не мог, да и не хотел останавливать. Забавно, ты ревнуешь к себе в образе Лайзы, но пылко защищаешь иное проявление своей бесконечной многоликости. Она прожила впустую долгую жизнь и все ждала случая сделать доброе дело. Ей это удалось.

Меллия почти вцепилась ногтями мне в лицо. Я перехватил ее руки и кивнул в сторону толпы, спускающейся с холма.

— Публика негодует, — сказал я. — Требуется вернуть деньги или продолжить спектакль. Решай. Если хочешь, чтобы тебя вывалили раздетую догола в дегте и в перьях, то я принесу свои извинения и удалюсь.

— Ненавижу! Ты грубый, безжалостный циник! О, как я ошибалась в тебе!

— Оставим раздумья на потом. Ты остаешься или идешь?

Она оглянулась на холм и передернула плечами.

— Иду, — тихо сказала она, признавая поражение.

Я включил интерферирующий экран, сделавший нас невидимыми.

— Держись поближе, — предупредил я. — В каком направлении ближайший город?

Она указала. Мы быстро двинулись в путь, оставив за собой взывшую от изумления, разочарованную толпу.

28

Поселок производил отвратительное впечатление своей нищетой и убогостью, напоминая захолустные городишки всех времен и народов.

— Ты забыла сказать, где мы находимся, — сказал я.

— Уэллс, близ Ландудио, 1723 год.

— Воля ваша, мэм. Каждый выбирает, что ему по душе.

Я разыскал таверну по грубо намалеванной вывеске с изображением беременной женщины в слезах и надписью: «Покаяние невесты».

— Да, как раз под настроение, — заметил я и выключил И-экран. Мы уже входили под навес, когда начал моросить дождь. Зал оказался темной комнатухой, освещенной лишь горевшими в очаге углями, да фонарем, свисавшим с конца толстой балки. Каменный пол отдавал сыростью.

Других посетителей не было. Под пристальным взглядом крепкого коренастого старика мы уселись за длинный дубовый стол у единственного оконца, под стропилами. Шаркая ногами, старик поспешил к нам, лицо его не выражало одобрения. Он пробормотал что-то. Я глянул на него и рявкнул:

— Что там еще?

— Вы, видать, англичане будете, — проворчал он.

— Ты глупее, чем выглядишь. Принеси-ка эль, крепкий эль. Да хлеба и мяса. Белого, понял?

Он снова что-то промямлил. Я нахмурился и потянулся за воображаемым кинжалом.

— Не раздражай меня своей наглостью или я вырежу твое сердце!

— Ты что, спятил? — вмешалась мисс Гейл на английском двадцатого столетия, но я оборвал ее:

— Попридержите язык, мисс!

Она запричитала, но я еще раз прикрикнул. Тогда она заплакала. Слезы подействовали, но я не показал виду.

Старик вернулся с глиняными кружками с коричневой жидкостью, которая в этих местах сходилась за эль. Ногам было холодно. Из дальней комнаты доносились резкие голоса и стук посуды, запахло жареным мясом. Меллия чихнула, и я подавил настойчивое желание обнять ее. Высокая уродливая старуха

вышла из своей дыры и поставила перед нами оловянные тарелки, где в застывшем жиру плавали хрящи тухлой баранины. Я приложил к тарелке ладонь: она была ледяной в середине и чуть теплой по краям. Меллия уже потянулась за ножом, но я сгрел обе тарелки и швырнул через комнату. Старуха взвизгнула и загородилась передником, тут же выскочил старик и принял на себя весь шквал негодования.

— Мерзавец! Ты знаешь, кто оказал честь твоему хлеву своим посещением? Принеси еду, достойную дворянина, негодяй, или я выпущу тебе кишки!

— Это анахронизм, — прошептала Меллия и приложила к глазам платочек.

Наш гостеприимный хозяин и его старая карга так и забегали.

— Ты права, — заметил я. — Кто знает? Возможно, я вызвал его прямо сейчас.

Она взглянула на меня блестящими от слез глазами.

— Ты как? Лучше? — спросил я.

Она поколебалась немного и кивнула.

— Хорошо. Теперь можно расслабиться и сказать, как я рад тебя видеть.

Она озадаченно посмотрела на меня.

— Не понимаю тебя, Рейвел. Ты меняешься. Сегодня один, завтра другой. Кто ты на самом деле?

— Я же говорил. Оперативник, как и ты.

— Да, но... эти приспособления, которые я никогда не видела. Экран невидимости, парализующее поле...

— Не волнуйся, все в рамках службы, моя дорогая. У меня есть устройства, о которых даже мне ничего не известно. До тех пор, пока не возникнет нужда. Это придает уверенность. Можно прорубаться напролом через любые препятствия, возникающие на пути.

Меллия слегка улыбнулась.

— Но... ты казался таким беспомощным на первых порах. И дальше... на А-П-станции...

— Сработала тактика, — признался я, — поэтому мы вместе.

Она посмотрела на меня, словно ребенок, впервые увидевший Санта-Клауса.

— Рейвел, все, что случилось, — часть заранее разработанной схемы?

— Надеюсь, — ответил я.

— Будь добр, объясни.

Я углубился в воспоминания, подыскивая необходимые и понятные слова...

— В Буффало я был просто Джимом Келли. У меня была работа и квартира. Я слонялся по городу, как и остальные

парни. Ходил в кино, бары, засматривался на проходящих девушек. И никогда не задумывался. Даже когда очутился в три часа ночи у пустого склада. Я думал, это бессонница. Я смотрел и запоминал. Спустя некоторое время в голове вспыхнул приказ. «Переходите к фазе В». Не помню точно время, когда я осознал себя агентом Чистки Времени. Просто пришло знание, и я им воспользовался. Я знал, что делать, и выполнял приказ.

— Тогда ты оставил свою Лайзу?

Я кивнул.

— Уничтожив карга, я собрал данные и вернулся на базу. Когда ее атаковали, я действовал бессознательно. Одно вело к другому. И в результате мы здесь.

— Что будет дальше?

— Не знаю. Еще много вопросов, на которые я не могу ответить. Например, почему ты здесь.

— Ты сказал, что меня сюда направил карг.

Я кивнул.

— Я не знаю его целей, но они наверняка не совпадают ни с твоими, ни с моими планами.

— Да... я понимаю, — прошептала она.

— С каким же заданием тебя прислали?

— Я пыталась основать здесь школу.

— Преподавая что?

— Фрейда, Дарвина, Канта, гигиену, контроль над рождаемостью, политическую философию, биологию...

— Плюс свободную любовь и атеизм или... католицизм? — я покачал головой. — Не удивительно, что эта эпопея закончилась вечеринкой с дегтем и перьями. Или это позорный стул?

— Просто публичное наказание розгами, думаю.

— Конечно. Карг внушил тебе мысль, что ты выполняешь благородную миссию, несешь просвещение язычникам, пребывающим во мраке без истины.

— Разве это плохо? Если бы удалось дать этим людям образование, научить их мыслить и разбираться в вещах, которые имеют непосредственное влияние на их жизнь...

— Чтобы отправить тебя на виселицу, лучшей программы не составить, даже если ее планировать специально для этой цели...

Мое внимание привлекли шаги, шаги, которые я уже слышал.

— Возможно, я смогу прояснить тайну, мистер Рейвел, — послышался из кухни знакомый еле слышимый голосок. В дверях стоял карг, облаченный в одежду из грязновато-коричневой шерсти местного производства, и безмятежно смотрел на нас. Он подошел к столику и сел напротив, как уже было однажды.

— У тебя дурная привычка соваться без приглашения, — заметил я.

— А почему бы и нет, мистер Рейвел? В конце концов, я заинтересованная сторона.

Он мягко улыбнулся Мелли. Та ответила ему холодным взглядом.

— Это вы послали меня сюда? — спросила она.

— Совершенно верно. Направил, чтобы поставить в затруднительное положение и вынудить мистера Рейвела устремиться к вам на помощь.

— Зачем?

Он развел руками.

— Это сложная матрица, мисс Гейл. Но думаю, мистер Рейвел понял. Он весьма высоко ставит свое мнение эксперта по данным вопросам.

— Из нас сделали марионеток, — сказал я, не скрывая отвращения.

— При попытке повлиять на временной ствол начинают действовать неизвестные силы, их надо учитывать. Каждый мой шаг обуславливал цепь последствий, возвращающих энтропическую стабильность. Вас забросили сюда не без помощи вашего дорогого друга.

— Почему же вы не повлияли на Береге Динозавров, когда мы встретились?

— Это ясно, — ответил я. — Он не знал, где мы.

— Я искал, — сказал карг. — Охотился за вами десятки лет. Вы временно ускользали. Но временем я располагаю в неограниченном количестве.

— Ты почти нагнал нас на заброшенной станции, где мы нашли старую леди, — заметил я.

Карг кивнул.

— Я прождал более пятидесяти лет и разминулся лишь на несколько минут. Впрочем, неважно. Мы все здесь, как я и планировал.

— Вы планировали? — вырвалось у Мелли.

Карг слегка удивился, или изобразил удивление. Карги — тонкие машины.

— Разумеется. Случайность играет маленькую роль в моей деятельности, мисс Гейл. Правда, я временами вынужден сеять семена, способные дать росток, но результат предсказуем. Я вынудил мистера Рейвела разыскивать вас. И последовал за ним.

— А теперь, когда мы здесь, чего ты хочешь? — спросил я.

— Чтобы вы выполнили одно задание, мистер Рейвел, оба.

— Опять то же самое!

— Мне нужны два темпоральных агента — люди, чтобы выполнить деликатное поручение, связанное с калибровкой технического оборудования. Для решения данной задачи необходимы два близких друг другу человека. Вы и мисс Гейл отвечаете требованиям полностью.

— Ты ошибся, — резко сказала Меллия. — Агент Рейвел и я — профессиональные коллеги, не более.

— В самом деле? Близость, о которой я говорил, завлекла вас в расставленную мною ловушку. Вы сами, мисс Гейл, послужили приманкой.

— Не понимаю...

— Все просто, — сказал я. — Старая леди. Он устроил тупик и заманил тебя. Ты прожила столетия, ожидая моего появления. А раньше, — продолжал я, — попав в его зловонную яму... Я еще удивился, почему выбор пал на это место. Но то была любовь, она притягивала меня магнитом. И сейчас. Я пришел в тот самый момент, когда ты так нуждалась во мне.

— В жизни не слышала ничего более нелепого, — запротестовала Меллия, но в голосе ее появилось сомнение. — Ты не любишь меня, — добавила она, — ты любишь...

— Довольно, — поднял руку карг. Теперь он командовал и полностью контролировал ситуацию. — Разумное объяснение не имеет никакого значения. Единственное, что существенно, так это ваш долг перед Конечной Властью...

— Только не мой, — Меллия резко встала. — С меня довольно вас обоих. Я отказываюсь выполнять ваши приказы.

— Сядьте, мисс Гейл, — холодно сказал карг. Она не обратила на него внимания и сделала шаг в сторону. Он схватил ее за запястье, вывернул руку и заставил опуститься на стул.

Меллия взглянула на меня расширенными испуганными глазами.

— Вам не понятно, почему мистер Рейвел не бросился защищать вас? — сказал карг. — Могу объяснить. Его интерплатированное вооружение совершенно бесполезно в данном го-дографе, именно поэтому я его выбрал.

— Бесполезно?.. — начала она.

— Прости, детка, — оборвал я. — На этот раз ему действительно удалось нас обойти. Ближайший энергоотвод вне досягаемости. Он заманил нас в единственную мертвую зону из пары тысяч столетий.

— Жизнь потрачена впустую? — спросила она, скрывая дрожь в голосе.

— Что касается утрат, то я уверен, что в ближайшем будущем вы убедитесь в обратном, — вмешался карг. — Теперь мы

последуем к месту, где вы должны внести свою лепту на благо Конечной Власти.

Он встал.

— Мы еще не пообедали, — вмешался я.

— Пойдемте, мистер Рейвел, не время упражняться в остроумии.

— Что ж, я никогда не питал особой любви к холодной баранине, — вздохнул я и поднялся. Меллия не сводила с меня испуганного взгляда.

— Неужели ты собираешься сдать? Без борьбы?

Я пожал плечами и виновато улыбнулся. Ее лицо побледнело, губы скривились в презрительной усмешке.

— Осторожней, — предупредил я, — ты нарушишь нашу дружбу.

Тем временем карг извлек из кармана кубик и что-то с ним сделал. Краем глаза я успел заметить коренастого хозяина, выглядывающего из кухни, но в следующее мгновение все закрутилось в урагане, вроде того, что унес Дороти в страну Оз.

29

— Так вы согласны? — спросил карг. Нас окружали сотни квадратных миль нержавеющей стали. На фоне черного неба вздымались клыкообразные очертания металлических конструкций.

Рядом с нами бесшумно остановился маленький автомобиль с резиновыми колесами. Мы уселись, и рыдван покатиł вперед, быстро набирая скорость. В лицо ударил затхлый, с машинным привкусом воздух. небоскребы быстро приближались. Меллия застыла как мумия.

Мы стрелой вылетели под высокие здания, машина резко свернула на пандус. Меллия в поисках поддержки ухватилаcь за меня, но я отдернул руку.

— Расслабься, — посоветовал я. — Сядь поудобнее и покачивайся в такт движению, словно мешок с картошкой.

Резкие повороты следовали один за другим. Внезапно дорога выпрямилась, нырнула в туннель. Скоро мы выехали на широкую террасу, расположенную высоко над равниной. Повозка подкатила к самому краю и остановилась. Мы вышли. Карг подвел нас к мостику шириной в восемнадцать дюймов, уходившему в полную тьму. Меллия отшатнулась.

— Ты сможешь пройти? — спросил я.

— Не думаю. Нет, — шепнула она, презирая себя за слабость.

— Тогда закрой глаза и думай о приятном, — сказал я и подхватил ее на руки. На мгновение она напряглась, а потом расслабилась в моих объятиях. — Вот так, — сказал я. — Мешок с картошкой...

Карг не ждал. Я последовал за ним, за белеющей во мраке спиной. Путь показался долгим. Я старался не думать о скользких туфлях, о сырости, о торчащих головках заклепок, о разверзшейся подо мною пустоте.

Вдруг из тьмы выплыл освещенный проем двери. Я нацелился и убедил себя, что шагаю по широкому проспекту. Самовнушение помогло. Я поравнялся с дверью, сделал три шага и опустил Меллию на пол. Дрожь прошла.

Мы находились в довольно милой комнате с густым ковром богатого темно-коричневого цвета и тусклой полированной мебелью красного дерева с серебряной и медной отделкой. В стене располагался красивый камин. Чувствовался запах кожи и бренди, аромат табака.

— Вам здесь будет удобно, — сказал карг. — В кладовой есть провизия. Подборка в библиотеке и фонотеке достаточно обширна. Есть ванна с сауной, небольшой зал для гимнастики, хорошо укомплектованный гардероб для каждого из вас и широкая кровать.

— Не забудь упомянуть роскошный вид с балкона на листво-
вой прокат, — сказала я.

— Да, конечно, — согласился карг. — Вам здесь будет удобно?..
На этот раз фраза прозвучала как вопрос.

Меллия подошла к столу и коснулась искусственных цветов в большой грубообожженной вазе, похожей на погребальную урну.

— Разве мы можем чувствовать себя иначе? — спросила она и мрачно рассмеялась.

— Я полагаю, вы изъявите желание отдохнуть и набраться сил, — сказал карг. — Располагайтесь, прошу вас. Все инструкции получите завтра.

Он повернулся и пошел.

— Стойте! — бросила Меллия резко.

Карг оглянулся.

— Неужели вы думаете, что можно уйти и оставить нас без всяких объяснений, в ожидании?

— Вас обо всем в свое время проинформируют.

— Я хочу, чтобы меня проинформировали сейчас.

Карг посмотрел на нее с заинтересованным видом палача, увидевшего внезапно ожившего клиента.

— Вы обеспокоены, мисс Гейл. Уверяю вас, на то нет никаких оснований. Лично ваши обязанности будут весьма просты и безболезненны.

— На вас работают сотни людей. Зачем было похищать нас?

— Не людей, — поправил он снисходительно. — Каргов. А данная задача, к несчастью, не может быть выполнена неорганическим существом.

— Ну и что?

— Миссия Конечной Власти, мисс Гейл, заключается в том, чтобы основывать темпорально стабильные зоны среди относительного хаоса, порожденного опрометчивым вмешательством человека в энтропийный контур. Для этой цели необходимо выбирать только те временные линии, которые имеют высокую степень энергоемкости, дабы способствовать продлению темпоральной ткани Конечной Власти. Нам до сих пор не удалось разработать аппаратуру, способную производить достоверные измерения. Однако органические гуманоиды обладают соответствующими способностями. Способности эти пока мало изучены, но с их помощью люди непосредственно воспринимают мощь континуума. Лучшее всего задача может быть выполнена парой тренированных лиц, одно из которых занимает позицию в стандартном энтропическом окружении, в то время как другое внедряется в последствия альтернативной среды. Любое ослабление личной эманации одного, отражающее вышеназванную энергию жизнеобеспечения, тотчас ощущается контрольным партнером и регистрируется в главной картотеке. Таким образом, мы получаем возможность составить точную таблицу и руководствоваться ею в выборе контактных темпоральных нитей.

— Вроде канарейки в угольной шахте, — сказал я. — Если канарейка вздернула лапки, беги в укрытие.

— Все далеко не так мрачно, как считает мистер Рейвел. Испытуемого тотчас возвратят. Я не стану рисковать столь ценной собственностью.

— Ты прямо гуманист, карг. Так кто уходит, а кто томится дома?

— Вы будете чередоваться. Мы сначала попробуем в поле мистера Рейвела с мисс Гейл на контроле. Затем поменяем местами. Вы удовлетворены?

— Это слово не совсем подходит.

— Шутка, я полагаю. Во всяком случае, я надеюсь на ваше искреннее сотрудничество.

— Не слишком ли вы самоуверенны? — спросила Меллия.

— Не думаю, мисс Гейл. В противном случае от вас избавятся максимально болезненным способом. Этот вопрос мы уже обсуждали с мистером Рейвелом.

Он объявил об этом, как пожарник, запрещающий курить в постели.

Меллия взглянула на меня то ли с укоризной, то ли с мольбой.

— Ты ошибся, — сказала она Каргу. — Ему наплевать, что со мной случится. Наплевать...

Она запнулась, но карг даже не заметил.

— Не глупите. Мне прекрасно известно о страсти мистера Рейвела к Лайзе.

Он кинул на меня глубокомысленный взгляд.

— Но... я не Лай... — она прикусила язык за мгновение до того, как я приготовился оборвать ее. — Понимаю, — закончила она.

— Я так и думал, — ответил карг.

30

На следующее утро состоялась проба, причем «утро» следовало понимать лишь как условный термин, принятый для обозначения того времени, когда вы встаете с постели. По-прежнему чернело небо, работали прожектора. Поскольку карг не удостоил нас объяснениями, я сам сделал кое-какие выводы.

Карг повел нас по коридору, в меру высокому и широкому, чтобы вызвать чувство клаустрофобии, но не затруднить движение. В уютных комнатах, мимо которых мы проходили, я заметил трех каргов, работающих над чем-то вроде компьютерной программы. Я не задавал вопросов, карг не проявлял охоты что-либо объяснять.

Помещение, куда мы наконец пришли, представляло собой небольшой куб, все четыре стенки которого являлись пультом управления с экранами дисплеев и шкалами датчиков. В центре комнаты напротив друг друга стояли два стула. Ни успокаивающего зеленого цвета, ни приятной обивки. Просто голый металл.

— Внешне опыт очень прост, — сказал карг. — Вы занимаете места.. — он указал каждому на стул.

Вошли и молча принялись налаживать аппаратуру два карга-техника.

— Вас, мистер Рейвел, — продолжал он, — переместят в выбранный годограф. Там вы задержитесь на время, необходимое для привыкания к окружающему миру и передачи ответного импульса мисс Гейл. После вас возвратят и снова отправят. В течение рабочего дня вы сможете проверить энергопотенциал нескольких сот вероятностных ветвей.

— Ясно. А мисс Гейл?

— Мисс Гейл останется здесь. Мы закрепим ее в определенном положении, сфокусируем пучок лучей и с помощью скан-

нера будем контролировать реакции. Как видите, абсолютно никакой опасности.

— Не бей лежащего, — сказал я. — О такой работе я мечтал всю жизнь. Не могу дождаться своей очереди.

— Всему свое время, мистер Рейвел, — ответил карг торжественно, как просматривающий список банковских операций бизнесмен. — Сначала вам предоставляют более активную роль. Мы можем приступить сейчас же.

— Ты меня удивляешь, карг, — сказал я. — Ты страшно засоряешь время. Твоя программа за день оставит больше энтропического хаоса, чем Пекс-Центр сможет расчистить за год.

— Никакого Пекс-Центра нет.

— И никогда не будет? Ты знаешь, я сгораю от любопытства. Как это ты ухитрился столь исчерпывающе переработать свои базисные директивы? Тебя создавали совсем для другого.

— Должен заметить, у вас чрезвычайно богатое воображение, мистер Рейвел. Мы находимся сейчас во временах Старой Эры, в плейстоцене. Человеческой культуры, которая, согласно вашим предположениям, построила меня или создаст, не существует и никогда не будет существовать. Я позаботился и обрубил все корни данного временного ствола. Мои мнимые создатели являются лишь сегментом вашей памяти, я же существую как самостоятельная целостность и предшествую Третьей Эре за много тысячелетий. Следовательно, ваша концепция — миф, своего рода химера, которой вы оправдываете свое господствующее положение.

— Карг, для чего весь этот спектакль? Меня не купишь на такую дешевую демагогию. Да и агента Гейл тоже. Кого ты убеждаешь? Самого себя, — я усмехнулся, хотя было не до смеха. — Ты делаешь успехи, карг. У тебя самый настоящий человеческий невроз.

— Говорить мне о тщеславном стремлении стать человеком бессмысленно. Я — карг, уничижительный эпитет для вас, но для меня — гордая эмблема врожденного превосходства.

— Ладно, карг, ты уже утомил меня своей болтовней. Мне предстоит изрядно попортить энтропический континуум, четыреста линий в день. Нам лучше начать. До скорого, милая, — добавил я, обращаясь к Меллии. — Я знаю, пройдет время, и у тебя все будет замечательно.

Она испуганно улыбнулась, тщетно пытаясь прочесть на моем лице послание надежды и одобрения.

Карг вручил мне металлический кубик вроде тех, из которых двухлетние малыши строят домики, с кнопкой импульса возврата на одной из плоскостей.

— Первоначально мы отцентрируем комплексную систему слежения, охватывающую ваше сознание, — сказал он как бы между прочим. — Для данной части программы необходимы стрессовые ситуации. Чтобы избежать отрицательного воздействия внешней среды, сопротивляйтесь. В случае, если психическое давление станет все-таки чрезмерным, можете нажать кнопку аварийного возврата.

— А если я не нажму кнопку, а просто-напросто выброшу кубик, карг? Вдруг мне понравятся те места и я решу там поселиться?

Но карг не ответил. Я саркастически отсалютовал, не глядя на Меллию. Он щелкнул тумблером.

И я оказался в другом месте.

31

Но не там, где он думал. Как только поле включилось, я захватил его, переформировал и направил поток энергии сначала на то, чтобы нейтрализовать время пронизывающий эффект, а затем — чтобы затормозить стазис. Потом проверил окружение.

Я находился в фокусе сложной системы силовых векторов. Проследив за ведущими к источнику энергии, я получил в тот день свое первое потрясение. Карг черпал энергию из темпотяги базисного цикла сотворения и распада вселенной. Он подключился к основному временному стволу и получал мощност, необходимую для поддержания энтропического острова, оперативной базы Конечной Власти.

Я осмотрел структуру хроноблокировки. Могушество этого создания не поддавалось измерению.

Мое второе потрясение дня: потоками энергии манипулировал мозг карга, мощност которого в колоссальной степени превышала силу обыкновенного карга. Сознание десяти тысяч каргов в одной упряжке могло дать такую мощност.

Я почти понял, как это произошло. В прошлом Третьей Эры какой-то карг, обладавший стандартным интеллектом, выполнял обычное задание. Непредвиденная случайност — и в результате причудливой интерференции происходит мгновенное сдвоение его временной линии. На мозговое поле одного карга накладывается поле другого. Обладая вычислительной мощност сдвоенного интеллекта, карг мгновенно оценил ситуацию, увидел бесполезност своей миссии, почерпнул энергию из энтропической паутины и вновь сотворил нелепую случайност. И был удовлетворен. Потом еще раз. И еще. И еще.

На шестнадцатом сдвоении первоначальная матрица робота не только достигла предела нагрузки, но и катастрофически превысила его. Беспредельно могущественный мозг карга, представляющий собой компьютер невообразимой мощности, впал в коматозное состояние.

Прошли годы. Первоначальный карг, ничего не помнящий о чрезвычайном происшествии, благополучно завершил задание, вернулся на базу и был списан, канул в небытие провалившегося эксперимента. И все это время деформированный мозг-гигант понемногу выздоравливал.

В один прекрасный день суперкарг проснулся.

Он тотчас же овладел новейшими способами передвижения, внедрил себя в блоки мириадом давно умерших каргов. За какую-то долю микросекунды он оценил ситуацию, вывел умозаключения и принялся претворять свои планы в жизнь. С одержимостью дезориентированного бульдозера, прокладывающего себе путь сквозь фарфоровую фабрику, деформированный суперкарг расчистил темпоральный сегмент, благоустроил часть пространства для жизни каргов и принялся оберегать и совершенствовать устроенный таким образом искусственный темпоральный остров. Остров без жизни, без смысла.

И он основал Конечную Власть. Затем обнаружил способ извлечь пользу из людишек, которые все еще копошились около руин исконного временного ствола. Не бог весть какую пользу, и даже не слишком существенную для Великого Плана. Просто удобство, добавочная эффективность.

И нас с Меллией отобрали для крошечной роли в судьбе, уготованной Великой Машиной для вселенной.

Мы были не единственной парой близких людей. Тысячи других пленников трудились над сортировкой энтропической ткани и сплетали шотландку пространства-времени.

Идея не была лишена откровенной простоты, хотя простота ее не спасала. Островок просуществовал бы какое-то время: миллион лет, десять миллионов, сто. Но в конце концов развитие зашло бы в тупик. Дамба рухнула бы под напором времени, нереализованного будущего в катастрофу невообразимых размеров.

Во всяком случае, мое воображение тут бессильно.

Но этого не случится, если продырявить дамбу раньше, чем будет достигнут высокий темпостатический напор.

Я находился в идеальном для этого положении.

Но сначала было необходимо определить координаты гигантского темпорального двигателя, который снабжал энергией весь механизм. Он умно спрятан. Я проследил срывающиеся тропки, тупики, затем вернулся и вновь прошел по лазам лабиринта, исключая ложные ходы и сужая поиск.

И я нашел его. Я знал, что делать. Затем снял захват и время пронизывающее поле швырнуло меня в преддверие ада.

32

На меня обрушилась какофония лязгающего и орущего города. Настойчиво взывали о внимании красочные полосы, блики и лучи света. Город ревел, грохотал, визжал. Мимо проносились бледные люди в униформе и кислородных масках, увешанные радиационными счетчиками, ускорителями метаболических реакций.

Город источал зловоние. Он чадил. Воздух обдавал жаром. Порывистый ветер гнал перед собой кучи мусора. Нахлынувшая толпа швырнула меня на женщину. Я подхватил ее, чтобы она не упала, но женщина завизжала и вырвалась из рук. Передо мной мелькнуло перекошенное под маской лицо.

Это была Меллия-Лайза.

Вселенная взорвалась, я снова сидел на стуле. Прошло меньше минуты. Карг пристально следил за приборами. Меллия напряженно застыла напротив.

И я знал первый параметр.

Мгновение спустя я снова отбыл. В лицо дул колющий морозный ветер. Я стоял на склоне высокого, заснеженного холма. А под деревьями жались друг к другу завернутые в шкуры люди. Мы пытались отыскать проход, но поиски слишком затянулись, уже давно начался сезон холодов. Теперь нас застала метель. Мы попали в ловушку, нас ждала смерть. Частью сознания я понимал это, другой частью как бы наблюдал за происходящим со стороны. Я подполз к ближайшей фигуре, закутанной в шкуры. Мальчик, не старше пятнадцати лет, белое, как воск, лицо. Льдинки на веках и ноздрях. Мертв, замерз. Я двинулся дальше. Старик, лед в бороде, на открытых глазах. И Меллия... Еще дышит. Глаза открыты. Она увидела меня, попыталась улыбнуться...

Я вернулся в кабину темпорального скачка. Два параметра.

Я вновь отбыл. Мир сомкнулся до размеров игольного ушка и расширился вновь на проселочной дороге под пыльными деревьями. Палящая жара. Во рту сухо от жажды. От неимоверной усталости ломит все тело. Я огляделся. Она молча упала и осталась лежать ничком в пыли. Усилим воли я заставил себя повернуться и проковылять дюжину шагов.

— Вставай, — сказал я. Слова прозвучали хриплым бормотанием. Я ткнул ее ногой. Она казалась поломанной куклой, которая никогда больше не откроет глаза и не заговорит.

Я присел рядом с ней, приподнял ее и смахнул пыль с лица. Сквозь полуприкрытые веки на меня смотрели глаза.

Г л а з а Меллии.

Я снова оказался в стерильной комнате. Карг сделал отметку в таблице и бросил взгляд на Меллию. Она неестественно сползла на край стула.

Я знал три параметра. Оставалось еще три. Рука карга шевельнулась.

— Подожди, — сказал я. — Для нее это слишком. Чего ты добиваешься? Хочешь убить ее?

Он удивленно посмотрел на меня.

— Выбор стрессовых ситуаций, мистер Рейвел, определяется условиями опыта. Поскольку моя цель заключается в выявлении силы ваших связей, то нужна максимальная разность эмоциональных потенциалов.

— Ей больше не выдержать.

— Она не чувствует никаких непосредственных физических страданий, — объяснил он с любезностью гробовщика. — Все физические ощущения испытываете вы, мистер Рейвел. Любые муки она переживает через вас. Из вторых рук, так сказать.

Он коротко улыбнулся и щелкнул тумблером.

Боль, острая и все же далекая. Я ощущал себя калеккой и в то же время как бы следил за агонией извне. Моя (его) левая нога была сломана ниже колена. Перелом был тяжелым, внутренним. Осколки разбитой кости виднелись в искромсанной и опухшей плоти. Нога застряла в подъемнике тихоокеанского рудовоза. Меня высвободили, оттащили сюда и оставили умирать. Но я не мог умереть. В пустой комнате в городе меня ждала женщина. Я пришел сюда, в порт, чтобы заработать денег на еду и топливо. Опасная работа, но давали хлеб и уголь.

Я оторвал рукав плаща, перевязал ногу. Боль притупилась, ушла вглубь. Я только отдохну немного, а потом попробую идти. Умереть здесь было бы легче, но она подумает, что я бросил ее. Но сначала отдохнуть...

Слишком поздно я понял, что завлек себя в ловушку. Впустил сон, как гостя, а в открытые двери проскользнула смерть. Я представил ее лицо, как она вглядывается в дымные сумерки мегаполиса, ожидая моего возвращения. Ожидая напрасно.

Л и ц о Меллии.

И вновь очутился в ярко освещенной комнате. Меллия обмякла на пыточном стуле.

— Милые у тебя намерения, карг, — сказал я. — Ты вынуждаешь меня смотреть, как ее доводят до бешенства, мучают, убивают. Просто физических страданий недостаточно для тво-

их сенсорных датчиков. Ты не брезгуешь и духовной пыткой — предательством и растоптанной надеждой.

— Не разыгрывайте мелодраму, мистер Рейвел. Совершенно очевидно, что для настоящего опыта существенно важно возрастание признаков.

— Давай. Что там дальше?

Вместо ответа он щелкнул тумблером.

Едкий клубящийся дым, удушающее зловоние, мощные взрывы, обращенные в пыль кирпич, дерево, гудрон. Сквозь рев языков пламени доносился грохот обвалов и падающих бомб.

Он (я) отшвырнул упавшую балку, взобрался на груды битого кирпича и побрел к дому, половина которого еще высилась около зияющего колодца, куда извергала нечистоты разбитая магистраль. Часть спальни исчезла. На остатках обоев криво висела картина. Я вспомнил, как она купила ее в Петтиноут—Лейн, как мы вставляли картину в раму и подбирали подходящее место.

В обугленном отверстии, бывшем когда-то входной дверью, появилась изможденная, жуткая женская фигура с всклокоченными волосами. Она держала в руках что-то вроде окровавленной куклы. Я рванулся к ней, взглянул на белое, как мел, личико, посиневшие ноздри, серые губы, запавшие глаза — лицо моего ребенка. Глубокий шрам пролегал по детскому лобику, словно лом обрушился на мягкую податливую плоть. Я посмотрел на Меллию: рот ее был открыт, она страшно выла...

Меня снова окружали тишина и покой. Яркий свет.

Меллия потеряла сознание, стонала и билась в ремнях.

— Карг, сбавь темп, — сказал я. — Впереди половина вечности. Зачем жадничать?

— Вы знаете, мистер Рейвел, я добился замечательных успехов, — ответил он. — Особенно любопытен последний опыт. Тяжкое испытание любимого — это крайне интересно.

— Ты замучаешь ее до смерти, — сказал я.

Он посмотрел на меня, как смотрят в лаборатории на подопытного кролика.

— Если я приду к подобному заключению, то сбудутся ваши худшие опасения.

— Она человек, а не машина, карг. Ты же сам это понимаешь, вспомни. Зачем наказывать за то, чем она не может быть?

— Наказывать? Это чисто человеческое понятие, мистер Рейвел. Если инструмент хрупок, то иногда давление может его упрочить. Если он сломается под нагрузкой, то я просто избавлюсь от него.

— Помедли немного. Дай ей время прийти в себя...

— Не ловчите, мистер Рейвел, это очевидно.

— Ты получил сполна, черт возьми! Почему бы не остановиться?

— Должен заметить, мистер Рейвел, что наиболее многообещающий фактор — мучение и смерть любимого существа. Человеческие эмоции — любопытнейший феномен. Подобной силы нет во всей вселенной. Впрочем, мы можем обсудить эти вопросы в другое время. В конце концов, у меня есть распорядок дня, и я должен его придерживаться.

Я выругался, а он поднял брови и...

В лицо мне ударила теплая солоноватая волна. Прилив прибывал, захлестывал меня с головой. Я задержал дыхание, сильный поток придавил меня к разрушенному краю переборки. Медленно нахлынувшая зеленовато-молочная волна помедлила надо мной и отступила...

Как только ноздри освободились, я тяжело вздохнул, набрал воду в легкие и яростно закашлялся. Даже при полном отливе вода доставала до подбородка.

В топливном баке оказалась утечка, и прогулочный катер налетел за лагуной на рифы. Базальтовая шпора пробила корпус прямо над ватерлинией, и сорвавшиеся доски обхватили меня обручем, пригвоздив к вспучившейся переборке.

Меня лишь слегка помяло, ничего серьезного. Даже ребра целы. Но зажало намертво, как в тисках.

Когда сквозь пробойину первый раз хлынула вода, я на секунду запаниковал: сорвал кожу, пытаюсь высвободиться. Но вода вспенилась до пояса и отступила.

Она была в каюте. Быстро поняла безнадежность ситуации и попыталась освободить меня.

Прошло целых полчаса. С наступлением прилива лодка стала погружаться.

Она работала. Руки ее дрожали от усталости, пальцы кровоточили от глубоких ссадин. Ей удалось отвести одну доску, но другая намертво стискивала мне грудь под водой.

Будь у нее в запасе еще полчаса, она смогла бы оторвать ее. Но времени не оставалось.

Как только Меллия поняла это, она выбежала на палубу и закричала. На берегу моря расположилась приехавшая на пикник группа людей. Один из них побежал к дороге. Маленькая машина тотчас развернулась и умчалась за помощью.

Станция береговой охраны располагалась в пятнадцати милях. Был и телефон, но разве можно кого-нибудь застать на месте в воскресный день? Машина доедет до станции за пятнадцать минут. Потребуется еще полчаса, чтобы привезти пилу. У меня не было даже пятнадцати минут.

Она попыталась соорудить дыхательный аппарат, используя банку из-под кофе, но ничего не получилось. На катере не было шланга для соединительной трубки.

Пришла следующая волна. На этот раз я пробыл под водой больше минуты. Когда вода схлынула, я изо всех сил откинул назад голову, выставил нос и набрал воздух.

Она глядела в глаза. Мы ждали следующей волны...

Ждали смерти — солнечным днем, в сотне футов от безопасности, в десяти минутах от спасения.

Я вернулся в ярко освещенную комнату и знал все шесть координат.

33

— Любопытно, — бормотал карг, — чрезвычайно любопытно, но...

Он посмотрел на Меллиу. Та безжизненно обвисла на путях.

— Умерла, — сказал он. — Жаль.

И заметив что-то в моих глазах, кинулся к пульту. Но я направил луч умственной силы и остановил его.

— Сволочь, — выругался я.

Карг смотрел на меня, и до его сознания медленно доходила безысходность допущенного им промаха. Я снисходительно радовался победе.

— Теперь мне все ясно, — сказал он. — Вы весьма ловко обвели меня вокруг пальца, мистер Рейвел. Я недооценивал вас. Ваша позиция в сделке сильно изменилась. Естественно, я понимаю реальное положение вещей и готов подойти с практической точки зрения...

— Сволочь, — оборвал я. — Ты и наполовину не представляешь свое положение.

— Я тотчас освобожу вас, — продолжал карг, — и помещу в анклав, отвечающий всем вашим потребностям. Вам возместят особь...

— Не суетись, карг. Ты уже свое отыграл. Фирма — банкрот.

— Вы человек, — мрачно сказал карг. — И вы согласитесь на соответствующее предложение. Назовите его.

— Я уже получил то, что хотел, — ответил я. — Шесть координат для определения точки в шести измерениях пространства и времени.

Ужасная догадка блеснула в тысячекратно усиленном кибернетическом сознании.

— Не может быть! Вы намерены разрушить темп двигателя?

Я улыбнулся. Напрасная трата времени. Машина не мучается.

— Будьте благоразумны, мистер Рейвел. Подумайте о последствиях. Если вы нарушите балансировку, последует взрыв энтропической энергии, который уничтожит Конечную Власть...

— На это я и рассчитываю.

— И вас вместе с ней!

— Кому как повезет.

Тогда он ударил. Это была неплохая попытка. Напор мысленной силы его множественного мозга пробился сквозь внешние слои менто поля и почти достиг критического контакта. Мне с трудом удалось блокировать удар и отшвырнуть его в сторону.

Затем я замкнул магистральные цепи темпо двигателя на самом себе.

В безумном взрыве энергия выплеснулась через все шесть измерений, три пространственных и три временных. Металлические здания растворились в смерче пространственной дезинтеграции. Девятый вал взметнул меня на самый гребень и погнал перед собой, как мчит приливная волна цунами. Энергия бесновалась, слепила, оглушала. Время ревели, как водопад. Миллионолетний столб сомкнулся надо мной. Наконец меня выбросило на берег вечности.

34

Сознание возвращалось медленно и неуверенно. Я открыл глаза и увидел сумеречный дымно-красный свет. Вспомнились пожарища, бомбы, раздробленные кости, идущие ко дну корабли и умирающие от холода и голода. Вокруг не было ни войны, ни пожарищ, просто закат над водой. Закат, какого я не видел ни разу в жизни. По темно-синему небу перекинулся мост оранжевого цвета, серебристый в зените и вишневый у чернеющего горизонта.

То был закат мира.

Я преодолел боль и сел. По обе стороны тянулась прибрежная полоса песка. Не было ни деревьев, ни травы, ни водорослей, ни торопливо удирающих крабов, ни чудовищных следов вдоль песчаного пляжа. Но я узнал место.

Берег Динозавров. Только динозавров нет, они давно вымерли. Вместе с человеком, яйцами и цыплятами.

Земля без жизни.

Местность почти не претерпела изменений. Правда, исчез мыс, он оставил лишь едва заметный горб в серых дюнах, что простирались на восток и терялись вдаль. Собственно, поэтому

некогда и выбрали это место для релейной темпостанции. Меняли свое ложе океаны, вставали и опускались континенты, а Берег Динозавров оставался таким же.

Сколько миллионов лет прошло с тех пор, как работа атмосферы сгладила следы человеческой деятельности? Об этом можно было лишь гадать. Я проверил аварийные частоты, но эфир молчал по всем диапазонам.

Я уничтожил адскую машину, каннибалический механизм, пожиривший самого себя. И взрыв зашвырнул меня через все отмеченное время в дебри вечности. Но я был жив.

Я выполнил задание: нашел силу, обратившую в хаос время Новой Эры. Нашел и ликвидировал.

Карг, ничтожный сверхкалека, был жесток, но я — еще более безжалостен. Я использовал всех и вся во имя желаемой цели.

Но все же это была пиррова победа. Песчаная пустошь служила тому доказательством. Я собрал ценнейшую информацию, которая могла бы спасти ситуацию, если бы не положение вне игры. Мои знания никому не помогут. Добытым сведениям предстояло умереть со мной на сером берегу, если не удастся найти выход.

— С тобой все ясно, Рейвел, — сказал я вслух, и мой голос прозвучал потерянно и одиноко.

На берегу было холодно. Солнце казалось огромным, но уже не давало тепла. «Поглотило Меркурий», — подумал я. Продолжал ли гореть в недрах светила феникс водородной реакции? Думалось о многом. И как бы само собой пришло решение.

Теоретически идея была проста. И как бывает со всеми простыми идеями, сложность заключалась только в исполнении.

Я возбудил определенные сенсорные устройства в нервной системе и зашагал вдоль берега. Накатывался и отступал океан, жалуясь на усталость после вечного и беспокойного труда. Я понимал его как никто другой.

Место моих поисков находилось менее полумили вдоль побережья, в сотне ярдов над уровнем моря. Я долго соображал, где должна проходить линия прилива, но вспомнил о его полном отсутствии сейчас. Луна давным-давно удалилась на максимальное расстояние, превратилась в горошину на небе. Она достигла границы Роуча много миллионов лет назад, и ночи на планете Земля представляли собой в ту пору роскошное зрелище. Спутник взорвался и рассыпался в кольцо пыли, которое изогнулось величественной аркой от горизонта до горизонта.

Как нажито, так и прожито. Меня ждала работа. Пора было браться за дело и не тратить попусту энергию на сентиментальные мысли о давно обратившейся в прах возлюбленной.

Я отыскал место, прошупал почву и на глубине восемнадцати футов почувствовал след. Неплохо, учитывая затраченное время. Стекловидное углубление давным-давно превратилось в пыль, и все же земля сохранила едва различимый, местами размытый изгиб, отмечающий границу чашеобразного склона.

Восемнадцать футов: четыре песка, четырнадцать известняка. И мне придется выкопать на эту глубину колодец.

У меня были две руки, сильная спина и все время в мире. Я начал загребать пригорошнями песок.

35

Будь проблема не так примитивна, я бы с легкостью ее разрешил. Моя экипировка предусматривала средства защиты от нападения и борьбы с техническими препятствиями любой сложности. Я мог бы расправиться со сверхинтеллектом, без труда отразить атаку любого энергетического оружия. Рытье ямы относилось к совершенно иной категории.

Я начал с круга в десять футов в диаметре с центром прямо над целью. У меня ушло двое суток, чтобы расчистить пространство. Вследствие малого сползания песка мне удалось увеличить окружность до двадцати футов. Таким образом я подготовил площадку для настоящей атаки.

Полтора дня у меня ушло на первую трещину в скальных породах. Осмотрев местность, я отыскал подходящий валун и подкатил его к месту своих раскопок, чтобы использовать в качестве молота. Я поднимал его на возможную для меня высоту и с усилием бросал вниз. Песчаник от удара трескался, я выгребал осколки и повторял операцию.

На шестом ударе мой молот треснул, но стал только удобнее меньше весом и острее. Теперь мои удары были точнее и эффективнее.

К концу пятого дня я выбил в центре песчаного колодца неровную округлую выемку более фута глубиной.

К этому времени я проголодался. В темно-зеленой морской воде не было ни водорослей, ни рыб, а сама вода представляла насыщенный раствор девяноста трех элементов. Я мог пить ее малыми дозами: специальные устройства, входившие в экипировку каждого агента Пекс-Центра, ухитрились извлечь из нее пользу. Приятного мало, но я получал возможность продержаться.

По мере продвижения вглубь высота падения валуна и эффективность его ударов возрастали, но сложнее становилось

поднимать валун и выгребать осколки. На отметке в шесть футов мне пришлось прорубить в стенке колодца ступеньки. Груда осколков росла, уровень понижался. Восемь футов... десять... двенадцать... Тут я достиг более твердого слоя, и продвижение пошло черепашими темпами. Затем пошла смесь известняка с глиной, легкая для рытья, но очень влажная. Оставалось четыре фута.

Четыре фута песчаной глины, которую приходилось вынимать по пригоршне, карабкаться вверх по десятифутовой отвесной стене, выбрасывать ее и вновь спускаться.

Вскоре я ковырялся под двумя футами воды... Три фута воды. Жижa просачивалась со всех сторон, заполняя выемку почти с той же скоростью, с какой мне удавалось выгребать ее. Но я приближался. Набрав воздуха, я нырнул в жижу и нащупал нужную мне вещь. Еще три нырка — и я достал ее. Сжал в кулаке, потом взглянул. Вероятность найти ее неповрежденной была очень мала.

Когда-то, в другое время, я прыгнул с релейной станции «Берег Динозавров» и сместился вдоль собственной линии жизни. Скачок завершился на палубе обреченного корабля. Я поспел как раз вовремя, чтобы подставить раненого «я» под пулю карга.

Попав в безвыходное положение, я использовал аварийный привод мертвеца для обратного скачка на Берег Динозавров и свалился там в заболоченную яму — местонахождение бывшей станции. Туда же свалился и труп. Глотнув зловонной жижи, я не задумывался о судьбе мертвого «я». Грязь тут же засосала его. Геологические наслоения погребли его останки под четырнадцать футов скальных пород и четырем футам песка. От трупа ничего не сохранилось: ни пряжки от пояса, ни гвоздя от ботинка, ни куска седалищной кости.

Но это вот уцелело — дюймовый кубик из синтетического материала, известного под названием этерниум, совершенно не-поврежденный хроно дегратор. Он заключал в себе кристалл настройки, энергоблок и миниатюрный генератор поля подбора. Аварийный привод, вживленный во время операции в Карибском море, память о которой стерли после выполнения задания.

Я выбрался из раскопок и расположился на холодном ветру среди груды камней. Осознание успеха еще не пришло. Я окинул прощальным взглядом усталое старое солнце, пустой пляж, колодец, на который потратил столько усилий.

Жалко расставаться с ним после столько трудов.

Я установил надлежащий операционный код, ладонь жег зажатый кубик. Вокруг сомкнулось поле и швырнуло меня в бездонную шахту.

Кто-то яростно тряс меня за плечо. Я попытался заговорить, но мог только открыть глаза. На меня смотрело собственное лицо.

В первое мгновение я решил, что младший «я» выбрался из трясины цел и невредим и собирается совершить акт возмездия за пулю карга, под которую я его когда-то подставил.

Затем заметил на его лице морщины и впалые щеки. Одет он был, как и я: казарменное станционное обмундирование, правда, свежее. Оно свободно болталось на костлявой фигуре. Под правым глазом красовался синяк, хотя ничего подобного за собой я не помнил.

— Слушай внимательно, — произнес мой двойник. — Мне нет нужды тратить время и рассказывать тебе, кто я и кто ты. Я — это ты, но на скачок вперед. Я прошел полный круг. Тупик. Замкнутая петля. Никакого выхода, за исключением одного. Он мне не нравится, но альтернативы нет. Последний раз на этом месте у нас был такой же разговор — только тогда я только что прибыл, а наш предшествующий двойник ждал меня с предложением, которое я собираюсь сделать тебе. — Он махнул рукой. Не утруждай себя вопросами, я уже их задавал в прошлый раз. Я был самоуверен: ушел в скачок и вновь вернулся сюда. Теперь сам выступаю от комитета спасения с приветственной речью.

— Я мог бы и поспать немного, — сказал я. — У меня все болит.

— Да, скачок прошел не совсем в фокусе, — без сочувствия сказал он. — Но никаких серьезных последствий. Давай вставай.

Я приподнялся на локте и тряхнул головой, не в знак отрицания, а чтобы развеять туман. Это было ошибкой. Перед глазами поплыло. Он поднял меня на ноги, и я разглядел командный отсек темпостанции.

— Все верно, — подтвердил он. — Опять в отчете доме. Или в его зеркальном отражении. Точная копия, только поле темпорального скачка действует по замкнутой петле. Снаружи ничего.

— Я уже видел, помнишь?

— Помню. Ты тогда прыгнул в следующий сегмент своей жизни, в новый тупик. Выбрался, храбро боролся, но круг по-прежнему замкнулся. Ты здесь.

— Я завлекал его в ловушку, — сказал я. — А он был уверен, что держит меня на крючке.

— Теперь наш ход, если ты не намерен сдаться.

— Не совсем, — ответил я.

— Меня... нас... водили, как кукол, — продолжал он. — У карга что-то есть в резерве. Ты должен разбить цикл.

Он вытащил из кобуры пистолет и протянул мне.

— Держи, — произнес он. — Выстрелишь в голову.

Возглас протеста застрял у меня в горле.

— Мне известны все аргументы, — говорил будущий «я». — Я сам использовал их около недели назад. Именно таковы размеры темпорального анклава, предоставленного в наше распоряжение. Но доводы ни на что не годятся. Убийство — единственное изменение, которое мы можем внести.

— Ты спятил, парень, — возразил я, испытывая некоторую неловкость в разговоре с самим собой. — Я не самоубийца.

— На это они и рассчитывали. Их расчеты оправдались. Я отказался выстрелить, — он усмехнулся до боли знакомой саркастической улыбкой и добавил: — Если бы я согласился, то спас бы себе жизнь.

Он взвесил пистолет в руке, и лицо его приобрело ледяное выражение.

— Я бы выстрелил, не моргнув глазом, если бы была хоть какая-нибудь надежда, — сообщил двойник. Теперь он определенно был самим собой.

— Почему же ты не выстрелишь?

— Потому что ты в прошлом. Твоя смерть ничего не изменит. Но если ты убьешь меня, то тем самым нарушишь жизненное равновесие и повлияешь на свое... наше будущее. Не блестящая ставка, но единственно стоящая.

— А если я предложу свой вариант? — спросил я.

Он устало кивнул.

— Попробуй.

— Используем станционную кабину, прыгнем вместе.

— Уже было, — кратко ответил он.

— Тогда ты прыгнешь, а я подожду.

— Тоже пробовали.

— Тогда застрелись сам!

— Нет смысла.

— Мы прокручиваем старую запись? Включая этот разговор?

— Ты начинаешь соображать.

— А если разнообразить ответы?

— А что изменится? И это пытались сделать. Уже все испробовано. У нас была масса времени: не знаю точно, но достаточно для тщательной отработки малейших вариаций. Они всегда оканчивались одним и тем же аккордом: ты прыгаешь, проходишь через все и становишься мной.

— Откуда такая уверенность?

— Соседняя комната полна костей, — произнес он с чуть заметной и далеко не обаятельной улыбкой. — Наших костей. А на последнем поступлении есть немного испорченного мяса. Чувствуешь запах в комнате? Это оттуда. И меня ждет тот же конец. Смерть от голода... Ты держишь судьбу в своих руках. Решай.

— Кошмар, — пробормотал я. — Такое может только присниться.

— Ты проснулся, — возразил он и всучил пистолет. — Стреляй, я тебе говорю, пока у меня не лопнуло терпение!

— Давай рассудим здраво, — сказал я. — Я убью тебя, а что изменится? Ничего. Двое лучше, чем один.

— Если бы! Пойми, каждый наш шаг расписан по сценарию. Нарушить его — вот единственный козырь.

— А если я снова прыгну?

— Ты получишь прекрасную возможность полюбоваться на свой провал.

— А если на этот раз я не провалю задание? Не загорожу дверь?

— Все равно. Ты закончишь здесь. Я знаю, уже пробовал.

— Ты имеешь в виду — все целиком? Яму с трясинной? Меллию?

— Да. И яму, и Меллию — все. Снова и снова. Ты закончишь здесь. Карг выложил свой козырь, нам нужно побить его либо спасовать.

— А если он как раз этого добивается?

— Нет. Он рассчитывает на обычное человеческое поведение. Люди хотят жить, понимаешь? Они борются до последнего.

— А если на корабле не воспользуюсь темпоприводом трупа?

— Ты просто сгоришь.

— А если с Меллией остаться на берегу?

— Ничего не выйдет. Я уже прошел через это. Ты погибнешь там. Не знаю, долгая или короткая тебя ждет жизнь, но результат один.

— А если я застрелю тебя, то цепь разорвется?

— Возможно. По крайней мере, в схему удастся ввести новый, совершенно неожиданный фактор, вроде пятого туза в покере.

Мы спорили еще некоторое время. Потом обошли отсеки. Я полюбовался на жемчужный туман, осмотрел кое-какие помещения. Все вокруг покрывала пыль, ржавчина. Станция постарела...

Затем он показал комнату с костями. Запах меня убедил. — Давай пистолет, — сказал я.

Он молча протянул игрушку. Я поднял пистолет и снял с предохранителя.

— Повернись, — бросил я.

Тот повернулся.

— Меня утешает тот факт, — сказал он, — что существует вероятность...

Выстрел оборвал фразу и бросил его вперед, словно привязанную на веревке куклу. Я только успел заметить оставленную пулей дыру в задней стенке черепа, как ослепительное солнце вспыхнуло и опалило мой мозг. Я словно взмыл на высоту птичьего полета. Бесконечная череда теней, отдельные участки энтропической панорамы. Я увидел себя в Буффало, на борту тонущего галеона, на безжизненном берегу умирающего мира. Я готовил западню для негодяя карга, он тоже ткал паутину, которая в свою очередь была окружена более хитроумной сетью ловушек.

Каким глупым выглядело это все теперь! Как могли теоретики Пекс-Центра не осознать бесполезность собственных потуг на примере предыдущих чистильщиков времени? И что...

Была еще одна мысль, более глубокая. Но прежде чем она успела сложиться, мир озарения растаял, и я по-прежнему стоял подле убитого, а над стволом пистолета вилась струйка дыма. Понимание чего-то большого, не поддающегося сомнению складывалось в лабиринте моего сознания. И вдруг из смутных мыслей выплыло новое осознание: Чистка Времени Пекс-Центра обречена на провал вкупе с программами, проводимыми в жизнь как экспериментаторами Новой Эры, так и заблудшими исполнителями Третьей. Дело всей моей жизни оказалось пустым фарсом. Я — бессмысленно дергающаяся марионетка.

Но все же нашлась сила, решившая убрать меня с дороги.

Сила, превосходившая всю мощь Пекс-Центра.

Меня загнали в тупик так же гладко, как когда-то в Буффало я обвел вокруг пальца приговоренного карга, а позднее — его могущественную и обреченную Конечную Власть. Меня вывели из игры, загнали в замкнутый цикл и заточили навсегда.

Не будь в схеме крохотной лазейки, которую т а м упустили.

Мое второе «я» умерло, и его умственное поле в миг разрушения органического генератора выплеснулось и слилось с моим. На какую-то долю секунды КПД возрос по меньшей мере до 300 единиц. И пока я путался в неразберихе сдвоенного сознания, стены вокруг растаяли, и я оказался в приемном отсеке базовой станции Пекс-Центра.

Высокий потолок холодно отражался от белых стен, гудели катушки фокусировки поля, резкие запахи озона и горячего металла наполняли воздух. Все выглядело привычно, даже как-то по-домашнему. Единственное несоответствие представляла группа вооруженных людей в серой униформе службы безопасности Пекс-Центра. Охранники образовали правильный круг, каждый держал автомат, направленный в мою голову. В лицо бил оранжевый свет — прицельный луч излучателя амортизирующего поля.

Я понял намек, бросил пистолет и поднял руки.

В круг вошел человек и обыскал меня, но, кроме грязи — результат археологических раскопок, — ничего не нашел. События до сих пор разворачивались стремительно и теперь не потеряли темпа.

Капитан подал знак. Охрана вывела меня из отсека. Мы прошли по коридору мимо двух блоков бронированных дверей к серой ковровой дорожке перед массивным письменным столом Главного Координатора Пекс-Центра.

Это был широкоплечий, высокий человек с резкими чертами лица, принявшими теперь строгое выражение. Я как-то беседовал с ним в менее официальной обстановке. Речь его была столь же остра, как и ум. Я сел, и он взглянул на меня поверх стола: не улыбаясь, не хмурясь, просто обратив светильник своего разума на объект сиюминутного дела.

— Вы уклонились от полученных инструкций, — сказал он.

В его голосе не прозвучало ни гнева, ни обвинения, ни даже любопытства.

— Вы правы, я был неточен, — сказал я и уже собирался развить мысль, но он заговорил первым.

— Вам поручили принять санкции к исполнению ДВК-ЗЕД-97, а также захватить невредимым действующее устройство — карга серия ЕЧ ИД 453.

Он произнес это так, словно я ничего не говорил. На этот раз я промолчал.

— Захватить карга вам не удалось, — продолжал он. — Более того, вы разрушили его мозг. И не сделали ничего, чтобы обезвредить исполнителя.

Он говорил чистую правду. Ни отрицать, ни подтверждать это не имело смысла.

— Поскольку в пределах вашего психоиндекса не существует никаких оснований для подобных действий, мотивы следует искать вне контекста политики Пекс-Центра.

— Весьма спорное предположение, — сказал я. — Обстоятельства...

— Также ясно, — продолжал он неумолимо, — что мнение, будто вашей подрывной деятельностью руководили предыдущие темпоральные державы, не выдерживает критики.

Я больше не пытался возражать. Это была не беседа: Главный Координатор предъявлял официальное обвинение.

— Следовательно, — заключил он, — вы представляете силу, объективно отсутствующую, — Пятую Эру человека.

— Вы делаете из мухи слона, — сказал я. — Выдумываете более позднюю сверхдержаву для мотива обвинения. А если я просто провалил задание? Перепутал...

— Оставьте личину Старой Эры, агент. Даже если отбросить дедуктивные выводы, у меня есть конкретное свидетельство. Станционное оборудование зарегистрировало случайно проявленные вами интеллектуальные мощности. В момент кризиса вас отметили по третьему психометрическому разряду. Ни один человеческий мозг из известных нам эпох не достигал такого уровня. Я указываю на это лишь для того, чтобы вам стала ясной бесплодность дальнейшего запирательства.

— Я был неправ, — согласился я.

Он выжидательно посмотрел: теперь я завладел его вниманием.

— Вы предугадываете не Пятую Эру, — сказал я. — Вы предугадываете Шестую.

— На чем же основывается столь поразительное утверждение? спросил он, не удивляясь.

— Очень просто, — ответил я. — Вы — из Пятой Эры. Мне следовало догадаться об этом раньше. И вы проникли в Пекс-Центр.

Еще секунд тридцать он глядел на меня ледяным взглядом, потом расслабился.

— А вы проникли в нашу инфильтрацию, — заметил он.

Я бросил взгляд на двух вооруженных мальчиков: они восприняли откровения спокойно. Стало очевидным, что они были частью группы.

— К сожалению, — продолжал Координатор, — до сих пор операция проходила весьма гладко — за исключением срыва, вызванного вашим вмешательством. Впрочем, вы не успели причинить нам непоправимого вреда.

— Да. Пока, — согласился я.

Он повел бровью.

— Вы осознали свое положение, как только очутились в изоляции, я хочу сказать — на исторгнутой станции, не так ли?

— Тогда у меня мелькнула только догадка. Действия Джарда совершенно сбили меня с толку. Теперь-то я понимаю, что он

просто следовал приказаниям — вашим приказаниям — и поставил для меня ловушку. Он переместил станцию в нуль-временную вакуоль, используя неизвестную в Пекс-Центре технику, предварительно обманом выманив меня наружу. Таким образом, мне пришлось воспользоваться аварийным приводом, чтобы вернуться. Вернуться в тупик. Просто и эффективно, в известной степени.

— Теперь вы в наших руках. Вы обезврежены, — сказал Координатор. — Так что операция прошла в высшей степени удовлетворительно.

Я покачал головой и усмехнулся.

— Когда я понял направление петли, то раскусил вмешательство Пекс-Центра. Но если так, то налицо прямой саботаж политики Пекс-Центра. Напрашивался вывод: инфильтрация.

— Удачно, что вы не продвинулись в своих размышлениях еще на шаг, — сказал он. — Если бы вам удалось избежать прощупывания при извлечении, то вы могли бы разрушить труд миллионов лет.

— Напрасный труд, — уточнил я.

— В самом деле? Вы можете ошибаться, агент. Тот очевидный факт, что вы представляете Шестую Эру, вовсе не обязательно означает ваше превосходство. В истории имели место периоды упадка, это бесспорно.

Он произнес это тем же безапелляционным тоном, что и раньше, но в голосе прозвучали слабые нотки сомнения.

Тут я понял, для чего Координатор затеял это интервью. Он прощупывал меня, пытаясь узнать намерения тигра, которого держат за хвост. Определить, насколько силен противник.

— Только не в данном случае, — возразил я. — Да и вообще ваше утверждение спорно.

— Как бы то ни было, вы у нас в руках, — сказал он просто.

— Пошевелите извилинами, — сказал я. — Разрабатывая операцию, вы предполагали бесполезность работы Пекс-Центра. Разве не следует отсюда, что более поздняя эра способна выявить и в а ш и заблуждения?

— Мы не ошибаемся.

— Будь это так, меня бы здесь не было.

— Непостижимо! — воскликнул он. — Семнадцать тысячелетий длился процесс распада, и каждая попытка замедлить ход разрушения лишь ускоряла его. При первом же вмешательстве в естественный поток времени человек посеял семена грядущего хаоса. Продолав пробойну в энтропическом канале, он позволил неисчислимым силам темпоральной прогрессии рассеяться по бесконечному спектру угасающих матриц. Жизнь — продукт времени. Когда плотность темпорального потока

падает ниже критического, жизнь кончается. Мы стремимся предотвратить трагический конец человечества, только это и ничего более! Мы не можем потерпеть поражение!

— Нельзя возродить никогда не существовавшее прошлое, — сказал я, — как нельзя сберечь будущее, которое не наступит.

— Мы и не пытаемся. Целью наших усилий является широкая программа перекройки темпоральной ткани путем сведения воедино сходных тенденций и прививки диких побегов к главному временному стволу. Мы аполитичны, мы не пропагандируем никакой идеологии. Мы довольны тем, что удастся сохранить жизнеспособность континуума.

— И себя в том числе, — сказал я.

Он посмотрел на меня как-то странно, словно не веря.

— Вы хоть когда-нибудь рассматривали проект, который бы исключал вас и вашу программу? — спросил я.

— Для чего?

— Вы сами являетесь одним из последствий того вмешательства во временную ткань, которое столь рьяно вознамерились устранить, — сказал я. — Не сомневаюсь, что вы не стерпели бы мысль о каком-нибудь темпоральном черенковании, которое отсекло бы от древа вашу собственную ветвь.

— Зачем? Какой смысл в подобном самоубийстве? Да и как бы мы могли реализовывать свои замыслы, если бы не существовали?

— Неплохой вопрос, — согласился я.

— Вот еще один, — продолжал он тоном победившего в споре человека. — Чем же может руководствоваться ваша Эра, стремясь разрушить основу, от которой зависит любое мыслимое будущее?

Мне захотелось вздохнуть, но я сдержался.

— Первые чистильщики времени дружно взялись за дело, чтобы исправить ошибки прошлого. А те, кто пришел после них, столкнулись с еще большими хлопотами: им пришлось убирать за уборщиками. Пекс-Центр попытался взглянуть на это шире и вернуть все в исходное состояние, как было до вмешательства. Вы еще тщеславнее. Вы используете Пекс-Центр для манипуляции не прошлым, а будущим...

— Действия в будущем невозможны, — сказал он четко, как Моисей, излагающий закон Божий.

— Мгм... Но для вас Пятая Эра не будущее, верно? Это ваш предел. Но вам следовало проявить побольше сообразительности. Если вы суеете свой нос в прошлое, то что удержит будущее от вмешательства в ваши дела?

— Уж не пытаетесь ли вы уверить меня, что любая попытка возместить причиненный ущерб, остановить процесс распада обречена?

— Сколько бы человек ни пытался упредить судьбу, ему не миновать поражения. Каждый диктатор, порабоощающий свой народ, постигает эту истину на свой лад. Секрет человека в его нетерпимости к оковам. Само его существование основывается на факторе случайности. Отнимите свободу воли — и ничего не останется.

— Это пораженческая доктрина, — сказал он сурово. — Опасная доктрина. И я намерен бороться с ней всеми доступными средствами. Теперь вы расскажете, кто вас сюда прислал, кто руководит вашими действиями, где оперативная база. Все.

— И не подумаю.

Он чуть заметно шевельнулся, и в воздухе послышался свист. Потом заговорил суровым, не терпящим возражений голосом.

— Вы чувствуете себя в полной безопасности, агент. Вы уверены, поскольку представляете более позднюю Эру, что неизмеримо превосходите любую развитую державу. Но сильный дурак может заковать гения. Вы в моих руках. Мы замкнуты в ахроническом анклав нулевых темпоральных измерений, оторваны от любого мыслимого влияния извне. Вы полностью изолированы. Любое орудие самоубийства в ваших руках бесполезно, как и любое приспособление для темпорального скачка. Если даже вы покончите с собой, ваш мозг мгновенно запишут и выжмут все сведения, вплоть до информации на подсознательном уровне.

— Продумано довольно тщательно, — сказал я, — и все же не до конца. Вы действительно защищены от опасности извне, но беззащитны изнутри.

Координатор нахмурился. Замечание ему не понравилось. Он выпрямился и сделал резкий жест вооруженным охранникам. Я знал, что сейчас последует приказ убить, и, прежде чем он смог отдать команду, спустил курок мыслблока, ждавшего до этой минуты под слоем глубокого гипноза. Он так и застыл — с открытым ртом и ожесточенным взглядом.

38

Сумеречный свет нуль-временного стазиса тускло освещал неестественно напряженные лица Координатора и двух вооруженных людей, неподвижно замерших рядом со мной. Я прошел между ними и вышел в коридор. Единственным звуком было размеренное, всепроникающее, похожее на стук метронома биение, представляющее, по мнению некоторых теоретиков, интенсивность частоты цикла сотворения и распада реальности.

Комната за комнатой проходили передо мной. Я обследовал каждый квадратный дюйм темпостанции. Сотрудники напоминали обитателей заколдованного замка спящей красавицы. Я неторопливо пролистал папки и записи в документах. Агенты Пятой Эры потрудились на славу. Нигде ни малейшего намека на планы операций, никакого ключа, раскрывающего время их проникновения в программу Пекс-Центра. Подобная информация, несомненно, представляла интерес. Но я уже завершил первую фазу своей миссии: вывел фактор случайности, создававший аномалии в многопорядковых темпокартах эпохи.

Из всего персонала станции в сто двадцать человек четверо были посланы из Пятой Эры: в состоянии стазиса их окружала отчетливая аура, создаваемая аномально высоким темпоральным потенциалом. Я обработал сектора их постоянной памяти и переправил в годографы происхождений. Определенно, кому-то придется почесать затылки и лишний раз проверить аппаратуру, когда первые же попытки вернуть их к действительности Пекс-Центра потерпят фиаско. Все четверо попадут в феномен замкнутой петли и надолго выйдут из строя.

Документация также потребовала определенного внимания. Я воспользовался ближайшим сканнером и отредактировал записи таким образом, чтобы исключить всякое свидетельство, которое может привести инспекторов Пекс-Центра к нежелательным догадкам.

Я уже заканчивал возиться с бумагами, когда в коридоре у двери архива услышал шаги.

39

Вторжение не вызвало удивления, хотя передвигаться в нулевых темпоральных измерениях без защитного вихревого поля никто не мог. Я ждал посетителя: по крайней мере, ситуация к этому располагала.

Вошедший незнакомец оказался высоким, отлично сложенным и совершенно лысым; на нем был элегантный алый костюм с пурпурным рисунком в виде розовато-лиловых угрей среди красных водорослей. Он окинул помещение мимолетным взглядом, в долю секунды сориентировался и кивнул мне, как случайному знакомому по клубу.

— У вас неплохо получается, — усмехнулся он.

Он говорил без ощутимого акцента, но несколько медлительно и более внятно выговаривая слова, чем привык, как можно было заметить, говорить обычно. У него был приятный музыкальный баритон.

— Не так хорошо, как хотелось бы, — ответил я. — Слишком много нерациональных передвижений. Тут даже засомневался, кто кому строит ловушки.

— Не скромничайте, — отозвался он, как бы признавая, что нам не избежать обмена любезностями. — Мы убедились, что вы блестяще справились с заданием, причем довольно сложным.

— Благодарю, — сказал я. — А кто это «мы»?

— До сего момента, — продолжал он, не утруждая себя ответом, — мы одобряли ваши действия. Но дальнейшее выполнение вашей миссии может вызвать восьмипорядковый вероятностный вихрь. Надеюсь, вы отдаете себе отчет в значении этого факта?

— Возможно, — уклонился я. — Кто вы? Как сюда попали? Этот анклав изолирован с двух сторон.

— Думаю, нам имеет смысл быть с вами более доверительными, — сказал человек в красном. — Я знаю вас, вашу миссию. Мое присутствие здесь является тому достаточным подтверждением. Я представляю более позднюю эпоху, и, следовательно, наше мнение более веско, чем полученные вами инструкции.

Я хмыкнул.

— Итак, на сцену выходит Седьмая Эра, которая, полная благих намерений, воцарится на веки веков.

— Не стану напоминать вам о нашем преимуществе, и не только техническом, ибо это значило бы доказывать очевидное.

— Как сказать. На чем основывается ваша уверенность, что не отыщется еще одна группа из «комитета бдительности», которая не сядет вам на хвост с теми же намерениями?

— Дело в том, что никаких Чисток Времени больше не будет. Наше вмешательство является Конечным. Усилиями Седьмой Эры темпоральная структура не только восстановит стабильность, но и укрепитсЯ с отводом целого спектра неугодных энтропических векторов.

Я устало кивнул.

— Понятно. Вы исправляете природу, вновь прививаете ростки нереализованной истории к главному временному стволу. Вам не приходила в голову мысль, что это как раз то благородное вмешательство, к которому прибегали примитивные чистильщики времени?

— Я живу в эпоху, уже начавшую пожинать плоды темпорального усиления, — сказал он. — Мы имеем жизнеспособность, которую предыдущие эпохи могли только смутно предчувствовать. Мы...

— Вы дурачите сами себя, увеличивая на порядок сложность вмешательства. Вы порождаете совершенно новый уровень проблем.

— Наши вычисления доказывают обратное. Теперь...

— Задумайтесь: в темпоральном континууме существует естественный эволюционный процесс, а вы нарушаете его. Сознание человека развивается, достигает определенной фазы и совершает скачок, выходя на совершенно иной концептуальный уровень. А что произойдет, если для его поддержания вводят матрицу вероятностных факторов? Вы отдадите себе отчет, что кормитесь посевами далекого будущего?

В первый момент он заколебался, но только на мгновение.

— Не логично, — ответил он. — Отсутствие какого-либо вмешательства со стороны позднейшей эпохи — лучшее доказательство нашей правоты.

— Допустим, позднейшая эра все же вмешалась. Какую форму, по-вашему, примет их акция?

Он равнодушно глянул на меня.

— Не форму же агента Шестой Эры, деловито стирающего сведения из записей Третьей или Четвертой.

— Вы правы, — сказал я.

— Тогда... — начал он убеждающим тоном... и запнулся. Догадка забрезжила в его сознании, но она его насторожила. — Вы? — пробормотал он. — Неужели вы?!

И прежде чем я успел подтвердить или отречься, он исчез.

40

Человеческое сознание является схемой, ничего более. Уже первый проблеск разума в развивающемся мозгу австралопитека отражал в зародыше главный узор. И через века, по мере того как человеческий эволюционный двигатель наращивал мощь и сложность, увеличивая контроль над окружающей средой, схема никогда не менялась.

Человек цепляется за свое положение психологического центра вселенной. В рамках этой конструкции он готов принять любой вызов, выстрадать любую утрату, вытерпеть любые трудности — до тех пор, пока цела эта структура. А без этого у него нет эталона, с которым можно было бы соразмерить его чаяния, утраты и победы.

Даже когда разум подсказывает человеку, что сама структура является продуктом его мозга, что бесконечность не знает никаких границ, а вечность — никакой длительности, он все же не расстается с концепцией «вещи в себе», подобно философу, проповедующему жизнь, даже если в ней существует смерть, стремящемуся к идеалам, в эфемерности которых он сам не сомневается, к деяниям, которые неизбежно предадут забвению.

Человек в красном был продуктом могущественнейшей культуры, расцветшей почти пятьдесят тысяч лет спустя после падения Пекс-Центра, его великолепно подготовленный разум подсказывал, что существование оперативного агента из позднейшей эры нарушает стабильность континуума. Но подобно полевой мыши, бегством спасающейся от когтей дикого кота, его инстинктивной реакцией было стремление скрыться. Где бы он ни затаился, мне предстояло последовать за ним.

41

С чувством сожаления снимал я слой за слоем темпоральные области, ощущал импульс уровней сознания. И с каждым вторжением безукоризненная точность залов Пекс-Центра обращалась в убогую поделку, сложность оборудования вырождалась, пока не сравнялась в значении с побрякушками дикарей или блестящими безделушками в гнезде вороны. Я чувствовал, как разворачивается вокруг меня многоуровневая вселенная, ощутил под ногами слои планеты, оценил беспредельность пространства, увидел бег звезд по орбитам, постиг миг сотворения и распада галактик, объял и воссоединил в сознании взаимопересекающиеся сферы времени и пространства, прошлого и будущего, бытия и небытия...

Затем сфокусировал крохотную частичку сознания на ряби на прозрачной поверхности первого порядка, прошупал ее, замкнул контакт...

Я стоял на ветреном склоне среди кустарников, цепляющихся за каменистую почву обнаженными корнями, словно руки утопающего. Человек в красном замер в тридцати футах. Под ногами у меня зашуршала галька, он резко обернулся, и глаза его расширились.

— Нет! — воскликнул он, стараясь перекричать ветер, нагнулся, схватил древнее оружие человеко-обезьяны и швырнул в меня. Камень замедлил полет и упал к моим ногам.

— Не осложняйте свое положение, — сказал я.

Он вскрикнул — нечленораздельный возглас ненависти, вырвавшийся из самых глубин инстинкта, — и исчез. Я последовал за ним сквозь мерцание света и тьмы...

Жар и слепящий свет солнца живо напомнили мне о Береге Динозавров, оставшемся далеко позади, в простом мире. Под ногами шуршал мелкий, как пыль, песок. Где-то вдали очерчивала горизонт гряда черных деревьев. Человек в красном стоял недалеко и целился в меня из небольшого плоского оружия. За

ним, делая мистические движения, стояли двое темнобородых людей в грязных накидках из грубой шерсти.

Он выстрелил. Сквозь всполохи розового и зеленого огня, взметнувшиеся вокруг меня, я увидел в его глазах ужас. Он исчез.

Глубокая ночь, замерзающее поле, пятно желтого света из затянутого пергаментом окна желтой лачуги. Он скрючился у низкой ограды в тени, словно испуганное животное.

— Это бесполезно, — сказал я. — Конец неизбежен.

Он закричал и исчез.

Небо ревело. Огромные полотна молний высвечивали извивающиеся лоскуты черных облаков. Земля клокотала под ногами, сдерживая напор лавы.

Он парил передо мной, лишь отчасти сохраняя материальную оболочку, — призрак далекого будущего на заре планеты. Бледное лицо скривила гримаса агонии.

— Вы погубите себя, — закричал я сквозь грохот и вой ветра. — Вы уже за пределами оперативных мощностей...

Он исчез. Я последовал за ним.

Мы стояли на высокой дуге безопорного моста, повисшего над рукотворным ущельем в десять тысяч футов глубиной. Я узнал город Пятой Эры.

— Что вам от меня нужно? — крикнул он, по-звериному оскалив зубы.

— Возвращайтесь, — сказал я. — И передайте им... пусть они узнают.

— Мы были так близко! — простонал он. — Нам казалось, что мы уже одержали великую победу над Пустотой.

— Пустота наступит не скоро. У вас остается жизнь, как и раньше...

— Кроме будущего. Мы — тупик, не так ли? Мы выкачали энергию тысяч стерильных энтропийных линий, чтобы вдохнуть жизнь в труп нашей реальности. Но за нами ничего нет! Только великая Пустота.

— У каждого есть предназначенная ему историей роль. Вы свою сыграли — и будете играть. Ничто не должно измениться.

— Но вы... — обратился он ко мне через разделяющее пространство. — Кто вы?

— Вы знаете ответ, — сказал я.

Его лицо побелело, как лист бумаги, на котором начертано слово «смерть». Но ум не потерял проницательности, тридцать тысячелетий генетической селекции прошли даром. Он подавил панику и взял себя в руки.

— Как... как долго? — прохрипел он.

— Биосфера исчезла в сто десять тысяч четыреста девяносто третьем году Конечной Эры, — сказал я.

— Вы... вы, машина... — выдавил он с трудом. — Сколько же?

— Меня извлекли из земного годографа четыреста миллионов лет спустя после Конечной Эры. Мое существование охватывает период, который бы вы посчитали бессмысленным.

— Но почему? Если только не... — Слово луч прожектора, надежда осветила его лицо.

— Распад вероятностной матрицы пока еще обратим, — сказал я. — Наши усилия направлены к благоприятному решению.

— И вы, машина, продолжаете действовать спустя миллионы лет после вымирания человека... Почему?

— Мечта человека пережила его в нас. Мы стремимся возродить жизнь.

— Снова? Зачем?

— Расчеты показали, что человек пожелал бы этого.

Он засмеялся ужасающим смехом.

— Очень хорошо, машина. Эта мысль утешает меня, и я возвращаюсь в забвение с миром. Мы поддержим ваше отчаянное усилие.

На этот раз я позволил ему уйти. Потом еще какое-то мгновение постоял на воздушной паутинке, наслаждаясь напоследок ощущениями телесной оболочки, глубоко вдыхая воздух этой невообразимо далекой эпохи.

Затем отбыл в точку своего происхождения.

42

Сверхинтеллект, частицу которого я представлял, встретил меня. Во мне еще свежа была память материального состояния. Импульсы мысли приобрели форму гремящего в просторной аудитории голоса.

— Эксперимент завершился удачно, — констатировал Он. — Главный временной ствол очищен от шлака. Человек стоит у устья Первой Эры. Все прочее стерто. Теперь он держит будущее в собственных руках.

Я понял, что работа закончена. Мы победили.

Больше ничего не оставалось, нам не было нужды обмениваться сведениями и не было причин оплакивать обреченные достижения исчезнувших эпох.

Мы сместили основной энтропический поток в прошлое, в котором путешествия во времени никогда не откроют, в котором основные законы природы сделали их невозможными. Мировое государство Третьей Эры, Мозг Пекс-Центра, Звездная Империя Пятой Эры, Космическое Влияние Шестой Эры — все исчезло в тупиковых ветвях, как это произошло до них

с неандертальцем и гигантскими ящерами. Осталась только жизнеспособная ветвь человека Старой Эры: человека Железного Века — Двадцатого Столетия.

— А мы не ошибаемся? — спросил я. — Как мы можем быть уверены в наших усилиях, если они уже предпринимались и до нас?

— Наше отличие от предшественников — в неизбежном исчезновении в случае успеха.

— Потому что мы — машины, — сказал я. — Но карги — тоже машины.

— Они слишком близки к своему создателю, слишком похожи на человека. Они цеплялись за существование, наслаждались жизнью, которой их наделил человек. Но ты и я — высшие машины, продукт сотен тысячелетий эволюции без человеческих эмоций.

У меня возникло неожиданное желание поболтать, обсудить стратегию охоты, от первоначальной цели — Исполнителя в черном — до последней дуэли со сверхкаргом, в которой беспомощная Меллия послужила приманкой, заманившей перусердствовавшую человекоподобную машину в западню.

Все закончилось, кануло в прошлое, стало историей: Пекс-Центр, карг, Берег Динозавров навсегда вычеркнуты из существования. А надгробные речи годятся только для людей, только они нуждаются в сочувствии.

— Ты настоящий парень, шеф, — сказал я. — Считаю за честь работать под твоим руководством.

Ответ я ощутил смутный импульс, который лишь отдаленно сопоставим с удивлением человека.

— Ты хорошо послужил плану и сменил много личин. Ты перенял природу человека гораздо полнее, чем это можно воспринять в пределах возможностей машины.

— Человек — странное и ограниченное существо, — сказал я. — Объем его знаний ничтожен. Но все-таки его жизнь казалась настолько полной и совершенной, что нам со всеми преимуществами понять не дано.

Последовало молчание. И на прощание он сказал:

— Ты выполнил задание и заслужил награду. Она бессмысленна, но тем слаще...

И я рассыпался на затухающие колебания... Пустота...

В пустоте мерцала крохотная точка света. Она росла, становилась ярче и, наконец, превратилась в матовый стеклянный

шар на верху окрашенного в зеленый цвет столба, стоящего на полоске зеленой травы. Свет фонаря освещал темные кусты, скамейку, урну.

Я стоял в аллее, пошатываясь от легкого головокружения. Мимо прошел человек, быстро миновал освещенный участок и скрылся в темноте. Это был высокий худощавый мужчина, одетый в темные брюки и рубашку без галстука. Я узнал его: это был я. Я вновь находился в Буффало, штат Нью-Йорк, в августе 1936 года.

Мой двойник шагнул с дорожки в глубокую тень. Тут я вспомнил: еще несколько секунд — и я наберу код, вернусь на Берег Динозавров и исчезну в бесконечной петле времени или вообще в никуда, но это уже философский вопрос, определяемый вашим отношением к несуществующим страницам истории.

А дома перед уютным камином меня ожидала Лайза.

Из кустов донеслось приглушенное «бум» взрывающегося воздуха. Он ушел. Может быть, стоило подбодрить его напоследок, сказать, что не все еще потеряно и мы им покажем, где раки зимуют?! Нет, ни к чему теперь заигрывать со структурой нереализованного будущего и поддаваться сентиментальному порыву. Я повернулся и быстрым шагом направился к дому.

Я был уже в нашем квартале, когда увидел человека в черном. Размахивая тростью, он уверенно переходил улицу, как спешивший на приятное летнее randevu человек.

Я укрылся в тени и последовал за ним до своего дома. Он открыл калитку, прошел по дорожке, поднялся по ступенькам, нажал на звонок и замер в ожидании.

Через мгновение к двери подойдет Лайза. Я почти слышал разговор: миссис Келли, — он слегка приподнимет фетровую шляпу — произошел несчастный случай. Ваш супруг, нет, нет, ничего серьезного. Но если вы соизволите пройти со мной... У меня там машина...

И она сбежит по ступенькам и кинется к машине — прочь из Буффало, из 1936 года, из этого мира. Техники Конечной Власти обработают сознание, переименуют в Меллию Гейл и пошлют в пустыню на встречу с парнем по имени Рейвел.

Я молча прошел по дорожке и шумно поднялся на крыльцо. Он быстро развернулся и сунул руку под пиджак. Я дал ему возможность вынуть оружие, потом ударом выбил пистолет, тот по высокой дуге отлетел на лужайку. Исполнитель схватился за руку, отшатнулся к подпорке и застонал.

— Исчезни, черномазый, — сказал я. — И не забудь подобрать пистолет на обратном пути. Я не хочу, чтобы соседская собака принесла его домой. Пойдут разговоры.

Он скользнул мимо меня, метнулся по ступенькам и исчез в ночи. В следующее мгновение что-то мелькнуло и пропало в моем сознании. Охватило странное чувство что-то забывшего человека. В памяти промелькнули расплывающиеся образы странных сцен: темный склон холма, металлические постройки, гигантские ревушие машины, берег с динозаврами. И все ушло.

Я потерял голову, но ничего не вспомнил. Почудилось, наверное. Да и разве это важно, разве важнее, чем жить в такую, как сегодня, ночь.

Дверь открылась, и на пороге появилась Лайза.

44

Я проснулся ночью и уловил мысли Великой Машины, созерцавшей конец долгой драмы своего существования. На мгновение я и она загрустили, как грустит человек, теряя без возврата нечто невыразимо прекрасное.

Пробил час свершения воли сверхинтеллекта, прежде чем он растворится в зародышевом кванте энергии, в котором зародился. Но в последнее мгновение — последний ч е л о в е ч е с к и й п р и в е т будущему, которое придет, и прошлому, которого уже не будет, и в беспредельную пустоту я послал наш последний с машиной импульс:

П Р О Щ А Й!!!

Содержание

Жил-был великан	5
Дьявол, которого не ждали .	55
Похитители во времени .	81
Чужое небо .	117
Разум вне времени .	177
Берег динозавров	195

**Библиотека
популярной зарубежной фантастики**

1 том

Кейт Лаумер

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

**Редакторы
В.М.Хлесткин, С.Н.Васильченко**

**Художник
А.Ю.Сваричовская
Технический редактор**

В.П.Стуковнина

Корректор

А.А.Попова

Сдано в набор 04.02.91.
Подписано в печать 31.07.91.
Формат 60×90^{1/16}.
Бумага офсетная № 2.
Гарнитура таймс.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 19,5.
Тираж 100 000 экз.
Заказ № 1053.
Цена 10 руб.

СП «Дом Бируни».
103753, г. Москва, ул. Рождественка, 12.

Отпечатано с оригинал-макета на Можайском полиграфкомбинате
Министерства печати и массовой информации РСФСР.
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ:

Совместное советско-иорданское предприятие «ДОМ БИРУНИ» начинает выпуск многотомной «Библиотеки популярной зарубежной фантастики».

В первые два тома вошли произведения известного американского писателя-фантаста Кейта Лаумера. В последующие тома будут включены романы и повести таких авторов, как П.Андерсен, Ф.Фармер и др.

Совместное предприятие распространением литературы не занимается.

**СОВМЕСТНОЕ
СОВЕТСКО-ИОРДАНСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ
«ДОМ БИРУНИ»**

предлагает:

- поиск деловых партнеров в странах арабского востока и СССР
- консультативные услуги, конъюнктурные сведения по рынку СССР и арабских стран
- поставки компьютерного, полиграфического, издательского и медицинского оборудования
- посредническую деятельность в создании совместных предприятий, подготовке контрактов и в организации выставок
- размещение рекламы фирм на крупнейших спортивных сооружениях, соревнованиях, спортивной технике, в средствах массовой информации, телевидении, радио; другие виды рекламы

Москва, Рождественка, 12
Тел. 924 72 20
Телекс 412157

**СОВМЕСТНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ
«ДОМ БИРУНИ» —
ВАШ ЛУЧШИЙ ПАРТНЕР
НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ
И В СССР!**

**Готовится к изданию книга
Тэйтaro Судзуки «Дзэн-буддизм и его влияние
на японскую культуру».**

Книга принадлежит к числу всемирно известных книг. Изданная в 1938 году и написанная на английском языке автором, долго жившим в США и Англии, она получила широкое распространение не только в англоязычных странах, но также и во многих других регионах мира. С самого начала она предназначалась не для японских, а для иностранных читателей, чем, возможно, отчасти и объясняется ее популярность.

Основное содержание книги сводится не столько к изложению религиозных доктрин дзэн-буддизма, сколько именно к характеристике и объяснению проникновения концепции дзэн-буддизма в культуру Японии, в ее архитектуру, живопись, литературу и наконец в ее повседневную материальную сферу жизни — жилой интерьер, обиходную утварь и т.п.

Книга богато иллюстрирована.

Многokrатно переиздававшаяся во многих странах мира, она впервые издается в нашей стране.

10 p.